ПАНТЕОНЪ

№ 11. — Ноябрь.

1851.

СОДЕРЖАНІЕ ОДИННАДЦАТОЙ КНИЖКИ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

А.) ОТДѢЛЪ ДРАМАТИЧЕСКІЙ.

КЛОДИ. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. *Жоржъ Санда.*

В.) ОТДѢЛЪ ПОВѢСТВОВАТЕЛЬНЫЙ.

ЛѢСНОЙ СКИТАЛЕЦЪ. Романъ *Габріэля Ферри.* Части: пятая и шестая.

II. ИСТОРІЯ ИСКУССТВА.

ТЕРЕНЦІЙ ВАРРОНЪ, римскій ученый и писатель, и его Менипейскія сатиры.

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

a.) ИТАЛЬЯНСКАЯ ОПЕРА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Введеніе. (Очеркъ исторіи пѣнія въ Италіи; — школы: артистическая и драматическая. — Будущность пѣнія и требованія отъ него Мейербера.) «Любовный напитокъ» и «Марія ди Роганъ» *Доницетти*,—«Гвельфы и Гибеллины» *Мейербера*, — «Эрнани» *Верди*,—«Норма» *Беллини*, — «Лючія ди Ламмермуръ» *Доницетти.*

b) РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

1. Греческій Философъ. Комедія въ 5 дѣйствіяхъ, съ прологомъ, заимствованная съ французскаго г. *В. З.*

2. Панъ Твардовскій, романтическая опера въ 3 дѣйствіяхъ, соч. *М. Н. Загоскина*, — музыка *А. Н. Верстовскаго.*

3. Старый мундиръ. Драма въ 1 дѣйствіи, переводъ съ французскаго.

4. Комедія безъ названія, соч. *кн. Кугушева.*

5. Искалъ булавочку — нашелъ жену. Комедія въ 1 дѣйствіи.

6. Волосъ дологъ, умъ коротокъ. Оригинальная комедія въ 2-хъ картинахъ.

7. Казачка. Оперетка въ 1 дѣйствіи, слова *Крестовскаго*, музыка *Кажинскаго*

(*Бенефисъ г-жи Сосницкой.*)

8. Материнская любовь или Дѣвочка-мальчикъ. Комедія-водевиль въ дѣйствіяхъ, пер. съ французскаго г. *Сабурова.*

9. Убійца. Повѣсть въ стихахъ *П. А. Катенина*; декламировалъ г-н тыгинъ 1.

10. **Куда чортъ не поспѣетъ, старую бабу пошлетъ.** Пословица въ 1 дѣйствіи.
11. **Ермакъ Тимоѳеевичъ или Волга и Сибирь.** Соч. *Н. Полеваго.* (Сцена изъ 2-го дѣйствія.)
12. **Бумагоманія или Страсть къ тяжбамъ.** Шутка-водевиль въ 1 дѣйствіи, соч. *Г. Крестовскаго.*

(*Бенефисъ г-жи Гуеевой.*)

IV. СМѢСЬ.

1. **Картина изгнанника.** (Случай изъ жизни художника.) *А. Алымова.*
2. **Музыка Верди.** (Статья Фетиса.)
3. **Сходство Моцарта съ Шекспиромъ.**
4. **Лондонская Всемірная Выставка.** Статья, написанная очевидцемъ-наблюдателемъ. (Способъ обозрѣнія Выставки. — Различіе посѣтителей. — Сырые матеріялы. — Англійское отдѣленіе сырыхъ матеріяловъ. — Важный результатъ появленія ихъ на Выставкѣ. — Ископаемые, химическіе и аптекарскіе матеріялы, произведенія животнаго и растительнаго царствъ. — Монолиты. — Карандашная масса.—Китайская глина. — Каменный уголь.— Драгоцѣнные камни. — Металлы. — Янтарь. — Шелкъ, ленъ, конопля. — Машины.)
5. **Народное образованіе, искусства и литература Мехики.**

V. КАЛЕЙДОСКОПЪ.

Джемсъ Фениморъ Куперъ. — Новое полярное море. — Воронежскій театръ. — Мелочи.

VI. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

СТАРЫЙ МАТЕМАТИКЪ или ОЖИДАНІЕ КОМЕТЫ ВЪ УѢЗДНОМЪ ГОРОДѢ. Фарсъ-водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный изъ нѣмецкой комедіи, подъ названіемъ «*Комета*», Гг-ми *А. Н. А-вымъ* и *П. Г. Г-вымъ.*

ПАНТЕОНЪ

Гнѣдинъ

И РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Ѳ. КОНИ.

ТОМЪ VI.

НОЯБРЬ — КНИЖКА ОДИННАДЦАТАЯ.

1851.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 11 декабря 1851 года.

Цензоръ: *Н. Пейкеръ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. К. КРАЙЯ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

ОТДѢЛЪ ДРАМАТИЧЕСКІЙ.

КЛОДИ.

ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,

Соч. Жоржъ-Сандъ.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Реми, отставной солдатъ, старый жнецъ, старикъ 82 лѣтъ.
Клоди, внучка его, 21 года.
Ла-Грандъ-Роза, зажиточная вдова, владѣтельница мызы, красивая женщина, 25 лѣтъ.
Фово, мызникъ, 50 лѣтъ.
Магдалина, его жена, 45 лѣтъ.
Сильвенъ, сынъ ихъ.
Денисъ Ронсіа, 30 лѣтъ.
Деревенскій музыкантъ.
Жнецы, женщины и дѣти.

Дѣйствіе происходитъ на мызѣ у Ла-Грандъ-Розы.

—

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ внутренность двора фермы. На правомъ планѣ высокій навѣсъ, соединяющій два строенія. На прочихъ планахъ различныя строенія, какъ то: конюшни, амбары, голубятни и тому подобное. Послѣдній планъ ограниченъ высокой стѣной; вдали, на возвышеніи, видна деревня. Крыльцо, находящееся на право, на первомъ планѣ, съ тремя ступенями, ведетъ въ жилище Ла-Грандъ-Розы, а такое же крыльцо на лѣво—къ мызнику. На срединѣ сцены, находится колодецъ съ корытомъ для мытья. Около корыта, въ различныхъ порядкахъ, сгруппирована домашняя посуда. На авансценѣ столъ и стулья.

I.

ФОВО, РОЗА.

Фово (*сидитъ за столомъ, считаетъ деньги; предъ нимъ лежитъ аспидная доска; на столѣ—мѣдная кружка съ деньгами. Замѣчая Розу, которая выходитъ изъ глубины, и идетъ къ своему крыльцу, удивленный*). А !... наконецъ-то !... Мы уже соскучились ожидать васъ.

Роза (*подходитъ къ нему*). А !... это ты, Фово !...

Фово (*встаетъ; онъ хромаетъ лѣвой ногой*). Вотъ уже пятнадцать дней, что мы не видали васъ !... Знаете, когда васъ нѣтъ.... то какъ будто.... чего-то не достаетъ !... Увѣряю васъ....

Роза (*снимаетъ свой плащъ*). Что-же было дѣлать, старинушка ?... дѣла по наслѣдству задержали меня...

Фово. Когда-же кончатся эти дѣла?... вотъ уже три года, что умеръ вашъ мужъ!

Роза. Ты хорошо знаешь, Фово, что нужно имѣть терпѣніе, когда затѣваешь какой-нибудь процессъ !... но, слава Богу, я уже окончила свои дѣла.... я выиграла процессъ!

Фово. Выиграли?

Роза. Да!....

Фово. Чортъ возьми!... вотъ вы и богаты!... теперь знаете, сударыня.... (*самодовольно смотритъ вокругъ себя*) сколько приноситъ доходу ваша мыза?... знаете сколько?... А!... подумайте.... около 30 тысячъ!

Роза. Да, почти что тридцать тысячъ франковъ.... А что, какъ подвигается жатва?

Фово. Все уже кончено.... и вы пріѣхали прямо къ празднику....

Роза. Слѣдовательно.... сегодня будутъ танцы.... ужинъ?

Фово. Все готово.... и музыкантъ есть.... А вотъ, что я вамъ скажу: Денисъ Ронсіа.... что-то очень заботится объ васъ; онъ уже раза два, сегодня, пріѣзжалъ узнавать.... пріѣхали-ли вы, или нѣтъ....

Роза. Денисъ Ронсіа?... ему то что?

Фово. Ничего нѣтъ страннаго.... когда вы выходите за него замужъ....

Роза. Выхожу за него замужъ?... Кто тебѣ сказалъ? откуда это?

Фово. Можетъ-быть.... вы скрываете отъ меня.... но въ самомъ-дѣлѣ!... скорѣе бы вамъ выходить замужъ.... Въ вашихъ лѣтахъ, съ вашимъ богатствомъ, съ такой красотой и съ таким умомъ, иначе быть не можетъ!... Развѣ вы родились, чтобы цѣлый вѣкъ остаться вдовой?...

Роза. Разумѣется, въ 25 лѣтъ, это было-бы жалко; неправда ли?... и по правдѣ сказать, я не прочь выйдти замужъ, если найду жениха по нраву....

Фово (*съ вниманіемъ*). Вамъ бы нуженъ красивый парень, лѣт 25, неправда-ли?... не пьющій, прилежный на работѣ.... однимъ словомъ такой, про котораго не могли-бы говорить, что разоряетъ васъ, а напротивъ....

Роза. Разумѣется!...

Фово. Я также пари держу, что вы будете больше смотрѣть на поведеніе, чѣмъ на состояніе.... не правда-ли?

Роза. Разумѣется лучше увеличить свое состояніе хорошимъ бракомъ, притомъ если женихъ будетъ хорошаго поведенія, то хозяйство....

Фово (*перебивая*). А вотъ!... въ этомъ-то и трудность!... вотъ, видите, всѣ богатые женихи.... любятъ повеселиться.... покутить... имъ скучно жить въ деревнѣ; а все пускаются въ городъ.... да все по кофейнямъ и тавернамъ шляются.... пить пиво, да кофе.— А за работу взяться.... ни за что въ свѣтѣ!... Вотъ къ таковскимъ-то и принадлежитъ вашъ Денисъ Ронсіа.... извините пожалуйста, можетъ-быть.... я обижаю васъ.... но говорю вамъ откровенно.... Денисъ Ронсіа не пара вамъ; это волокита.... только и знаетъ, что бѣгать за женщинами!... Пустая голова.

Роза. Я знаю это.... и я не думаю объ немъ; однако-жъ, онъ имѣетъ, недалеко отъ Желебуа, славныя имѣнія.... какъ говорятъ....

Фово. Его имѣнія.... его имѣнія?... да знаете вы ихъ?...

*

Роза. Нѣтъ, я никогда ихъ не видала....

Фово. А!... за то я знаю!... Что за неблагодарная земля, тощая.... я бы самую худшую изъ нашихъ, не промѣнялъ-бы на его лучшія.... и притомъ, что за порядокъ у него!... Хорошъ владѣтель, нечего сказать, когда 5 или 6 лѣтъ не живетъ у себя!... А знаете почему онъ не живетъ у себя?

Роза. Не знаю.... но онъ говоритъ, что влюбленъ въ меня, и поэтому онъ остался здѣсь....

Фово. Онъ съ вами вѣдь не 5 лѣтъ знакомъ, а всего 6 мѣсяцевъ!... А прежде, гдѣ онъ проводилъ время?... вездѣ, только не у себя!... Человѣкъ, которому не нравится свой уголокъ, не можетъ быть хорошимъ человѣкомъ.... И я вамъ говорю, что онъ въ долгу, какъ въ шелку!

Роза. Я противъ этого ничего не говорю....

Фово. Знаете.... я вамъ говорю откровенно.... вамъ нуженъ человѣкъ, какъ мой Сильвенъ.

Роза. Ты мнѣ это ужъ не разъ говорилъ. — Твой Сильвенъ добрый малый, но что у него есть?... только руки, больше ничего!...

Фово. А его доброе сердце, которое будетъ любить васъ?... и подумайте, когда вы пойдете гулять подъ ручку, каждый будетъ останавливаться и любоваться вами; развѣ это не будетъ дѣлать вамъ честь? а что до его познаній?... Знаете, что онъ читаетъ, пишетъ и дѣлаетъ счеты во 100 разъ лучше вашего Ронсіа?...

Роза. Я знаю, что онъ не глупъ, не дуренъ, и что всякая женщина, не краснѣя, пойдетъ за него.... но за нимъ есть грѣшокъ, за твоимъ Сильвеномъ....

Фово. Какой грѣшокъ вы находите за нимъ?...

Роза. Онъ.... не знаю, какъ сказать.... онъ разборчивъ.... онъ очень строго смотритъ на поведеніе женщинъ.... не прощаетъ ни малѣйшей ошибки.... во всемъ видитъ кокетство.... однимъ словомъ, я думаю, что онъ будетъ ревнивый и сварливый мужъ.

Фово (*смѣшавшись*). А!... вы ошибаетесь!... даю вамъ слово.... вы ошибаетесь!...

Роза. Нѣтъ, нѣтъ, я его знаю.... я наблюдала за нимъ!...

Фово. Нѣтъ, Ла-Грандъ-Роза, вы ошибаетесь и сильно ошибаетесь!... Нѣтъ, нѣтъ, онъ не можетъ-быть ревнивымъ человѣкомъ!... Ахъ, онъ бѣдняжка!... ви на что не надѣется.... онъ не посмѣетъ открыться вамъ.... между-тѣмъ онъ любитъ васъ.... я это знаю!...

Роза. Да правда-ли это?..

Фово. А когда говоришь ему о вашемъ бракѣ съ Денисомъ Ронсіа.... такъ въ немъ, Богъ знаетъ, что дѣлается.... весь такъ и дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ.... (*Смотритъ въ глубину.*) Да вотъ жена идетъ.... разспросите ее вы сами.... она вамъ все разскажетъ....

Роза. Нѣтъ, не говори совсѣмъ о такихъ глупостяхъ при ней.

—

II.

МАГДАЛИНА, ФОВО И ЛА-ГРАНДЪ-РОЗА.

Фово (*къ женѣ, которая выходитъ изъ глубины и хочетъ идти въ лѣвыя двери; на головѣ у ней корзинка, закрытая салфеткой*). Ну, что-же, жена, ты никакого привѣтствія не дѣлаешь нашей хозяйкѣ!..

Магдалина (*ставитъ корзинку около колодца, подходитъ къ Розѣ и беретъ ее за руки*). О!... я прежде тебя видѣла ее....

Фово (*становится на правую руку отъ Розы, къ сторонѣ*). Но послушай, жена!... неправда-ли, что съ нѣкоторыхъ поръ.... что-то не ладно съ нашимъ Сильвеномъ.... неправда-ли, жена?...

Маргарита. Да, въ самомъ-дѣлѣ.... я сама не знаю.... съ нѣкоторыхъ поръ онъ ужасно перемѣнился и я боюсь, чтобы не слегъ въ постель....

Роза. Что-же съ нимъ сдѣлалось?

Маргарита. Не знаю.... онъ, съ нѣкоторыхъ поръ, сдѣлался ужасно скрытенъ....

Фово. Я отчасти догадываюсь.... должно быть какая-нибудь любовь забрѣла къ нему въ голову....

Роза (*тихо Фово*). Молчи....

Магдалина. Я сама также думаю, потому что....

Фово (*къ Розѣ*). Видите.... я ничего не говорю.... она сама говоритъ. (*Къ женѣ.*) Договаривай, жена, договаривай....

Роза. Довольно.... ваши домашніе секреты не относятся до меня.... Да гдѣ-же Сильвенъ?... его не видать....

Магдалина. Онъ хлопочетъ на счетъ праздника.... скоро будетъ вмѣстѣ съ праздничнымъ поѣздомъ....

Роза. Я пойду встрѣчу ихъ!...

Фово. Идите.... идите.... васъ, я думаю, уже ожидаютъ.... простите мнѣ, что я васъ не могу проводить.... знаете у меня нога....

Роза. Развѣ она продолжаетъ болѣть....

Фово. Да еще немножко.... я не твердъ въ походкѣ; но чрезъ это работа у насъ не страдаетъ.... я дома хлопочу, а Сильвенъ въ полѣ за двоихъ работаетъ....

Роза. Ничего.... не безпокойся.... (*Ла-Грандъ-Роза уходитъ въ глубину, на лѣво.*)

—

III.

ФОВО и МАГДАЛИНА.

Магдалина (*къ Фово, который сидитъ направо; треплетъ его по плечу*). Къ чему всѣ эти вопросы, которые ты мнѣ давалъ передъ хозяйкой.

Фово. Жена!... у меня въ головѣ вертится одна мысль.

Магдалина. Тѣмъ хуже!... ты всегда ихъ имѣешь много.... онѣ больше мѣшаютъ твоимъ дѣламъ!...

Фово. Молчи, жена!... ты ничего не смыслишь въ дѣлахъ.... Ну, чтобы ты сказала, еслибъ я женилъ нашего сына на нашей хозяйкѣ.... а?...

Магдалина (*качая головой*). Ты все съ своими глупостями....

Фово. Я тебѣ говорю, что я женю его. (*Передразниваетъ жену.*) Что ты качаешь головой?... ты знаешь, хозяйка-то не прочь отъ него....

Магдалина. Нѣтъ, мой старикъ, не то; за хозяйкой-то остановки, можетъ-быть, и не будетъ, но главное, Сильвенъ-то не очень ее жалуетъ....

Фово. Какъ, ты думаешь, что онъ не захочетъ....

Магдалина Хозяйка наша очень хороша, и нечего сказать, добрая женщина.... Но вотъ, что дурно, будь сказано между нами, про нее-таки были толки.

Фово. Эхъ, что за глупости!...

Магдалина. Какъ хочешь, но ты знаешь характеръ нашего Сильвена.... Онъ имѣетъ свои странности; онъ ничего не любитъ слышать о женщинѣ, за которой ухаживаетъ; а если услышитъ что-нибудь такое объ ней.... такъ онъ пренебрегаетъ ею. Онъ не обращаетъ вниманія на богатство. Вотъ видишь, старипушка, лучше не вмѣшиваться въ эти дѣла.... наши слова, вѣдь пользы никакой не принесутъ.

Фово. Ты никогда мнѣ не вѣришь!... За кого принимаешь ты меня.... за дурака, что-ли?...

Маргарита. Совсѣмъ нѣтъ, а ты всего понемножку... напримѣръ, любишь дѣлать много предположеній, и вмѣстѣ съ тѣмъ не очень хитеръ, ты немножко любопытенъ, не совсѣмъ глупъ, имѣешь доброе сердце....

Фово. Ты мнѣ говорила передъ хозяйкой, что Сильвенъ влюбленъ....

Магдалина. Да, боюсь....

Фово. Ты боишься, слѣдовательно....

Магдалина. Молчи.... вотъ онъ....

—

IV.

МАГДАЛИНА, СИЛЬВЕНЪ, ФОВО.

Фово (*къ Сильвену, который входитъ изъ глубины; онъ несетъ вилу, которую кладетъ при входѣ; на немъ рабочее платье, соломенная шляпа; на плечѣ виситъ блуза*). Ахъ!... ты уже воротился?... Ну, что встрѣтилъ хозяйку?

Сильвенъ. Нѣтъ, батюшка.... я пришелъ сказать вамъ.... чтобы все было готово; праздникъ уже тронулся....

(*Мать утираетъ его лицо, и обнимаетъ его.*)

Фово. Ну, иди-же одѣнься поопрятнѣе.... тебѣ вѣдь подносить цвѣты хозяйкѣ....

Сильвенъ. О!... нѣтъ; это не мое дѣло, батюшка; сегодня я не въ духѣ; это ваше дѣло....

Фово. Какъ, въ мои лѣта!...

Сильвенъ. Я также, можетъ-быть, старъ для этого! (*Магдалина вынимаетъ изъ кармана пуговку и пришиваетъ ее на рубашкѣ своего сына.*)

Фово (*съ удивленіемъ*). Что это значитъ?... Ты старъ въ двадцать-пять лѣтъ?... и притомъ, когда дѣло идетъ о Ла-Грандъ-Розѣ....

Сильвенъ. Да, я знаю, для насъ Ла-Грандъ-Роза много сдѣлала.... она ласкова и щедра.... и я питаю къ ней уваженіе.... но требовать больше отъ меня....

Магдалина (*окончивъ шитье*). Ты видишь....

(*Она идетъ къ колодцу и убираетъ различныя вещи, опоражниваетъ свою корзину, въ которой находятся вещи.*)

Фово (*къ Сильвену*). Что ты толкуешь?...

Сильвенъ. А вотъ что, батюшка, я васъ понялъ.... Съ нѣкоторыхъ поръ, вы стараетесь настроить меня на ваши мысли.

Еще вчера, мнѣ было смѣшно, когда вы разговаривали со мной; вы непремѣнно хотѣли, чтобы я былъ однѣхъ съ вами мыслей.

Фово. А!... ты хочешь, чтобы за тобой женщины ухаживали?

Сильвенъ. Кто вамъ это говоритъ? Госпожѣ Розѣ нечего бѣгать за мужчинами.... довольно ихъ ухаживаетъ за ней; но я не буду въ числѣ ихъ; каждому свое.

Фово. Что-же тебѣ не нравится въ ней?... что она любитъ немного пококетничать.... любитъ потанцовать, погулять?... что-же тутъ дурнаго?

Сильвенъ. Разумѣется, что тутъ ничего нѣтъ дурнаго.... но я вамъ говорю, что такая женщина мнѣ не по нраву.... я не могу ее любить.

Фово. А!... понимаю!... ты ревнивъ!... Ахъ, бѣдняжка!... ты никогда не будешь счастливъ съ этимъ недостаткомъ.

Сильвенъ. Я ревнивъ, говорите вы?... Пожалуй!... отчего же нѣтъ, если это вамъ нравится!... но я съ вами заговорился о пустякахъ, а дѣло-то и забылъ. Я пришелъ именно для того, чтобы напомнить вамъ, что нужно расчитаться съ нѣкоторыми работниками.... (*Идетъ налѣво.*) Я пойду за деньгами.

Фово. Не ходи.... у меня съ собой есть; я знаю, что каждый годъ въ этотъ день нанятые жнецы оставляютъ насъ. (*Садится къ столу.*) Ну, что есть у тебя расчетъ на бумагѣ?

Сильвенъ (*подходитъ къ столу*). На бумагѣ-то нѣтъ, а въ головѣ есть.... ну, да это все равно.... (*Отцу, который пишетъ на доскѣ.*) Мы должны за пятнадцать дней тому, знаете, изъ Буссона, который немного косится; за тринадцать съ половиною дней, Денису изъ Моранбера.... за двадцать дней Бидо и столько-же его брату. Итакъ, всего будетъ....

Магдалина (*за навѣсомъ*). И вотъ еще двое просятъ расчитаться; они сегодня уходятъ....

Сильвенъ. Кто-же?

Магдалина. Это старикъ съ внучкой. (*Говоритъ въ глубину.*) Взойдите, друзья мои, съ вами сейчасъ-же расчитаются.

—

V.

ФОВО, СИЛЬВЕНЪ, МАГДАЛИНА, РЕМИ и КЛОДИ.

(*Реми и Клоди держатъ въ рукахъ серпы; сверхъ-того Клоди имѣетъ небольшой мѣшокъ.*)

Реми. Простите, что мы васъ безпокоимъ, но хотѣлось-бы къ вечеру придти домой.... а нужно сдѣлать шесть лье.

Сильвенъ. Сегодня?... Нѣтъ, не думайте!...

Фово (*считаетъ деньги*). Если вы желаете.... мы сейчасъ-же расчитаемся..!. (*Взглянувъ на Реми.*) А!... это Реми, старикъ восемьдесяти лѣтъ.

Реми. Восемьдесяти лѣтъ, а еще работаю.

Сильвенъ. Это старый солдатъ.... былъ унтеръ-офицеръ.... и получилъ образованіе....

Реми. О!... образованіе не больше вашего, Сильвенъ!... послужилъ отечеству.... теперь принялся за работу въ поляхъ!...

Фово (*внимательно глядитъ на Клоди*). Ваша внучка, я думаю, и половины своей работы не сдѣлала! Ну, ничего, я на это не сержусь, вы вдвоемъ, что были въ состояніи—то и сдѣлали.

Магдалина (*проходя около Клоди*). Вы, душечка моя, кажется, устали.... передъ уходомъ не дурно-бы перекусить что-нибудь.

Клоди. Не безпокойтесь.... матушка Фово.... мы и такъ благодарны вамъ.... у насъ все есть.

Магдалина. Нѣтъ, нѣтъ!...

(*Она смотритъ на Сильвена, который дѣлаетъ знаки, чтобы удержать ихъ; потомъ возвращается къ своей работѣ около колодца.*)

Фово. Вы, кажется, работали около 20 дней?...

Сильвенъ. Нѣтъ, батюшка, цѣлыхъ тридцать.

Клоди. Нѣтъ, нѣтъ, мы работали всего двадцать-пять дней....

Фово (*съ удивленіемъ*). Такъ много!

Реми (*смотритъ на Клоди*). Двадцать пять дней, ни больше, ни меньше....

Фово. Я противъ этого ничего не говорю.... И сколько вы просите?

Реми. Это ваше дѣло. Считайте сами.... вы знаете, сколько другимъ платите.

Фово. Да, я знаю, что плачу другимъ.... а вамъ двоимъ, ей-ей, не знаю.... заплатить вамъ за....

Реми (*перебивая его*). За двоихъ?... Мы не требуемъ этого....

Фово. Чортъ возьми! Я знаю, что этого вы не можете требовать....

Реми. Ну что-же!... въ чемъ-же вы затрудняетесь? Мы, хотя двое, просимъ за одного.... и вы это находите чрезмѣрнымъ?

Сильвенъ (*доставъ воду изъ колодца для своей матери, воз-*

вращается къ отцу). О!... нѣтъ, нѣтъ никакихъ затрудненій! двадцать пять дней, по пятидесяти су, это будетъ ровно шестьдесятъ два франка и пятьдесятъ сантимовъ.... и по справедливости, (*къ отцу*) если хотите вѣрить мнѣ.

Фово (*перебивая его*). Стой, стой!... ты что-то больно скоро считаешь!... двадцать экю, два ливра и десять су.... за работу человѣка такихъ лѣтъ?...

Реми. А моя внучка!... вы ее за ничто считаете?

Фово. Ваша внучка.... говорятъ, что старалась, но какая у ней сила?... и работа женщины въ полѣ никакой пользы не приноситъ.

Сильвенъ (*перебивая Реми, который хочетъ отвѣчать*). Простите, батюшка, если я противъ васъ. Работу женщины, какъ Клоди, нужно считать.... Вотъ видите, чтобы быть справедливымъ, вы должны платить имъ, какъ за работу полутора человѣка.

Фово. Ого-го!... ты уже слишкомъ.... съ своею справедливостью!...

Клоди. Мы столько не просили, Сильвенъ; вы намъ дали сжать столько, сколько и другимъ жнецамъ.... и мы, кажется, сдѣлали столько, сколько-бы сдѣлалъ одинъ хорошій жнецъ, такъ намъ и заплатите.

Фово (*встаетъ; къ Клоди*). Вы умно говорите, дочь моя.... Если вы такъ условились съ моимъ сыномъ, то я противъ этого ничего не могу сказать.... У него доброе сердце, сжалился надъ вами.... больше ничего....

Сильвенъ. Нѣтъ, батюшка, нога ваша помѣшала вамъ быть при работѣ; а я не отлучался отъ нее и видѣлъ съ какимъ усердіемъ работали они; увѣряю васъ, что эта молодая дѣвушка работала, какъ настоящій жнецъ; и принимая въ соображеніе ихъ усердіе, бѣдность, вы бы поступили справедливо, платя имъ по 3 франка въ день.... а еще бы справедливѣе, если вы имъ будете платить по 4 франка....

Фово (*горячась*). По твоему, нужно платитъ имъ, какъ двумъ работникамъ, неправда-ли?... Съума сошелъ-ты, Сильвенъ, что-ли?... ты хочешь разорить насъ?... ты хочешь, чтобы выгнали насъ отсюда?

Реми (*останавливая его*). Къ чему такъ горячиться?... Благодарю васъ, Сильвенъ, за ваше доброе сердце; но мы у васъ не просимъ милостыни. — Мы бѣдны, но съ позволенія вашего, мы столько же горды, сколько и вы. — Платите намъ, сколько вы платите одному, мы и довольны....

Сильвенъ (*тихо отцу*). Вы видите, что они совсѣмъ не похожи на другихъ работниковъ; и если бы вы видѣли, сколько они трудовъ перенесли.... я увѣренъ, что вы сжалились бы надъ ними. — Да, жаль видѣть такихъ добрыхъ и трудолюбивыхъ людей въ такой нуждѣ, и то, что они должны приниматься за такую тяжелую работу въ полѣ.... съ вашей стороны было-бы грѣшно обидѣть ихъ.

Фово. Ну, хорошо!... ты въ состояніи всему заставить меня вѣрить. (*Къ Реми.*) Я вамъ плачу по 3 франка въ день.... справедливость прежде всего! (*Идетъ къ столу, всторону.*) Скорѣе расплатиться, а то Сильвенъ заставитъ платить по три съ половиной франка!...

Сильвенъ (*Клоди*). Но вы такъ не оставите насъ?... вы должны съ нами провести праздники и отобѣдать у насъ.... Это желаніе моей матушки.

Магдалина (*съ своего мѣста*). Да, непремѣнно.... и останьтесь ночевать, я васъ не отпущу! Вашему дѣдушкѣ надобно отдохнуть; онъ такъ трудился.

Реми. Благодаримъ за честь, добрые друзья; а мы хотѣли бы сегодня-же отправиться по холодку. — Но мы выпьемъ съ вами стаканъ вина, и отпразднуемъ нашу жатву, а Клоди поможетъ вамъ въ хозяйствѣ. (*Къ Сильвену, который даетъ ему деньги отъ отца.*) Я беру не считая, господинъ Фово, благодаримъ васъ!...

Фово. Нѣтъ, нѣтъ, пересчитайте!...

Реми (*смотритъ на деньги*). Я хорошо вижу, что здѣсь больше, чѣмъ мы достойны, но я не хочу.... (*Хочетъ возвратить деньги.*)

Сильвенъ. Нѣтъ, нѣтъ, отецъ мой очень радъ, что можетъ сдѣлать добро....

Реми (*отдавая деньги Клоди*). Вы добрые люди!... да, благословитъ васъ Небо!... Теперь.... я на время оставлю васъ.... Я пойду въ главѣ нашего праздника жатвы!... (*Уходитъ въ глубину.*)

Клоди (*къ Магдалинѣ*). Дайте мнѣ какую-нибудь работу, матушка Фово, я вамъ помогу!...

Магдалина (*взявъ у ней серпъ и мѣшокъ*). Если хотите помочь старухѣ, такъ вымойте эту посуду, а потомъ возьмете у насъ (*показываетъ на лѣвую дверь*) скатерти и салфетки и отнесете къ нашей хозяйкѣ.... (*Показываетъ на право, а сама входитъ въ лѣвую дверь.*)

Фово (*собираетъ деньги*). Я пойду расплачусь съ другими работниками.... А ты поди же одѣнься, Сильвенъ, пора!...

Сильвенъ. Сейчасъ, батюшка! (*Фово уходитъ.*)

—

VI.

Клоди, Сильвенъ. Клоди у колодца достаетъ воду; Сильвенъ идетъ мимо и останавливается, видя, что Клоди съ трудомъ достаетъ воду.

Сильвенъ. Вы опять начинаете трудиться, Клоди, вамъ бы нужно отдохнуть. — У насъ женщины не жнутъ.... а вы цѣлый мѣсяцъ занимались этой тяжелой работой, и опять принимаетесь за работу.

Клоди (*имѣетъ скучный, но спокойный видъ*). Не безпокойтесь обо мнѣ, Сильвенъ....

Сильвенъ (*помогаетъ Клоди достать воды и выливаетъ ее въ корыто*). Извините, Клоди, у кого есть сердце, тому непростительно не принимать въ васъ участья. (*Клоди беретъ нѣсколько тарелокъ, моетъ и вытираетъ ихъ.*)

Сильвенъ (*всторону*). Она совсѣмъ не хочетъ слушать меня! (*Къ Клоди.*) Сколько вамъ лѣтъ, Клоди?...

Клоди (*работая*). Мнѣ.... 21 годъ.

Сильвенъ. И вы въ первый разъ этотъ годъ работали въ полѣ?...

Клоди. Нѣтъ, уже третій годъ....

Сильвенъ. Должно быть вы находитесь въ нуждѣ?

Клоди. Да, въ большой....

Сильвенъ. Какихъ лѣтъ вы потеряли вашихъ родителей?...

Клоди. Мнѣ было тогда пять лѣтъ.

Сильвенъ. Вашъ дѣдушка ничего не имѣетъ.... никакого хозяйства?

Клоди. Даже у насъ нѣтъ дома; мы нанимаемъ одну комнатку....

Сильвенъ. Далеко вы живете отсюда?...

Клоди. Да, будетъ льё 6, не больше.

Сильвенъ. А!... вы должно быть живете въ Желебуа! (*Клоди собираетъ тарелки и входитъ въ лѣвыя двери.*) Нѣтъ средствъ поговорить съ ней, какъ слѣдуетъ!.... Я не знаю даже объ чемъ разспрашивать ее!... Какъ она скучна и вмѣстѣ съ тѣмъ спокойна!... Она очень много терпитъ, это видно.... (*Клоди выходитъ, въ рукахъ несетъ корзинку съ скатертями и салфет-*

ками, ставитъ ее на столъ и начинаетъ считать.) Есть ли у васъ родственники въ вашей сторонѣ?

Клоди. Нѣтъ.... у насъ никого нѣтъ....

Сильвенъ. Вы одни съ дѣдушкой?...

Клоди. Да....

Сильвенъ. По-крайней мѣрѣ, нѣтъ-ли у васъ сосѣдей, которые бы помогали вамъ?

Клоди. Мы ихъ не просимъ.

Сильвенъ. Если бы вы переселились къ намъ; вамъ было бы спокойнѣе?....

Клоди. Я не знаю.

Сильвенъ. Вы всегда найдете работу на нашей мызѣ.... и притомъ у меня предобрая матушка.... она васъ такъ полюбила!...

Клоди. Да, она очень добрая женщина!...

Сильвенъ. Наша хозяйка, Ла-Грандъ-Роза также славная женщина!

Клоди. Да, говорятъ.

Сильвенъ. Такъ останьтесь жить у насъ?

Клоди. Нѣтъ, мой дѣдушка привыкъ тамъ жить. *(Уходитъ, унося съ собой корзину, въ правыя двери.)*

—

VII.

Сильвенъ, одинъ.

Она не любитъ меня.... она думаетъ объ другомъ.... она молода и хороша и вѣрно есть кто ей нравится.... поэтому она такъ и торопится домой. — Одно мое желаніе: видѣть ее счастливою!... *(Задумывается и смотритъ на двери, въ которыя вошла Клоди.)*

—

VIII.

Денисъ Ронсіа, одѣтъ въ праздничное платье; увидѣвъ Сильвена, смотритъ на него съ удивленіемъ; Сильвенъ все на томъ же мѣстѣ.

Денисъ. Здравствуйте, господинъ Сильвенъ Фово!

Сильвенъ *(кланяется)*. Мое почтеніе, господинъ Денисъ Ронсіа!

Денисъ. Что, госпожа Ла-Грандъ-Роза пріѣхала?

Сильвенъ. Говорятъ.... но я ее не видалъ.

Денисъ. Я слышалъ рожокъ — вѣрно праздничный поѣздъ не далеко.... я останусь здѣсь ждать.... я чертовски усталъ.... и лошадь моя измучена; сегодня я далъ три конца... (*Сильвенъ задумчивъ и не слушаетъ его, потомъ беретъ вилу и уходитъ на лѣво.*)

—

IX.

ДЕНИСЪ РОНСІА, одинъ, садится на право, снимаетъ съ себя кожаные штиблеты и бросаетъ въ уголъ.

Этотъ мальчишка бѣситъ меня!... Онъ думаетъ жениться на Ла-Грандъ Розѣ, и его отецъ даже хвастуетъ этимъ.... да гдѣ ему мызнику тягаться со мной!... А нечего сказать у ней порядочный капиталецъ, есть зачѣмъ ухаживать; да и сама то.... того! Нѣтъ, я здѣсь не проиграю!...

—

X.

ДЕНИСЪ РОНСІА, КЛОДИ. Клоди выходитъ изъ правыхъ дверей; не видитъ Дениса, подходитъ къ корыту и моетъ остальную посуду.

Денисъ (*увидѣвъ ее, всторону*). Что это за дѣвушка.... новая служанка!... откуда она?... поговорю съ ней, надо ее приласкать.... (*Къ Клоди.*) Скажи-ка мнѣ, дѣвушка!... (*Клоди оборачивается съ салфеткой въ рукѣ, увидѣвъ его, вздрагиваетъ, салфетка выпадаетъ изъ рукъ.*) Что это значитъ? Какъ вы попали сюда?...

Клоди. А что вамъ за дѣло, господинъ Ронсіа?

Денисъ. Мнѣ въ самомъ дѣлѣ.... мнѣ.... никакого дѣла нѣтъ.... но я не ожидалъ встрѣтить васъ здѣсь

Клоди. Я также не ожидала....

Денисъ (*смущенный*). А.... ваше здоровье.... съ тѣхъ поръ какъ.... тогда какъ.... разумѣется какъ.... (*Утираетъ лобъ.*) Ахъ, какъ жарко!... Неправдали?...

Клоди. Больше ничего!... Такъ пожалуйста не безпокойте меня больше; у меня есть работа.

Денисъ. Я васъ не хочу.... того.... какъ сказать.... обижать, Клоди!... но, хотѣлось-бы знать, какая у васъ здѣсь должность?...

Клоди. Я пришла на лѣто сюда — работать въ полѣ....

Денисъ. Работать въ полѣ!... это объ васъ мнѣ говорили.... что славно владѣете серпомъ и косой?... Если-бы я зналъ, то....

Клоди. Не пришли бы сюда....

Денисъ. Нѣтъ.... не то!... я бы пришелъ.... но если бы я зналъ.... что вы въ такой нуждѣ.... то я бы....

Клоди. То что же бы?....

Денисъ. Я бы васъ не пустилъ.... на такую работу....

Клоди (*оставляетъ работу, съ гордостью*). Кто же вамъ позволитъ запретить, Денисъ Ронсіа!

Денисъ (*всторону*). Чортъ возьми!... я думалъ, что она напомнитъ мнѣ, но нѣтъ.... (*Къ Клоди.*) Развѣ вы ничего не желаете отъ меня?..

Клоди. Совершенно ничего!

Денисъ. А!... вы все горды!... Эта гордость, Клоди, ни къ чему не ведетъ, а я думалъ, что вы съ намѣреніемъ пришли мстить мнѣ.

Клоди. Это было-бы поздно.... послѣ пятилѣтняго....

Денисъ. Послѣ пятилѣтняго.... какъ.... чего?

Клоди. Послѣ пятилѣтняго.... забытья...

Денисъ. Съ моей стороны, вы хотите сказать?

Клоди. Также и съ моей стороны.

Денисъ (*съ радостью*). Въ самомъ дѣлѣ!... Слѣдовательно мы можемъ выслушать другъ друга, не горячась!...

Клоди. Мы терпѣли бѣдность и хотя я каждый годъ писала къ вамъ, чрезъ нашего священника и просила объ исполненіи вашего обѣщанія... вы оставили письма безъ отвѣтовъ. Вотъ уже годъ, что вы не получали отъ меня ни какихъ извѣстій, вы должны были понять, что это значило: бѣдная Клоди потеряла свое утѣшеніе и свою надежду. Она больше ни въ чемъ не нуждается....

Денисъ. Да ты сама виновата, бѣдная Клоди; ты почаще-бы писала ко мнѣ.

Клоди. Я?

Денисъ. Ну, все равно, послала-бы хоть своего дядюшку.

Клоди (*съ гордостью*). Дѣдушку, такого человѣка! заслуженнаго воина, человѣка 82 лѣтъ, который никогда не простиралъ руки своей за милостыней, и не смотря на старость свою, добываетъ хлѣбъ тяжкими трудами!... А вы хотите, чтобы онъ просилъ милостыню за свою внучку, у васъ Дениса, у человѣка, обманувшаго ее. И мой дѣдъ, знавши все это, пошелъ-ли бы просить васъ когда-

нибудь, напомнить вамъ ваше обѣщаніе; развѣ пришелъ бы убить васъ!... и если-бы я не удержала его, то Богъ знаетъ, чтобы еще случилось!

Денисъ. Чортъ возьми!... мнѣ все-равно.... но скажи пожалуйста, здѣсь-ли твой дѣдъ?

Клоди. О!... не пугайтесь!... онъ старъ для мщенія; бѣдный старикъ! онъ еще трудится!... (*Плачетъ.*) Онъ вступаетъ въ могилу; и я вскорѣ послѣдую за нимъ!... Что мнѣ дѣлать на свѣтѣ!.. у меня никого нѣтъ; я никому не нужна.

Денисъ. Выслушай меня, Клоди!... Правда, я тебя было забылъ; съ тобою я дурно поступилъ, это также правда; и ты имѣешь полное право предъ всѣми обезчестить меня, но оставь все это, мы и такъ все устроимъ, не правдали?

Клоди. Нѣтъ, Денисъ, вамъ уже ничего не поправить; поздно. Вы давно потеряли у меня уваженіе и поэтому любить я васъ не могу.

Денисъ. Забудь, Клоди, забудь!... если-бы я подарилъ тебѣ триста франковъ?

Клоди (*отталкивая его*). Несчастный!...

Денисъ. Ну пожалуй, четыреста, пятьсотъ....

Клоди. Молчите! Неужели вы думаете, что цѣною золота можете искупить то, въ чемъ виновны передо мной!...

Денисъ. Охъ!... хо!... хо!... много захотѣла!... Не хочешь-ли, чтобы я женился на тебѣ?

Клоди. Я лучше умру, чѣмъ выйду за человѣка, котораго презираю!...

Денисъ. Ахъ, какъ вы злопамятны, Клоди!... я вижу, что вы хотите мстить мнѣ, я вижу это!... вамъ сказали, что я женюсь на здѣшней хозяйкѣ, это неправда, это предположенія другихъ.

Клоди. Мнѣ никто ничего не говорилъ объ васъ.

Денисъ. Честное слово, Клоди, что я не думаю о женитьбѣ; а если ты будешь разсказывать про меня, то мнѣ все-равно, тебѣ не повѣрятъ.

Клоди. Неужели, вы думаете, я объявлю, что была невѣстою такого низкаго человѣка!... (*Слышенъ рожокъ; Клоди отдаляется въ глубину.*)

Денисъ (*оставаясь на мѣстѣ*). Тише!... тише!... не заводите ссоры предъ другими, поѣздъ приближается, будь умна, я тебя вознагражу!

—

XI.

Въ глубинѣ является музыкантъ, окруженный дѣтьми, потомъ жнецы. Сильвенъ и Магдалина, а за ними дѣвушки выходятъ изъ лѣвыхъ дверей. Ла-Грандъ-Роза идетъ подъ ручку съ Фово. Сзади работниковъ идетъ Реми съ Клоди. — Потомъ въ глубинѣ видна огромная телѣга сноповъ; на ней два человѣка держутъ снопъ, украшенный лентами и цвѣтами. Телѣга останавливается предъ входомъ въ мызу. — Жнецы украшенный снопъ переносятъ на средину сцены. — Старикъ Фово подводитъ Ла-Грандъ-Розу къ снопу; оставивъ ее тамъ, самъ становится около своей жены и сына, которые стоятъ на лѣвой сторонѣ. Ла-Грандъ-Роза, Ронсіа и Клоди стоятъ въ глубинѣ театра. — Ронсіа стоитъ между музыкантомъ и Ла-Грандъ-Розой. — Жнецы и дѣти стоятъ въ глубинѣ по обѣимъ сторонамъ.

ФОВО, СИЛЬВЕНЪ, МАГДАЛИНА, КЛОДИ, РЕМИ, ЛА-ГРАНДЪ-РОЗА, ДЕНИСЪ РОНСІА.

Фово. Ну, Сильвенъ!... сними-же цвѣты со снопа, да поднеси хозяйкѣ!...

Сильвенъ. Нѣтъ, батюшка, по обычаю это дѣло самаго младшаго или старшаго, а я ни тотъ, ни другой.

Магдалина. Обычай прежде всего; даже въ мою молодость говорили, что старикъ приноситъ счастье!...

Реми (*приближается къ снопу*). Безъ споровъ, я старше всѣхъ васъ, и это дѣло мнѣ хорошо извѣстно.... (*Смотритъ на снопъ.*) Сперва посмотримъ такъ ли сдѣланъ снопъ; надобно, чтобы было столько перевязокъ сколько жнецовъ, а потомъ не нужно жалѣть вина для поливки. (*По знаку Сильвена подходятъ молодыя дѣвушки съ кувшинами, вина и кружками; и ставятъ ихъ на столъ.*) Да здравствуетъ радость, здоровье, дружба и изобиліе!... Да здравствуютъ старики и молодые!... (*Смотритъ на дѣтей, которыя окружаютъ его.*) Да здравствуетъ молодое поколѣніе!.. (*Съ уваженіемъ.*) Но прежде всего нужно освятить жатву, не нужно пренебрегать старые обычаи.

Ла-Грандъ-Роза. Начинайте обрядъ, какъ совершали въ старину, въ вознагражденіе вы получите жатву.

Реми (*улыбаясь*). Мнѣ достанется жатва, но поможете-ли вы довезти ее до дому?

Роза. Ну, такъ примите подарки; я первая кладу пять франковъ, пусть каждый послѣдуетъ моему примѣру, смотря по своему состоянію. (*Кладетъ монету около снопа.*)

Ленинградская Театральная БИБЛИОТЕКА имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

Реми (*кланяясь*). Вы очень добры, госпожа Ла-Грандъ-Роза. (*Фово подходитъ, ища въ карманѣ мелкую монету.*)

Реми (*весело*). Пожелайте отъ чистаго сердца добра, и довольно.

(*Фово кладетъ мелкую монету и жметъ руку Реми, который кланяется.*)

Магдалина (*приближается къ снопу, вынимая изъ кармана клубокъ нитокъ, ножницы, наперстокъ, и т. п., кладетъ около снопа и беретъ Реми за руку*). Это для вашей внучки!

Реми (*указывая на Клоди, которая стоитъ у снопа*). Благодарю за нее; но она и безъ подарковъ любитъ васъ. (*Магдалина обнимаетъ Клоди.*)

Сильвенъ (*вынимаетъ часы и хочетъ положить ихъ. Реми останавливаетъ его.*) Вы не имѣете права отказыватся. (*Кладетъ часы и дѣлаетъ поклонъ Клоди. Маленькая дѣвушка подноситъ большую грушу.*)

Реми (*беретъ у ней грушу и обнимаетъ ее*). Спасибо, моя старушка! (*Всякій подходитъ и кладетъ деньги, или различныя вещи.*)

Роза (*къ Ронсіа*). Что-же ничего не подарите вы, который имѣете такое состояніе!

Ронсіа (*роясь въ карманахъ*). Въ самомъ дѣлѣ!

Реми (*останавливаетъ его*). Денисъ Ронсіа! (*Съ гнѣвомъ и презрѣніемъ.*) Я не нуждаюсь въ вашемъ подаркѣ! отойдите!... (*Никто не замѣчаетъ этой выходки, кромѣ Розы.*)

Роза (*къ Денису*). Что это значитъ?... Онъ что то имѣетъ противъ васъ!...

Денисъ (*ей*). Право.... не знаю!... честное слово.... по мнѣ все равно.... я вовсе не знаю этого стараго болтуна!...

Фово (*громко*). Ну, давайте веселиться!... спой, старикъ! тише господа!... пой.

Реми (*къ жнецамъ*). Ну-ка!... споемте. (*Поетъ.*)

Земледѣльцы, мы въ трудахъ
Жизнь свою проводимъ,
Забывая о нуждахъ,
Хлѣбъ въ трудѣ находимъ.

ХОРЪ.

Забывая о нуждахъ,
Хлѣбъ въ трудѣ находимъ.

Реми.

И довольны мы судьбой,
Жатва намъ награда,
И коль чисты мы душой—
Смерть лишь намъ отрада!

Роза (*махнувъ рукой*). О!... пожалуйста оставьте эту пѣсню; она наводитъ тоску!

Реми. Это старая пѣсня, я ее только и знаю!...

Фово. Лучше совсѣмъ не пѣть, чѣмъ такую грустную пѣсню, и еще въ день праздника!

Реми. Васъ смерть пугаетъ!... вы еще молоды, пожили-бы съ мое, тогда-бы сказали: смерть и жизнь одно и тоже!... Жизнь и смерть тоже, что день и ночь: живемъ мы на яву, умремъ — вотъ наша покойная ночь... (*Смотритъ на Дениса.*) Рано или поздно, все-таки отстрадаемъ въ жизни, а всѣ мы живемъ для смерти!... Ну, если вамъ не нравятся наши старинныя пѣсни, то я вамъ разскажу что-нибудь; тотъ, кто не въ состояніи пѣть, долженъ разсказать, но голосъ мой ослабѣлъ; дайте мнѣ стаканъ вина!...

Фово (*показывая на одинъ изъ кувшиновъ*). Вотъ примитесь-ка за это.... крѣпенькое, оно полезнѣе!

Реми (*смотря на Дениса*). Да, это лучше будетъ; я хочу разсказать кое-что; дайте мнѣ крѣпкаго.

Клоди (*останавливаетъ Магдалину, которая подноситъ Реми вино*). Дѣдушка не пейте!... въ ваши лѣта вамъ вредно....

Реми. Оставь меня; я ослабѣлъ, это меня подкрѣпитъ.

Денисъ (*въ полголоса Розѣ и музыканту*). Лучше бы слушать музыку, чѣмъ старика, который отъ старости заговаривается....

Магдалина (*разливая вино жнецамъ*). Извините, господинъ Ронсіа, стариковъ должно слушать....

Реми (*поднимая стаканъ*). Въ честь праздника жатвы!...

Всѣ. Въ честь жатвы!... (*Всѣ становятся на мѣста, какъ были въ началѣ явленія.*)

Реми (*снимаетъ шляпу, всѣ дѣлаютъ тоже самое. Тишина*). Возблагодаримъ Небо за блага намъ ниспосланныя! (*Показывая на снопъ.*) Колосья—самое богатое украшеніе земли; вотъ воздаяніе за труды земледѣльца! вотъ богатство его; вотъ достояніе богача и бѣдняка!... Возблагодаримъ Небо за жатву!...

(*Магдалина и другія женщины разливаютъ мужчинамъ вино.*)

Всѣ (*съ благоговѣніемъ*). Благодаримъ Господа за жатву! (*Пьютъ и остатки вина выливаютъ на снопы.*)

Фово (*идя на свое мѣсто*). Продолжайте, продолжайте, Реми. (*Къ другимъ.*) Этотъ старикъ не глупъ.

Реми (*къ снопу*). «Благослови Господи, и въ слѣдующіе годы, какъ благословилъ въ сей годъ; жатва въ изобиліи — хлѣбъ не будетъ дорогъ.... Бѣдные люди трудятся много, Господь облегчаетъ ихъ, посылая имъ годы урожая. Богатые трудятся для своихъ дѣтей; бѣдные — дѣти Господа, солнце Его согрѣваетъ и плодотворитъ всѣхъ и все. Благодаримъ Господа за нынѣшнюю жатву!...

Всѣ. Благодаримъ Господа за жатву!..

Клоди (*отнимаетъ стаканъ у Реми, который онъ подноситъ къ губамъ*). Не пейте, дѣдушка!... вы и такъ блѣдны.

Реми. Развѣ я дурно говорилъ?... (*Къ Розѣ.*) Развѣ хозяйка не довольна мной?...

Роза. Нѣтъ, нѣтъ.... продолжайте, старинушка.

Реми. «Благослови, Господи, добрыхъ людей!... (*Обнимаетъ Розу.*) Сохрани ихъ для радости бѣдныхъ.... (*Смотритъ на Ронсіа.*) Но есть люди, которые считаютъ себя счастливыми, когда могутъ сдѣлать зло другимъ; есть такіе люди!... это жалкіе люди!... Небо ихъ видитъ!... (*Смотритъ на снопъ.*) Жатва!... если-бы ты могла говорить!... ты знаешь, сколько ты стоишь нашего потоваго труда!... а есть люди, которые не понимаютъ этого!... (*Къ Денису съ жаромъ.*) Есть души черствыя, Денисъ Ронсіа! есть злыя сердца и я больше ничего не говорю!...

Денисъ (*къ музыканту*). Я даю 20 су — играй!...

Музыкантъ. Нѣтъ, нельзя.... грѣшно перебивать старика!

Реми (*машинально отталкивая Клоди, которая хочетъ взять его*). Оставь, дочь моя!... дай мнѣ договорить!... Есть люди, которымъ ни почемъ отнять все у своихъ ближнихъ!... Да, да, Денисъ Ронсіа, есть такіе люди!... (*Къ Клоди.*) Оставь, дочь моя! (*Примѣтно ослабѣваетъ.*)

Клоди. Мой дѣдушка боленъ; посмотрите на его глаза; разговоръ этотъ терзаетъ его душу!... помогите мнѣ увести его....

Реми (*поддерживаемый Клоди и Сильвеномъ къ окружающимъ*). Да, я боленъ.... больше ничего не скажу.... я хочу пѣть... (*поетъ.*)

Земледѣльцы, мы въ трудахъ....

(*Отступаетъ назадъ и падаетъ.*)

Клоди. Помогите, дѣдушка умираетъ !...

Роза (*къ одному изъ жнецовъ*). Скорѣе доктора !... скорѣе послать за нимъ.

Сильвенъ (*тоже*). Бѣги скорѣй.... съ нимъ ударъ !...

Реми. Поздно ; Богъ меня призрѣваетъ !... Я такъ много страдалъ, такъ много претерпѣлъ въ этомъ свѣтѣ !... (*Ищетъ глазами Клоди.*) Дочь моя !... она добрая дѣвушка.... (*Жметъ руку Сильвена.*) Кто-бы вы ни были не оставьте ее.

Клоди (*бросается къ Реми*). Дѣдушка, я хочу умереть съ вами !...

Роза (*къ Магдалинѣ*). Не оставьте эту бѣдную дѣвушку ; примите въ ней участіе !

Магдалина. Ахъ, какъ это терзаетъ мнѣ душу !...

Фово. Вотъ-то скучный праздникъ !...

Денисъ (*наклоняясь къ Клоди*). Клоди.... Клоди !... я тебя не оставлю !... даю слово.

Сильвенъ (*съ другой стороны*). Клоди , вашъ дѣдушка поручилъ мнѣ васъ.... Это моя священная обязанность !...

(*Занавѣсъ.*)

—

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ большую комнату въ домѣ мызника, опрятно убранную; простая старинная мебель; прямо двери ; на право отъ нихъ идетъ лѣстница на верхъ; на лѣвой сторонѣ — окно, предъ нимъ небольшой шкафъ. — На первомъ планѣ , на лѣво большой затопленный каминъ, предъ нимъ утюги. — На право на авансценѣ столъ ; на немъ всѣ принадлежности для глаженья бѣлья.

I.

РЕМИ сидитъ около камина. **МАГДАЛИНА** сидитъ у стола и шьетъ. **КЛОДИ** гладитъ.

Магдалина. Я тебя увѣряю, дочь моя, что вы насъ вовсе не стѣсняете.... Ты работаешь гораздо лучше и прилежнѣе моихъ дѣвушекъ.... Если же мы и издерживаемъ немного на твоего дѣдушку, ты вознаграждаешь это твоими трудами... Увѣряю тебя и совѣтую остаться у насъ, пока съ помощью Божьею не поправится твой дѣдушка.

Клоди. Вы очень добры, матушка Фово.... и не считайте это

неблагодарностью, что мы хотимъ оставить васъ; — вы столько сдѣлали для насъ, что я желала бы умереть, служа вамъ, но есть уважительная причина, которая заставляетъ меня удалиться отсюда и тѣмъ доказать, сколько я васъ уважаю.... (*Клоди идетъ къ камину, обнимаетъ Реми, беретъ утюгъ и возвращается къ столу.*)

Магдалина. Я не буду разспрашивать тебя о причинѣ желанія оставить насъ; я, кажется, ее угадываю и, можетъ быть, ты хорошо поступаешь; но посмотри въ какомъ положеніи твой дѣдушка.

Клоди. Онъ только еще слабъ, но опасность уже, кажется, миновалась, я знаю, что онъ любитъ свою деревню и, кажется, оттого такъ медленно поправляется, что скучаетъ о ней; вотъ уже два мѣсяца, какъ мы у васъ, а онъ все еще слабъ; я дома найду работу, буду стирать, шить блузы, работать въ полѣ.... Конечно мнѣ будетъ труднѣе прежняго, дѣдушка уже не въ состояніи помогать мнѣ.... но мнѣ нечего беречь себя, дѣдушка не долго проживетъ.... и я не хочу.... пережить его!... (*Беретъ бѣлье и кладетъ его въ шкафъ.*)

Магдалина. Можно-ли такъ говорить въ твои лѣта?... Дѣдушка твой видимо начинаетъ поправляться; онъ сегодня утромъ даже разговаривалъ со мной!...

Клоди (*возвращается*). Онъ говорилъ съ вами.... что-же онъ говорилъ?...

Магдалина. Онъ спрашивалъ, скоро-ли докторъ позволитъ ему работать.

Клоди (*смотря на Реми*). Бѣдный дѣдушка!... я не буду жалѣть своихъ силъ для его поддержанія!... Если бы вы знали, мадамъ Фово, что это за человѣкъ!... что у него за душа! и сколько онъ протерпѣлъ!... (*Утираетъ слезы.*)

Магдалина (*беретъ ее за руку*). Потому-то, моя Клоди, ты и должна остаться у насъ. — Онъ здѣсь ни въ чемъ не нуждается.... и ты можешь всегда быть при немъ....

Клоди. Я знаю, что онъ здѣсь ни въ чемъ не нуждается и я также.

Магдалина. Ну, такъ что же?

Клоди. Да, я должна остаться у васъ для дѣдушки.... и могу еще дней на пятнадцать, но потомъ я должна васъ оставить... это мой долгъ. — Я выведу дѣдушку на воздухъ, это будетъ ему полезно.... (*Подходитъ къ Реми и поднимаетъ его со стула, онъ не сопротивляется.*)

Магдалина (*громко*). Вамъ нужно подышать немножко

свѣжимъ воздухомъ, а то вы все сидите у огня.

Реми (*съ усиліемъ*). Мнѣ все холодно.

Магдалина (*къ Клоди*). Видите, ему сегодня лучше, онъ все понимаетъ.

Клоди (*къ Реми*). Это не помѣшаетъ вамъ идти со мной....

Реми. Куда?... домой... да....

Клоди. Нѣтъ еще.... но и туда скоро.... (*Уводитъ Реми изъ комнаты.*)

—

II.

Магдалина, Сильвенъ сходитъ съ лѣстницы.

Сильвенъ. Ну, что матушка, успѣли?

Магдалина. Я все сдѣлала, что могла....

Сильвенъ. Что-же?... она останется у насъ?

Магдалина. Да, еще дней на пятнадцать.

Сильвенъ. Только на пятнадцать?... не больше!... она все хочетъ оставить насъ.

Магдалина. И больше не останется, повѣрь. — Эта дѣвушка не захочетъ внести раздоры въ семейство.

Сильвенъ. Ей-ей не знаю, откуда вы взяли, что я влюбленъ въ эту дѣвушку.... я совсѣмъ и не думаю....

Магдалина. Сильвенъ!... Не должно и стыдно обманывать свою мать!...

Сильвенъ. Я со всѣмъ не то думаю, что вы полагаете. Слушайте, матушка, съ-тѣхъ-поръ какъ съ батюшкой случилось несчастье, что онъ захромалъ, на мнѣ почти одномъ лежатъ труды по нашему хозяйству; такая вѣрная и усердная дѣвушка, какъ Клоди, была бы полезною помощницею у насъ; — вотъ для чего хлопочу я, чтобы она осталась.

Магдалина. Нѣтъ, мой сынъ, ты не скроешь, это очень ясно, она тебѣ нравится.... и ты ей сообщилъ это.

Сильвенъ. Я ей сказалъ?... нѣтъ.... увѣряю васъ....

Магдалина. Ничего не говорилъ?...

Сильвенъ. Я и не смѣлъ говорить!

Магдалина. Ну, такъ она сама догадалась, она навѣрно знаетъ

Сильвенъ (*съ радостью*). Если она знаетъ, такъ это вы сказали ей, добрая матушка! (*Обнимаетъ ее.*)

Магдалина. О! дѣти, дѣти!... вы все хотите, чтобы мы принимали участье въ вашихъ шалостяхъ!... Нѣтъ, Сильвенъ, я

ничего не говорила ей... никогда не скажу... и прошу тебя, мой другъ, забудь ее.... ты вѣдь не можешь жениться на ней...

Сильвенъ. Жениться?... а гдѣ же препятствіе?... развѣ мы богаты, чтобы могли искать приданое?... У насъ есть руки и охота къ работѣ.

Магдалина. А отецъ твой совершенно иначе думаетъ.... если-бы онъ подозрѣвалъ твою привязанность къ Клоди, онъ ее сейчасъ-бы спровадилъ.

Сильвенъ. Нѣтъ, батюшка согласится.

Магдалина. Не надѣйся, съ-тѣхъ поръ какъ онъ узналъ, что хозяйка наша неравнодушна къ тебѣ, онъ помѣшался отъ радости, а если узнаетъ, что ты хочешь жениться на Клоди, на служанкѣ.... такъ онъ въ самомъ дѣлѣ съ ума сойдетъ.

Сильвенъ. Правда, что батюшка иногда высоко заносится, но если съ нимъ поговорить, какъ слѣдуетъ, то онъ всегда выслушаетъ меня... Нѣтъ, не въ этомъ остановка.... я боюсь, что Клоди не любитъ меня...

Магдалина. Она боится этой любви, и поэтому хочетъ оставить насъ.

Сильвенъ. А, можетъ быть, у нея есть другой.

Магдалина. И это можетъ статься. — Ты видишь, что тебѣ надо забыть ее, при томъ мы ее хорошо еще не знаемъ, и никого изъ ихъ стороны, кромѣ Дениса Ронсіа, который говоритъ, что онъ не зналъ ее тамъ. — Мы приняли ее въ домъ, не освѣдомляясь о ней; это былъ нашъ долгъ!... Однако, я замѣтила, что она скрытнаго характера.... она никогда не говоритъ ни о себѣ, ни о другихъ.... А это кажется подозрительнымъ.

Сильвенъ. Какъ не вѣрить, матушка, что Клоди честная и добрая дѣвушка?... Она уже три мѣсяца у насъ; замѣтили-ли въ ней какой-нибудь недостатокъ?... Съ какимъ смиреніемъ и гордостью переноситъ она свою бѣдность, и можно-ли сравнить ее съ нашими дѣвушками: богатыя—надменны, кокетки и ищутъ выгоды въ замужествѣ; бѣдныя — лѣнивы и непостоянны; можно-ли въ нихъ найти какое-нибудь сходство съ Клоди?... Она ничего не проситъ, и отъ всего отказывается, если не можетъ отблагодарить своими трудами!... Она цѣлый день проводитъ за нашей работой.... а ночью исправляетъ свою и дѣдушкину одежду... нѣтъ, матушка, вы ошибаетесь... я никогда не встрѣчалъ такую честную и трудолюбивую дѣвушку, какъ Клоди.

Магдалина. Ахъ, мой другъ, какъ ты влюбленъ!...

—

III.

МАГДАЛИНА, ФОВО, ЛА-ГРАНДЪ РОЗА, ДЕНИСЪ РОНСІА и СИЛЬВЕНЪ.

Сильвенъ А!... Ронсіа!... Какъ васъ давно не видать?... Съ самаго праздника!

Денисъ Развѣ ты не радъ видѣть меня?

Сильвенъ. Напротивъ, очень радъ!...

Денисъ. А я думалъ, что ты не замѣтилъ моего отсутствія.

Роза. Что это, Ронсіа, вы питаете недовѣрчивость къ нашимъ молодымъ людямъ, это не хорошо.

Денисъ (*къ ней*). Вы опять начинаете колоть меня... берегитесь!...

Роза. Чего мнѣ беречься!... посмотримъ.

Фово (*всторону, съ безпокойствомъ*). Они опять начинаютъ любезничать!...

Денисъ (*къ Розѣ*). Мнѣ надо еще поговорить съ вами.

Фово. О чемъ-же?...

Денисъ. Я желаю поговорить съ хозяйкой на единѣ, если она мнѣ позволитъ.

Роза. Ну, хорошо—поговоримъ, а то вы мнѣ цѣлый часъ надоѣдаете своей болтовней.

Сильвенъ (*въ глубинѣ, къ отцу*). Мнѣ также, батюшка, надо поговорить съ вами.

Фово (*къ Розѣ*). Мы васъ оставляемъ... (*тихо*) если онъ будетъ что́ говорить о Сильвенѣ.... не вѣрьте ему!

Роза (*также тихо*). Не безпокойся.... я его сейчасъ же отдѣлаю! (*Смотритъ на Сильвена, который взбирается по лѣстницѣ.*) Но если твой сынъ ищетъ моей руки, такъ скажи ему, чтобы онъ не стыдился, пусть объяснится со мной.

Фово (*тихо*). Онъ хочетъ говорить со мной.... я навѣрное знаю, что объ васъ....

Сильвенъ. Батюшка.... идите скорѣе.... (*Онъ помогаетъ отцу идти по лѣстницѣ.*)

—

IV.

ЛА-ГРАНДЪ-РОЗА, ДЕНИСЪ-РОНСІА.

Роза (*садится на лѣво*). Нужно объясниться!...

Ронсіа. Да.... того.... немножко нужно объясниться.... моя прекрасная вдовушка.... вотъ уже три мѣсяца, что вы меня води-

те.... того.... за носъ.... а по мнѣ лучше, знаете, съ разу сказать.... Вашъ мызникъ всѣмъ разсказываетъ, кто только хочетъ слушать, что вы.... того.... выходите замужъ за Сильвена Фово....

Роза. Говорятъ?... Ну, что-же изъ этого?...

Ронсіа. Извините!... однако же.... знаете.... немножечко.... того.... это обижаетъ меня!...

Роза. Обижаетъ васъ!.. Я вамъ вѣдь ничего не обѣщала;.. ваша воля ухаживать за мной!...

Ронсіа. Да.... разумѣется.... это немножечко... того.... (*Беретъ стулъ и садится около Розы.*)

Роза. Ну, что-же дальше?... говорите....

Ронсіа. Я говорю, что я обиженъ, но это не то, чтобы я не хотѣлъ жениться на васъ, но что вы немножечко.... того.... какъ-бы сказать....

Роза. Вотъ я васъ и не понимаю.... навѣрное, вы хотите сказать, что мнѣ будетъ стыдно выйти за сына мызника, потому что онъ не богатъ.... А если мы другъ другу нравимся?... Притомъ-же лучше имѣть бѣднаго мужа.... да честнаго.... чѣмъ богача да немножечко того, какъ всѣ говорятъ.

Ронсіа. Да.... да.... разумѣется. Это было сказано на счетъ меня.... да?...

Роза. Вы очень догадливы, г. Ронсіа!... Но если вы хотите знать причину моего отказа... мнѣ кажется, что на совѣсти вашей лежитъ недоброе дѣло....

Ронсіа. Недоброе дѣло?... вамъ разсказали!... А!... я знаю, что...

Роза. Вы угадали?... Ну, такъ признайтесь мнѣ откровенно.... это будетъ лучше....

Денисъ (*всторону*). Чортъ-возьми!... это не то!...

Роза. Ну, что-же?...

Ронсіа (*всторону*). Вотъ-то попался!...

Роза. Слушайте, Ронсіа.... на вашей совѣсти лежитъ преступленіе.... Если бы я была злая женщина, то я предъ всѣми уличила-бы васъ.... признайтесь, что вы сдѣлали кому-нибудь зло?...

Ронсіа. Зачѣмъ вы вѣрите этому?... если вѣрить всему, что говорятъ....

Роза. Мнѣ никто ничего не говорилъ.... и притомъ-же человѣкъ, отъ котораго я-бы могла узнать, что-нибудь объ васъ, не въ состояніи теперь говорить, но на прошломъ праздникѣ, я слышалъ о васъ....

Ронсіа. Отъ старика, который морочилъ всѣхъ васъ?...

Роза. Нѣтъ, этотъ старикъ говорилъ довольно умно. Тогда вы мнѣ говорили, что вы не знаете его, однако-же онъ изъ вашей деревни.... Слава Богу, ваша деревня не такъ велика, чтобы не знать всѣхъ. Послѣ того дня, вы ни разу не приходили, боясь встрѣтить людей, которые бы заставили краснѣть васъ. Что же касается до меня.... то я ни за что въ свѣтѣ, не выйду за человѣка, которому могла-бы сказать: «Вы отняли и у насъ болѣе, чѣмъ жизнь, вы отняли у насъ честь!» А! старикъ говорилъ эти слова.... помните ихъ?...

Ронсіа (*встаетъ*). И вы вѣрите.... кому же?... этому старику и его внучкѣ.

Роза. Его внучка?... да!... я и не подумала, что дѣло идетъ не о немъ, а его внучкѣ....

Ронсіа. Но ужъ если она вамъ разсказала, то я вѣрно знаю, что наговорила на меня, Богъ знаетъ что!...

Роза. Увѣряю васъ, что я еще ни слова не говорила съ ней....

Ронсіа. Да!... вы обѣщали, не выдать ее.

Роза. Денисъ!... я теперь узнала больше, чѣмъ знала, и угадала больше, чѣмъ вы мнѣ сказали. Вы обманули ее, и вы навѣрное причиною ихъ бѣдности. Вотъ почему ея дѣдушка съ презрѣніемъ оттолкнулъ ваши деньги!... Никто этого не видалъ, но я видѣла....

Ронсіа. У васъ зоркіе глаза, а между-тѣмъ вы ничего не видите, что дѣлается вокругъ васъ....

Роза. Чего-же, я не вижу?...

Ронсіа. Вы не видите, что вашъ Сильвенъ, котораго вы полагаете скромнымъ и откровеннымъ, ухаживаетъ за этой дѣвушкой.... и всѣ думаютъ, что не на васъ, а на ней женится онъ!...

Роза. Кто разсказываетъ это?... Это ваши выдумки, Денисъ-Ронсіа!

Ронсіа. Спросите, кого хотите, кромѣ его родителей, которые имѣютъ свою выгоду обманывать васъ, всякій скажетъ вамъ, что онъ до безумія влюбленъ въ нее....

Роза. Влюбленъ въ эту Клоди?...

Ронсіа. Она не такъ дурна, чтобы....

Роза. Я знаю хорошо, что она даже прекрасна и что она очень молода; — Ну что же!... если Сильвенъ ей нравится, отъ чего же и не жениться ему; онъ человѣкъ честный и не обманетъ эту несчастную....

Ронсіа. И вы это такъ хладнокровно принимаете? Это вамъ все равно?...

Роза. Вы видите....

Ронсіа. Въ такомъ случаѣ простите, что я оскорбилъ васъ.... и позвольте.... вамъ.... того.... знаете предложить быть.... моей женой?... ну что?... того!...

Роза (*съ отвращеніемъ*). Я не хочу замужъ....

Ронсіа. О!... это только такъ говорится, а потомъ....

Роза. Нѣтъ, я вамъ говорю, если хотите, останемтесь добрыми друзьями, но не докучайте мнѣ вашими предложеніями, я вамъ запрещаю....

Ронсіа. Серьезно!...

Роза. Серьезно!...

Ронсіа. Чѣмъ-же я виноватъ, что въ былыя времена не зная васъ, я хотѣлъ жениться на другой женщинѣ; то-ли еще случается на свѣтѣ!... вы слишкомъ строго уже осуждаете меня.... а если-бы я хотѣлъ,... того.... знаете судить васъ.... мы можетъ быть также.... знаете.... немножечко того.... но, лучше перестанемъ.... мы оба люди, а люди.... всѣ грѣшные....

Роза. Вы мнѣ надоѣли....

Ронсіа. Я вѣдь это сказалъ только такъ, къ слову....

Роза. Однако-же мнѣ никто не смѣетъ сказать, что я кого нибудь обидѣла, обезчестила; если за мной грѣхи, то они относятся только до меня.... А теперь убирайтесь вонъ.... и не смѣйте больше говорить со мной!...

Денисъ. Вотъ тебѣ и того.... получилъ отставку!... ну, ничего... постараюсь забыть.... (*Всторону, удаляясь.*) Этимъ обязанъ я Клоди.... даю слово.... она расплатится со мной!...

—

V.

Роза, одна.

Нѣтъ, это быть не можетъ!... Нѣтъ, Сильвенъ не любитъ Клоди.... Отецъ его не такъ глупъ, чтобы увѣрять меня, что сынъ его умираетъ отъ любви ко мнѣ, между-тѣмъ, какъ онъ занятъ другою.... (*Замптивъ Фово, который сходитъ съ галлереи.*) А наконецъ—то.... Мнѣ нужно покончить съ тобой, Фово!...

—

VI.

РОЗА и ФОВО.

Роза. Ну, что старинушка, такъ сморщился.... что съ тобой.... какая новость?...

Фово. Да.... да.... новость.... (*спохватившись.*) Нѣтъ, нѣтъ никакой нѣтъ новости!...

Роза. Не проведешь меня, Фово... я вотъ, что узнала.... ты меня обманываешь,... твой сынъ не любитъ меня, а хочетъ жениться на твоей служанкѣ, Клоди!...

Фово. Слѣдовательно, вы знаете!...

Роза. Такъ — это правда?...

Фово. Нѣтъ, нѣтъ.... это выдумки; онъ вбилъ въ голову своей маменьки;... ну, ничего.... это пройдетъ.... я на это не соглашусь....

Роза. Онъ совершеннолѣтенъ и ты не можешь запретить ему... впрочемъ, ты никогда не былъ хозяиномъ у себя, тобой всегда...

Фово. А теперь будетъ по моему, только поддержите меня....

Роза (*съ отвращеніемъ*). Чтобы я помогала тебѣ принудить сына твоего жениться на мнѣ; ты, кажется, съ ума сошелъ!... Я развѣ буду гоняться за твоимъ сыномъ.... у меня и безъ него найдутся женихи....

Фово. Ой,... ой.... да вы не на шутку разгнѣвались!... все пройдетъ.... увидите, что Сильвенъ самъ оставитъ эту глупость.... Вы его любите, я это вижу.... изъ того, какъ вы горячо приняли эту новость.... посмотрите на себя, какъ вы красны....

Роза. Я бѣшусь не на твоего сына, а на тебя, что ты съигралъ со мной скверную штуку, увѣривъ, что сынъ твой любитъ меня,... ты выставилъ меня на посмѣшище.... Я тебѣ отомщу;... приказываю тебѣ дать сыну согласіе жениться на Клоди!... Понимаешь, я требую этого! (*Уходитъ.*)

—

VII.

Фово (*одинъ*). Что мнѣ дѣлать?... Ахъ, Сильвенъ, что ты надѣлалъ!... Но, кажется, не все еще потеряно; можно еще поправить, хозяйка только погорячилась,... а главное не надо терять голову!... (*думаетъ*) Сначала.... не дурно бы отправить Клоди... нѣтъ, нѣтъ... это не такъ, этимъ испортишь... А вотъ что!... какъ бы узнать, о чемъ говорила хозяйка съ Денисомъ

Ронсіа... да вотъ съ чего начать?... (*Хочетъ уйдти, и встрѣчается съ Сильвеномъ.*)

—

VIII.

СИЛЬВЕНЪ, ФОВО.

Фово. А это вы?... Вы все таки не оставили свое намѣреніе.... ослушиваетесь и оскорбляете своего отца.

Сильвенъ (*блѣдный и разстроенный*). Нѣтъ, батюшка, я не думалъ обидѣть васъ, говоря, что хочу поступить, какъ честный человѣкъ; я не женюсь для денегъ, я не хочу обманывать женщину, которая намъ сдѣлала столько добра и которая всѣми любима. — Я почитаю Ла-Грандъ-Розу, но любить ее не могу и поэтому не хочу жениться на ней.

Фово. Ты долженъ любить ее!.. понимаешь, я больше ничего и слышать не хочу. — Но позволить тебѣ жениться на этой дѣвчонкѣ Клоди. Никогда!...

Сильвенъ. Зачѣмъ говорите вы о Клоди.... развѣ я говорилъ вамъ, что хочу жениться на ней.

Фово. Мать твоя при тебѣ говорила... ты не возражалъ!

Сильвенъ. Да, я сказалъ, если при своей бѣдности Клоди была бы такъ честна, какъ кажется, то она была бы чистое сокровище.... я больше ничего не говорилъ.... это васъ разсердило и вы не дали мнѣ докончить.

Фово. Теперь я спокоенъ... и ты навѣрное пришелъ настаивать на своемъ.

Сильвенъ. Нѣтъ, батюшка, я разсудилъ и увидѣлъ, что этотъ бракъ не по мнѣ.

Фово. Этотъ бракъ не по тебѣ?... слава Богу!... наконецъ то ты поумнѣлъ!... Я немного погорячился, но забудь это, Сильвенъ.

Сильвенъ. Если я васъ оскорбилъ, то простите меня.

Фова. Нѣтъ, нѣтъ... я самъ не много вспылилъ... не думай больше объ этомъ.... (*Всторону.*) Опять все устроено... бѣгу скажу хозяйкѣ... (*Уходитъ.*)

—

IX.

Сильвенъ (*одинъ, садится на право*). Жениться мнѣ!... О!... нѣтъ никогда!... Если Клоди допустила полюбить себя та-

кому глупому и низкому человѣку, какъ Денисъ Ронсіа !... Ахъ, какъ наружность обманчива !.. она любила его, навѣрное и теперь его любитъ... (*Плачетъ.*) А я, несчастный, думалъ, что она любитъ меня... и изъ скромности скрываетъ это. (*Встаетъ.*) А, можетъ быть, Ронсіа лгалъ съ досады, что хозяйка отказала ему... Онъ не въ первый разъ хвастаетъ связями съ женщинами, а открывается, что онъ даже никогда ихъ и не зналъ... Это обыкновенная привычка такихъ людей, какъ онъ !... Ахъ, Клоди, Клоди !... если бы ты призналась мнѣ во всемъ... я бы простилъ тебя... иначе ты не любви моей достойна, а презрѣнія....

—

X.

КЛОДИ, СИЛЬВЕНЪ.

(Входитъ Клоди, въ рукахъ держитъ небольшой мѣшокъ, идетъ къ шкафу достаетъ нѣкоторыя вещи, и кладетъ ихъ на стулъ; Сильвенъ, какъ бы не замѣчая ее, оборачивается къ ней спиной.)

Сильвенъ (*послѣ нѣкотораго молчанія*). Что вы тамъ ищете, Клоди ?

Клоди. Достаю вещи.... Я ухожу домой, г. Сильвенъ.

Сильвенъ. Какъ !... вы уходите !...

Клоди. Сейчасъ-же.

Сильвенъ. Какъ же вы хотѣли остаться еще дней на пятнадцать ?

Клоди. Да, я была намѣрена, когда думала, что приношу пользу вашему семейству.... Но сейчасъ встрѣтилась съ г жею Ла-Грандъ-Розой, и она мнѣ наговорила такихъ вещей, какихъ мнѣ еще не приходилось ни отъ кого слышать. — Она мнѣ сказала, что мы съ дѣдушкой совершенно лишніе на мызѣ. Послѣ этого я сейчасъ-же наняла телѣгу, но ваша добрая матушка, заботясь о дѣдушкѣ, предложила отвезти насъ на своихъ и пошла приказать запречь воловъ. — Прощайте, г-нъ Сильвенъ, благодарю васъ отъ всего сердца за все добро, которое вы намъ сдѣлали.

Сильвенъ. Г-жа Роза погорячилась.... это ничего.... вы насъ нисколько не стѣсняете.

Клоди. Трудясь, сколько было силъ, я не думала, что болѣзнь дѣдушки стѣснитъ васъ, вы такъ были добры для насъ, что мы не имѣемъ права за это обижаться.... Всю мою жизнь буду помнить добрыхъ вашихъ родителей, но въ особенности

васъ, Сильвенъ!... Вы спасли жизнь моего дѣдушки; я не въ состояніи отплатить вамъ за все.... но если когда-нибудь могу вамъ быть полезна.... то съ радостью исполню всѣ ваши приказанія....

Сильвенъ. Благодарю, Клоди, благодарю!... (*Всторону.*) О Боже мой!... въ первый разъ, она такъ дружески разговариваетъ со мной!... (*Къ Клоди.*) И вы ѣдете?... оставляете насъ.... и вамъ больше нечего мнѣ сказать?...

Клоди. Я больше ничего не знаю, господинъ Сильвенъ.

Сильвенъ. И вы не знаете, за что сердится на васъ наша хозяйка?

Клоди. Нѣтъ.

Сильвенъ. Что могли и кто могъ сказать ей про васъ?... А то безъ причины.... она такъ не поступила-бы съ вами...

Клоди. Я и не хочу знать, чтобы не унести съ собой злобы противъ кого-нибудь....

Сильвенъ. И вы не думаете, что можетъ быть кто-нибудь изъ вашей страны.... хоть напримѣръ Денисъ Ронсіа?...

Клоди (*смѣшавшись*). Если кто-нибудь говорилъ дурное про меня.... пусть Богъ проститъ его....

Сильвенъ. А если онъ не вретъ?...

Клоди. Я не боюсь, чтобы какая-нибудь правда, сказанная обо мнѣ, могла бы заставить краснѣть меня.

Сильвенъ. Поэтому-то, не нужно терпѣть, если про васъ говорятъ дурное.... вы бы могли оправдаться....

Клоди. Къ чему, когда я сегодня-же ухожу?...

Сильвенъ. Но такая женщина, какъ вы, должны внушать всѣмъ уваженіе къ себѣ....

Клоди. Это мое дѣло....

Сильвенъ. Однако жъ это немного относится и до человѣка, который бы могъ любить васъ....

Клоди. Кто полюбитъ меня!... да и я не хочу этого....

Сильвенъ. Однако же вы не отказались-бы выйдти замужъ!

Клоди. Вы очень ошибаетесь!..

Сильвенъ. О!... напрасно.... если бы Денисъ-Ронсіа захотѣлъ-бы жениться на васъ.... то вы должны-бы съ радостію выйти за него.... это вашъ долгъ!...

Клоди. Я-бы не вышла.

Сильвенъ. Однако-же онъ говоритъ противное.

Клоди. Онъ говоритъ про меня?... Ну, такъ я не хочу говорить про него!

Сильвенъ. Слушайте, Клоди.... зачѣмъ скрытничать.... Ска-

жите мнѣ какъ и съ которыхъ поръ вы знакомы съ этимъ человѣкомъ.... Если вы будете молчать, то я принужденъ буду вѣрить всему!... (*Она отступаетъ отъ него.*) Ну, разстанемся друзьями, Клоди.... если вы бы знали, какъ вы огорчаете меня!... Вы неоткровенны со мной.... вы все скрываете.... но знаете.... молчаніе иногда оскорбляетъ истину.... Клоди, Клоди!... разскажите мнѣ все.... (*Плачетъ.*)

Клоди (*приближается къ дверямъ*). Я ухожу, г-нъ Сильвенъ.... вотъ все, что должна я вамъ сказать.... я забываю все, что вы мнѣ теперь наговорили. До-тѣхъ-поръ, пока я въ вашемъ домѣ, я обязана уважать васъ, потому что вы здѣсь хозяинъ.... но я оставляю васъ....

Сильвенъ. Если я вашъ хозяинъ.... я имѣю право требовать отчета отъ васъ... для того, чтобы я могъ защитить васъ отъ клеветы и оправдать васъ.... если вы несправедливо обижены.

Клоди. Да, вы бы имѣли это право.... если бы я осталась у васъ.... но я не хочу оставаться.... я не хочу.... я хочу уѣхать.... (*Отворяетъ двери.*) Прощайте, г-нъ Сильвенъ, все готово къ отъѣзду....

—

XI.

Сильвенъ, одинъ, садится у порога и плачетъ.

Боже мой!... Боже мой!... какъ она горда и холодна!... И если вмѣстѣ съ тѣмъ она порочна, то это самая несчастнѣйшая женщина на свѣтѣ!... Но если это ложь!... Ронсіа мерзавецъ.... а я безразсудный!... (*Смотритъ въ двери.*) Боже мой!... вотъ уже волы запряжены!... она уѣзжаетъ.... чтожъ будетъ со мной!...

—

XII.

Сильвенъ, Роза.

Сильвенъ (*съ упрекомъ*). Ну, что вы сдѣлали, Ла-Грандъ-Роза, вы прогнали нашу служанку?...

Роза. Я?... совсѣмъ нѣтъ!... Я никакого не имѣла права распоряжаться вашими служанками.... Вы ихъ нанимаете и платите имъ. — Это не мое дѣло.

Сильвенъ. Однако-же не мы прогнали Клоди, а вы?...

Роза. Когда я вамъ говорю, что неправда. Вы больше вѣрите этой дѣвчонкѣ, чѣмъ мнѣ.

Сильвенъ. За что-же вы грубо обошлись съ ней!... Что вы имѣете противъ нее?...

Роза. Да, что вы хотите, чтобы я имѣла противъ этой служанки? Я ею вовсе не занимаюсь.

Сильвенъ. Въ такомъ случаѣ скажите ей, что вы не жалѣете кормить ея дѣдушку.... а то она вообразила, что вы не довольны ими и хочетъ оставить насъ....

Роза. Что она считаетъ меня скупою и безчувственною? Не за то-ли, что я спросила ее, долго-ли они еще останутся жить у насъ! Развѣ я не помню, что я ей сказала?... И!... какъ эти дѣвушки горды, злы; нельзя имъ слова сказать, сейчасъ-же обижаются....

—

XIII.

Сильвенъ, Роза, Клоди ведетъ подъ руку **Реми, Фово** и **Магдалина** выходятъ въ одно и тоже время. Фово задумчивый и мрачный. Магдалина занимается Реми и его внучкой.

Магдалина (*въ глубинѣ театра*). Нѣтъ, Реми, васъ никто не прогоняетъ отсюда.... Мы съ вами дружелюбно разстаемся....

Сильвенъ (*къ Розѣ*). Вотъ видите они уже уѣзжаютъ. Однако же это нехорошо высылать людей, которые столько принесли намъ пользы; разумѣется они сами хотѣли оставить насъ.... но матушка оставила ихъ еще на нѣсколько дней. Г-жа Роза вы всегда любили дѣлать добро.... не должно оскорблять ихъ такъ.... поговорите съ ними поласковѣе, хоть на прощаньи.

Роза. Вы у себя хозяева — оставьте ихъ, если вамъ угодно....

Фово. Позвольте! послѣ васъ, г-жа Ла-Грандъ-Роза, я здѣсь главный; женѣ и сыну нечего противорѣчить, когда я говорю.... и теперь хочу говорить... Я не жалуюсь на этихъ людей.... я имъ сдѣлалъ добро.... и я не жалѣю; но я говорю, что они должны сейчасъ-же уѣхать, это моя воля....

Реми (*говоритъ съ усиліемъ*). Они.... должны.... уѣхать!...

Сильвенъ (*около своей матери*). Батюшка, вы здѣсь хозяинъ.... и противъ васъ никто нейдетъ.... Но вы считаетесь справедливымъ человѣкомъ и вы не должны вѣрить пустымъ слухамъ.... Если васъ обманули.... то вы будете раскаяваться въ жестокости къ этимъ бѣднымъ людямъ....

Роза (*съ досадой*). Ну, Фово!... скажи имъ, чтобъ они остались!... что мнѣ за дѣло до нихъ?... Ты видишь, что твой сынъ не равнодушенъ къ этой дѣвушкѣ.... и рано или поздно придется

же женить ихъ.... Что-же до меня, то я соглашаюсь на это; это единственное средство остановить глупые толки, которые ходятъ обо мнѣ.... Сильвенъ, послѣ этого очень простъ, если онъ думаетъ, что я гоняюсь за нимъ, между тѣмъ какъ....

Сильвенъ. Со всѣмъ нѣтъ, хозяйка!... я никогда не думалъ объ этомъ.... и я не знаю къ чему вы разсказываете такія вещи!...

Фово. Я также не понимаю, зачѣмъ вы предъ этой дѣвчонкой говорите, что мой сынъ хочетъ жениться на ней, когда онъ мнѣ сейчасъ самъ признался, что онъ со всѣмъ не думаетъ объ ней....

Реми. Эта дѣвчонка!... кто эта дѣвчонка?...

Сильвенъ. Въ этомъ извините, батюшка.... я ничего — ни дурнаго, ни хорошаго не говорилъ вамъ про нее.... и что теперь я думаю объ ней.... это одному только Богу извѣстно!...

Фово. Хорошо сказано, сынъ мой; никого не должно обижать; но я могу сказать г-жѣ Розѣ, что тебѣ все извѣстно о Клоди....

Сильвенъ. Батюшка, вы очень далеко заходите; я ничего не знаю дурнаго о Клоди.... и я не долженъ вѣрить тому, что разсказываютъ....

Фово. Я думалъ, что Денисъ Ронсіа сказалъ тебѣ все, что онъ мнѣ говорилъ....

Реми. Денисъ Ронсіа!...

Сильвенъ. Денисъ Ронсіа!... да можно-ли вѣрить ему?...

Фово. Отчего же нѣтъ, когда онъ увѣряетъ, что она (*указываетъ на Клоди*) была его возлюбленной....

Сильвенъ. Батюшка, батюшка!!.. увѣрены-ли въ томъ, что вы говорите!...

Фово. Разспроси самъ ее.... а если она будетъ отпираться... (*Клоди приближается къ Фово, хочетъ отвѣчать, Реми все болѣе и болѣе выходитъ изъ своей задумчивости, и перебиваетъ ее*).

Реми. Молчи, дочь моя! ничего не говори!... На это мнѣ надо отвѣчать!... Я умиралъ; ваши слова пробудили во мнѣ потухающую искру жизни.... и теперь я хочу жить!... жить хоть нѣсколько минутъ.... чтобы сказать вамъ: что вы достойны сожалѣнія!... Вы обижаете дочь мою! Но знайте, дочь моя достойнѣе всѣхъ васъ.... она работаетъ изо всѣхъ силъ, для прокормленія своего дѣда; она лица всегда была доброю внучкой!... Клоди моя!... бѣдная моя Клоди!... (*Клоди плачетъ и падаетъ въ объятія Реми.*) Виновна-ли она.... она любила его, она думала, что онъ человѣкъ честный... (*Сильвенъ падаетъ на стулъ подлѣ матери своей, закрываетъ лицо руками и до конца дѣйствія остает-*

ся въ этомъ положеніи.) И вы насъ упрекаете этимъ!... Вы выгоняете дочь мою, какъ бродягу... а вы терпите подлеца, который давъ клятву жениться на ней, бросилъ ее въ бѣдности.... и который такъ низокъ, что теперь самъ обвиняетъ ее своимъ преступленіемъ!... Вы видѣли сколько трудовъ и съ какимъ смиреніемъ переносила эта бѣдная дѣвушка!... Слыхали ли вы отъ нее, когда-нибудь, жалобу или упрекъ на судьбу свою.... или дурное слово про кого?... И послѣ этого, вы смѣете клеветать, что она заманила сына вашего въ свои сѣти, хотѣла заставить жениться на себѣ!... (*Показывая на Сильвена.*) Развѣ вашъ сынъ достоинъ ее? Хотя онъ честный и трудолюбивый земледѣлецъ, но развѣ переносилъ онъ бѣдность и нужду, какъ мы? Знакомы-ли ему наше терпѣніе и покорность волѣ Божіей?... Нѣтъ, нѣтъ!... Не будьте такъ горды.... (*Указывая на небо.*) Тамъ увидимъ, кто будетъ ближе къ Великому Судьѣ!... (*Ведя Клоди къ дверямъ.*) Идемъ Клоди.... идемъ вонъ отсюда!... у меня еще есть силы добраться до нашей бѣдной хижины, гдѣ я хочу спокойно умереть!...

Магдалина и Роза. Нѣтъ, вы не уйдете такъ.... отецъ Реми, отецъ Реми!...

Реми. Убирайтесь!... мы отъ васъ больше ничего не хотимъ!... А!... вы думаете, что у меня не станетъ силы защищать дочь мою.... Попробуйте!... (*Уходитъ съ Клоди.*)

—

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Декорація втораго дѣйствія, только столъ стоитъ на лѣвой сторонѣ; на немъ суповая миска, тарелка и ложка.

I.

Фово сидитъ около стола и ничего не ѣстъ, Магдалина.

Магдалина (*сидитъ около своего мужа*). Ну, что-же, старикъ!... ѣшь-же свой ужинъ?...

Фово (*лицомъ къ публикѣ*). Спасибо, жена, я не голоденъ!...

Магдалина. Выпей-ка кружку бѣленькаго винца, такъ и аппетитъ явится....

Фово. Нѣтъ, жена, мнѣ не хочется пить....

Магдалина. Что это значитъ?... Развѣ ты боленъ?...

Фово. Нѣтъ, жена, я здоровъ.

Магдалина. Что-же съ тобой?... Ты что то разстроенъ; чѣмъ ты не доволенъ?...

Фово. Нѣтъ, жена, я спокоенъ; я всѣмъ доволенъ!..

Магдалина. А!... вы всѣмъ довольны?...

Фово. Ну, что-же это значитъ, жена?... Вотъ уже съ часъ, что ты мнѣ жужжишь въ ужи.... и надоѣдаешь мнѣ своимъ любопытствомъ, что съ тобой?... да отъ чего ты не ѣшь?... А позвольте спросить васъ.... отъ чего у васъ на глазахъ слезы.... Спрашиваю у васъ.... отъ чего?... а?...

Магдалина (*со слезами*). Мой бѣдный мужъ; въ нихъ отражается ваша совѣсть; и если вы не довольны ими, значитъ вы не довольны собою....

Фово. Что за чушь ты мнѣ городишь.... Вѣроятно ты хочешь, чтобы нашъ сынъ женился на Клоди?... Такъ послѣ этого ты глупа!... Я скорѣе отрублю себѣ обѣ руки, чѣмъ соглашусь на подобный бракъ!...

Магдалина. Вамъ лучше потерять сына?... Да?...

Фово. Не намѣрена-ли ты убаюкать меня своими словами?...

Магдалина. Ахъ, какъ часто люди бываютъ ослѣплены!...

Фово (*съ гнѣвомъ*). Что я ослѣпъ?... я?...

Магдалина. Вы развѣ не видѣли, что Сильвенъ покушался на жизнь свою, когда телѣга, въ которой сидѣли Клоди и дѣдъ ея, выѣзжала со двора?...

Фово. Покушался?... нѣтъ!... Я видѣлъ, что онъ поблѣднѣлъ и упалъ отъ изнеможенія.... но это сейчасъ-же прошло....

Магдалина. Вы думаете, что онъ въ обморокѣ упалъ подъ колеса телѣги?...

Фово. Ахъ, какая!... Развѣ ты не знаешь, что въ обморокѣ не выбираютъ мѣста, гдѣ упасть?...

Магдалина. И еслибы минутой опоздали, такъ телѣга проѣхала бы чрезъ его голову. Еще благодарите добраго Фому, который во время успѣлъ остановить воловъ.... а то пришлось-бы проститься....

Фово. И ты увѣрена, что онъ сдѣлалъ это съ намѣреніемъ?...

Магдалина (*встаетъ*). Я не только вѣрю.... но твердо убѣждена въ этомъ, что Сильвенъ сдѣлалъ это въ своемъ разсудкѣ.— Онъ правда былъ, какъ полотно, но былъ въ памяти. — Онъ даже воспользовался временемъ, когда никто не смотрѣлъ на него, и сказавъ что-то Клоди, которая даже не обернулась, сказалъ: «хорошо» и бросился предъ телѣгою. — Если вы мнѣ не вѣ-

рите, такъ спросите Фому, онъ, поднимая его, сказалъ: «что вы дѣлаете, хозяинъ, хотите прогнѣвить Бога» и Ла Грандъ-Роза, была тутъ и тоже сказала: «Сильвенъ, вы хотите уморить мать свою». — На мои спросы Сильвенъ отвѣчалъ, что онъ оступился.... и говоря это, хотѣлъ улыбнуться, но что за улыбка была!... Если бы вы видѣли, то цѣлую ночь не заснули бы.... (*Рыдаетъ.*)

Фово (*растерявшись*). Если ты увѣрена въ этомъ, то можно-бы.... нужно-бы....

Магдалина. Что же нужно бы?... Теперь ничѣмъ не исправишь дѣло!... Эти люди, которыхъ вы обидѣли, никогда не возвратятся....

Фово. Да.... правда.... немножечко я погорячился.... и сейчасъ же увидѣлъ, что я дурно поступилъ съ ними.... Но какъ я ни старался, чтобы остановить ихъ!... нѣтъ.... они ужасно горды!... Ну!... ничего.... Я на зиму пошлю имъ хлѣба.... всего.... и тогда все уладится.... А вотъ что главное.... какъ-бы утѣшить Сильвена.... Гдѣ онъ теперь?...

Магдалина (*не смотря на него*). Онъ въ житницѣ, лежитъ на соломѣ.... Никого не хочетъ видѣть и слушать.

Фово (*подумавъ*). Можетъ-быть онъ спитъ.

Магдалина. О!... нѣтъ; онъ не спитъ.... Когда я подхожу къ нему, то онъ притворяется спящимъ; вашъ племянникъ Ивонъ спрятался за яслями и наблюдаетъ за нимъ, онъ говоритъ, что Сильвенъ плачетъ и даже слышно, какъ у бѣднаго сердечко-то бьется.... (*Плачетъ.*)

Фово. Пусть наплачется, кончится тѣмъ, что послушаетъ насъ.... забудетъ ее.

Магдалина. Нѣтъ это добромъ не кончится....

—

II.

Фово, Магдалина, потомъ **Роза**, за ней **Реми** и **Клоди**.

(Слышенъ голосъ Розы.)

Взойдите, взойдите, друзья!... Я это хочу!... я здѣсь хозяйка... я!... (*Входитъ, бросаетъ плащъ на одинъ изъ стульевъ; Реми и Клоди слѣдуютъ за ней и остаются при входѣ.*)

Магдалина (*бѣжитъ къ нимъ*). Ахъ Боже мой!... Вы ихъ воротили, хозяйка!...

Фово (*идетъ къ нимъ, но на половинѣ дороги останавливается*). А!... вы ихъ вернули, хозяйка!...

Роза. И это было не безъ труда.... я за ними просто бѣжала.... и велѣла Фомѣ, противъ ихъ воли, повернуть телѣгу. — О!... я ни за что не хотѣла отпустить ихъ такъ обиженныхъ нами!... Мы всѣ виноваты предъ ними; во-первыхъ вы, Фово, а потомъ я.... Чѣмъ-же они виноваты, что ты, Фово, наговорилъ мнѣ различныхъ глупостей? Слышишь, Фово, я тебя прощаю съ тѣмъ, что Клоди и дѣдъ ея будутъ приняты, какъ можно лучше, у тебя, то есть у меня!...

Магдалина (*къ Розѣ*). Какъ!... Вы!... вы сами пошли за ними!... и успѣли вернуть ихъ.... и вы согласны.... (*Бросается къ ней на шею.*) Вы великодушны и доброе сердце у васъ, хозяйка.... О!... какое доброе сердце!... Г-жа Ла-Грандъ-Роза.... вы горячи.... но за то, что за доброта.... Нѣтъ, нѣтъ, я не могу вытерпѣть.... Позвольте еще разъ обнять васъ.... (*Обнимаетъ ее.*) Вы отвратили большое несчастье, которое угрожало намъ и я увѣрена, что вы доведете до конца.... наше....

Роза. Да!... Что вы хотите?...

Магдалина (*уводя Розу, чтобы мужъ не могъ разслушать ихъ*). Пойдемте со мной.... я вамъ скажу.....

Роза. А!... я угадываю.... пойдемте, пойдемте....

Фово (*къ Розѣ*). Куда вы бѣжите такъ?.... еще не успѣли опомниться.... а?...

Роза. Это нашъ секретъ!... Ты въ послѣдствіи узнаешь.... Приближитесь, друзья мои.... Реми.... Клоди.... садитесь.... будьте, какъ у себя.... Мой старикъ Фово непремѣнно хочетъ загладить свой необдуманный поступокъ....

Магдалина (*къ Розѣ*). Идемте.... идемте!... (*Магдалина и Роза уходятъ.*)

—

III.

ФОВО, РЕМИ, КЛОДИ.

Фово (*растерявшись*). Куда-же вы уходите, Ла-Грандъ-Роза?... (*Онъ хочетъ выйдти и останавливается съ Реми и Клоди.*) А!... мой добрый старикъ!... вы воротились?... и очень хорошо сдѣлали.... Я противъ васъ ничего не имѣю.... Знаете.... хозяйка.... потомъ я не много погорячился.... самъ не помню, что вамъ наговорилъ.... (*Хочетъ уйти.*) Куда-же вы ушли, хозяйка? (*Реми и*

Клоди сторонятся, чтобы пропустить его.) Садитесь, пожалуйста.... вы здѣсь какъ у себя.... какъ говоритъ наша хозяйка.... А я долженъ поговорить съ ними.... Куда они ушли?... (*Уходитъ.*)

—

IV.

РЕМИ и КЛОДИ.

Клоди. Дѣдушка, зачѣмъ мы вернулись?...

Реми (*кладетъ на столъ шляпу и палку*). Развѣ ты не была согласна, дочь моя.... я развѣ дѣлаю что-нибудь безъ твоего согласія?...

Клоди. Но я совсѣмъ не хотѣла вернуться; мы, противъ воли своей, повиновались г-жѣ Ла-Грандъ-Розѣ.

Реми (*смотря на нее*). Что же было дѣлать?... Ла-Грандъ-Роза такая добрая женщина!... Она плакала!... Какъ-же было противиться ея просьбѣ; я думалъ, что ты съ радостью простишь ее....

Клоди. Я всѣхъ отъ души прощаю; но я не хотѣла вернуться.... Здѣсь не наше мѣсто.... и вы меня не слушали!...

Реми. Не сердись на меня, Клоди, что ты хочешь?... въ мои лѣта.... и послѣ болѣзни я сдѣлался слабъ.... потерялъ волю....

Клоди. Нѣтъ, по милости Божіей, вы освободились отъ болѣзни.... вы теперь совершенно здоровы.... пойдемте домой....

Реми. Я болѣе не чувствую болѣзни.... но я уже.... тамъ.... тамъ.... дочь моя.... (*Показываетъ на небо.*)

Клоди (*становится на колѣни предъ нимъ*). И всему этому я виною, дѣдушка!

Реми. Развѣ я жалуюсь?... Зачѣмъ ты мнѣ это говоришь?... Развѣ я когда-нибудь упрекалъ тебя въ чемъ-нибудь?...

Клоди. О!... я много, много принесла вамъ горя!...

Реми. Нѣтъ.... нѣтъ.... Богъ далъ мнѣ большое утѣшеніе, пославъ такую внучку.

Клоди. Внучку, которая навлекла на васъ столько горестей.

Реми. Не говори этого, Клоди.... ты не имѣешь права обижать дѣвушку, которую я люблю!... Ты не имѣешь права обвинять себя.... ты искупила свою ошибку, перенося терпѣливо бѣдность, работу.... и свои страданія.... Богъ проститъ тебя.... ты не знала, что есть злые люди.—У тебя одинъ я только, точно также у меня только ты одна на землѣ!... И мы не будемъ любить другъ

друга!... Ты напрасно мучишь себя.... Я хочу, чтобы ты сама простила себя.... Слышишь, Клоди, это моя воля и моя просьба!...

Клоди. Васъ, дѣдушка, васъ одного на свѣтѣ люблю я....

—

V.

РЕМИ, КЛОДИ, МАРГАРИТА, РОЗА съ СИЛЬВЕНОМЪ.

Роза. Идемте, Сильвенъ!... сегодня всѣ должны повиноваться мнѣ....

Маргарита. Да, да, Сильвенъ, должно слушать хозяйку....

Сильвенъ. Матушка?... г-жа Ла-Грандъ Роза?... Что вы хотите отъ меня?

Роза. Развѣ вы не рады видѣть снова у себя Реми?... Въ такомъ случаѣ я уведу его.... мнѣ нужно поговорить съ нимъ.... (*Беретъ Реми за руку.*)

Магдалина. Мнѣ также нужно поговоритъ съ вами; идемте, Реми, идемте!... (*Тоже беретъ его за руку.*)

Реми (*беретъ шляпу и палку*). Что это?... секреты?...

Роза. Можетъ-быть!... вы увидите!... Идемте!... Что вы боитесь меня?... Идемте, идемте!... не пугайтесь!... (*Клоди хочетъ слѣдовать за ними; Магдалина останавливаетъ ее.*)

Магдалина. А!... дочь моя!... вы любопытны!..,

Реми. Правда это, Клоди, ты любопытна!... (*Сильвенъ также хочетъ слѣдовать за ними.*)

Роза. Сильвенъ, потерпите немножко.... займитесь съ Клоди.... она скучаетъ.... ваша обязанность развеселить ее....

Сильвенъ. Но я никому ничего не сдѣлалъ!... Что вы хотите отъ меня.

Роза. Останьтесь; мы хотимъ безъ свидѣтелей поговорить съ Реми!... (*Толкаетъ Сильвена къ Клоди.*)

—

VI.

СИЛЬВЕНЪ и КЛОДИ.

(Роза, Магдалина и Реми уходятъ.)

Клоди. Вы точно, Сильвенъ, ничего худаго мнѣ не сдѣлали, и намъ не о чемъ объясняться.

Сильвенъ. Я не знаю зачѣмъ привели меня сюда!... А вы

здѣсь, Клоди?... Васъ обидѣли.... а теперь хотятъ вознаградить васъ.... но это все не относится до меня.

Клоди (*говоря, подвигается къ дверямъ*). Я знаю.... Если мы здѣсь, такъ это совсѣмъ противъ воли моей; дѣдушка мой, послушался г-жу Розу.... но мы здѣсь не останемся. (*Клоди хочетъ уйдти, Сильвенъ становится въ дверяхъ*).

Сильвенъ. О!... я вамъ не мѣшаю, ни остаться, ни уѣхать; если вы думаете, что я причиною всѣхъ непріятностей, которыя вы переносите сегодня, то вы ошибаетесь!... Развѣ я обвинялъ васъ? Развѣ я зналъ прошедшую вашу жизнь? Мнѣ все-равно, кто-бы вы ни были.... мнѣ все равно.... я не безпокоюсь....

Клоди. Васъ ни кто не проситъ.... безпокоиться....

Сильвенъ (*разгорячаясь*). О!... вамъ здѣсь много наговорили глупостей и обидъ, но я развѣ когда-нибудь сказалъ хоть дурное слово вамъ? Скажите-ка?

Клоди. Я бы и не позволила вамъ этого.

Сильвенъ. О!... я знаю, вы очень горды.... и это очень идетъ къ положенію, въ которомъ вы находитесь!...

Клоди. Человѣкъ честный и добрый христіанинъ никогда не позволитъ себѣ говорить о моемъ положеніи, и такъ какъ сердце ваше не можетъ понять этого, то я вамъ запрещаю говорить обо мнѣ....

Сильвенъ (*ходитъ большими шагами*). Я васъ не обвиняю... но мнѣ жаль васъ.

Клоди. Я никого не прошу жалѣть меня.

Сильвенъ. А!... вы хотите, чтобы васъ особенно почитали. Неправда-ли?...

Клоди (*протяжно*). Людей, которые не сѣтуютъ на свое несчастье, должно уважать.

Сильвенъ (*удерживаясь отъ слезъ, съ досадою*). Люди, которые не жалуются на свое несчастье, часто скрываютъ свои недостатки; мнѣ хочется, чтобъ больше почитали васъ, или чтобъ вы не были такъ скрытны.

Клоди. Послѣ вашихъ словъ, господинъ Сильвенъ, я должна молчать....

Сильвенъ (*съ усиліемъ*). И обманывать....

Клоди (*принужденно*). Кого я обманула?... меня никто не разспрашивалъ.

Сильвенъ (*возвышая голосъ*). Я васъ сегодня разспрашивалъ.

Клоди. И я васъ обманула?...

Сильвенъ. Вы молчали, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ это все равно.

Клоди. Въ какомъ случаѣ?

Сильвенъ. Да, когда, видя дружбу людей, бываешь съ ними скрытенъ.

Клоди. Это правда. Но здѣсь нѣтъ такихъ людей.

Сильвенъ. Наконецъ-то вы мнѣ сказали!... Оставьте при себѣ ваши секреты.... никто не нуждается въ нихъ. *(Слышны голоса за кулисами.)* Кажется Денисъ Ронсіа, его голосъ.

Клоди (*всторону*). Денисъ Ронсіа!.. О Боже мой! сколько наказаній въ одинъ день!... (*Плачетъ и упадаетъ на стулъ, а Сильвенъ тоже разстроенный садится по другую сторону стола и хочетъ показать будто покоенъ.)*

—

VII.

СИЛЬВЕНЪ, КЛОДИ, РОЗА, ДЕНИСЪ РОНСІА, РЕМИ, ФОВО, МАГДАЛИНА.

Роза (*входитъ первая*). Если вамъ угодно объясниться, такъ предъ всѣми.... не угодно-ли.

Денисъ (*вслѣдъ за ней*). Мнѣ все-равно.... я никого не боюсь!

Фово (*входитъ съ Реми*). Реми, будьте тихи.... и не горячитесь. (*Онъ идетъ на лѣво и садится въ концѣ стола, Магдалина слѣдуетъ за нимъ и подходитъ къ Сильвену. Реми становится около Клоди и смотритъ на нее.*)

Денисъ (*на срединѣ сцены*). А!... вы удивляетесь, видя меня! Неправда-ли?...

Роза. Да, потому что я запретила вамъ показываться мнѣ на глаза.

Ронсіа. Хотя я пришелъ безъ вашего позволенія, но все-таки вы позволите мнѣ объясниться съ этимъ старикомъ. Вы призвали всѣхъ слушать наше объясненіе; я соглашаюсь на это. Что же дальше?

Фово (*съ своего мѣста*). Съ условіемъ, что не будетъ ссоры. Сегодня и безъ того, мы много натерпѣлись.

Реми (*спокойно*). Будьте покойны, Фово, я отвѣчаю за Дениса Ронсіа!...

Ронсіа (*ласково*). Да, разумѣется: ты можешь ручаться за меня, потому-что намъ съ тобой не долго объясниться; неправда-ли?... (*Треплетъ его по плечу.*)

Реми (*насмѣшливо*). О!... какая честь!... Господинъ Ронсіа!... вы мнѣ говорите дружески ты!.. вы меня треплете по плечу!... О!... какая честь!...

Ронсіа. Вы сегодня въ духѣ, Реми!... слѣдовательно вамъ лучше, я очень радъ...

Реми. Да, мнѣ очень хорошо.... А вы все тотъ-же самый Ронсіа, что и было лѣтъ шесть тому?...

Фово (*всторону*). Начинаетъ портиться!... (*Съ своего мѣста Реми.*) Скажите-же, Реми, что вы.

Реми (*обращается ко всѣмъ*). Слушайте, что господинъ Ронсіа будетъ говорить.... мы васъ ждемъ, господинъ Денисъ Ронсіа! что же дальше.

Ронсіа. Ну, слушайте же!... Я признаюсь предъ всѣми, что я васъ обидѣлъ, но вы также отчасти и меня. Вы меня называете безчувственнымъ, вы разсказываете всѣмъ мои поступки, ихъ всѣ уже знаютъ!... Вы всѣхъ хотите вооружить противъ меня, и успѣли въ этомъ. Какъ я шелъ сюда, всѣ женщины указывали на меня пальцами, какъ на чудо; и даже мальчики чуть не закидали меня каменьями! Вы изъ меня сдѣлали посмѣшище всѣхъ.— Вы осрамили меня даже въ глазахъ госпожи Ла-Грандъ-Розы, когда прежде мы были въ очень близкихъ отношеніяхъ!...

Роза. Безстыдный!...

Ронсіа. О! не сердитесь!.. вы сами хотѣли, чтобы я предъ всѣми откровенно говорилъ, и я исполняю вашу волю!... Я не хочу оставить это такъ, нужно окончить съ вами, господинъ Реми. Что вы требуете отъ меня?... Чѣмъ могу я загладить горе, которому я причиною?... Если вы будете требовать возможнаго, то мы скоро уладимъ.

Реми (*все спокойно*). Мнѣ требовать?... Что?... вы хотите предложить мнѣ деньги? Неправда-ли?... По какому поводу.... смѣю спросить, господинъ Ронсіа? Мнѣ очень хочется знать.

Ронсіа. Какъ?... вы развѣ не понимаете меня?...

Реми. Нѣтъ, извините, я ужасно старъ; и только что выздоровѣлъ, я совершенно потерялъ память.

Ронсіа. Вы шутите, Реми?... Развѣ вы уже ничего не помните объ?...

Реми. Я больше ничего не помню, и не хочу принять отъ васъ вознагражденія, не зная, чѣмъ я заслужилъ его.

Ронсіа. Я не говорю, что вы заслужили; но я виноватъ много предъ вами, вы всегда отвергали всѣ мои предложенія.... Вы

всегда были честнымъ человѣкомъ, я противъ этого ничего не говорю и вы думали, что я хотѣлъ жениться на вашей внучкѣ.

Реми. Вы просили у меня согласія на женитьбу? Въ самомъ дѣлѣ? постойте, честное слово, что-то не припоминаю этого... погодите!

Ронсіа. Ну, перестаньте же, господинъ Реми!... Я знаю вы все помните, и я ничего не скрываю отъ васъ. Да, я вамъ далъ слово жениться на вашей... Клоди, и не думалъ обмануть васъ! Ей Богу! не думалъ! Я былъ очень молодъ, вѣтренъ, совершенно глупъ; я влюбился въ вашу внучку, она была дитя, а потомъ.... знаете.... но это все можно поправить, бѣда не большая!...

Реми. Бѣда не большая?... обѣщать молодой дѣвушкѣ жениться на ней.... и кинуть.... нѣтъ, это ужасное преступленіе, господинъ Денисъ Ронсіа!... А можетъ быть она была недостойна?... или наконецъ были причины, по которымъ вы должны были оставить ее? (*Клоди встаетъ и беретъ Реми за руку; онъ сажаетъ ее возлѣ себя.*)

Ронсіа. Нѣтъ, я не смѣю обвинять Клоди, я виноватъ предъ вами и предъ ней.... Клоди была мнѣ вѣрна, однимъ словомъ я виноватъ. Чего-же больше вамъ нужно?

Реми. Какъ, вы оставили ее безъ всякой причины?

Ронсіа. По той причинѣ, чтобъ не впасть въ нищету, женяясь на дѣвушкѣ, которая ничего не имѣетъ.

Реми. А!... это правда!... она ничего не имѣла. Тетка, отъ которой могли надѣяться получить что-нибудь, вздумала на старости лѣтъ выйти замужъ, и тогда вы вдругъ перемѣнили ваше намѣреніе. Я не могъ вѣрить, чтобы это могло быть вашимъ оправданіемъ, что вы на это скажете?...

Ронсіа. Вы мнѣ не хотите вѣрить!... Выслушайте меня: Мои родители были люди богатые; и хотя они сами работали, но меня не пріучили къ работѣ. «Что тебѣ трудиться», — говорили они,— «ты богатъ, женись на комъ хочешь, ты одинъ сынъ у насъ». Я жилъ, ни о чемъ не заботясь, деньги выходили, и наконецъ оказалось у меня много долговъ; приходилось мнѣ или взяться за соху, или поправить состояніе свое хорошимъ бракомъ. Вотъ въ чемъ вина моя, я вамъ признаюсь, видите... Я промѣнялъ любовь на деньги, я сдѣлалъ то, что многіе дѣлаютъ въ моемъ положеніи!... Вотъ почему я удалился изъ своего дома и пріѣхалъ сюда искать невѣсты, съ намѣреніемъ, если я успѣю въ своемъ предпріятіи, обезпечить вашу будущность. Видите моя вина противъ васъ довольно простительна, потому-что я имѣлъ въ виду загладить ее, но вы мнѣ помѣшали. Окончимъ-те же; требуйте

отъ меня, чего вы хотите, и когда узнаютъ, что я исправилъ свой поступокъ, то больше не будутъ чуждаться меня.

Реми. Вы очень великодушны, господинъ Ронсіа. Неужели вы думаете, что какъ вы, я промѣняю честь свою на серебро! Или я долженъ быть униженъ до высшей степени, что вы осмѣливаетесь предъ всѣми предлагать мнѣ деньги! (*Сдѣлавъ шагъ впередъ, обращается ко всѣмъ.*) Добрые люди!.. скажите мнѣ, не сдѣлалъ-ли я въ продолженіи болѣзни какую-нибудь низость, которая могла бы дать право господину Денису Ронсіа сказать мнѣ подобную обиду!...

Фово. О!... нѣтъ, нѣтъ! вы человѣкъ, котораго всѣ должны почитать!...

Магдалина. Вы достойны уваженія, Реми.... и ваша внучка достойна васъ.

Роза. Безсовѣстный человѣкъ только въ состояніи предлагать вамъ деньги!...

Магдалина. Потише, госпожа Роза! Реми и такъ едва скрываетъ свой гнѣвъ. (*Сильвенъ выходитъ изъ своей задумчивости и смотритъ на Клоди.*)

Реми. Не бойтесь, госпожа Фово. Я также спокоенъ теперь, какъ буду въ часъ смерти моей. Это васъ удивляетъ?... Это также удивляетъ тебя, Ронсіа!... Ты, можетъ быть, часто спрашивалъ самого-себя, отчего я терплю пять лѣтъ?... Отчего я, старый солдатъ, который прошелъ чрезъ огонь и воду, и сильнѣе тебя, человѣка, который никогда не трудился, не размозжилъ тебѣ голову. Я также, въ свою очередь, хочу поговорить съ тобой и признаться тебѣ.... Я былъ ослѣпленъ, я былъ несправедливъ къ своей дочери. Да, я думалъ, что она еще сохраняетъ къ тебѣ любовь. Теперь я прошу у ней прощенія... (*Обнимаетъ Клоди; къ Денису.*) Но знай.... я не разъ бралъ въ руки топоръ и поджидалъ тебя у опушки лѣса; не разъ бросалъ его, видя слезы, проливаемыя дочерью моею. Не разъ я видѣлъ, какъ Клоди моя на колѣняхъ горячо молилась.... я думалъ, что она за тебя молится!... я думалъ, что она любитъ тебя.... и поэтому я не мстилъ тебѣ....

Денисъ (*смущенный*). Если бы я зналъ, Реми, что Клоди сохраняла еще привязанность ко мнѣ.... но она сама объявила, что уже больше не любитъ меня.... и потому я не могъ сдѣлать вамъ никакого предложенія.

Реми. Она говорила правду.... я знаю это; и знаю это только съ сегодняшняго дня.... Вотъ отчего ты видишь меня спокойнымъ... потому что я, не боясь, могу наказать тебя....

Фово. Реми, Реми !... не горячитесь !...

Ронсіа. Эхъ, оставьте его. Я не буду защищаться противъ старика такихъ лѣтъ. Я лучше уйду....

Реми. Не бойся, Денисъ Ронсіа !... Ты мнѣ больше не нуженъ. Я думалъ сперва, что ты золъ, но вижу, что ты только низокъ и бездушенъ !... Я презираю тебя.... Вотъ единственное мое наказаніе !... Долой съ глазъ моихъ, несчастный, я тебя прощаю. Убирайся съ твоимъ честолюбіемъ и лѣностью, съ твоими деньгами и съ твоими предложеніями....

Фово. Славно,... славно.... это дѣлаетъ честь вамъ, Реми.

Магдалина. Да, это очень хорошо, Реми !... очень хорошо !...

Роза. Славно !... Славный поступокъ !...

Ронсіа (*борясь съ стыдомъ*). А это такъ !... осрамить меня, и вооружить всѣхъ противъ меня !... О !... я найду средство заставить молчать васъ.... Я еще не знаю, что мнѣ дѣлать.... но я подумаю,... найду средство.... я вамъ надѣлаю такихъ вещей, которыхъ вы и не ожидаете.... (*Хочетъ уйдти.*)

Роза. Въ ожиданіи — вотъ двери, чрезъ которыя вы свободно можете выйти, васъ никто не остановитъ.... Неправда-ли ?...

Ронсіа (*возвращаясь*). Вы думаете, что я выйду отсюда.... осрамленный.... обезчещенный !... нѣтъ вы ошибаетесь.... и я вамъ докажу, что я не такъ подлъ, какъ вы полагаете.... Реми, выслушайте меня.... Клоди, скажи, что ты все любишь меня.... и что для меня.... ты даже отказала многимъ женихамъ.... (*Сильвенъ встаетъ.*) Чортъ побери меня !... если я не женюсь на тебѣ !... (*Молчаніе*) Ну, что-же !... Клоди вы меня совсѣмъ не слушаете !... Я, Денисъ Ронсіа, предлагаю вамъ руку,... честное слово !... ну, скорѣе-же.... поладимъ !...

Реми (*къ Клоди, которая, въ продолженіе этой сцены, сидитъ около своего отца*). Дочь моя !... слышишь ты ?... На это тебѣ.... тебѣ отвѣчать.

Клоди (*встаетъ, съ твердостью*). Дѣдушка, чтобы согласиться выйти за человѣка—нужно уважать и любить его.... и дать въ этомъ клятву предъ алтаремъ !... но когда чувствуешь, что только презираешь этого человѣка.... это значитъ сдѣлать преступленіе. Я отказываюсь.

Ронсіа. Въ самомъ-дѣлѣ ?...

Клоди. Я отказываюсь....

Роза. Я-бы тоже самое сдѣлала на ея мѣстѣ....

Реми (*къ Ронсіа*). Твое предложеніе не принято. Теперь я имѣю право требовать отъ тебя исполнить мою волю....

Ронсіа (*кладя свою шляпу*). А!... слава Богу!... наконецъ-то!... ну, что такое?...

Реми. Я требую, чтобы ты оставилъ нашу сторону!...

Ронсіа. Честное слово!... съ удовольствіемъ,... я давно уже думалъ объ этомъ.... Притомъ-же, мнѣ не совсѣмъ то пріятно, чтобы указывали на меня пальцами. — Прощайте, друзья!... я поѣду къ своему дядѣ въ Ратонъ.... отсюда будетъ около 30 лье.... и тамъ женюсь по моему выбору!... (*къ Реми*) Одно прошу васъ, не приходите туда на жатву!... оставьте меня въ покоѣ!...

Реми (*взявъ его за воротникъ и нагибая его*). Ты мнѣ не имѣешь право дѣлать условій.... я тебѣ запрещаю являться туда, гдѣ будетъ дочь моя!... клянись!...

Ронсіа. Клянусь.... (*къ Розѣ*) и безъ сожалѣнія!...

Реми. Проститъ Богъ тебя, какъ мы простили!... Желаю тебѣ исправиться и загладить свои грѣхи!... Теперь можешь отправляться!... Прощай!

Ронсіа. Прощайте, Реми!... (*Надѣвая шляпу.*) Прощайте, друзья!... (*Уходитъ.*)

—

VIII.

ТѢ ЖЕ, кромѣ ДЕНИСА-РОНСІА.

(*Магдалина подходитъ къ Сильвену; Роза къ Клоди; Фово вмѣстѣ съ Реми на своихъ мѣстахъ.*)

Фово. Чортъ возьми!... знаете вы, что-то вы очень и очень... поторопились.... и къ чему ваша внучка отказала Денису.... онъ этимъ искупалъ свой проступокъ!...

Реми. Да, это-бы прекратило людскіе толки;... но за то было-бы куплено очень дорого.... клятво-преступленіемъ!... мы, христіане, Фово!...

Фово. И можно сказать — добрые христіане!... Знаете, что ваша Клоди имѣетъ благородную гордость, которая, въ глазахъ нашихъ, очень возвышаетъ ее.... И вы, Реми, человѣкъ какихъ мало на свѣтѣ. Мнѣ стыдно, что я огорчилъ васъ сегодня!... въ-самомъ-дѣлѣ.... я разгорячился.... но теперь.... забудемъ.... дайте руку!...

Реми (*пожимая ему руку*). Отъ всего сердца!...

Фово (*замѣтя, что Сильвенъ ихъ подслушиваетъ*). Потише поговоримъ,... насъ подслушиваютъ....

Реми (*не понижая голоса*). Отчего-же?... Если думаютъ дурное о моей внучкѣ.... такъ вамъ слѣдуетъ оказать ей уваженіе, котораго она достойна!...

Фово (*въ полголоса*). Да, да.... это слѣдуетъ!... но теперь будьте благоразумнѣе и слушайте меня; если вы хотите, чтобы Клоди вышла за-мужъ, такъ вамъ не нужно разглашать объ ея несчастіи.

Реми. А!... вы думаете, что дочь моя не можетъ найти себѣ жениха, который бы больше обращалъ вниманіе на ея душевныя качества, чѣмъ на мнѣнія свѣта!...

Фово. Разумѣется!... но если дѣти не обращаютъ вниманія на мнѣнія свѣта, такъ родители должны обращать....

Реми (*толкнувъ локтемъ Фово, и указывая на Розу, которая все съ Клоди тихо говоритъ*). Смотрите, хоть про г-жу Розу, будь сказано между нами, носились слухи и побольше, чѣмъ про мою дочь.... однако-же, развѣ честный человѣкъ не женится на ней, за ея доброе сердце?...

Фово. Что вы хотите этимъ сказать!...

Реми (*все тихо*). И какъ притомъ она богата,... то многіе изъ родителей желали-бы женить на ней сыновей своихъ....

Фово (*горячо*). Что это вы хотите упрекнуть меня, говоря мнѣ такія вещи.

Реми (*громко*). Нѣтъ, вы ошибаетесь, если принимаете на свой счетъ, я думалъ только о своей дочери!... Въ глазахъ моихъ, Клоди чиста, по этому нечего говорить, что она осуждена мнѣніемъ свѣта!...

Фово (*громко съ гнѣвомъ*). Я раздѣляю мнѣнія свѣта, по этому я не хочу, чтобы имъ презирали! (*Съ удареніемъ.*) Не хочу, потому что вы лучше меня умѣя говорить, принимаете меня за дурака!...

Магдалина (*бросаясь между ними*). Ну что!... опять ссора....

Роза (*уводя Реми*). Что случилось?... ты опять начинаешь съ Фово?...

Фово. Какъ-же?... Этотъ старикъ много воображаетъ.... онъ очень гордъ....

Реми (*спокойно*). Гордость моя!... нѣтъ.... не въ томъ дѣло, Фово; вы меня не понимаете. Гордость моя исчезла,... я растоптал ее сегодня!... я принесъ ее въ жертву Великому Судьѣ, Который возвратилъ мнѣ чудомъ силы, въ то время, когда обиженная дочь моя нуждалась въ нихъ!... Я былъ въ гнѣвѣ!... Я съ ума сходилъ.... болѣзнь боролась во мнѣ съ выздоровленіемъ.... и тогда гордость моя, какъ вы говорите, исчезла, какъ туманъ предъ лучами солнца!... Богъ всемогущъ!... Богъ всесправедливъ!... Онъ хочетъ, чтобы на землѣ царствовало правосудіе! (*Фово сидитъ на своемъ мѣстѣ.*)

Сильвенъ (*предъ Реми*). Вы говорите правду, вотъ отчего гордость моя уничтожается предъ вами!... Я прошу у васъ руку вашей внучки, я хочу быть ея подпорой.... вы научили меня достойно уважать ее.... (*Реми дѣлаетъ знакъ, что на это Клоди должна отвѣчать. Сильвенъ къ Клоди.*) Клоди, простите меня.... примите мое предложеніе.... любовь моя къ вамъ не имѣетъ границъ. Не презрѣніе я чувствовалъ, когда я узналъ истину.... но ревность кипѣла во мнѣ!... я васъ буду любить и защищать васъ, какъ вашъ дѣдушка.... Положитесь на меня.... я не боюсь свѣта,... я заставлю почитать свою жену!...

Клоди. Нѣтъ, Сильвенъ я поклялась наказать сама себя, неся одно страданіе за мою вину....

Магдалина (*къ Клоди*). Клоди вы, можетъ быть, боитесь насъ огорчить.... и потому такъ говорите, но видите я сама прошу васъ....

Клоди (*къ Магдалинѣ*). Я готова жертвовать жизнью за васъ, но не просите меня объ этомъ....

Роза. Я больше всѣхъ обидѣла васъ Клоди.... хотите, чтобы я на колѣнахъ просила васъ!...

Клоди. Госпожа Роза, я должна на колѣнахъ благодарить васъ за ваше добро,... но не просите у меня того, чѣмъ я не могу располагать.... (*Сильвенъ обезнадеженный бросается на шею къ своему отцу.*)

Фово. Дочь моя.... вамъ слѣдуетъ говорить такъ.... но сжальтесь надъ моимъ сыномъ!... и надъ....

Сильвенъ. О!... Благодарю!... благодарю.... батюшка!...

Клоди. Батюшка Фово.... я почитаю васъ.... люблю васъ.... но не могу послушать васъ....

Сильвенъ (*плачетъ*). О!... Боже мой!... Боже мой!... она не любитъ меня!...

Реми (*взявъ руку Клоди*). Клоди.... теперь моя очередь просить тебя.... что жъ ты откажешь своему дѣду!...

Клоди. Я не могу, дѣдушка, отступить отъ клятвы.

Реми. Я старъ!... я освобождаю тебя отъ клятвы!... Богъ проститъ меня! Я приказываю тебѣ повиноваться и выйти за этого человѣка!... (*Клоди въ изнеможеніи падаетъ на шею къ Реми.*)

Сильвенъ. Она блѣдна.... она страдаетъ!... ненавидитъ меня!...

Реми (*поддерживая дочь свою*). Нѣтъ, она тебя любитъ.... скрывать это было сверхъ ея силъ.... но я знаю!... она съ сожалѣніемъ оставляла васъ.... она плакала.... она призналась мнѣ!... вотъ почему я и возвратился.... (*Подымаетъ руки.*) Благодарю Тебя, Боже, что Ты позволилъ мнѣ, предъ смертью, устроить будущность дочери моей!... (*Слышенъ колокольный звонъ на сельской церкви, къ Сильвену и Клоди.*) На колѣна, дѣти мои! (*Прочимъ.*) На колѣна, друзья, звонятъ къ вечернѣ!... (*Всѣ становятся на колѣна, а онъ остается на ногахъ.*) Это часъ, данный Богомъ для отдохновенія отъ трудовъ дневныхъ, а завтра этотъ колоколъ разбудитъ насъ, и соберетъ на работу! (*Даетъ знакъ, чтобы всѣ встали и подымаетъ дѣтей.*) Трудъ не есть наказаніе для человѣка; силы его — есть награда небесъ. Трудъ — слава человѣка! О! теперь я совершенно излечился.... я чувствую въ себѣ новыя силы къ трудамъ; я снова буду трудиться.... теперь я вполнѣ счастливъ!...

*

Сильвенъ. Теперь мы не разлучимся!... мы вмѣстѣ будемъ жить, вмѣстѣ будемъ трудиться!...

Реми. Да, сынъ мой!... будемъ трудиться во славу Бога.... Теперь я чувствую, что я доживу до вѣка!... (*Всѣ его окружаютъ. Занавѣсъ.*)

=

II.

ОТДѢЛЪ ПОВѢСТВОВАТЕЛЬНЫЙ.

ЛѢСНОЙ СКИТАЛЕЦЪ.

РОМАНЪ ГАБРІЭЛЯ ФЕРРИ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Между-тѣмъ изъ ограды Золотой Долины и отъ основанія пирамиды поднялся глухой шумъ. Охотникъ, осторожно сложивъ на землю голову молодаго человѣка и вооруженный карабиномъ, вскарабкался на платформу.... и глаза его увѣрились въ томъ, чѣмъ былъ встревоженъ слухъ. Воротясь назадъ, онъ засталъ уже Фабіана на ногахъ.

— Что тамъ такое? — спросилъ молодой человѣкъ.

— Ничего особеннаго, кромѣ дюжины шакаловъ, которые, почуявъ запахъ крови, шарятъ близъ озера и роютъ землю.

— Да.... правда.... тамъ кровь, — отвѣчалъ Фабіанъ, не скрывая своей грусти.

За этимъ отвѣтомъ послѣдовало молчаніе и собесѣдники усѣлись

на землѣ, на которой, какъ на мягкой постелѣ, крѣпкимъ сномъ спалъ безпечный Пепе. Фабіанъ, молча, указалъ на спящаго; Боа-Розе улыбнулся и отвѣчалъ.

— Онъ молодецъ.... онъ знаетъ, что я не сплю для него и спитъ себѣ препокойно. Пусть спитъ, коли на совѣсти у него теперь стало легче, съ тѣхъ-поръ, какъ онъ исполнилъ свою клятву, какъ исполнилъ относительно васъ то, что должно было привести васъ въ восторгъ! Послѣдуйте его примѣру, дитя мое, до четырехъ часовъ утра къ услугамъ вашимъ еще ровно два часа.

— Я спалъ довольно, и прежде, чѣмъ проснется Пепе, мнѣ нужно переговорить съ вами о вещахъ очень важныхъ.

При этой откровенности Фабіана сильно забилось сердце въ груди канадца. — Съ трепетомъ и остановивъ дыханіе онъ ждалъ, когда Фабіанъ начнетъ свою исповѣдь.

— Довольно провелъ я ночей, какъ брожу подъ открытымъ небомъ, — сказалъ Фабіанъ. — Выросши среди пустынь, я прислушался ко всѣмъ таинственнымъ отголоскамъ ночи.... Но теперь мнѣ все кажется, что я слышу вздохи двухъ голосовъ.... голосовъ, какихъ я никогда еще не слышалъ.

— А! это васъ тревожитъ ложный отголосокъ раскаянія.... — отвѣчалъ канадецъ. — Нѣтъ, — продолжалъ онъ; —эти два человѣка погибли, казненные правосудіемъ Бога!... Оставимте этотъ грустный предметъ —и поговоримъ лучше о будущемъ, которое сулятъ вамъ эти богатства, которыхъ вы отнынѣ настоящій хозяинъ. О, Фабіанъ, не забудь, въ вихрѣ новой жизни, о старикѣ, который былъ твоимъ временнымъ другомъ.

— Ахъ! — продолжалъ охотникъ, — когда въ молодомъ человѣкѣ, который прерывающимся отъ страданій и усталости голосомъ просилъ гостепріимства у моего очага, когда, говорю, въ немъ я узналъ дитя, мною на всегда оплаканное, то тогда-же я осмѣлился надѣяться что-нибудь сдѣлать для васъ и, кажется, я не измѣнилъ своему слову.

Въ самый тотъ моментъ, когда Фабіанъ готовъ былъ отвѣчать на слова канадца, — послышался отдаленный шумъ, раздавшійся у основанія холмовъ и повторившійся громкимъ эхомъ въ долинѣ. Въ туже минуту ночной вѣтерокъ донесъ до слуха обоихъ говорящихъ не такъ сильные удары, казалось, отъ волканическаго взрыва Туманныхъ

горъ. Этотъ отдаленный шумъ приближался время-отъ-времени какими-то прерывавшимися не надолго звуками. Желая внимательнѣе прислушаться къ этому явленію охотникъ сдѣлалъ знакъ рукой Фабіану, чтобъ тотъ повременилъ своимъ отвѣтомъ....

Въ эту минуту проснулся Пепе и приблизился къ Боа-Розе.

— Вотъ, — сказалъ онъ, — такой-же точно шумъ, какой мы слышали въ эту ночь.... но слушайте.... по долинѣ разсыпались огни. Ахъ, несчастные, они потеряли свой лагерь, индѣйцы, кажется, опрокинули укрѣпленіе; если это такъ, то всякій этотъ выстрѣлъ уничтожаетъ человѣка, и апахи составляютъ себѣ коллекцію воинскихъ доспѣховъ. Бѣда намъ, если индѣйцы истребили все ,потому что все-таки сосѣдство нашей экспедиціи служило намъ защитой. Намъ придется остаться здѣсь долѣе, чѣмъ одну ночь, Боа-Розе.

Трое друзей начали снова прислушиваться, сохраняя глубокое молчаніе. Пепе правду сказалъ, что все вниманіе индѣйскихъ ордъ было занято корпусомъ авантюристовъ; и, благодаря ихъ диверсіи, наши знакомцы, эти трое безстрашныхъ странниковъ могли такъ далеко проникнуть въ пустыню. Впрочемъ, мы уже сказали, что отважная эта экспедиція подъ предводительствомъ канадскаго охотника и Пепе была уже не первая, такъ далеко проникнувшая, и другія прежде ея не менѣе счастливо доходили до этихъ опасныхъ равнинъ. Для нашихъ странниковъ было весьма ясно, что опасность приближалась.

Часъ и мѣсто, какъ нарочно, внушали имъ печальныя размышленія; опасность видимо приближалась.

Залпъ выстрѣловъ, казалось, приближался все болѣе и болѣе, въ тѣ минуты, какъ со стороны пирамиды, за которою скрывались наши герои, показался бѣглецъ, легко могшій навести двадцать индѣйцевъ на Боа-Розе и его товарищей.

— Если только ихъ будетъ около двадцати, — отвѣчалъ Боа-Розе на опасеніе, выраженное бывшимъ карабинеромъ,—и хотя-бы они успѣли занять позицію равносильную нашей, клянусь, что ни одинъ изъ нихъ не осмѣлится сдѣлать лишняго шага впередъ.... И кстати, Фабіанъ, я еще разъ повторю вамъ совѣтъ мой, которымъ вы не должны пренебречь.... У васъ слишкомъ кипучая кровь, дитя мое, и опасность васъ опьянитъ; помните, что каждый изъ насъ долженъ стрѣлять не иначе, какъ по очереди, не надо торопиться и

третій изъ насъ не прежде посылаетъ свой выстрѣлъ, какъ у двоихъ его товарищей будутъ заряжены ружья!

— Выгоду этой тактики другъ Пепе столько-же дозналъ на опытѣ, сколько и вы, и такимъ манеромъ на каждаго изъ насъ придется по шести человѣкъ — вещь не очень страшная, хоть всѣхъ ихъ вмѣстѣ составится восемнадцать. Но въ случаѣ большаго ихъ числа, дѣло пойдетъ довольно серьезно, потому-что послѣ шести залповъ обыкновенно ружейный стволъ разгорячается, засаривается и пуля тогда идетъ уже не совсѣмъ прямо; но для меня это все-равно, потому что я равно мечу на право и на лѣво и не даю промаха, что до васъ, то, да не оскорбится ваше самолюбіе, я вамъ совѣтую мѣтить неиначе какъ въ грудь....

Въ продолженіе того, какъ Боа-Розе излагалъ эти совѣты съ хладнокровіемъ и точностью фехтовальнаго профессора, гулъ пальбы затихъ снова и черезъ четверть часа его совсѣмъ уже не стало слышно....

Между-тѣмъ приближался разсвѣтъ.... Боа-Розе предложилъ товарищамъ завтракъ изъ сухихъ плодовъ. Теперь Фабіанъ чувствовалъ, что наступилъ наконецъ часъ, когда онъ долженъ открыть планы своего будущаго тому, на кого чувство благодарности внушало ему смотрѣть, какъ на своего роднаго отца.

— Боа-Розе! отецъ мой! — сказалъ Фабіанъ.

Говоря это, онъ сильно схватилъ и пожалъ руку охотника, которая обнимала его. Фабіанъ началъ:

— Слушайте, друзья мои, — сказалъ онъ, — слушайте вы оба. Я слишкомъ положился на свою моральную силу, — продолжалъ онъ, — я нашелъ себя въ состояніи бодро слѣдовать на равнѣ съ мщеніемъ и честолюбіемъ также. Но мщеніе мое удовлетворено, честолюбіе также достигнуто. Ночь и пустыня мнѣ дали совѣтъ и я воспользуюсь страшнымъ урокомъ. Знатный сеньоръ пришелъ умереть сюда темною глухою смертью; жадный бандитъ нашелъ свой гробъ близъ тѣхъ сокровищъ, которыхъ такъ сильно онъ алкалъ. Что-же осталось мнѣ одному?

Старикъ поднялъ на Фабіана взоръ, полный ласки и участія.

— Продолжай, — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Богатство, — продолжалъ Фабіанъ, — какъ я это узналъ по опыту, получаетъ свою цѣну только за потъ, которымъ оно покупается,

а чѣмъ я за него заплатилъ?... Неужели я жилъ съ вами за тѣмъ, чтобы научиться неумѣнію цѣнить мудрость вашихъ уроковъ, золото это мнѣ ненавистно; я пролилъ кровь, чтобы воспользоваться наслѣдствомъ мертвыхъ; нѣтъ, я не дотронусь до этого золота.... Нѣтъ.... Боа-Розе.... отецъ мой.... вы говорите, что дитя ваше было окружено роскошью; но я забылъ ее, и на памяти у меня одни только дни моей суровой и трудолюбивой юности. Я одинъ въ моемъ поколѣніи, свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ и, будучи еще очень молодъ, я успѣлъ забыть и мертвыхъ и живыхъ. О! мой отецъ, другъ мой! я молю тебя о милости позволить мнѣ остаться здѣсь, близъ тебя, въ пустыняхъ этихъ раздѣлить твои опасности, твою славу... Я не хочу въ эти роскошные города, которые ты такъ увлекательно описывалъ.... Скажи мнѣ, Боа-Розе, скажи и ты Пепе, хотите-ли вы этого?

— Убей меня громъ, если я этого хочу! — отвѣчалъ экскарабинеръ страннымъ голосомъ, стараясь въ немъ скрыть внутреннее свое движеніе.

— А вы, отецъ мой, вы ничего не говорите? — кротко спрашивалъ молодой человѣкъ.

Старый охотникъ остановился въ-самомъ-дѣлѣ неподвиженъ и нѣмъ. Подъ вліяніемъ этой невыразимой радости, онъ въ состояніи былъ только разставить огромныя свои руки и вскрикнуть какимъ-то порваннымъ голосомъ:

— Сынъ мой, Фабіанъ мой! сюда на мое сердце!

И молодой человѣкъ былъ тотчасъ-же заключенъ въ нѣжныя объятія великана. Съ этой минуты для Боа-Розе началась новая жизнь; съ-этихъ-поръ онъ нашелъ свое дитя и ужъ не думалъ болѣе о разлукѣ съ нимъ. Потомъ онъ поднялъ его на мощныхъ своихъ рукахъ, какъ новорожденнаго младенца и какъ отецъ поручалъ его Богу:

— О, Боже! — сказалъ онъ, — будь милостивъ ко мнѣ. Но я не въ силахъ измѣнить его мысли и желанія.

— Въ этомъ рѣшеніи вы можете однако-жъ раскаяться, — сказалъ молодому человѣку Пепе, когда канадецъ тихо опустилъ Фабіана на землю, — подумайте о томъ, пока есть еще время!

— Я зрѣло обдумалъ все! Что сдѣлаю я въ свѣтѣ, котораго совсѣмъ не знаю? — отвѣчалъ Фабіанъ. — Я добивался богатствъ и почестей собственно не для себя, а для того, чтобы раздѣлить ихъ съ другими.

Нѣсколько дней тому назадъ я надѣялся еще, но отнынѣ болѣе не надѣюсь, и я покраснѣлъ-бы отъ стыда, бывъ обязанъ своему состоянію въ полученіи того, въ чемъ она отказывала мнѣ, какъ человѣку, который кромѣ пламенной любви своей не приносилъ ей ничего болѣе.

Погруженные въ свои размышленія Боа-Розе и Фабіанъ не обратили никакого вниманія, что послѣ того какъ они сѣли подъ двѣ липы, росшія на вершинѣ платформы, эксъ-карабинеръ медленными шагами сошелъ на долину. Казалось, онъ повиновался одному изъ тѣхъ внезапныхъ побужденій, которыхъ слушаются какъ-то безотчетно, и которыя между тѣмъ своими послѣдствіями имѣютъ иногда столь сильное вліяніе на жизнь человѣка.

Луна, готовая уже исчезнуть, бросала между тѣмъ послѣдніе, магическіе свои лучи на Золотую Долину, когда Пепе сквозь чащу хлопчатника и ивъ пропустилъ свѣтъ ранней зори.

Съ какимъ-то меланхолическимъ вниманіемъ карабинеръ созерцалъ нѣсколько минутъ тѣ радужные лучи, которые бросали куски золота, первый видъ котораго послужилъ для него источникомъ столь страшныхъ помысловъ. Пепе никакъ не могъ себѣ простить того, что прежде чѣмъ онъ созналъ помыслы эти, не могъ ихъ изгнать изъ головы своей.

— За исключеніемъ количества, которое унесетъ донъ-Фабіана отъ этихъ сокровищъ,—думалъ онъ про себя,—все же ихъ останется здѣсь очень довольно для того, чтобъ губить души менѣе сильныя, чѣмъ моя. Не могши отнять у этихъ долинъ ихъ сокровищъ, покрайней-мѣрѣ я скрою блескъ ихъ отъ тѣхъ, кого-бы привелъ случай въ эти мѣста. Отнынѣ путникъ пройдетъ мимо этихъ сокровищъ, нисколько не подозрѣвая ихъ присутствія. И сколько, быть можетъ, этимъ самымъ я предотвращу преступленій, сколько душъ я спасу этимъ отъ гибели.

Говоря эти слова, Пепе ногою разбросалъ кучу золота, которое Кухилло сгребъ подъ свой плащъ, и когда оно презрительно было разбросано по долинѣ, охотникъ сбросилъ на кусты и плащъ бандита. Потомъ онъ вынулъ свой ножъ, срѣзалъ имъ нѣсколько охапокъ травы, ліанъ и тростнику и ими тщательно накрылъ сокровище.

Отнынѣ да не обличитъ ничто здѣсь присутствія золота подъ

зеленымъ этимъ покровомъ, малѣйшій блескъ его да исчезнетъ подъ нимъ; и да не жалѣетъ луна о томъ, что ей нельзя болѣе ласкать этого дива Создателя своими нѣжными лучами. Въ минуту, въ которую Пепе кончилъ свою работу, луна исчезла за далекими холмами.

Сдѣлавъ это, Пепе воротился назадъ и молча сѣлъ за ель, растущую на платформѣ, гдѣ канадецъ и Фабіанъ вели между собою слѣдующій разговоръ.

— Вы избрали прекрасный путь, дитя мое,—прерывающимся голосомъ сказалъ Фабіану охотникъ.—Вы угадали такъ, правда... Богатство сушитъ сердце, а городская жизнь утучняетъ только тѣло.

— Вы также изъ породы львовъ, Фабіанъ; пустыня, область ихъ власти. Укротить дикую лошадь, ловить рыбу вдоль рѣкъ и водопадовъ, охотиться въ лѣсахъ и долинахъ, которымъ нѣтъ ни предѣловъ, ни хозяевъ; искусно бороться съ непріятелемъ, разить его своими силами; потомъ, вечеромъ, огонь у очага, ясность звѣздъ небесныхъ, мечты подъ сводомъ неба, голосъ вѣтра и шумъ деревъ, журчаніе водъ, постоянно выростающая мелодія, которую поетъ природа для человѣка и которую заглушаетъ городской шумъ, вотъ жребій, предназначенный ему самимъ Богомъ.

О! сынъ мой! Неужели этотъ жребій недостоинъ потомка Медіановъ?

— Вы слышите это, Пепе, — закричалъ молодой человѣкъ; — не имѣете-ли вы и мнѣ предложить чего-нибудь въ свой чередъ?

— Право, нѣтъ! — сказалъ испанецъ, — въ ваши лѣта вершиною моего благополучія я считалъ чинъ капитана...

— Послушайте, Фабіанъ,—продолжалъ охотникъ,—первая же цѣна, которую вамъ удастся получить за шкурку выдры, увѣряю васъ, доставитъ гораздо болѣе удовольствія вамъ, чѣмъ цѣлые мѣшки золота, котораго вы можете набрать здѣсь. Я сдѣлаю изъ васъ такого же славнаго стрѣлка, какимъ я сдѣлалъ Пепе, и въ троемъ мы совершимъ прекрасныя дѣла. Теперь вамъ только не достаетъ хорошаго ружья кентукскаго, но я увѣренъ, что найдется добрая душа, которая ссудитъ насъ имъ... — заключилъ охотникъ.

— Чего-жъ мы ожидаемъ, что не отправляемся въ путь?—сказалъ Фабіанъ, съ улыбкой, вызванной удивительнымъ безкорыстіемъ канадца, который даже не думалъ о томъ, что оставляетъ не тронутымъ сокровища несчестныхъ богатствъ.

— Полноте вамъ объ этомъ толковать, донъ Фабіанъ,—сказалъ Пепе, коснувшись его руки.—Я захватилъ вонъ тамъ столько, что будетъ чѣмъ заплатить наличными за вашъ карабинъ.

Говоря это, Пепе показалъ Фабіану кусокъ золота величиною въ лѣсной орѣхъ, единственный заемъ, которымъ онъ позволилъ себѣ воспользоваться изъ той несмѣтной кучи золота, когда онъ разбрасывалъ его по землѣ съ цѣлью скрыть ее отъ людскихъ взоровъ.

Въ то время, когда наши друзья спускались съ холма по направленію, долженствовавшему привести ихъ къ мѣсту, въ которомъ они оставили Гайфероса, утренняя тишина позволила имъ разслышать галопъ лошади, который катился какимъ-то гуломъ по звучной долинѣ.

Внезапнымъ движеніемъ колыхнулось сердце канадца, но онъ скрылъ это движеніе, которымъ безпокоился внутренно.

— Это спускается сюда навѣрное какой-нибудь бѣглецъ изъ мексиканскаго лагеря, — сказалъ онъ, самъ впрочемъ не довѣряя словамъ своимъ.

— Дай Богъ, чтобъ только что-нибудь не хуже этого!—замѣтилъ Пепе.—Меня удивляетъ только одно обстоятельство: это то, что ночь была столько спокойна, когда неподалеку отсюда и индѣйскіе бродяги, и бѣлые хищники, и эти проклятыя сокровища....

— А! я примѣчаю всадника,—тихо сказалъ Фабіанъ,—но съ-тѣхъ-поръ, какъ скрылась луна, ночь такъ темна, что ни какъ нельзя различить другъ ли онъ нашъ, или врагъ. Это бѣлый, я въ томъ увѣренъ.

Всадникъ продолжалъ скакать по такому направленію, что, казалось, ему нужно было проскакать стороной пирамиды довольно далеко, какъ вдругъ онъ сдѣлалъ быстрый поворотъ, направивъ коня къ индѣйской гробницѣ.

— Гей! пріятель! Кто ты? — закричалъ Боа-Розе по-испански.

— Пріятель, какъ вы сказали!—отвѣчалъ всадникъ, котораго голосъ былъ знакомъ каждому изъ трехъ охотниковъ. Это былъ Педро-Діазъ.

— Выслушайте меня всѣ трое, —кричалъ онъ,—и спѣшите воспользоваться тѣмъ, что я вамъ скажу.

— Не хотите-ли вы, чтобъ мы сошли къ вамъ поближе?—спросилъ его канадецъ.

— Нѣтъ, не нужно.... быть можетъ у васъ тогда не достанетъ времени воротиться назадъ въ свою крѣпость. Индѣйцы завладѣли долиной. Всѣ мои товарищи убиты, самъ я едва успѣлъ спастись отъ общей сѣчи.

— Не даромъ мы слышали пальбу, — замѣтилъ Пепе.

— Не разспрашивайте меня болѣе,—прервалъ Діазъ ;—время дорого. Случай меня наткнулъ сейчасъ на плута, котораго-бы вамъ не слѣдъ было выпускать изъ своихъ рукъ, это Бораджу. Онъ ведетъ къ вамъ двухъ разбойниковъ этой пустыни и индѣйскихъ апаховъ, которыхъ сосчитать я не имѣлъ времени.

Я впереди ихъ только нѣсколькими минутами. Они гонятся по пятамъ моимъ. Прощайте ! Вы меня пощадили, когда я былъ вашимъ плѣнникомъ , да послужитъ-же это извѣстіе нѣкоторою уплатою моего вамъ долга. Самъ же я лечу извѣстить моихъ друзей, находящихся не далеко отсюда тоже въ опасности, потому-что преслѣдующіе меня разбойники, кажись, не успѣли скрыть своихъ намѣреній. Если вы отъ нихъ уйдете, то пробирайтесь до вилы Красной рѣки, тамъ вы встрѣтитесь съ молодцами, которые....

Стрѣла, пущенная невидимою рукой просвистѣла, какъ разъ мимо Діаза, прервавъ его рѣчь. Время было дорого и бросивъ это неполное извѣщеніе, авантюристъ кольнулъ лошадь и страшно закричалъ, давая этимъ послѣднее извѣстіе своимъ друзьямъ и послѣдній знакъ безстрашія своимъ врагамъ, которые его преслѣдовали.

— Сторожевые ! бѣда ! берегитесь !

Эхо все еще вторило этотъ крикъ тревоги, когда Діазъ исчезъ уже въ глубокой темнотѣ безпредѣльной долины. Въ это-же самое время въ разныхъ мѣстахъ долины, казалось, выли волки.

— Это индѣйцы,—сказалъ Боа-Розе.—Они увидѣли волковъ, которые тамъ терзали трупъ лошади и вотъ они подражаютъ ихъ воямъ для оклички себя, но этимъ извергамъ не удастся же обмануть такихъ старыхъ охотниковъ, какъ мы.

II.

Бораджа попадаетъ изъ огня въ полымя.

Для объясненія начала и свойства опасности, угрожавшей тремъ охотникамъ, необходимо возвратиться къ тому обстоятельству, при

которомъ мы разстались съ несчастнымъ Орохъ, повисшимъ надъ пропастью съ кускомъ золота, отнятымъ у скалы, которымъ столько лѣтъ она владѣла, но который теперь сжалъ онъ, какъ послѣднюю свою надежду, обѣими руками. Онъ обезпамятѣлъ уже совершенно не столько отъ страшной смерти, ему угрожавшей, сколько отъ нежеланія потерять добычу, за которую онъ ухватился всѣми своими силами: отдать Бораджѣ это сокровище, значило подарить ему свою жизнь. Ему собственное его сердце говорило, что даже само себя оно готово промѣнять на кусокъ золота и потеряннаго человѣка, — и онъ рѣшился увлечь съ собой въ пропасть предметъ жестокой жадности своего товарища.

Послѣдній же рѣзалъ безъ всякой пощады одну за другою нити каната, скрѣпляя свою страшную работу страшными ругательствами. Послѣдняя нить, державшая гамбузино, лопнула сама собой, и то черное пятно, которое замѣтили охотники проскользнувшимъ сквозь прозрачное полотно водопада — было тѣло Ороха.

Испуганный этимъ происшествіемъ и исчезновеніемъ куска золота, а не мученіями, которыя онъ причинилъ, Бораджа только смотрѣлъ взоромъ изумленія и ужаса въ самую глубь пропасти. Но было уже поздно; пропасть не должна была возвращать того, что поглотила. Черная бездна стонала, какъ ненасытное чудовище, показывая глазамъ несчастнаго только страшный мракъ.

Въ первый разъ въ жизни Бораджа пожалѣлъ о совершенномъ уединеніи, въ которое онъ ввергнулъ товарища своего Ороха.

Вмѣстѣ съ нимъ онъ потерялъ и надежду на борьбу съ дѣйствительными обладателями Золотой Долины. Онъ рѣшился дождаться ихъ отбытія! но такъ какъ ничто не могло увѣрить, что это отбытіе случится скоро, то ненасытимая жажда богатства, обладавшая имъ въ высшей степени, не долго позволила ему томиться ожиданіемъ.

Нѣмое бѣшенство смѣшалось съ нетерпѣніемъ, а причиною тому были три охотника. Поэтому онъ рѣшился, насчетъ даже своей страсти, согнать непремѣнно съ завиднаго мѣста тѣхъ, кто такъ надменно объявилъ себя единственнымъ обладателемъ Золотой Долины.

И такъ неукротимость страстей этихъ обоихъ плутовъ послужила единственною причиною такихъ большихъ опасностей для главныхъ

дѣйствующихъ лицъ нашего разсказа, какихъ они доселѣ еще не встрѣчали.

Ослѣпленный до сей поры положеніемъ Ороха, на которое онъ смотрѣлъ, какъ на гибель собственныхъ интересовъ, Бораджа, слушаясь единственнаго своего совѣтника — страсти, рѣшился воротиться, чтобъ искать въ лагерѣ себѣ помощи. Съ этою цѣлью онъ предпочелъ середину возможностей: то есть сдѣлать участниками своего открытія пятерыхъ или шестерыхъ изъ авантюристовъ, и съ ними потомъ бѣжать, оставя прочихъ выпутываться изъ ихъ дѣла, какъ они съумѣютъ.

Только два препятствія, которыхъ онъ не взялъ для своихъ расчетовъ, сдѣлали его рѣшеніе совершенно неудобоисполнимымъ; прежде всего разсѣяніе мексиканскаго лагеря, и потомъ присутствіе Діаза, смерть котораго ему такъ пріятно было-бы оплакать, но который, какъ мы знаемъ уже, ѣхалъ верхомъ на лошади, чтобъ принять начальство надъ экспедиціей вмѣсто дона-Эстевана.

Было уже довольно поздно, когда Бораджа рѣшился оставить на нѣсколько минутъ Золотую Долину.

Занятый мыслями, онъ задумчиво ѣхалъ по дорогѣ, по которой утромъ слѣдовалъ вмѣстѣ съ донъ-Эстеваномъ, Орохомъ и Діазомъ, ни какъ не думая, чтобъ этотъ послѣдній скакалъ за нимъ позади его только въ нѣкоторомъ разстояніи.

Намъ нѣтъ надобности говорить, что гораздо удобнѣе ему было, сдѣлавъ новый поворотъ къ Туманнымъ горамъ, проѣхать по долинѣ такимъ образомъ, чтобы его не замѣтили ни охотники, ни Діазъ. Это было почти около того времени, когда началось пораженіе мексиканцевъ.

Темнота ночи была страшная, когда на разстояніи одного лье отъ лагеря онъ услышалъ грохотъ пальбы. Съ безпокойствомъ Бораджа сталъ прислушиваться и почувствовалъ, что его обдало холоднымъ потомъ до самаго темени. Пальба, казалось, удвоилась.

Въ ужасѣ Бораджа остановилъ лошадь. Ѣхать впередъ или воротиться назадъ — было равно опасно; но, взявъ все въ расчетъ, онъ нашелъ, что ѣхать впередъ еще болѣе невыгодно и рѣшился на отступленіе. Лишь только онъ хотѣлъ привести въ дѣло свое рѣшеніе, какъ отозвавшійся позади его топотъ галопировавшей лошади еще болѣе навелъ на него страху.

Потомъ наконецъ смѣшавшійся въ потьмахъ съ мѣрнымъ топотомъ лошади чей-то голосъ довелъ страхъ его до ужаса.

Въ самомъ дѣлѣ это былъ голосъ Педро Діаза; ему уже нельзя было обознаться, потому что онъ кричалъ почти ему на уши:

— Это Орохъ, если я не ошибаюсь?

Для Бораджи это былъ голосъ смерти, которымъ звалъ его другой.

Въ ужасѣ несчастному и въ голову не пришло, что въ потьмахъ Діазъ принялъ его за Ороха, и онъ бросился впередъ.

Но топотъ лошади позади его сталъ еще быстрѣе и голосъ еще грознѣе. Бораджа, сломя голову, несся прямо на лагерь, ни мало не обращая вниманіе на перестрѣлку.

Мы уже замѣтили, что мексиканцы суевѣрны не надолго. Случайная встрѣча съ Діазомъ, которого Бораджа съутра считалъ погибшимъ, еще болѣе поразила и безъ того разстроенный мозгъ его муками Ороха. Но видъ индѣйцевъ, казалось, возвратилъ его снова въ міръ дѣйствительности.

Неудачно поворотивъ своего коня, Бораджа какъ разъ, лицо съ лицомъ, встрѣтился съ Діазомъ, не совсѣмъ къ нему расположеннымъ за утреннее его бѣгство.

— Долой! — кричалъ Діазъ, заградивъ ему дорогу. — Отъ меня два раза не бѣгаютъ.

Но въ это самое мгновеніе апахи окружили обоихъ всадниковъ, къ счастью еще, хоть это было впрочемъ противъ его воли, Бораджа схватился въ смертельную борьбу, отъ которой онъ готовъ былъ отказаться съ истиннымъ желаніемъ.

Это тѣ самые были два всадника, геройскихъ усилій которыхъ не могли не видѣть сражавшіеся еще въ лагерѣ мексиканцы. Вырвавъ изъ рукъ у одного индѣйца булаву, Діазъ воспользовался имъ ужаснѣйшимъ образомъ. Это его-то видѣли ускользнувшимъ подъ конецъ отъ многочисленнаго непріятеля, едва не обратившагося отъ него самого въ бѣгство; а плѣнникъ же, взятіе котораго оповѣстилось страшными криками торжества, бѣлый привязанный къ дереву, въ ожиданіи казни, — это былъ Бораджа, которому, по нашему мнѣнію, воздавалось по заслугамъ.

Увидѣвъ себя привязаннымъ къ колючему стволу желѣзнаго дерева и среди адскаго хоровода, предтечи его казни, Бораджа упалъ духомъ; къ тому-же въ душѣ его, въ эту минуту, родилось и страш-

ное раскаяніе за мученичество Ороха. Несчастному теперь вспали на мысль и злуполучные разсказы стараго Бенито и онъ понялъ, что попался въ руки врага еще болѣе неумолимаго, чѣмъ онъ самъ былъ къ гамбузино.

Томимый душевными муками, Бораджа позавидовалъ участи своего товарища, котораго такъ безчеловѣчно онъ обрекъ въ жертву ненасытной своей страсти. Орохъ, повисшій надъ пропастью и смотрящій блуждающимъ взоромъ на веревку, готовую лопнуть, казался несчастному на ложѣ розъ въ сравненіи съ его собственнымъ положеніемъ, когда дрожа, онъ подумалъ о предстоящей ему казни, которая могла продолжаться столько часовъ, сколько минутъ продолжались муки Ороха.

Орохъ хотя и умеръ, но тѣмъ не менѣе онъ умеръ съ своимъ сокровищемъ, на днѣ влажной, величественной своей гробницы, а Бораджа даже не могъ полюбоваться и малѣйшею частичкою всего того золота, которое исчезло вмѣстѣ съ его жизнію.

Авантюристъ покорился неумолимой логикѣ, господствующей надъ вещами этого бреннаго міра, которая хочетъ, чтобы зло неизбѣжно рождало зло, какъ равно она хочетъ, чтобъ добро всегда производило добро.

Вся долина озарена была свѣтомъ зажженныхъ телѣгъ. При этомъ заревѣ легко можно было различить плѣнника. Ноги его были скручены веревками и, дрожа, гнулись подъ тяжестью собственнаго его тѣла. Въ предсмертной тоскѣ, онъ бросалъ вокругъ себя дикіе взгляды. Его мучило моральное страданіе, равное мукамъ его жертвы. Не было въ существѣ его ни одной фибры, которая, при видѣ дикихъ фигуръ, упоенныхъ радостью предсмертной борьбы блѣднаго лица, не дрожала-бы мучительно.

Въ этотъ страшный моментъ Бораджа отдалъ бы всѣ сокровища Золотой Долины за то, чтобъ узнать причину ненависти индѣйскаго старшины съ разможженнымъ плечомъ, который повидимому долженъ былъ распоряжать его казнію, къ тремъ охотникамъ, убѣжище которыхъ ему было извѣстно. Но онъ не зналъ того. Съ своей стороны тоже и Черная Птица, какъ и странствователь, нисколько не подозрѣвали того, что плѣнникъ могъ провести ихъ воиновъ къ тѣмъ, чей слѣдъ они потеряли.

Между тѣмъ въ ожиданіи, когда Черная Птица подастъ воинамъ своимъ сигналъ къ торжеству, желѣзныя орудія вынуты были изъ телѣгъ, и раскаленныя на огнѣ превратились въ орудія мукъ. Тѣ, кому не достало желѣзъ, заострили палки или отточили ножи.

Послѣ всякой побѣды, которую удается индѣйцамъ одерживать надъ своими непріятелями, казнь плѣнниковъ составляетъ для нихъ верхъ радостей знаменитаго дня. Слова, сказанныя наканунѣ старымъ Бенито, прозвучали въ ушахъ Бораджи какимъ-то страшнымъ пророчествомъ. «Ежели уже угодно злой судьбѣ,—говорилъ онъ,—чтобы ты попалъ въ ихъ руки, то проси Бога, чтобъ въ этотъ день апахи были въ духѣ, тогда по-крайней-мѣрѣ казнь будетъ не такъ медленна».

И такъ замѣтивъ страшную веселость индѣйцевъ въ этотъ вечеръ, Бораджа не могъ не заключить, что казнь его продолжится пять-шесть часовъ, а если и больше нѣсколько, то за то ужъ ни какъ не меньше.

Одинъ индѣецъ, страшнаго вида, выступилъ впередъ и подойдя къ несчастной жертвѣ, сказалъ:

— Бѣлолицые болтливы, какъ попугаи, когда они въ большой комнатѣ, но какъ скоро ихъ привяжутъ къ столбу казни, они дѣлаются нѣмы, какъ рѣчные лососы. Не дерзнетъ-ли бѣлый пропѣть пѣснь смерти?

Бораджа не понялъ словъ индѣйца, и только глухой вздохъ былъ единственнымъ его отвѣтомъ.

Другой индѣецъ подступилъ къ злосчастному.

Глубокая рана на груди, отъ одного плеча до другаго, лежала на тѣлѣ дикаря, какъ впившаяся змѣя. Не смотря на повязки изъ древесной коры, изъ раны сочилась довольно обильно кровь.

Обмокнувъ свой палецъ въ собственную кровь, апахъ сдѣлалъ имъ знакъ на тѣлѣ и лбу Бораджи.

— Вся эта часть тѣла,—сказалъ онъ,—половина лба, глазъ и щека составляютъ мою часть и я отмѣтилъ ихъ для себя; я одинъ имѣю право вырвать ихъ изъ тѣла бѣлаго.

Но такъ какъ Бораджа нисколько не понялъ этой страшной угрозы индѣйца, то послѣдній кое-какъ съ помощію нѣсколькихъ словъ по-испански и довольно чувствительной пантомимы посредствомъ своего

ножа, объяснилъ ему довольно достаточно процессъ предстоящей казни. Въ жилахъ несчастнаго застыла вся кровь.

Затѣмъ, по примѣру первыхъ двухъ, изъ страшнаго круга къ плѣннику подступилъ и третій дикарь.

— А головная кожа ужъ будетъ моя! — сказалъ онъ.

— А мнѣ по праву, — сказалъ четвертый, — достается голый черепъ бѣлаго.

Бораджѣ невозможно было уже не понять всѣхъ этихъ подробностей, потому-что жесты дикихъ весьма ясно объясняли ихъ рѣчь.

Затѣмъ послѣдовалъ часъ отдыха, въ продолженіе котораго дикари пустились въ танецъ.

Раздались вдругъ вои до того странные, что они не были даже похожи на тѣ, которыми дикіе изъявляютъ свои радости и печали. Индѣецъ самое дикое животное пустыни; въ горѣ и радости онъ умѣетъ только выть.

Вои эти похожи были на ревъ нетерпѣнія свирѣпыхъ тигровъ.

Затѣмъ медленно поднялся и раненный предводитель, остававшійся вмѣстѣ съ Антилопомъ на вершинѣ возвышенія. Онъ сказалъ, что наступилъ срокъ, когда воины его могли начать истязанія своей добычи.

Но не насталъ еще послѣдній часъ Бораджи, это былъ только часъ его моральнаго очищенія.

Въ минуту, когда Черная Птица готовъ уже былъ начать ужасную драму, неожиданное событіе вдругъ остановило его.

Воинъ въ одеждѣ хотя индѣйской, но ничѣмъ другимъ не похожій на апаха, вдругъ явился среди круга, образуемаго огнями отъ телѣгъ. Хотя появленіе его, казалось, не удивило никого, но имя Местицо переходило уже отъ одного къ другому.

Незнакомецъ важно сдѣлалъ честь рукой обступившимъ его индѣйцамъ и пошелъ къ плѣннику. Пламя такъ живо освѣщало черты Бораджи, что вновь пришедшему легко было замѣтить страшную блѣдность, ихъ покрывавшую. На лицѣ незнакомца ясно можно было прочесть глубокое презрѣніе, смѣшанное съ жалостью; Бораджа сдѣлалъ невольный знакъ удивленія. Казалось, онъ распознавалъ въ немъ то таинственное лице, которое онъ видѣлъ днемъ, въ долинѣ Туманныхъ горъ.

Местицо заговорилъ было съ Бораджей по-англійски, но тотъ его

не понялъ, потомъ по-французски, наконецъ по-испански. Тогда Бораджа издалъ страшный крикъ радости.

— Ахъ! если вы меня спасете, то я вамъ дамъ столько золота, сколько только вы въ состояніи будете взять.

Бораджа прокричалъ эти слова съ такимъ убѣдительнымъ выраженіемъ, что незнакомый индѣецъ, мы можемъ его такъ назвать на томъ основаніи, что онъ болѣе принадлежалъ къ индѣйскому племени, чѣмъ къ породѣ бѣлыхъ, видимо пораженъ былъ его крикомъ. Его мрачная физіономія освѣтилась лучемъ живой радости.

— Въ самомъ дѣлѣ!—отвѣчалъ онъ, между тѣмъ какъ сверкнули глаза его.

— О! сеньоръ!—продолжалъ Бораджа, ломая себѣ руки,—навѣрно, такъ навѣрно, какъ то, что я могу здѣсь умереть ужаснѣйшею смертью, если только вы не спасете меня своимъ посредничествомъ. Выслушайте, мы пойдемъ вмѣстѣ, вы возьмете десять, двадцать, тридцать воиновъ, если вамъ угодно, и ежели завтра же, съ первыми лучами дня, я васъ не сведу лицомъ къ лицу съ богатѣйшимъ изъ золотыхъ родниковъ въ мірѣ, то тогда вы подвергнете меня мукамъ ужаснѣе тѣхъ, которыя меня здѣсь ожидаютъ... Если только возможно придумать что-нибудь ужаснѣе настоящаго моего положенія.

— Попытаюсь, — тихо сказалъ незнакомецъ. — Не говори болѣе ни слова. Эти индѣйцы, хотя вовсе не знаютъ цѣны золоту, боготворимому бѣлыми, но при всемъ томъ они не должны знать того, что ты мнѣ предлагаешь. Тише! насъ слушаютъ.

Порываясь, какъ можно скорѣе начать свое празднество, дикари въ самомъ дѣлѣ столпились вокругъ разговаривающихъ, издавая глухой шумъ.

— Хорошо! — громко добавилъ незнакомецъ по индѣйски, — я предложу начальнику выкупъ за кожу бѣлаго.

Говоря эти слова, онъ бросилъ вокругъ себя взглядъ до того значительный, что этотъ взглядъ заставилъ нетерпѣливѣйшихъ изъ дикарей отступить назадъ; незнакомецъ пошелъ къ Черной Птицѣ; взошедши на вершину возвышенности, гдѣ сидѣлъ старшина, онъ закричалъ:

— Гей! чтобъ никто изъ индѣйцевъ не смѣлъ коснуться плѣнника до-тѣхъ-поръ, пока оба предводителя не кончатъ своихъ переговоровъ.

Лучъ надежды блеснулъ въ очахъ Бораджи.

Въ продолженіе того, какъ его мучители поглядывали на него глазами кроваваго нетерпѣнія, злосчастный Бораджа, обратившись лицомъ къ незнакомцу, отъ котораго ожидалъ спасенія, чувствовалъ, какъ постепенно сердце его оживало надеждой. Посреди мучительнаго унынія, Бораджа испытывалъ до того страшныя ощущенія, что если бы они продолжились нѣсколько часовъ, онъ могъ бы посѣдѣть.

Переговоры двухъ старшинъ продолжались долго; Чорная Птица казался непреклоннымъ. Наконецъ и ни одно слово ихъ уже не долетало до ушей индѣйцевъ, при чемъ никакъ нельзя было разгадать ихъ жестовъ. Местицо, протянувъ руку, указывалъ на Туманныя горы, пальцомъ онъ описалъ кривую линію, что безъ сомнѣнія означало, что нужно ихъ перейти. Потомъ очертивъ кругъ, чтобъ тѣмъ изобразить, быть можетъ, обширную площадь долины, онъ показалъ содранныя кожи съ воиновъ въ лагерѣ и началъ подражать топоту ускакавшихъ коней.

Но индѣйскій предводитель все еще колебался, когда Бораджа, котораго глаза были устремлены на обоихъ переговорщиковъ, замѣтилъ, что лицо того, кто защищалъ его, приняло выраженіе печали и задумчивости, особенно въ ту минуту, когда онъ тихо сказалъ нѣсколько словъ на ухо Черной Птицѣ.

Не смотря на свое упорство, Черная Птица не могъ не вздрогнуть и подавить порывъ бѣшенства, заискрившагося въ глазахъ его, какъ искры раскаленнаго желѣза подъ ударомъ молотка. Наконецъ Местицо громко закричалъ, чтобъ всякій слушалъ его:

— Когда солнце сдѣлаетъ три круга, Красная Рука и Смѣшанная Кровь присоединятся къ Черной Птицѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Жила впадаетъ въ рѣку Красную, близъ водъ Бизоньяго озера. Тамъ апахи получатъ перемѣнныхъ лошадей, которыхъ приготовятъ для нихъ бѣлые охотники. И такъ тотъ, кто....

Черная Птица прервалъ странника, подавая ему свою руку.

Договоръ былъ вполнѣ заключенъ.

Тогда странникъ медленно сошелъ съ возвышенія, окинулъ отчаявшихся индѣйцевъ своимъ твердымъ и увѣреннымъ взоромъ; потомъ, извлекши свой ножъ, онъ перерѣзалъ веревки, спутывавшія Бораджу.

Не слушая словъ его горячей благодарности, незнакомецъ отвелъ Бораджу въ сторону и тономъ надменной угрозы сказалъ ему:

— Надѣюсь, что ты, любезнѣйшій, не будешь играть моею довѣрчивостью; меня ждетъ товарищъ тамъ (и онъ указалъ на Туманныя горы); я беру еще съ собою одиннадцать апахскихъ воиновъ.

— Ахъ! — закричалъ Бораджа,—этого очень мало. Сокровище оберегаютъ три человѣка, изъ которыхъ двое — страшнѣе цѣлаго легіона храбрыхъ. Никогда пули ихъ карабиновъ не миновали цѣли, на которыя они были наводимы.

Улыбка злой гордости скользнула по губамъ странника.

— Мы тоже съ Красной Рукой никогда не цѣлили мимо непріятеля своего, хотя бы онъ былъ не болѣе маиснаго зерна,—сказалъ онъ, показывая на свой тяжелый карабинъ.—Передъ нами обоими самъ соколъ слѣпъ и медленъ.

За этимъ индѣйцы оставили выжженный лагерь золотоискателей. Съ главнымъ своимъ отрядомъ раненный Черная Птица пошелъ по направленію къ Бизоньему озеру, а оба вѣстника его мщеній взяли другую дорогу.

Аптилопъ, съ десяткомъ воиновъ, пошелъ на вилу рѣки, чтобъ найти тамъ слѣдъ трехъ охотниковъ.

Съ одиннадцатью другихъ индѣйцевъ Местицо и Бораджа пошли по дорогѣ, ведшей въ Золотую Долину. Между тѣмъ и послѣднія повозки уже догорали и валились, шипя въ крови, которой не успѣла еще втянуть въ себя земля.

III.

Еще въ началѣ нашего разсказа мы говорили, какимъ образомъ звѣриная охота и поиски драгоцѣнныхъ металловъ въ лѣсахъ и пустыняхъ Америки, начиная отъ предѣловъ Канады до береговъ Тихаго Океана, послужили къ образованію новаго, особеннаго класса людей.

Мы представили уже, по силамъ нашимъ, внимательному читателю описанія лѣсныхъ странствователей и гамбузино.

Предки этихъ авантюристовъ, представителями нравовъ и характеровъ которыхъ, а равно и отцами золотоискателей являются канадецъ и испанскій охотникъ, боролись только съ законными обладателями лѣсовъ и пустынь, съ которыми они встрѣчались. Въ настоящее же

время потомкамъ ихъ приходится бороться съ непріятелемъ болѣе страшнымъ, чѣмъ индѣйцы.

Влюбленные въ дикую жизнь и дѣлаясь репегатами цивилизаціи, бѣлые заключали съ индѣйскими народами частые и временные союзы. Эти бѣлые были родоначальниками тѣхъ креоловъ, которые играютъ теперь важную роль въ пустынѣ. Какъ и вообще бываетъ, выродки эти, наслѣдуя пороки бѣлыхъ, сохраняютъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, и пороки индѣйцевъ.

Неугомонные грабители, страшные, какъ индѣйцы, по примѣру отцовъ своихъ, въ искусствѣ владѣть оружіемъ, въ одно и тоже время дикіе и цивилизованные, они говоря на нарѣчіи своихъ отцовъ и матерей, всегда готовые злоупотреблять своими познаніями, чтобъ только обмануть и бѣлыхъ, и индѣйцевъ, выродки эти часто дѣлаются ужасомъ пустынь и страшнѣйшими непріятелями всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ они встрѣчаются.

Прибавьте къ нимъ еще страшныхъ помощниковъ изъ индѣйцевъ, изъ бѣлыхъ, которые за преступленія изгнаны изъ городовъ и которые, уповая на безнаказанность, рыскаютъ по пустынямъ, отнимая пищу у дикихъ и жизнь у бѣлыхъ, и вотъ тотъ непріятель, съ которымъ нынче должны бороться охотники, трапперы (первые поселенцы въ Сѣверной Америкѣ) и всѣ золотоискатели.

Перейдемъ снова къ нашимъ охотникамъ.

Вѣсть Діаза, заставшая Боа-Розе какъ разъ среди плановъ его о будущемъ, была печальнымъ предзнаменованіемъ того, что всѣ эти планы не должны были никогда исполниться. Онъ и Фабіанъ молчали въ то время, какъ Пепе насвистывалъ какой-то военный маршъ.

Конечно, предчувствія канадца были-бы еще печальнѣе, если только это было возможно, и Пепе принялъ-бы извѣстіе о близкой опасности не столь храбро, если бы Діазъ могъ сказать, что между приближающимся врагами были двое самыхъ страшныхъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили. Уже два разбойника, оберегавшіе Бораджу, спустили въ подземный каналъ, ведущій отъ озера Золотой Долины къ Туманнымъ горамъ, челнокъ свой такъ искусно и осторожно, что его не то, чтобъ найти, но подозрѣвать даже тамъ было трудно.

Два этихъ разбойника были отецъ и сынъ. Мы ввели послѣдняго въ свой разсказъ подъ именемъ Местицо. Такъ называли его мексиканцы и апахи. Охотники же изъ Канады и съ равнинъ Миссисипи

прозвали его Смѣшанной Кровью, а американцы дали ему прозвище Полукровнаго, и слава объ этомъ человѣкѣ ходила всюду по пустынямъ, куда только заходили всѣ эти разнородныя породы людей.

Что же касается до перваго, прозваннаго на нарѣчіи бродячихъ авантюристовъ Красною-Рукой, то страшная извѣстность его помрачалась только продѣлками его сына.

Съ сердцемъ недоступнымъ состраданію, съ неумолимою жестокостью, съ демонскою ловкостью и храбростью, незнакомою съ страхомъ, отецъ и сынъ соединяли въ себѣ способность хорошо говорить, въ случаѣ надобности, по-англійски, по-французски, по-испански и сверхъ того они изъяснялись на всѣхъ пограничныхъ индѣйскихъ нарѣчіяхъ.

Въ послѣдствіи нашего разсказа намъ придется гораздо короче познакомиться съ этими двумя хищниками. Теперь же замѣтимъ только, что они, будучи попеременно то друзьями, то врагами и бѣлыхъ и индѣйцевъ; искусно заставляя тѣхъ и другихъ служить необузданнымъ своимъ страстямъ, равно пугали и индѣйцевъ и бѣлыхъ, приставая, смотря по надобности, то къ той, то къ другой сторонѣ.

Пріемъ хотя и довольно холодный, сдѣланный Черною Птицей и его воинами, надменное обхожденіе метиса и пожертвованіе военнопленнымъ, которое сдѣлалъ для него вождь красныхъ могутъ уже дать нѣкоторое понятіе о таинственномъ и могучемъ вліяніи этого человѣка на индѣйскія племена.

— Вотъ какъ! — сказалъ Пепе, переставъ насвистывать, между тѣмъ какъ оба товарища его окончили уже работу укрѣпленія, которую они начали съ разсвѣта, — неправду-ли я говорилъ, что странное желаніе провести здѣсь цѣлую ночь, навалитъ намъ на плечи тяжелое дѣло.

— Развѣ жизнь наша не должна быть почти непрерывнымъ рядомъ битвъ... А битва здѣсь или въ другомъ мѣстѣ, не все-ли равно?— замѣтилъ Фабіанъ.

— Все это такъ относительно Пепе и меня,—печально замѣтилъ канадецъ.—Но что до тебя, дитя мое, то я желалъ бы, не отрекаясь отъ жизни пустынной, отказаться изъ за тебя отъ этого пустыннаго существованія, исполненнаго однѣхъ опасностей. И планъ мой тотъ, что намъ лучше всего присоединиться къ путешественникамъ моей націи, которые плаваютъ на верховьяхъ Миссури, или всѣмъ тремъ

вмѣстѣ вступить въ компанію траппероръ горскихъ и охотниковъ на Орегонѣ. Тамъ ихъ наберется до сотни, и хоть они вдали отъ городовъ, но тѣмъ не менѣе, пока они находятся подъ командою храбраго и искуснаго своего предводителя, какихъ впрочемъ немало въ южныхъ штатахъ, — имъ нечего бояться.

— Я опасаюсь,—прибавилъ Пепе послѣ краткаго молчанія,—что мѣсто это намъ не совсѣмъ будетъ удобно для защиты себя, какъ и полагалъ я сначала. Съ вершины той скалы, съ которой падаетъ водопадъ, надъ нами легко могутъ взять верхъ.

— Вода падаетъ изъ средины тумана, и негодяи, засѣвшіе въ засаду въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вода свергается въ пропасть, останутся столько же невидимы для насъ, сколько и мы для нихъ. Насъ скрываетъ эта туманная пелена, и даже солнце не разсѣетъ мрака, которымъ окутаны эти горы.

— Это справедливо, — сказалъ Пепе въ отвѣтъ на возраженіе канадца; — за то одна минута ясности можетъ сдѣлать насъ цѣлью для ихъ ружей.

— Стало быть мы держимся еще только по милости Божьей,—замѣтилъ Фабіанъ.

Три охотника не могли не убѣдиться въ томъ, что жизнь ихъ зависѣла только отъ порыва вѣтра, могшаго сорвать туманную шапку, которой были увѣнчаны главы холмовъ и что, въ случаѣ наступательной атаки, имъ невозможно будетъ выбрать другаго мѣста.

— Ахъ! — сказалъ вдругъ Пепе,—мнѣ пришла мысль, и я хочу.... тише!... мнѣ послышалось будто идутъ тамъ на вершинѣ.

Оторвавшійся отъ верхнихъ скалъ камень съ шумомъ покатился въ это время въ пропасть.

— Да, тамъ эти негодяи!... Это вѣрно!—замѣтилъ канадецъ,—слушайте!

Но слышался только одинъ голосъ ревущаго каскада.

— Должно быть индѣйцы разсыпались на этихъ горахъ и по долинѣ, — прибавилъ Пепе,—но чтобъ тамъ не было, а мнѣ нужно взойти туда для приведенія въ дѣло моей мысли.

Зная обычную храбрость и ловкость своего товарища, столько разъ доказанную въ опасностяхъ, канадецъ не требовалъ объясненія его. Онъ вмѣстѣ съ Фабіаномъ только изготовилъ ружья.

Между тѣмъ, съ карабиномъ въ рукахъ, испанецъ почти на пят-

кахъ спускался по крутому косогору на долину и тотчасъ исчезъ въ темнотѣ. Послѣ нѣсколькихъ безпокойныхъ минутъ, Боа Розе и Фабіанъ снова увидѣли карабинера. Онъ вышелъ изъ за пирамиды и всходилъ на скалу, чтобъ соединиться съ своими друзьями. Въ рукѣ онъ несъ толстый плащъ Кухилло.

— А! чудесная мысль!—сказалъ Боа Розе.—Пепе мой всегда найдется кстати.

— Правда, правда. За этой шерстяной оградой, ни одно ружье насъ не достанетъ.

Верхніе концы плаща были тотчасъ привязаны на высотѣ человѣческаго роста къ стволамъ двухъ деревъ, росшихъ на платформѣ, а толстыя и висящія складки ихъ образовали такую стѣну, которая легко могла удержать всякую направленную въ нее пулю.

— Ну, съ этой стороны теперь намъ нечего бояться,—сказалъ Пепе, радостно потирая себѣ руки;—а вотъ съ другой, насъ защитятъ эти камни и еше защита камни, которые мы принесли. Стало быть мы твердо можемъ ждать непріятеля и если нужно, то и войти съ нимъ даже въ переговоры. Ахъ, Богъ мой! да вѣдь я могу теперь-же раскрыть вамъ весь планъ ихъ нападенія!—прибавилъ испанецъ съ видомъ главнокомандующаго, который впередъ уже разгадываетъ всѣ стратегическія движенія врага, съ которымъ ему предстоитъ сразиться.

— Въ самомъ дѣлѣ?—сказалъ Фабіанъ, улыбаясь хладнокровію бывшаго таможеннаго стража, который, подъ войлочною защитою плаща, легъ на спину и предался тихому созерцанію звѣздъ, блиставшихъ сквозь туманную мглу.

— Отличное удовольствіе;—продолжалъ Пепе,—но сначала вы лягьте по моему, да и тебѣ бы не мѣшало тоже самое сдѣлать, Боа-Розе, потому-что ты стоишь, словно одинъ изъ стволовъ этихъ сосенъ.

Фабіанъ и Боа Розе молча повиновались совѣту товарища, и теперь на долинѣ только замѣтны были фантастическій силуэтъ лошадинаго остова съ бѣлѣющимися костями, человѣческіе волосы развѣвавшіеся на шестахъ, да колыхавщіяся вѣтви сосенъ.

— Прежде всего, друзья мои, нужно обратить вниманіе на то обстоятельство,—началъ испанскій охотникъ,—что, такъ какъ мексиканскіе авантюристы, а ихъ тамъ безъ всякаго сомнѣнія ни одинъ, и

эти бродяги индѣйцы выбрали себѣ въ проводники плута, котораго вы называете Бораджей, то натурально, что онъ поведетъ ихъ по той-же самой дорогѣ, которую онъ избралъ, чтобъ увернуться отъ насъ; — и вотъ по какой причинѣ всѣ они взберутся на горы. При этомъ, безъ всякаго сомнѣнія, онъ будетъ имѣть еще и то въ виду для себя, чтобъ какъ можно подальше провести ихъ мимо долины.

Ежели еще справедливо и то, что онъ бросилъ задушевнаго своего друга съ вершины этой скалы въ пропасть, за тѣмъ чтобъ самому завладѣть большею частью сокровищъ Золотой Долины, то безъ всякаго сомнѣнія, онъ сдѣлалъ это не за тѣмъ, чтобъ открыть свою тайну новымъ своимъ союзникамъ. Я увѣренъ, что по долинѣ онъ ни за что не поведетъ ихъ, изъ страха потерять свои сокровища. Казалось,—прибавилъ Пепе послѣ минутнаго молчанія,—что само Провидѣніе внушило мнѣ мысль прикрыть поверхность холма травой и вѣтвями. Но я снова обращаюсь къ ихъ плану аттаки. Плуты будутъ стараться овладѣть вершинами горъ, что противъ насъ, и потомъ уже оттуда они будутъ убивать насъ поодиночкѣ, нисколько не подозрѣвая того, что перерѣжутся сами въ перекрестномъ огнѣ... Такъ видите-ль,—съ живостью окончилъ Пепе,—въ случаѣ нападенія, плуту Бораджѣ необходимо первому разбить голову.

Но увы! между тремя охотниками одинъ далекъ былъ того, чтобъ раздѣлить, по примѣру стараго карабинера, спокойствіе и увѣренность.

И это былъ Боа-Розе, въ душѣ котораго произошелъ внезапный переворотъ — съ той минуты, какъ онъ увидѣлъ прекрасный закатъ своей жизни среди пустынь и съ дѣтищемъ, поклявшимся никогда его не оставлять.

Опасности всякаго рода, представляемыя пустыней, и которыя досихъ-поръ, по выраженію Пепе, пробуждали только геройскую мощь Боа-Розе, теперь, въ первый разъ въ жизни, наводили на него страхъ.

На островкѣ Ріо-Жилы, бодрость его хотя и не оставляла, но сердце его уже дрожало при одной мысли объ опасности, которая угрожала Фабіану.

На платформѣ тоже имъ овладѣло уже какое-то дурное расположеніе духа. Глаза его, казалось, лишились своего яркаго блеска, которымъ въ минуту опасности онъ поражалъ того, кто пытался уй-

ти отъ него; неистощимая плодовитость его плановъ, теперь, казалось, высохла въ своемъ источникѣ.

Въ продолженіе того, какъ Пепе такъ охотно раскрывалъ планъ предстоящей борьбы съ своими врагами, канадецъ нѣсколько разъ открывалъ ротъ, готовый высказать и свои планы, но въ туже минуту принимался снова молчать, удивляясь чувствамъ, которыя онъ хотѣлъ было высказать и которыя замирали на устахъ его вмѣстѣ съ словами.

Заключеніе Пепе по видимому его нѣсколько ободрило.

— Но,—возразилъ Боа-Розе, ухватившись такъ сказать за мысль утѣшенія, которую ему удалось замѣтить въ рѣчи своего товарища, — здѣсь представляются двѣ вещи: за исключеніемъ одного изъ нихъ всѣ эти бандиты, собирающіеся сдѣлать на насъ нападеніе, не знаютъ или знаютъ о секретѣ этого плацера. А такъ, какъ онъ не нуженъ, ни намъ съ тобой, ни Фабіану, то мы откроемъ его этимъ бродягамъ; и какъ въ этомъ случаѣ, такъ равно и въ томъ, когда-бы ничего объ немъ имъ не сказали, все-таки мы уступимъ имъ мѣсто. Такъ лучше-же откроемся и безъ выстрѣла удалимся отсюда Это мое мнѣніе. Какого вы объ этомъ?

Пепе не отвѣчалъ, сохраняя холодное молчаніе.

— Это единственное средство воспользоваться нашимъ секретомъ.— продолжалъ канадецъ, окончательно рѣшаясь на свое предложеніе, не смотря на молчаніе суроваго своего товарища, въ лицѣ котораго показалась краска.

Пепе снова принялся насвистывать маршъ. Фабіанъ молчалъ, а безстрашный старецъ, которому любовь къ своему сыну внушала опасенія и несвойственную ему уступчивость, вздыхая отворотился въ сторону, желая, не смотря на ночь, скрыть краску стыда, показавшуюся на лицѣ его.

— Быть можетъ, по вашему прилично-бы было,—сказалъ наконецъ карабинеръ съ ироніею, которая показалась старому воину больнѣе удара кинжаломъ,—чтобъ мы отдались имъ для исправленія должности вьючнаго скота и собой избавили-бы ихъ отъ труда носить на себѣ самихъ собственную ихъ добычу. Да, признаюсь, картина была-бы чудесная, видѣть, какъ два бѣлыхъ воина, никогда не блѣднѣвшіе при кликахъ войны цѣлаго племени индѣйцевъ, нагнули-бы свою спи-

ну передъ ватагою бродягъ! Ахъ, Фабіанъ, — прибавилъ испанскій охотникъ,—что сдѣлали вы изъ моего бодраго рыцаря—Боа-Розе?

— О, Фабіанъ мой, лучезарная звѣзда, взошедшая на закатѣ дней моихъ,—вскричалъ Боа-Розе, — ты, возвратившій мнѣ жизнь столь драгоцѣнную, столь сладостную, не слушай этого человѣка. У него сердце — камень.... и онъ никогда не любилъ.

— Боа-Розе,—сказалъ Пепе печально, — мы жили долго вмѣстѣ, ты, кажется, это забываешь.

— Я ничего не забылъ, Пепе, клянусь ничего, — прервалъ канадецъ;—я не забылъ, когда скальпирующій ножъ уже очертилъ было вокругъ моей шеи кровавую черту, но ты съ опасностью собственной жизни спасъ тогда меня; нѣтъ, десять лѣтъ жизни, нами прожитой вмѣстѣ — не одинъ часъ печали или радости; все прошедшее въ памяти моей. Извини меня за жесткость моего языка, но ты не можешь знать, что такое нѣжность отца, потому что я.... я.... старый житель лѣсовъ.... чтобы сохранить опору въ моей старости.... я хотѣлъ бы еще быть въ силахъ.... Самъ левъ нашихъ лѣсовъ, развѣ не убѣжалъ-бы онъ съ своимъ дѣтищемъ отъ опасности?—рѣшительно заключилъ охотникъ, не стараясь уже долѣе скрывать своей геройской слабости. Фабіанъ схватилъ за руку канадца.

— Боа-Розе, отецъ мой,—вскричалъ онъ;—не сказалъ-ли я вамъ вчера, что мы умремъ вмѣстѣ, если только это будетъ необходимо. И Пепе и я, мы къ услугамъ вашимъ.

— Г-мъ!...—сказалъ Пепе, тронутый въ свою очередь чувствомъ Фабіана и канадца, — дѣло.... г-мъ!... Можетъ статься.... г-мъ!... Чортъ возьми! это жестоко.... наконецъ.... потому-что, какъ вы говорите, львы нашихъ лѣсовъ.... Хорошо-же!... Но вы беретесь за печальное ремесло отступать, не разорвавши, прежде побѣга, полдюжины сорванцовъ. Но посмотримъ! Кончимъ это, призовемъ этихъ червей и сложимъ предъ ними наше оружіе.

Говоря эти слова, карабинеръ всталъ и вытянулся прямо на платформѣ съ той быстрою рѣшимостью, которая всегда характеризовала его и дѣлала изъ него столь безцѣннаго товарища въ опасностяхъ.

Боа-Розе не думалъ противиться этой внезапной рѣшимости, но Фабіанъ остановилъ его.

— Вы оба можете бѣжать и сдаться, это я вамъ говорю,—возра-

зилъ молодой человѣкъ,—но во всякомъ случаѣ, чтобъ капитуляція была болѣе выгодною и менѣе оскорбляла честь, нужно, чтобъ вамъ ее предложили сначала. Не лучше-ли дождаться дня, тогда увидимъ сколько и съ какимъ непріятелемъ мы имѣемъ дѣло?

— Безъ всякаго сомнѣнія, съ нѣсколькими мексиканскими бандитами и индѣйскими бродягами, которые будутъ столько-же изумлены тѣмъ, что мы уходимъ отъ нихъ, сколько мы сами, что убѣгаемъ! — сказалъ Пепе съ видомъ презрѣнія. — Но, кажется, эти плуты слишкомъ медленны въ приготовленіяхъ къ нападенію.

Сказавъ это, испанецъ поползъ на край платформы, чтобы съ вершины скалъ взглянуть на долину.

Между тѣмъ первые лучи разсвѣта озарили пустыню столько-же глухую, какъ была она двадцать-четыре часа передъ этимъ, когда трое охотниковъ вошли въ Золотую Долину. Повсюду было такъ-же печально и мертвенно, какъ и вчера, и на глаза хозяевъ платформы никакой не случилось перемѣны, кромѣ земляной насыпи, подъ которой было погребено тѣло Армады, да далекаго воя волковъ надъ скелетомъ его лошади.

— Долина пуста,—сказалъ микелетъ,—и если вы согласитесь со мною, потому-что мы рѣшились поступить по примѣру львовъ пустынь нашихъ, то мое мнѣніе уходить, пока еще осталось время. Ожидать-же долѣе этихъ плутовъ, по моему, опасно. Другой капитуляціи никакой болѣе не допускаютъ обычаи пустынь; вамъ это извѣстно.

Прежде отвѣта на предложеніе Пепе, канадецъ, въ свою очередь, подошелъ къ концу платформы съ намѣреніемъ высмотрѣть долину сквозь сѣроватый туманъ утра.

Неровности грунта, камни, которыми она была усѣяна, представляли только линіи и едва замѣтныя для глазъ формы, а между тѣмъ промежъ этихъ камней,въ ямахъ и ращелинахъ, совершенно непримѣтно могли засѣсть и пробраться враги, и совершенно безопасно слѣдить за всѣми движеніями трехъ охотниковъ.

Обманутый кажущимся спокойствіемъ, которое царствовало вдали, Боа-Розе, быть-можетъ, одобрилъ-бы мнѣніе своего товарища, чтобъ уходить поскорѣе, еслибы слухъ его не исправилъ ошибки его глазъ.

Вой волковъ надъ лошадинымъ трупомъ все еще былъ слышенъ, когда среди этихъ завываній раздался вдругъ и съ нимъ смѣшался

звукъ еще болѣе жалобный. И звукъ этотъ былъ понятенъ лѣсному скитальцу.

Тогда онъ возвратился и сѣлъ на прежнемъ своемъ мѣстѣ.

— Безразсудно было-бы думать, что долина пуста,—возразилъ Боа-Розе.—Я слышу, тамъ, подлѣ трупа ворчатъ волки, потому-что они не смѣютъ къ нему подступить. Я узнаю это по ихъ крику и держу пари, что за той падалью есть два или три индѣйца.

Лишь только канадецъ высказалъ это открытіе, Пепе снова пошелъ къ мѣсту наблюденія, которое только что оставилъ.

— Ты правъ,—сказалъ онъ, всматриваясь снова;—да, я ихъ вижу, они лежатъ на животѣ. Ахъ, зачѣмъ я себя не послушался, но наконецъ, ясно, я всегда держусь того мнѣнія, которое я сейчасъ высказалъ, — продолжалъ испанецъ — въ случаѣ нападенія, намъ прежде всего нужно отдѣлаться отъ Бораджи.

— Нѣтъ, они не сдѣлаютъ на насъ нападенія,—снова возразилъ канадецъ.—Навѣрное, что имъ хочется болѣе золота, чѣмъ жизни нашей.

— Я согласенъ съ этимъ; но между тѣмъ тамъ, гдѣ есть индѣйцы, бѣлымъ всегда приходится имѣть дѣло съ врагами, жаждущими болѣе крови, чѣмъ золота.

Обратимся къ планамъ и намѣреніямъ Бораджи. Первая мысль его, съ цѣлью спасти свою жизнь, была — провести прямо Метиса въ Золотую Долину и открывъ ему всѣ богатства въ ней, возвратить свою свободу за такую огромную цѣну. Но лишь только первый восторгъ, который онъ почувствовалъ, спасшись отъ страшной казни, немного прошелъ, у Бораджи тотчасъ-же явилось желаніе не упускать своей части сокровищъ, хоть будь она самая незначительная; потомъ пока добрался онъ до таинственнаго мѣста, страсть авантюриста выросла ужъ непомѣрно. Видя совершенную невозможность сохранить для себя все, онъ хотѣлъ по-крайней-мѣрѣ удержать за собой самую большую часть. Остается только знать, какимъ образомъ онъ успѣлъ отчасти обмануть своихъ страшныхъ союзниковъ.

Сначала Местицо не довѣрялъ Бораджѣ. Но потомъ слушаясь только голоса своей страсти, онъ допустилъ на мѣсто недовѣрчивости отсутствіе всякаго сомнѣнія. Пошедши разъ по этому пути, онъ дошелъ до непоколебимаго довѣрія; сильныя страсти всегда слѣпы.

Бораджа постигалъ это, и рѣшился воспользоваться слабой стороной Местицо.

Бораджа, въ показаніяхъ своихъ Метису, перемѣнилъ только мѣсто сокровища. Онъ перенесъ его на вершину пирамиды. «Охотники, которыхъ намъ нужно прогнать,—говорилъ онъ,—всѣ груды золота зарыли въ могилу индѣйскаго предводителя.» Этого только и нужно было для Местицо и больше онъ ничего не требовалъ отъ плѣнника.

Но Бораджѣ, въ этомъ случаѣ, нужно было употребить всю свою хитрость, чтобъ отвести только отъ Золотой Долины близорукіе глаза и нечистыя руки тѣхъ, кому служилъ онъ проводникомъ.

Въ такомъ-то положеніи находился авантюристъ, когда партія, съ которой онъ шелъ, получила новое подкрѣпленіе. Это былъ дикій охотникъ бѣлый, Красная-Рука, отецъ Метиса, ожидавшій до-сихъ-поръ конца сношеній своего сына съ индѣйцами. Мы скажемъ скоро и о тайной цѣли этихъ сношеній!

Вся ватага, для отдыха, остановилась у рощи каменныхъ дубовъ, за которой былъ и Діазъ.

Діазъ принужденъ былъ остановиться здѣсь за тѣмъ, чтобъ дать хотя нѣсколько времени отдохнуть слегка раненной своей лошади. Роща эта была единственнымъ мѣстомъ, въ которомъ сколько-нибудь безопасно можно было отдохнуть среди этихъ открытыхъ долинъ.

Пустынные пираты, хотя и считали себя безопасными среди безспорныхъ своихъ владѣній, но это ни мало имъ не мѣшало избрать мѣсто болѣе уединенное для своего роздыха.

И такъ волею и неволею, Діазъ, скитавшійся вездѣ почти между пограничными народами и жившій съ американцами слишкомъ много для того, чтобъ не понимать по-англійски, Діазъ, говорю, разобралъ тотчасъ-же слѣдующій разговоръ:

— Ну, хорошо,—говорилъ одинъ голосъ,—отчего-жъ не назначить свиданія съ индѣйскимъ предводителемъ какъ разъ на вилѣ Красной рѣки, потому-что отсюда недалеко и та бѣлая дѣвушка, на которой ты хочешь жениться?

— Зачѣмъ-же мнѣ назначать свиданіе предводителю апаховъ только трехдневное?

— Вѣдь эта бѣлая собака, которая служитъ намъ проводникомъ обѣщала мнѣ сокровище недалеко отсюда, подъ самой гробницей ин-

дѣйца, и потому мнѣ нужно сначала золото, а дѣвушку съ Бизоньяго озера ужъ послѣ. Этого достаточно для тебя?

Діазъ не слышалъ, что дальше отвѣчалъ Красная-Рука своему сыну, какъ этотъ послѣдній началъ снова.

— Послушай, старикъ, я тебѣ говорю, что предпріятіе, которое предстоитъ, самое счастливое, и ты-же скажешь спасибо мнѣ.... Сознайся, что прежде чѣмъ я достигъ до полнаго возраста и сталъ твоимъ помощникомъ, ты умѣлъ только открыто убить какого-нибудь одинокаго траппера, чтобъ содрать съ него бѣдную кожу и еще бѣднѣйшія его трапы?

Красная-Рука пробормоталъ нѣсколько словъ, какъ тигръ, котораго укрощаетъ его хозяинъ.

— Да,—опять говорилъ Метисъ, не переставая воспѣвать его злополучные подвиги,—эти десять лошадей, эти поклажи и купчихи торговой президы, эта прекрасная молодая дѣвушка, которую случайно мы встрѣтили на возвратномъ пути и за которую отецъ ея заплатилъ-бы послѣ богатый выкупъ....

Здѣсь уже нельзя было ясно разслушать разговарившихъ.

— Ну, такъ какъ же ты рѣшаешься взять себѣ въ товарищи индѣйскаго предводителя для своего похищенія?—спросилъ Красная-Рука, — говорилъ-ли ты ему, что тамъ, на берегахъ озера, есть тридцать два охотника?

— Безъ сомнѣнія, и я ему обѣщалъ даже тѣхъ лошадей, которыхъ поймаютъ бѣлые для него.

— И онъ согласился?

— Онъ предлагаетъ еще одно условіе, хочетъ чтобъ я выдалъ ему команча, который бродитъ въ окрестностяхъ Красной рѣки.

Далѣе Діазъ слышалъ только нѣсколько словъ безъ всякой связи, говорили что-то про Жгучій Лучъ, про потайной погребъ на островѣ буйволовъ; потомъ индѣйцы и оба пирата снова пустились въ путь по дорогѣ къ Золотой Долинѣ.

Тогда авантюристъ, подслушавшій на столько ихъ планъ, что легко могъ разгадать его въ цѣлости, бросился со всей поспѣшностью ловкаго кавалериста въ путь, чтобъ увѣдомить охотниковъ за дикими лошадьми, объ угрожавшей имъ опасности и проѣздомъ счелъ долгомъ извѣстить объ опасности и трехъ нашихъ охотниковъ.

Что касается до Бораджи, онъ остановилъ свой планъ. Достигнувъ послѣ четырехъ часовой ѣзды до мѣста довольно близко расположеннаго отъ Золотой Долины, такъ что даже пирамида гробницы стала показываться изъ мрака, онъ назначилъ отряду здѣсь мѣсто для отдыха.

Онъ опасался поставить своихъ соучастниковъ на цѣпь горъ, образовавшихъ одну изъ сторонъ ограды Золотой Долины. Онъ боялся, и не безъ причины, что одинъ зоркій взглядъ на низменную окрестность легко могъ указать Метису мѣсто особенно богатое сокровищами.

— Ступайте сюда,—говорилъ Бораджа Смѣшанной-Крови,—съ вершины этихъ горъ мы разглядимъ пирамиду, въ которой охотники скрыли золото, обѣщанное мною вамъ за мой выкупъ.

Сказавъ это, Бораджа указалъ на узкую тропинку, спускавшуюся съ Туманныхъ горъ на долину.

— Берегись обмануть насъ,—закричалъ старый бандитъ Красная-Рука съ видомъ страшной угрозы;—потому что тогда на тѣлѣ твоемъ не оставлю ни одной тесмы твоей кожи.

— Вамъ нечего опасаться, — отвѣчалъ мексиканецъ; — но съ какой же стороны хотите вы напасть на оберегателей сокровища, если не съ высоты этихъ холмовъ?

— Въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ Смѣшанная-Кровь,—лишь только покажется день и разсѣетъ этотъ туманъ, мы спустимся на нихъ, какъ орлы на добычу.

Вся ватага между тѣмъ пробиралась по узкой тропѣ, указанной Бораджей. Одинъ изъ апаховъ, наклонившись къ землѣ, чтобъ разпознать слѣды, остававшіеся на пескѣ, издалъ крикъ и позвалъ къ себѣ двухъ товарищей.

— Чей это слѣдъ? — сказалъ онъ.

— Слѣдъ орла снѣговыхъ горъ! — отвѣчали ему оба индѣйца, указывая на слѣды канадскаго охотника.

— А этотъ чей?

— Этотъ попугая, а этотъ молодаго воина юга.

Это были имена, данныя индѣйцами Пепе и Фабіану во время осады пловучаго островка.

— Хорошо!—сказалъ апахъ;—въ этомъ я почти былъ увѣренъ. Потомъ, обратясь къ Смѣшанной-Крови, онъ продолжалъ.

— Эль-Местицо сохранитъ для себя золотые кремни; апахи станутъ биться за добычу для него, и въ свою очередь онъ самъ будетъ биться за своихъ братьевъ. Кровь нашихъ воиновъ требуетъ мщенія. Мучители ихъ вонъ тамъ, вверху; намъ нужны ихъ головныя кожи. Одиннадцать воиновъ будутъ биться только съ этимъ условіемъ.

— Такъ вотъ что? — съ страшной улыбкой отвѣчалъ-Красная Рука;—апахи получатъ головныя кожи, которыя они требуютъ.

Этотъ договоръ былъ заключенъ. Два пустынныхъ разбойника дали Бораджѣ знакъ идти впереди ихъ и начали взбираться по дорожкѣ, между тѣмъ какъ индѣйцы въ надеждѣ захватить охотниковъ, въ случаѣ если бы имъ вздумалось оставить свое укрѣпленіе, разсѣялись по долинѣ.

— Теперь мы какъ разъ противъ пирамиды,—сказалъ Бораджа, когда, послѣ получасоваго пути, они дошли до отдушины, метавшей водопадъ.

Но густыя волны тумана скрывали еще убѣжище трехъ охотниковъ. Индѣйцы, отецъ и сынъ тщетно старались проникнуть быстрыми глазами своими сквозь это непроницаемое облако.

— Туманъ, покрывшій эти горы, не разсѣется никогда, даже днемъ, вы это столько же знаете какъ и я,—сказалъ Красная Рука Смѣшанной Крови, — и клянусь, что и послѣ часу нашего ожиданія здѣсь мы не увидимъ ровно ничего. А вѣдь головныя кожи нужны этимъ собакамъ индѣйцамъ.

— Старикъ! — прервалъ метисъ съ видомъ угрозы,—не забывай, что индѣйская кровь течетъ и въ моихъ жилахъ.

— Ладно, ладно,—грубо отвѣчалъ отецъ, нисколько не обижаясь тономъ достойнаго своего сына, къ которому онъ привыкъ давно.— Вѣдь я сказалъ только, что индѣйцамъ нужны кожи съ головы охотниковъ, такъ стало нужно выбирать другое мѣсто, чтобъ достать ихъ.

Этотъ разговоръ происходилъ на англійскомъ нарѣчіи, родномъ по матери охотнику, уроженцу Иллинойскаго штата, откуда бѣжалъ онъ отъ страха за свои преступленія, и ни индѣйцы, ни Бораджа не понимали изъ его разговоровъ ни одного слова.

— Ба, я нашелъ, — сказалъ Смѣшанная-Кровь; — не спускай только его съ глазъ,—прибавилъ онъ, указывая на мексиканца.

Потомъ онъ всползъ подъ самый сводъ каскада.

— Сынъ индѣйской волчицы безъ сомнѣнія найдетъ тамъ мѣсто болѣе удобное, чѣмъ здѣсь, чтобъ высмотрѣть, какъ достать золото, которое ты намъ обѣщалъ, дружокъ!—сказалъ американецъ дурно по испански, опустивъ тяжелую свою руку на шею Бораджи, когда Метисъ скрылся.—Въ ожиданіи его мы разложимъ на высотѣ этой огонь; такимъ образомъ три лисицы, которыхъ мы думаемъ словить, судя по огоньку въ этихъ туманахъ, подумаютъ, что здѣсь сторожитъ за ними еще и другая партія.

И не теряя изъ виду мексиканца, которому онъ не довѣрялъ, американецъ отошелъ отъ него всторону и принялся раскладывать у самаго водопада огонь, оставя Бораджу, котораго мучила мысль, что Метисъ можетъ избрать для нападенія тѣ скалы, съ вершины которыхъ развертывалась Золотая Долина.

Такова была причина медленности, которой удивлялись охотники наши, недвижные и безмолвные надъ своимъ укрѣпленіемъ.

Какъ и всегда почти, опасность эта дошла до крайней своей мѣры именно въ то время, какъ Боа-Розе и двое его товарищей мало о ней заботились и думали, что буря, устрашившая ихъ на минуту, совсѣмъ уже было прошла.

— Чѣмъ рѣшаться намъ на капитуляцію,—сказалъ Пепе, первый прервавъ молчаніе,—по моему, намъ лучше бѣжать, пустивъ прежде по пулѣ въ лобъ каждому изъ индѣйцевъ, засѣвшихъ за лошадинымъ остовомъ. Это перемѣнитъ наше положеніе, потому что средина въ подобныхъ случаяхъ всегда опасна.

— Можно-ли оставить такой постъ, какъ нашъ, и гоняться за удачей на случай, среди этого мрака, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ каждый сгибъ, неровность земли, каждый кустъ, могутъ скрывать непріятеля, и наконецъ въ томъ именно мѣстѣ, куда залетѣли эти индѣйцы, словно на крыльяхъ вѣтра?—отвѣчалъ Боа-Розе;—вѣдь это все равно, что отдаться вѣрной гибели. Лучше теперешней нашей позиціи быть не можетъ. Сдадимся-ли мы на капитуляцію по правиламъ чести, будемъ-ли защищаться до послѣдней минуты, во всякомъ случаѣ мы тотчасъ узнаемъ, что насъ можетъ ожидать.

— Однакожъ плуты эти не думаютъ болѣе скрывать свое присутствіе, видите-ли вы тамъ огонь?

Пепе посмотрѣлъ по указанію канадца. На самой вершинѣ водо-

пада, въ туманѣ, блестѣлъ блѣдный лучъ костра, который Красная Рука разложилъ съ помощью Бораджи на самой вершинѣ скалъ.

— О!—закричалъ Пепе, полный негодованія,—что касается до тѣхъ, которые охотятся тамъ вверху, то я столько же забочусь о нихъ, какъ о стаѣ морскихъ чаекъ на утесѣ. Ихъ стрѣлы и пули не проникнутъ сквозь толстую ограду, которую я имъ противупоставилъ. Что-жъ до этихъ,—продолжалъ испанецъ, опуская свои взоры на долину, — вотъ упорные шуты; они вѣдь все приближаются къ намъ мало-по-малу.

Сказавъ это, Пепе повернулъ дуло своего карабина по направленію къ лошадиному остову и показалъ Боа-Розе, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ мертваго животнаго, на два черныхъ тѣла, свившихся въ шаръ и неподвижныхъ, какъ индѣйскіе идолы.

— Этотъ народъ, кажется, насъ презираетъ, и онъ имѣетъ основаніе, относительно по-крайней-мѣрѣ моей души. Ахъ! Боа-Розе, зачѣмъ нужно было?...

Пепе не кончилъ начатой фразы, умоляющій взоръ стараго товарища остановилъ его жалобу на губахъ.

— О какъ бы я желалъ умереть за него и за тебя, Пепе.... и вы увидите!—закричалъ Боа-Розе.

— Я это знаю,—проворчалъ Пепе. — Но вѣдь это не помѣшало этимъ двумъ чернымъ тѣламъ, которыхъ мы видѣли за остовомъ, пробраться теперь впередъ. Видите? Но я не хочу безпокоить себя напраснымъ ожиданіемъ.... будьте покойны. Я хочу заговорить съ ними по-дружески, такъ чтобъ не раздразнить ихъ.

— Не лучше-ли ты сдѣлаешь, когда будешь молчать,—сказалъ канадецъ.—Я не смѣю довѣрять твоему языку, когда онъ адресуется къ какому бы то ни было непріятелю, а въ особенности къ индѣйцамъ.

— Можете полюбоваться,—отвѣчалъ Пепе, и самымъ миролюбивымъ тономъ, какъ только для него это было возможно, закричалъ такъ, что эхо его голоса заглушало шумъ каскада.

— Гей! глазъ бѣлаго воина желалъ-бы видѣть только одну падаль на долинѣ, но видитъ ихъ три, двѣ изъ нихъ лишнія.

Миролюбивыя слова испанца такъ подѣйствовали на индѣйскихъ воиновъ, какъ самыя острыя стрѣлы.

Въ одинъ прыжокъ оба индѣйца вспрыгнули на ноги, вытянулись

во всю свою вышину и разомъ издали вой дикаго животнаго, потомъ въ два другіе прыжка они совершенно скрылись за цѣпью скалъ.

— На двухъ негодяевъ брызнуло кипяткомъ, — сказалъ эксъ-микелетъ, разразившись смѣхомъ.

— Дьяволъ ихъ всѣхъ возьми; ты прекрасно сдѣлалъ!—вскричалъ Боа-Розе, кровь котораго закипѣла при одномъ видѣ гнуснаго врага и въ душѣ кокотораго возрождалось все мужество, которое могла укротить одна любовь его къ Фабіану.

— Ура! Наконецъ я нашелъ моего стараго друга, лѣснаго скитальца!—закричалъ въ восторгѣ Пепе, протягивая мощныя свои руки къ канадцу и Фабіану.—Идемъ, идемъ, намъ не нужно ни рожковъ, ни трубъ; ну, кричите-жъ, друзья, нашимъ крикомъ войны, какъ прежде, какъ слѣдуетъ тремъ воинамъ безъ страха въ виду этихъ собакъ. За мной, Фабіанъ, вѣдь ты тоже знакомъ ужъ съ огнемъ и дымомъ.

Крики эти для овладѣвшихъ пирамидой, казалось, падали съ высоты водопада, неслись съ вершинъ скалъ, господствовавшихъ надъ Золотой Долиной. Рыскающіе по долинѣ волки убѣгали человѣческихъ голосовъ и потомъ когда и послѣднее эхо ихъ промчалось по всему пространству, пустыня впала въ глубокую тишину. Наступалъ день.

Первые, багровые лучи восходящаго солнца гасли въ парахъ Туманныхъ горъ, какъ раскаленное желѣзо, брошенное въ воду; но песокъ долинъ заблисталъ уже золотистымъ огнемъ, пурпуровыя отраженія зажглись по утесамъ; легкій утренній вѣтерокъ стряхивалъ съ колеблющихся верхушекъ пихты послѣднія капли ночной росы.

IV.

Красная Рука и Смѣшанная Кровь.

Трое осажденныхъ не теряли времени и дѣлали послѣднія распоряженія предъ наступленіемъ битвы. Всякая идея о перемиріи была оставлена.

— Побѣдить или умереть!—сказалъ Пепе, подбавляя пороху на полку своего карабина, въ то время какъ и друзья его дѣлали тоже самое,—вы знаете, Боа-Розе,—продолжалъ онъ,—что капитуляція съ этими негодными бандитами вещь болѣе опасная, чѣмъ борьба съ

ними. Полагаться на святость ихъ договоровъ можно только въ отличномъ положеніи; а наше положеніе чрезвычайно сомнительно; намъ стоитъ только спуститься въ долину на одну минуту, чтобъ назвать эту минуту для себя послѣднею.

— Да, только тогда, когда намъ будетъ угрожать недостатокъ припасовъ, мы выйдемъ отсюда, — подхватилъ канадецъ, — и какое бы число не было этихъ тварей мы не сдаемся!

— Это правда, что у насъ мало припасовъ, — сказалъ Пепе, обратившій все вниманіемъ къ первой мысли канадца и стоически поморща свою бровь,—я долженъ признаться, что для меня всегда казалось нестерпимымъ сражаться цѣлый день, безъ удовольствія, хоть вечеромъ, полакомить зубъ свой кускомъ чего-нибудь съѣдомаго, не смотря однако на это, я пріобрѣлъ прекрасный навыкъ къ голоду и продолжаю сохранять этотъ опытъ въ случаѣ надобности, только донъ Фабіанъ одинъ изъ насъ троихъ не привыкъ къ этому.

— Я съ этимъ согласенъ,—съ живостью отвѣчалъ Боа-Розе, постоянно вѣрный своей системѣ внушать любовь своему Фабіану къ страшной жизни пустынь, не смотря на всѣ ея опасности;—но случаются у насъ также и дни довольства, въ продолженіи которыхъ столы богачей не изобилуютъ такою разнообразною роскошью, какъ нашъ. Развѣ не случалось намъ сотни разъ дѣлать выборъ во всемъ, начиная съ мельчайшихъ рыбокъ, которыя водятся въ ручьяхъ долины, до чудовищныхъ семгъ горныхъ водопадовъ, отъ степныхъ жаворонковъ до большихъ индѣйскихъ каплуновъ, отъ самыхъ крошечныхъ четвероногихъ, позволенныхъ человѣку для пищи, до луговыхъ бизоновъ, до самыхъ колоссальныхъ изъ нихъ? Вы увидите, вы увидите, когда....—при этомъ канадецъ вдругъ упалъ съ высоты своего энтузіазма въ ощущеніе угнетавшей всѣхъ ихъ дѣйствительности,—когда Господь поможетъ намъ отвратить новую отъ себя опасность!—кончилъ онъ растроганнымъ голосомъ.

— Послѣдній изъ Медіанъ, тотъ самый, который вчера еще могъ взять огромную часть этихъ сокровищъ, не разъ уже, среди бѣдности, въ которую его ввергнули другіе, ощущалъ во внутренностяхъ своихъ голодъ. Я не имѣлъ въ моей жизни еще ни одного пріятнаго урока, какъ вы!—сказалъ Фабіанъ.

— Бѣдное дитя!—прибавилъ Боа-Розе.

— А Гайфѐросъ, — закричалъ Пепе, — что можетъ случиться съ нимъ за это время?

— За него и за насъ, еще благодарите Бога, — возразилъ канадецъ.—Но теперь подумаемъ-ка о себѣ только.

Если только между этими индѣйцами есть отецъ, другъ или нѣкоторые изъ воиновъ Черной Птицы, то битва должна быть смертельною. Черезъ сто лѣтъ потомки ихъ потребуютъ отъ нашихъ расчета за индѣйскую кровь, которую мы пролили здѣсь на берегахъ Ріо-Жилы, и такъ намъ не должно опускать ни одной предосторожности.

За этимъ трое охотниковъ сложили бычачьи рога свои съ порохомъ подъ покровы со стороны водопада, избѣгая такимъ образомъ опасности потерять это единственное драгоцѣнное средство своей защиты отъ взрыва, который легко могъ случиться, еслибъ пуля коснулась пороховницъ. Въ кожаные мѣшки свои они положили пули и припасы и снесли ихъ туда-же, а сверху, для большаго предостереженія отъ непріятельскаго огня, они заложили все это камнями.

Въ продолженіи всѣхъ этихъ дѣйствій, ни на минуту они не спускали своихъ взоровъ съ вершины скалъ, стоявшихъ какъ разъ напротивъ платформы пирамиды, потомъ держа карабины свои въ должномъ направленіи, канадецъ и Фабіанъ легли за плоскими камнями, которые они поставили въ видѣ стѣнъ противъ непріятеля, а Пепе заслонился за стволы двухъ сосенъ и такимъ образомъ всѣ трое стали ожидать начала битвы.

Минута эта тѣмъ болѣе была важною, что осаждающіе не могли еще знать ни свойства, ни числа непріятеля, съ которымъ они должны были имѣть дѣло. Все, что могли они неясно замѣтить сквозь бойницы изъ скалъ, которыми они оградились, это было почти безпрестанное движеніе верхушекъ кустовъ, качавшихся наподобіе волнъ. Ясно было, что Метисъ не съумѣлъ отыскать той позиціи, которая такъ важна была для нападенія, къ величайшему ужасу Бораджи, котораго мучительное попеченіе о своемъ сокровищѣ возросло до невѣроятности, онъ занялъ мѣсто для позиціи надъ самой Золотой Долиной еще до появленія дня.

Взобравшись туда, авантюристъ поспѣшилъ взглянуть на окрестность, развернувшуюся подъ нимъ. Каково-же было удивленіе его, когда онъ замѣтилъ, что неизвѣстная рука потушила подъ густымъ покровомъ вѣтвей ослѣпительный блескъ, отражавшійся въ долинѣ. Въ этотъ

разъ онъ похожъ былъ на ревнивца скрывающаго отъ взоровъ всѣхъ сокровища красоты той, которую онъ страстно обожаетъ.

Бораджа снова началъ, въ умѣ своемъ, пріискивать средства пробраться на долину, чтобъ передать оттуда Метису условленную цѣну за выкупъ свой, нисколько впрочемъ не желая тѣмъ открыть для него своего почти неисчерпаемаго источника.

Надѣясь на свою ловкость и силы, Красная-Рука и Смѣшанная-Кровь, съ терпѣніемъ смѣшаннымъ съ презрѣніемъ, присутствовали при всѣхъ приготовленіяхъ нападенія.

Индѣйцы расположились на самомъ краю крутаго ската, который образовали живописно разбросанныя скалы.

Засѣвши по этому скату, который кончался вдали, какъ лѣстница уступами, поросшими густымъ кустарникомъ, индѣйцы, почти стоя, держали свои головы въ уровень съ верхушками кустовъ и хотя противники ихъ занимали позицію гораздо выше, но и дикіе могли воспользоваться для безопасности своей тѣмъ легкимъ движеніемъ, которое могло ихъ открыть.

— Если обѣщать имъ жизнь, то они сдадутся! — сказалъ наконецъ метисъ.

— И мы сдержимъ наше слово, потому что мы должны предать ихъ индѣйцамъ живыми, — съ жестокою улыбкой прибавилъ отецъ.

И въ тоже самое время отецъ съ сыномъ выползли на скатъ до половины его и подняли руки, не показываясь однако сами надъ уровнемъ кустовъ.

— Вниманіе! — сказалъ Пепе, прячась за стволы сосенъ; — непріязненныя дѣйствія или переговоры начинаются. Я вижу двѣ руки, вышедшія будто изъ скалъ. Онѣ дѣлаютъ знаки мира. Ге! но... эти руки безъ калюмета.... и одежды, покрывающія ихъ, не принадлежатъ апахамъ.... Съ кѣмъ-же это мы имѣемъ дѣло?...

Пепе произнесъ эти слова и сдѣлалъ эти наблюденія съ необыкновенною быстротой, вдругъ сильный голосъ прервалъ ихъ:

— Кто тотъ, — сказалъ голосъ, — котораго индѣйцы называютъ орломъ снѣговыхъ горъ?

— Кто это такой? — пробормоталъ удивленный Боа-Розе, — и кто говоритъ по-англійски между этими плутами?

И какъ Боа-Розе не отвѣчалъ, — голосъ продолжалъ:

— Быть можетъ Орелъ снѣговыхъ горъ понимаетъ только языкъ, на которомъ говорятъ въ Канадѣ?

И голосъ повторилъ опять свой вопросъ по-французски. Боа-Розе вздохнулъ.

— Это тѣмъ хуже еще, — сказалъ канадецъ такимъ образомъ, что Пепе одинъ только его понялъ, — тамъ есть ренегатъ нашего цвѣта.

— Бездѣльникъ превратился изъ бѣлаго въ краснокожаго, — сказалъ Пепе въ родѣ своего мнѣнія; — это сущіе изверги.

— А что надобно тебѣ отъ Орла снѣговыхъ горъ? — спросилъ также его въ свою очередь по-французски Боа-Розе, припомнивъ имя, которымъ его прозвалъ Черная Птица.

— Пусть онъ покажется, пусть осмѣлится показаться и слушаетъ.

— Но если я покажусь, кто мнѣ отвѣтитъ за то, что мнѣ не придется въ томъ раскаяться?

— Мы ему покажемъ сами примѣръ довѣрія, — отвѣчалъ голосъ.

— Что онъ сказалъ? — спросилъ Пепе.

— То, что покажусь, что я....

Боа-Розе онѣмѣлъ отъ удивленія при видѣ двухъ странныхъ фигуръ, которыя вдругъ поднялись на парапетѣ, какъ разъ противъ него. Въ нихъ онъ узналъ двухъ человѣкъ, которыхъ ужасныя и кровавыя имена доходили не только до его слуха, но которыхъ случай столкнулъ уже во второй разъ на одну дорогу. И первый изъ этихъ случаевъ былъ для него очень пагубенъ.

При видѣ этихъ двухъ человѣкъ опять брошенныхъ съ нимъ на одну дорогу, странное, печальное и неизвѣстное чувство потрясло неустрашимое сердце лѣснаго скитальца. Фабіанъ былъ здѣсь, и первый разъ въ своей жизни Боа-Розе почти испугался за него. Его желѣзные мускулы дрогнули и закачались, какъ крѣпкія ліаны американскихъ дубравъ, которыхъ не качалъ еще даже вѣтеръ и которыя вдругъ затрещали отъ порыва налетѣвшаго урагана.

— Красная-Рука и Смѣшанная Кровь!... знаешь-ли ты ихъ? — сказалъ онъ Пепе.

Пепе сдѣлалъ знакъ утвержденія. Дрожь, поразившая такъ внезапно Боа-Розе, пробѣжала и по его сердцу.

— Не показывайтесь! — закричалъ онъ. — День, въ который кто-нибудь съ ними встрѣчается — день печали.

— Я покажусь, — возразилъ Боа-Розе; — иначе они могутъ поду-

мать, что я испугался; только смотри внимательно на каждый листокъ кустарника и не пророни ни одного жеста этихъ воплощенныхъ негодяевъ.

Говоря эти слова, канадецъ выпрямился на платформѣ во весь ростъ; ясный, влажный и кроткій взоръ его доказывалъ, что боязнь была гостьей, которая не долго могла оставаться въ его сердцѣ.

Наружность Красной-Руки была отвратительна. Это былъ огромный сухой старикъ въ коричневой кожѣ подъ цвѣтъ лимоннаго кирпича и съ глазами ящерицы; его зрачки походили на созвѣздіе кровавыхъ пятенъ различной величины; носъ его какъ-то криво помѣщался на его зловѣщемъ лицѣ, все показывало въ немъ полнаго злодѣя.

Его длинные сѣдые волосы, нѣкогда ярко-рыжаго цвѣта, были подняты на самой макушкѣ головы, по-индѣйской модѣ, и завязаны ремешками изъ выдровой кожи. Родъ охотничьей блузы изъ оленьей кожи, обличалъ разноцвѣтное по ней шитье; блуза эта доставала почти до самыхъ колѣнъ и позволяла видѣть его кожанную обувь, украшенную густою бахрамою и разными побрякушками. Ноги одѣты были въ мокассины зелено-оливковаго цвѣта, отливавшаго будто разноцвѣтнымъ стекломъ.

Верхній покровъ яркихъ цвѣтовъ былъ закинутъ черезъ одно изъ его плечъ. Кожаный поясъ стягивалъ его тощіе бока; на красной перевязи висѣли ножъ безъ ноженъ и индѣйская трубка.

Подъ этимъ страннымъ и смѣшнымъ нарядомъ никто-бы не узналъ въ американскомъ ренегатѣ очень замѣтныхъ чертъ бѣлой породы.

Смѣшанная кровь имѣлъ сходство съ своимъ отцомъ, и если въ глазахъ его примѣтно было столько жестокости, то индѣйская его физіономія ни мало не обнаруживала низости души, которая такъ замѣтна была у Красной-Руки. Метисъ былъ гораздо выше отца и крѣпче его сложенъ. Онъ наслѣдовалъ всю силу той цвѣтущей крѣпости, которой возрастъ не уменьшилъ еще въ старомъ ренегатѣ. Словомъ Метисъ былъ въ одно время тигромъ и львомъ. Бѣлый-же былъ больше соединеніемъ свойствъ бенгальскаго тигра и американскаго шакала.

Густые и черные волосы Местицо были подняты на макушкѣ, также какъ у его отца, но перевиты были красными лентами, на подобіе того, какъ заплетаютъ иногда лошадиныя гривы.

Его охотничій костюмъ, такой-же формы, какъ и у американца,

былъ сдѣланъ изъ краснаго сукна, а все остальное въ немъ отличалось отъ костюма его отца развѣ только роскошью украшеній.

Рука его держала на плечѣ длинный карабинъ, весь прикладъ и ложе котораго были выбиты звѣздочками съ блестящими, какъ золото головками и прекурьезно расписаны фигурами на подобіе червей. Таковъ-то былъ портретъ этихъ двухъ страшныхъ разбойниковъ; но далеко было ихъ гнуснымъ физіономіямъ до мужественной красоты Боа-Розе, котораго атлетическое тѣло также хорошо, какъ и черты его лица, представляли прекрасный типъ силы, достоинства и красоты.

— Что вамъ нужно отъ Орла снѣговыхъ горъ.... этимъ именемъ меня называютъ?...—спросилъ спокойнымъ голосомъ канадецъ.

— Ге, ге! — съ отвратительной улыбкой сказалъ разбойникъ иллиноецъ, — мнѣ кажется, что мы съ вами уже видались; и если у меня хорошая память, то канадскій скиталецъ не сберегъ-бы своихъ волосъ съ кожей на головѣ безъ....

— Безъ удара дуломъ ружья, который ударъ сберегла ваша память, не смотря на то, что ее вышибло тогда это дуло!—сказалъ Пепе, желая принять участіе въ сношеніи, производившемся по-англійски.

— Ахъ! вы тоже здѣсь, — возразилъ американецъ.

— Какъ видите, — отвѣчалъ испанецъ съ хладнокровіемъ, которому противурѣчили глаза американца, блестѣвшія злобой.

— Вы тотъ самый, котораго мои братья называютъ Попугаемъ!— замѣтилъ Смѣшанная Кровь.

Глаза испанца, котораго пылкія и почти дикія страсти подобно пару, готовому превратиться въ воспламеняющійся гасъ, бросили на метиса молнію, и онъ открылъ было уже ротъ, чтобы пустить одну изъ тѣхъ стрѣлъ, передъ которыми миролюбивыя сношенія перемѣняются обыкновенно въ объявленія самой ожесточенной брани, какъ Боа-Розе просилъ его хранить молчаніе.

Боа-Розе также чувствовалъ въ себѣ быструю потерю своего терпѣнія. Страшный врагъ индѣйцевъ, какъ мы это знаемъ, онъ отчаявался уже долѣе удерживать порывы ненависти, которая имъ овладѣла. Но онъ желалъ сохранить все свое спокойствіе, чтобъ только выслушать предложенія и принять ихъ, какъ скоро они будутъ клониться къ пользѣ Фабіана.

— Я пришелъ слушать слова мира, и вотъ какъ языкъ Красной Руки и Смѣшанной-Крови блуждаютъ далеко отъ цѣли, — съ важностью сказалъ онъ.

— Это будетъ не долго, — возразилъ американецъ. — Говори, Смѣшанная-Кровь.

— Вы попираете своими ногами богатѣйшее сокровище, — сказалъ Метисъ; — васъ только трое; насъ-же въ пять разъ больше, чѣмъ васъ, и намъ нужно это сокровище. Вотъ и все.

— Кратко, ясно и безразсудно, — подумалъ Пепе. — Увидимъ, какъ Боа-Розе рѣшитъ это.

Человѣкъ менѣе полагающійся на превосходство числа своихъ союзниковъ, своей ловкости и физической силы, задрожалъ бы передъ минутнымъ выраженіемъ лица атлетическаго скитальца лѣсовъ. Не смотря даже на свою кипящую страсть къ Фабіану, Боа-Розе чувствовалъ сильное желаніе исправить дерзость разбойника.

— Ги! — промолвилъ канадецъ съ усиліемъ, которое ему стоило дорого, при взглядѣ на Метиса, гордо облокотившагося на стволъ своего карабина; — а на какихъ условіяхъ вы хотите получить это сокровище?

— На условіи, чтобъ вы всѣ трое поскорѣе отсюда убирались.

— Съ оружіемъ и багажемъ?

— Съ пожитками, но безъ оружія, — отвѣчалъ Местицо, расчитывая, что тогда ему удобнѣе будетъ, не смотря на свою клятву, предать трехъ охотниковъ въ руки дикимъ своимъ помощникамъ.

— Если-бъ этимъ злодѣямъ не нужна была наша жизнь, то сколько-бы числомъ ихъ не было, они не заботились-бы о томъ, сохраняемъ-ли мы оружіе или нѣтъ, — подсказалъ Пепе на-ухо канадцу.

— Это ясно, какъ день, но позволь мнѣ разоблачить отъ хитрости этихъ плутовъ, — отвѣчалъ ему тихо Боа-Розе.

Потомъ громко Метису:

— Развѣ сокровищъ, которыя мы вамъ оставили-бы, для васъ недостаточно? Къ чему еще вамъ три нашихъ карабина на пятнадцать воиновъ?

— Чтобъ отнять у васъ возможность нанести намъ вредъ.

Канадецъ сдвинулъ свои плечи.

— На это нечего сказать, — отвѣчалъ онъ, — развѣ только то, что вы имѣете дѣло съ людьми, которые могутъ все выслушать, не

трогаясь притомъ ни угрозами и не увлекаясь льстивыми рѣчами. Нужно уже разомъ на что-нибудь рѣшиться, — продолжалъ онъ, обратясь къ Пепе.

Тогда старый ренегатъ началъ :

— Послушайте ! — сказалъ онъ, осклабясь ,—Смѣшанная-Кровь по своей милости къ вамъ забываетъ одно условіе.

— Какое ?

— Чтобъ вы были поскромнѣе , — возразилъ Метисъ.

— Предоставьте мнѣ отвѣчать этой парѣ змѣй съ бѣлыми хвостами и индѣйскими головами, — сказалъ Пепе, толкнувъ Боа-Розе локтемъ.

— Пепе ! — важно сказалъ канадецъ съ той-поры, какъ сынъ мой возложилъ попеченіе о своей жизни на меня , — эта обязанность для меня священна, и, въ случаѣ несчастія, я хочу предстать предъ Богомъ безъ упрековъ. И такъ будемъ крѣпиться до конца.

И Боа-Розе бросилъ на Фабіана взглядъ всей своей отеческой нѣжности ; спокойная улыбка его дитяти была наградою для него за геройское его терпѣніе.

— Ну ! Смѣшанная-Кровь , — возразилъ онъ , — постарайтесь на минуту забыть внушенія вашей индѣйской крови и говорите откровенно , какъ слѣдуетъ безстрашному воину и христіанину. Чего хотите вы отъ насъ ? Что сдѣлаете вы съ вашими плѣнниками ?

Но честность тщетно взывала къ вѣроломству. Смѣшанная-Кровь хотѣлъ только въ половину открыться въ своихъ мысляхъ. Чтобъ вѣрнѣе достигнуть своихъ цѣлей, онъ сберегалъ не кровь, но время и льстился только тѣмъ, чтобы три охотника сами предпочли неизвѣстный жребій своего плѣна смерти , отъ которой ничто не могло избавить ихъ.

— Есть извѣстнѣйшая Черная Птица , котораго воины мнѣ сопутствуютъ , и которые хотятъ только васъ , и я уже васъ обѣщалъ имъ ! — Метисъ сказалъ этотъ отвѣтъ по-индѣйски и по-испански, и вслѣдъ за этими словами охотники замѣтили сквозь нижнія вѣтви кустовъ лицо съ глазами горящими , какъ у тигра. Но по своему воинственному выраженію, эта физіономія казалась страшнѣе и отвратительнѣе наружности тигра.

— Ахъ ! я сомнѣвался въ этомъ , — сказалъ Боа-Розе. — Ну, такъ что-же съ нами сдѣлаетъ Черная-Птица ?

— Я хочу тебя объ этомъ спросить, — отвѣчалъ Метисъ, обратившійся къ страшному своему союзнику. — Что сдѣлаетъ Черная Птица съ Орломъ, Попугаемъ и Воиномъ Юга? Пусть братъ мой скажетъ вамъ это.

— Три вещи, — отвѣчалъ апахъ съ убійственною ясностью: — сначала они будутъ собаками при его шалашѣ; потомъ онъ прикажетъ ихъ скальпировать и кожи съ головъ ихъ высушить на своемъ очагѣ, и потомъ наконецъ отдастъ сердца ихъ своимъ воинамъ, потому что всѣ трое они славный народъ и храбрость ихъ перейдетъ въ сердца тѣхъ, кто будетъ владѣть ихъ сердцами.

Такая мягкость нравовъ продолжаетъ существовать даже и теперь въ половинѣ девятнадцатаго столѣтія, и таковъ-бы былъ жребій, ожидавшій трехъ охотниковъ, если-бъ они положились на слова Метиса. И между-тѣмъ еще, въ настоящее время, когда мы пишемъ разсказъ этотъ, въ пустыняхъ американскихъ не перевелись еще такіе изъ охотниковъ-скитальцевъ, которые отвѣдавъ этой жизни полной опасности, не въ силахъ потомъ отъ нее отказаться. Это понятно. Что значатъ вседневныя мелочности городской жизни передъ могучими движеніями жизни дикой? Мы можемъ это сказать, мы извѣдали ихъ на опытѣ и сколько разъ приходилось намъ засыпать, не зная проснемся-ли на завтра....

— Хорошо! — сказалъ Метисъ, выслушавши своего союзника; — Местицо вамъ вѣрно передастъ наставленія своего брата.

И разбойникъ, обратившись къ Боа-Розе, пытался смягчить суровую его физіономію своею льстивою улыбкою.

— Великій вождь индѣйскій, — сказалъ онъ, въ этотъ разъ по-англійски; Фабіанъ одинъ не понималъ его, — великій вождь индѣйскій предоставляетъ своимъ плѣнникамъ дружбу, которой онъ удостоитъ трехъ храбрецовъ, предоставляетъ охоту и лучшихъ женъ своего племени.

— Фи! Боа-Розе, — вскричалъ Пепе, горячность котораго отыскала себѣ клапанъ въ его мозгу. — Стыдно намъ долѣе слушать этотъ чудовищный вздоръ бѣлаго и краснаго; развѣ вы не замѣчаете, что онъ подшучиваетъ надъ вашей честностью?

— Что сказалъ Попугай? — дерзко спросилъ старый ренегатъ.

— Онъ сказалъ, — отвѣчалъ Пепе, бѣшенство котораго уже вспыхнуло, — онъ сказалъ, что не хочетъ быть менѣе великодушнымъ,

какъ вы оба, и обѣщаетъ вамъ три вещи: вамъ помощника два удара прикладомъ своего карабина, а лживый языкъ вашего онъ броситъ воронамъ.... если только онѣ не отравятся имъ.

— Ахъ! — закричалъ Смѣшанная-Кровь, заскрежатавъ зубами и съ быстротою мысли выхвативъ свой карабинъ, выставилъ его впередъ. Разбойникъ забылъ свое обѣщаніе предать трехъ охотниковъ живыми.

Испанецъ и канадецъ не могли даже разомъ опуститься за свои укрѣпленія; это сдѣлали они одинъ послѣ другаго, какъ къ величайшему своему удивленію, сзади ихъ раздался крикъ, и они замѣтили, что на скатѣ колебался уже Метисъ.

Фабіанъ зналъ нетерпѣніе Пепе, всю невоздержность его языка въ извѣстныхъ случаяхъ, и онъ залегъ на платформѣ, приставивъ карабинъ къ щекѣ. Только это счастливое обстоятельство могло спасти одного изъ охотниковъ.

Къ общему ихъ несчастію, карабинъ Фабіана билъ не такъ далеко, какъ карабины двухъ его товарищей, и пуля его разомъ запуталась въ льняномъ покровѣ черезъ плечо Метиса и въ его мѣшкѣ.

Задохнувшись отъ силы удара, Смѣшанная-Кровь, хотя сильный какъ крѣпкій дубъ, котораго не свалить однимъ ударомъ топора, зашатался и свалился-бы въ Золотую Долину, если-бъ отецъ не поддержалъ его.

Сильною рукой своей онъ подхватилъ его и удержалъ на скатѣ.... Тогда въ одно мгновеніе индѣецъ и оба лѣсные разбойника исчезли.

За тѣмъ, послѣ крика нѣсколькихъ голосовъ, наступила глубокая тишина, порой возмущаемая то шумомъ водопада, то шелестомъ вѣтра по верхушкамъ кустарниковъ, росшихъ по бокамъ скалъ.

V.

Золото оказалось химерой.

Вершины холмовъ стояли все еще какъ-бы подъ балдахиномъ тумана, хотя солнце поднялось уже на небѣ довольно высоко и зажгло пустыню своими огненными лучами.

На вершинѣ скалъ костеръ, пылавшій въ продолженіе всей ночи, все еще блисталъ во влагѣ паровъ и осажденные все еще не могли знать оставался-ли тамъ кто-нибудь изъ непріятеля для поддержанія огня.

— Богъ мой, я все сдѣлалъ, что могъ, чтобъ избѣжать битвы; Тебѣ это извѣстно,—сказалъ канадецъ, творившій въ полголоса молитву за то, что теперь Фабіанъ былъ съ нимъ.—Сила и помощь подаются только свыше. Но да исполнится воля Твоя!

Потомъ обратившись къ Пепе съ спокойствіемъ, которое и до-сей-поры не возвращалось къ испанцу, онъ сказалъ:

— Ты, Пепе, долженъ видѣть ясно, что кромѣ завладѣнія сокровищемъ, плуты эти хотятъ овладѣть нами, нашими тѣлами, и для какой цѣли, ты самъ можешь догадаться.

— Да, я знаю. Дружба предводителя съ чернымъ перомъ, его охота и лучшія изъ его женщинъ, иначе говоря, — это значитъ, ободрать, сжечь и скальпировать живыхъ. Положеніе, признаюсь, не очень лестное!

— Борьба будетъ долгая, упорная.... Фабіанъ, дитя мое, непріятель, который хочетъ взять врага своего живымъ, гораздо страшнѣе того, который хочетъ убить; это мы знаемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ-бы печальнымъ преднаменованіемъ будущаго, вблизи отъ нихъ въ могилѣ спалъ человѣкъ, котораго только взять хотѣли они живымъ. Теперь, какъ донъ Антоніо, какъ за два дня тому назадъ на островѣ, и тремъ охотникамъ угрожалъ тотъ-же самый жребій.

— Намъ нужно непремѣнно удвоить осторожность и хладнокровіе,— продолжалъ канадецъ,—нужно, чтобъ каждый изъ насъ стрѣлялъ только на вѣрное. Въ особенности, Фабіанъ, вамъ необходимо, какъ можно, щадить свою жизнь, какъ-бы всю ее вы отдали старику, для котораго вы служите радостью въ настоящемъ и благословеніемъ въ будущемъ, и какъ-бы жизнь ваша вамъ не принадлежала больше; она мое благо. Вы предоставите мнѣ ее?

— Но вѣдь намъ нечего бояться за свою жизнь; потому-что, вы же сказали, что насъ хотятъ взять живыми! — прибавилъ Фабіанъ.

— Живыми! О жизни я не заботусь,—сказалъ Боа-Розе.—Будемъ-ли мы всѣ трое ранены на смерть—у насъ всегда останется довольно силъ, чтобъ броситься въ эту пропасть и тамъ навсегда сладко успокоиться въ сравненіи съ тѣмъ, что ожидаетъ насъ въ плѣну. Плуты не думаютъ объ этомъ.

— Еще одна вещь, донъ Фабіанъ,—прибавилъ Пепе.—Эти пустын-

ные разбойники имѣютъ интересъ различный съ своими союзниками. Они хотятъ прежде всего золота и когда ими овладѣетъ нетерпѣніе, они будутъ желать только одного — это поскорѣе умертвить насъ. Да будетъ угодно Богу, чтобъ я не обманывался; чтобъ убить насъ, они должны открыться; иначе, если они станутъ упорствовать въ намѣреніи своемъ, чтобъ имъ открылись, они могутъ дойти до того обстоятельства, когда, не смотря на страшное убѣжище, которое намъ представляетъ эта пропасть, насъ могутъ взять съ оружіемъ въ рукахъ, такъ что не останется для насъ возможности броситься даже въ пропасть или умертвить другъ друга.

При этой страшной возможности и не менѣе страшной въ томъ случаѣ, когда-бы одинъ изъ нихъ попался въ руки безжалостнаго врага, три охотника почувствовали, что ими вдругъ овладѣло новое какое-то чувство.

Это было чувство святой, неразрывной дружбы Боа-Розе и Пепе, дружбы десятилѣтнихъ опасностей и общихъ битвъ. Отъ предѣловъ Атлантическаго до береговъ Тихаго океана пространства были оглашены громомъ карабиновъ обоихъ охотниковъ; мощныя руки ихъ дружно работали въ самыхъ жаркихъ схваткахъ, радости одного были радостями другаго. Голодъ, жажда, раздѣлявшія отца съ сыномъ, безсильны были разорвать связь, ихъ соединявшую, и они дѣлились послѣдней каплей воды, какъ и послѣдней крохой хлѣба. Словомъ это была дружба пустынь, въ которыхъ ненависть, любовь, мщеніе и всѣ страсти вырастали до той безпредѣльности, среди которой онѣ рождались.

Послѣ минутной этой слабости сильныхъ людей, трое друзей явились тѣмъ, чѣмъ создала ихъ привычка къ опасностямъ и приключеніямъ; они подобны были теперь гибкимъ и сильнымъ толедскимъ клинкамъ, которые на минуту сгибаются за тѣмъ, чтобъ сильнѣй и прямѣе потомъ разить.

Но когда прошло минутное ихъ волненіе, то каждый сталъ спокойно и зорко измѣрять пространство угрожавшей имъ опасности.

Блиставшей на скалѣ въ туманѣ огонекъ костра впервые привлекъ къ себѣ взоръ канадца.

— Мнѣ не нравится этотъ огонекъ,—сказалъ онъ;—съ этой стороны насъ достаточно защищаютъ покровы; но я очень безпокоюсь, чтобъ не начали стрѣлять намъ въ тылъ. Плуты эти, при всѣхъ

своихъ мирныхъ побужденіяхъ, безъ всякаго сомнѣнія не пропустятъ главнымъ образомъ занять наше вниманіе и спереди.

— Ну, Фабіанъ, — продолжалъ канадецъ ;—вотъ вашъ постъ ; будьте осторожны ; держите карабинъ свой какъ разъ по направленію къ костру. Чуть только замѣтите сквозь туманъ блескъ ружейнаго выстрѣла, смѣло стрѣляйте, даже и раньше, по вспышкѣ пороха на полкѣ.

Соображаясь съ совѣтами Боа-Розе, Фабіанъ залегъ за оградой и направилъ свой карабинъ на противуположное возвышеніе. Другіе двое охотниковъ легли лицомъ къ непріятелю и сквозь каменныя бойницы ружья навели прямо на платформу пирамидъ и зорко начали слѣдить за всѣми движеніями непріятеля.

Индѣйцы еще не усвоили себѣ быстроты европейцевъ. Какъ-бы много ихъ не было, но никогда они не обрекаютъ жизни своей на осаду хорошо защищаемаго положенія. Съ яростью тигровъ дикіе соединяютъ неистощимое терпѣніе. Цѣлые дни проходятъ, если это нужно, въ томъ, что они слѣдятъ за непріятелемъ и ждутъ той поры, пока по причинѣ изнуренія, голода, недостатка укрѣпленій или по какой-либо неосторожности непріятель увидитъ себя въ необходимости самъ имъ сдаться. Ихъ войны — войны лишеній до конца ; но если случается терпѣніе равное съ обѣихъ сторонъ, равное упорство, хитрость, словомъ одинаковая съ обѣихъ сторонъ тактика, понятно, какъ долго продолжаются войны эти.

Къ несчастью у осажденныхъ было жизненныхъ припасовъ не болѣе какъ на двадцать четыре часа и тактика осаждающихъ могла быть для нихъ самою пагубною, въ то время, какъ дикіе легко могли ловить рыбу, охотиться и всячески доставать одинъ для другаго пропитаніе съ горъ или съ долины.

— Чѣмъ-же все это кончится ?—сказалъ тихимъ голосомъ канадецъ Пепе.

— Правду вамъ сказать, я самъ ничего не знаю, не знаю даже скоро-ли оно кончится. Не знаю какъ вы, по мнѣ очень пріятно, когда я пущу одну или двѣ пули и когда въ слѣдъ за тѣмъ я слышу кругомъ себя разгулъ эхо удивленій и повторенныхъ криковъ войны.

— Да, и по моему, тишина пустыня столько-же пріятна, когда

чувствуешь себя въ ней единственнымъ живымъ существомъ, сколько безпокойна, если окруженъ врагами.

Желанія Пепе не замедлили исполниться. Тишина воздуха тотчасъ была нарушена двумя послѣдовательными выстрѣлами. Одинъ пущенъ былъ съ горъ, другой отправленъ съ платформы, которымъ неудачно Фабіанъ привѣтствовалъ непріятеля, расположеннаго на высотахъ.

Три раза почти безъ промежутковъ и безъ успѣха съ той и другой стороны повторились эти двойные выстрѣлы. Куски коры и мелкіе листики, сорванные съ вѣтвей сосенъ, упали на трехъ сражающихся. Пули Фабіана тоже не причинили непріятелю никакого вреда.

— Позволь-ка мнѣ твое мѣсто, Фабіанъ, — сказалъ Боа-Розе ;—а ты займи мое. Пепе покажи ему, какъ нужно тамъ держать на рукѣ ружье, чтобъ не быть замѣчену и дѣйствовать съ успѣхомъ.

Говоря эти слова, канадецъ перешелъ за ограду и скрестился съ молодымъ человѣкомъ, присоединившимся къ Пепе. Съ своего новаго поста Боа-Розе разомъ обнималъ, съ свойственною ему быстротою взора, высоты и долину. Онъ былъ удивленъ, замѣтивъ около озера разстилавшагося у подножія пирамиды, на противуположной сторонѣ цѣпи скалъ, и воды котораго обмывали утесистый бокъ Туманныхъ горъ, какіе-то плоскіе камни на подобіе широкихъ плитъ, разбросанныхъ въ такомъ большомъ числѣ по долинѣ, что, стоя одинъ подлѣ другаго, они, казалось, закрывали поле.

Лѣсной скиталецъ насчиталъ такихъ стоявшихъ на полѣ плитъ четыре и не сомнѣвался, чтобъ убѣжище это скрывало за собой столько непріятеля, чтобъ онъ могъ помѣшать съ той стороны ихъ бѣгству. Оттуда канадецъ перенесъ все свое вниманіе на высоты, гдѣ, сквозь туманъ, все еще блисталъ слабый огонекъ ночнаго костра; потомъ столь-же терпѣливо, какъ и индѣйцы, онъ отдался ожиданію.

Въ продолженіе этого времени, недвижные по примѣру канадца и лежа одинъ подлѣ другаго Пепе и Фабіанъ въ полголоса обмѣнялись нѣсколькими словами.

— Вы напрасно, Пепе, привели въ такое отчаяніе этихъ двухъ человѣкъ напрасными, и, быть можетъ, незаслуженными ими оскорбленіями.

— Ни сколько не напрасными и не заслуженными, донъ Фабіанъ; вопервыхъ они избавили меня отъ непріятнаго и тягостнаго ихъ вида, а во вторыхъ эти два человѣка величайшіе плуты, какіе когда-

либо таскались по этимъ пустынямъ, гдѣ ихъ всякихъ не мало перебывало. Вы еще не знаете.... два этихъ разбойника вполнѣ украшены пороками бѣлыхъ и красныхъ вмѣстѣ. Мы съ Боа-Розе вѣдь бывали и въ плѣну у этихъ плутягъ и между ними я видѣлъ такія сцены, которыхъ никогда не забуду.

Фабіанъ задрожалъ при этихъ подробностяхъ.

— Я видѣлъ,—продолжалъ эксъ-карабинеръ,—какъ двое такихъ чудовищъ съ свирѣпостью львовъ, которыхъ силой они обладаютъ, начали кататься въ пыли, стараясь разорвать другъ друга въ куски.

— Я видѣлъ... ахъ!—сказалъ Пепе, прерывая себя,—вотъ негодяй, который хочетъ предоставить мнѣ случай попробовать свою руку.... онъ напрасно старается примѣтить и высмотрѣть, что мы дѣлаемъ.... онъ со всѣмъ напрасно воображаетъ, что я приму красный цвѣтъ его гнусной физіономіи за пожелтѣвшій листокъ осени и его глаза...

Пепе говорилъ еще, какъ карабинъ его вдругъ загремѣлъ почти надъ ушами Фабіана. Дикій крикъ былъ отвѣтомъ на этотъ ловкій залпъ.

— Вѣдь это не онъ крикнулъ, я васъ могу увѣрить въ томъ; я пари держу, что моя пуля вскочила ему прямо въ черепъ черезъ глазъ; а въ этомъ случаѣ никогда не кричатъ. Да, Фабіанъ, — продолжалъ охотникъ, снова заряжая свой карабинъ, — я видѣлъ, какъ братъ боролся въ ужасной дракѣ съ братомъ. Пхе! — энергически прибавилъ карабинеръ, — да чего-жъ можно ожидать отъ подобныхъ чудовищъ? Ге, Боа-Розе! однимъ непріятелемъ у насъ уже меньше.

— Знаю, потому-что твой выстрѣлъ,—отвѣчалъ канадецъ, не оборачиваясь, чтобъ не упустить изъ виду непріятеля.

Глубокая тишина наступила вслѣдъ за могильнымъ разсказомъ Пепе, въ продолженіе котораго, залегшіе на платформѣ трое живыхъ оставались также неподвижными, какъ вѣнчавшій вершину скалъ скелетъ животнаго и смертные останки въ гробницѣ.

Два часа, два долгихъ часа протекли такимъ образомъ. Солнце стало почти вертикальнымъ и зажгло вершины пирамиды огненными своими лучами. Перпендикулярная тѣнь двухъ сосенъ уже безсильна была умѣрить наступающій зной. Пустынный вѣтеръ дышалъ словно

раскаленное горнило. Трое охотниковъ не замедлили почувствовать жажду и голодъ.

— Не можете-ли вы мнѣ сказать, Боа-Розе, вы, который только что такъ краснорѣчиво описали дни нашего довольства, какое самое невкусное изъ блюдъ, которыми память ваша украсила нашъ столъ?

— Ба! — Пепе, развѣ мы не оставались прежде часовъ по двадцати четырехъ безъ пищи и питья и сражаясь отъ зари до зари? Если хочется тебѣ ѣсть, съѣшь нѣсколько листковъ, которыми индѣйская пуля притрусила насъ и, чортъ меня побери, если послѣ этого горькаго завтрака изъ кореньевъ не исчезнетъ у тебя апетитъ дней на пятнадцать.

— Благодарствуй, Боа-Розе, но я больше люблю кусокъ сыра козьяго или бизоньяго,—отвѣчалъ Пепе, никогда не терявшій своей веселости. — Но ты тамъ спокоенъ себѣ, какъ мраморный бюстъ, нѣтъ-ли тамъ и на твоей сторонѣ какого-нибудь смѣльчака для упражненія твоему карабину?

— А вонъ есть цѣлыхъ четверо; но они скрылись въ щеляхъ за камнями, плоскими, какъ плиты нашего укрѣпленія,—говорилъ канадецъ, почти украдкою смотря на мѣсто, гдѣ замѣтилъ онъ стоящія по полю плиты; но онѣ приняли уже положеніе горизонтальное.

— Ахъ! —продолжалъ Боа-Розе, — плуты опять уложили камни въ ихъ ямы. Замѣтьте это и если, когда снова поступитъ ночь, эти лисы не оставять своихъ норъ, мы можемъ спокойно тогда идти и раздавить ихъ какъ червяковъ.

Говоря такимъ образомъ, канадецъ не терялъ изъ виду мѣста, гдѣ на высотѣ разложенъ былъ огонь. На полотнѣ тумана была замѣтна только одна темная струйка дыма потухавшаго костра.

Съ своей стороны, сквозь легкую амбразуру камней, его защищавшихъ, Пепе могъ, не измѣняя положенія, озирать и Золотую Долину.

Въ первый разъ безъ сомнѣнія отъ начала вѣковъ солнце не смѣшивало золотыхъ своихъ лучей съ лучами золота покрывшагося густыми вѣтвями холма.

— Я не ошибался, какъ видите, — сказалъ Пепе Фабіану, — утверждая, что дьяволъ этотъ Бораджа не открылъ союзникамъ своимъ настоящаго родника золота, иначе этотъ Метисъ и этотъ рене-

гатъ улизнули-бы на долину поласкать ненасытные свои глаза теплыми лучами сокровища, и обстоятельство это доставило бы мнѣ отличный случай всадить имъ по пулѣ прямо въ лобъ. Впрочемъ и народъ гораздо честнѣе ихъ, я могу это сказать, безсиленъ въ желаніи насладиться золотымъ ослѣпленіемъ, которое разлито по всей долинѣ.

Рѣшительно я напрасно скрылъ его отъ жадныхъ взоровъ. Но что-же они тамъ дѣлаютъ такъ долго, я хотѣлъ бы это разгадать!— продолжалъ не безъ движенія испанецъ.

— Можетъ быть сбираются взойти на осаду и только ожидаютъ ночи, чтобъ удобнѣе ее открыть, — отвѣчалъ Фабіанъ.

— Желательно однакожъ знать бы ихъ настоящее число.

Но одно обстоятельство прервало эти разсужденія испанца.

Двѣ огненныя полосы сверкнули сквозь мракъ тумана въ глазахъ стараго охотника и двойной залпъ не дошелъ еще до ушей его, какъ карабинъ его сверкнулъ уже подобною молніей. Три выстрѣла слились почти въ одинъ, но съ различнымъ результатомъ. Пущенные разомъ двѣ пули разомъ же дошли до платформы и обѣ засѣли въ толстыхъ ея покровахъ, тогда какъ свинецъ Боа-Розе, направленный на свѣтъ, предшествовавшій выстрѣламъ, задѣлъ одного изъ стрѣлковъ.

— Ахъ, донъ-Фабіанъ, — закричалъ Пепе,—какой богатый видъ сейчасъ потеряли вы. Этотъ Боа-Розе одинъ только въ состояніи угостить васъ подобными штуками.

Скатившійся съ верхушки скалъ индѣецъ тщетно употреблялъ всѣ усилія, чтобъ ухватиться за острые камни скалъ, о которые разбивался онъ въ своемъ паденіи и, падая, описывалъ страшныя извилины. Но тѣло его избѣжало пропасти каскада и шлепнулось въ озеро, всколыхавшееся подъ зеленою своею корою.

— Эхъ угораздило!—его философски замѣтилъ испанецъ, вперивъ глаза свои въ поверхность озера.

Поверхность плеснула безчисленными кругами въ берега; потомъ вода снова сприняла свое прежнее спокойствіе. Затѣмъ охотникамъ нашимъ слышны были только паденія камней, медленно катившихся съ боковъ горъ въ озеро.

— Ну вотъ опять двумя плутами меньше, — сказалъ Пепе погребальнымъ тономъ; — славной ударъ! нечего сказать.

Но Боа-Розе занятъ былъ въ это время совсѣмъ другимъ пред-

метомъ чѣмъ Пепе, который трофеи его обозначалъ новою намѣткою на прикладѣ своего карабина, гдѣ мало уже оставалось мѣста.

Онъ прежде всего думалъ о томъ, что два, сбитые пулями индѣйцевъ, покрова вдругъ открыли ихъ со стороны водопада; что стволы двухъ деревъ не защищали ихъ достаточно, и что, казалось, было невозможно уже вновь устроить поврежденное ихъ укрѣпленіе.

Обстоятельство это, которое въ умѣ своемъ онъ искалъ поправить, заняло его взоры и мысли.

Слетѣвшій въ озеро съ вершины скалъ индѣецъ оборвалъ своимъ паденіемъ густой навѣсъ изъ травъ, росшихъ промежъ впадинами, и разорвалъ согнувшійся тростникъ, котораго черныя верхушки и зеленые листки срослись съ вьющимися стеблями травъ.

Трава и поломанный камышъ обнаружили страшную пропасть наподобіе раскрытаго и дышащаго сырымъ воздухомъ рта. Это былъ сводъ, служившій повидимому оконечностью широкаго хотя и темнаго канала.

Быть можетъ не забыли вы, читатель, подземнаго канала, по которому наканунѣ на своемъ утломъ корневомъ челнокѣ пробирались Красная-Рука и Смѣшанная-Кровь, замѣченные Бораджей.

Канадецъ не зналъ ничего объ этомъ обстоятельствѣ; но онъ разсуждалъ съ благоразуміемъ, пріобрѣтеннымъ имъ долговременною опытностью о той участи, которая ихъ могла ожидать въ случаѣ, еслибъ больше голодъ, чѣмъ непріятель заставилъ ихъ бѣжать. Преданный этимъ размышленіямъ, Боа-Розе не терялъ однакожъ изъ вида точки соединенія цѣпи скалъ, служившей для осаждающихъ крѣпостью, съ Туманными горами, которыхъ казалась она прихотливымъ соединіемъ.

По всей вѣроятности товарищъ индѣйца, замѣтивши безполезность и опасность занимаего имъ возвышеннаго поста, ушелъ бы къ друзьямъ своимъ осаждающимъ. Тѣсная тропинка, соединяющая скалы съ горами, не была такъ защищена, чтобъ нельзя было не примѣтить человѣка по ней пробиравшагося.

Боа-Розе не обманулся. Его зоркій глазъ не замедлилъ примѣтить развѣвающійся шишакъ индѣйскаго воина, который то возвышался, то опускался, то снова исчезалъ и появлялся.

Но черезъ минуту шишакъ его изъ орлиныхъ перьевъ сталъ неподвиженъ. Увѣренный, что за нимъ наблюдаетъ непріятель, индѣецъ не трогался съ своего мѣста и какъ будто оборотилъ голову въ

противную сторону. Дикій воинъ, для того ли чтобъ высмотрѣть врага повидимому зазѣвавшагося или, что болѣе вѣроятно, чтобы предаться простому хвастовству, которое индѣйцамъ очень нравится, не смотря навидимую ихъ неприступную важность, вдругъ показался по этой тѣсной тропинкѣ, затрясъ своимъ карабиномъ и издалъ вой оскорбленія и вызова.

Но вой этотъ кончился крикомъ агоніи: пуля лѣснаго скитальца поразила индѣйца. Карабинъ его выпалъ изъ рукъ, самъ же воинъ, повинуясь странному побужденію тѣла человѣческаго, когда смерть застигаетъ его среди силъ, сдѣлалъ два прыжка впередъ и скатился въ Золотую Долину, откуда онъ уже не возвращался.

— Браво,—сказалъ Пепе,—дѣло идетъ, какъ нельзя лучше. Боа-Розе право не способенъ даромъ терять свой порохъ. Но въ продолженіи этого времени Боа-Розе доползъ уже до своихъ двухъ товарищей, жавшихъ его руки въ знакъ безмолвнаго торжества и нѣмой любви своей къ нему.

— Ну вотъ этотъ бродяга,—сказалъ Боа-Розе,—какъ разъ легъ на куски золота.

— Ахъ! Боа-Розе,—возразилъ Пепе,—какъ право досадно, что все это золото теперь досталось не намъ, а ему; и еще досаднѣе при такомъ положеніи, каково теперь наше, обладать аппетитомъ, котораго нельзя ничѣмъ удовольствовать.

— Будемъ думать сначала о томъ, какъ спасти свою жизнь,—важно сказалъ Боа-Розе. — Что для насъ голодъ, пока еще не помутились наши глаза и не ослабли наши руки? Быть можетъ положеніе наше еще не безъ выхода.

И за этимъ канадецъ въ нѣсколькихъ словахъ пересказалъ своимъ товарищамъ всѣ подробности паденія индѣйца, сказалъ, какимъ образомъ подземное отверстіе, служившее повидимому сообщеніемъ между озеромъ и внутренностью Туманныхъ горъ, вдругъ открылось его глазамъ.

Боа-Розе, равно какъ и его слушатели, не могли не сознаться, что какъ не благопріятно это открытіе, но имъ нельзя иначе воспользоваться, какъ только въ самомъ безвыходномъ положеніи. Озеро было глубоко и при поднятіи воды затопляло и этотъ подземный ходъ. Допуская, что выходъ изъ него очень далекъ, а равно и то, что

индѣйцы обложившіе всю долину могли стеречь ихъ и на противуположномъ концѣ этого хода, они не рѣшались входить въ него какъ потому, что тамъ они могли замочить свой порохъ, такъ и потому, что лишились бы всякихъ средствъ къ защитѣ. Охотники пустынь и безъ оружія не только лакомый кусокъ разбойниковъ индѣйскихъ, но они навѣрное осуждены на смерть страшную, смерть отъ голода.

Глубокая тишина, царствующая на сторонѣ осаждающихъ означала повидимому, что не желая долѣе подвергать опасности своихъ дикихъ союзниковъ, изъ которыхъ трое уже погибли, Смѣшанная Кровь, какъ прежде Черная Птица, рѣшился держать блокаду и враговъ уморить голодомъ, что же касается до скалы съ ея непоколебимыми осажденными, то нельзя было ужъ надѣяться, какъ на пловучемъ островѣ, что она когда-нибудь можетъ сорваться съ своего основанія.

VI.

БОРАДЖА, ПОСѢЯВШІЙ ВѢТЕРЪ, ПРОДОЛЖАЕТЪ СОБИРАТЬ БУРИ.

Послѣ этого совѣщанія, которое впрочемъ трехъ осажденныхъ не озарило никакимъ новымъ свѣтомъ и не открыло имъ никакого средства къ спасенію, каждый изъ охотниковъ погрузился въ молчаніе и въ секретъ собственныхъ своихъ мыслей. Всѣ трое внимали только глухому шуму водопада, катившагося на днѣ пропасти.

Оставимъ на минуту осажденныхъ опасности, которая имъ грозила отъ осаждающихъ, скрывшихся за скалами.

Пять индѣйцевъ — число, къ которому привели ихъ карабины нашихъ охотниковъ и засада въ долинѣ, сбросивъ съ головъ своихъ плюмажные уборы, и скинувъ свои бизоньи бурки, почти нагіе, залегли за оградой. Полные жажды мщенія, глаза ихъ горѣли какъ свѣчи, сквозь вѣтви кустовъ. Они слѣдили за малѣйшими движеніями своего непріятеля.

Передъ ними возвышалась индѣйская гробница, съ своими погребальными орнаментами и своими зубцами скалъ, въ промежуткахъ которыхъ не замѣтно было почти ничего. Вѣтеръ колебалъ сухія травы на вершинахъ горъ, на которыхъ засѣли три христіанина; вѣтви сосенъ медленно начались надъ ними, вотъ и все. Не за-

мѣтно было никакого слѣда тѣла человѣческаго; ни одинъ стволъ ружья не блестѣлъ на солнцѣ, и между-тѣмъ, апахи знали, что при малѣйшемъ съ ихъ стороны неблагоразуміи, изъ мертвой этой платформы, сверкнетъ внезапная молнія и смерть.

Подъ ними сидѣли старый репегатъ и Смѣшанная Кровь; ихъ длинные и тяжелые карабины лежали подлѣ. Оба они курили индѣйскія трубки изъ красной глины, время отъ времени бросая зловѣщіе свои взгляды на Бораджу блѣднаго и неспокойнаго.

Къ ужасу, который наводили на него эти страшные союзники, присоединилось безпокойство, которое его мучило при мысли, что чудесный родникъ его золота, при всей вѣроятности, уже долженъ быть открытъ.

Бораджа видѣлъ индѣйца, котораго сразила пуля лѣснаго скитальца, и который скатился какъ разъ въ Долину. Онъ видѣлъ все это, и дрожалъ за то, чтобъ въ конвульсіяхъ своей агоніи, апахъ не сбросилъ вѣтвей, подъ которыми скрыто было его сокровище. Пока оно принадлежало ему, думалъ Бораджа, дотѣхъ-поръ и жизнь его въ безопасности. Но если съ высоты скалы взору местиса откроется дѣйствительное мѣсто его драгоцѣнности, — тогда плутовство его вдругъ объяснится и тогда быть-можетъ метисъ жестоко потѣшится надъ своею жертвою, которую онъ броситъ жаднымъ индѣйцамъ и существованіе которой сдѣлается для него не нужнымъ.

Несчастный дрожалъ и за свою жизнь и за сокровище.

— Послушай ты, блѣдная рожа, — сказалъ метисъ со всею гордостью надменнаго индѣйца,—Красная-Рука и я, оставляя до-сихъ-поръ индѣйцевъ при ихъ собственныхъ силахъ, мы хотѣли дать имъ почувствовать, что у нихъ не достанетъ ни силы, ни ловкости для борьбы съ этими тремя бѣлыми; но наступаетъ время, когда мы можемъ показать этимъ плутамъ все различіе между коршунами и орлами. Не правду-ли я сказалъ, а? — прибавилъ Смѣшанная-Кровь, повторяя по-англійски Красной-Рукѣ то, что намѣревался онъ сказать Бораджѣ.

— Вѣстимо, — отвѣчалъ старый репегатъ съ суровой улыбкой,— и сынъ мой и ея, мы будемъ непремѣнно присутствовать при казни безумнаго бродяги, который обѣщалъ бросить языки наши на добычу воронамъ и прежде, чѣмъ зайдетъ это солнце,—продолжалъ онъ,—

эти три охотника обезоруженные будутъ молить меня о пощадѣ; но уши мои оглохнутъ для нихъ; не забудь это, пріятель....

Бораджа молча сдѣлалъ наклоненіе головы, чувствуя, какъ сердце его сжалось ужасомъ.

Метисъ устремилъ на мексиканца суровый взоръ и началъ:

— И ежели тогда я замѣчу, что ты надулъ меня, ежели тамъ, на вершинѣ, я не отыщу того, что ты обѣщалъ мнѣ, то муки, которымъ я предалъ этихъ охотниковъ, будутъ отрадны, какъ небесная роса, послѣ палящаго зноя днемъ, въ сравненіи съ тою казнью, которой предамъ тогда тебя.... я самъ....

— Какъ! — въ отчаяніи, закричалъ несчастный мексиканецъ, у котораго при одномъ воспоминаніи объ участи, ждавшей его, если онъ попадется въ руки индѣйцамъ, дрожали всѣ нервы; — но быть-можетъ.... случайно.... его тамъ нѣтъ.... сокровище находится.... если я ошибся, гдѣ оно?

У Красной-Руки, который худо понялъ Бораджу, глаза налились бѣшенствомъ и засверкали.... Онъ выхватилъ свой ножъ.

— И такъ, — сказалъ онъ глухимъ голосомъ, — ты признаешься, что умышленно насъ обманулъ.... А? сокровища нѣтъ!

— Тише! старикъ! — закричалъ въ свою очередь Метисъ, громовымъ голосомъ; — человѣкъ этотъ не сказалъ, что сокровища нѣтъ совсѣмъ. И при томъ, какая тебѣ нужда? — прибавилъ онъ. — Кто-жъ тебѣ сказалъ, что я соглашусь раздѣлить мое сокровище съ тобою?

— А! — ренегатъ вспыхнулъ, — ты не хочешь дѣлиться со мною, сынъ индѣйской львицы?... хорошо-же!...

Оба дикаря окинули другъ-друга такимъ взоромъ, какъ-будто между ними должна была начаться та святотатственная борьба, о которой разсказывалъ Пепе.

— Хорошо, хорошо! — сказалъ метисъ, который одинъ быть-можетъ въ мірѣ имѣлъ власть надъ неукротимымъ американцемъ, — ежели я буду доволенъ тобой, то брошу тебѣ нѣсколько костей для забавы твоихъ зубовъ, но во всякомъ случаѣ большая часть всегда принадлежитъ мнѣ... понимаешь-ли?

Старый ренегатъ глухо пробормоталъ что-то и не сказалъ болѣе ни слова; потомъ Смѣшанная-Кровь прилегъ снова и принялся курить свой калюметъ.

Когда метисъ выбилъ изъ трубки послѣднюю золу, то медленно

всталъ и выпрямился какъ тигръ, потягивающійся послѣ долгаго сна и готовый отправиться на охоту, пользуясь первыми сумерками наступающей ночи.

— Пора все кончить, — сказалъ онъ Красной-Рукѣ, который послѣ ссоры съ сыномъ, впалъ въ совершенную апатію.—Посмотримъ, смерть трехъ изъ нихъ потушитъ или снова зажжетъ жажду въ душахъ нашихъ союзниковъ?

— Они только упорно станутъ требовать себѣ жизни трехъ своихъ враговъ, — отвѣчалъ американецъ, — тебѣ это извѣстно какъ и мнѣ; а кто можетъ предвидѣть, когда мы можемъ сдѣлаться владыками ея? Но время бѣжитъ и мое мнѣніе, безъ всякихъ проволочекъ намъ нужно, какъ можно скорѣй, избавиться отъ нихъ.

— Право! — возразилъ съ видомъ насмѣшки Смѣшанная-Кровь; — жажда золота тебя толкаетъ въ шею; это очень хорошо, если ты намѣренъ распорядиться такъ умно, что заставишь этихъ лисицъ выйдти изъ своей норы, и убьешь ихъ потомъ безъ дальнѣйшихъ проволочекъ.

Съ минуту старый ренегатъ искалъ удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ своего сына, но не найдя его, онъ замолчалъ.

— Ты видишь, — продолжалъ Смѣшанная кровь,—что не такъ легко достигнуть нашей цѣли безъ помощи этихъ индѣйцевъ; и вотъ почему хочу я прежде знать, станутъ-ли они настаивать на прежнее свое предложеніе отвести къ своему предводителю этихъ трехъ враговъ съ связанными руками. Хотя, по моему расчету, я взялъ-бы даже меньшую часть золота, которое намъ обѣщалъ этотъ бѣлый волкъ, за жизнь этихъ трехъ охотниковъ.....

— Для Смѣшанной-Крови наступилъ вѣроятно день его милостей, — иронически прервалъ американскій разбойникъ, — что фантазія его согласуется съ индѣйскою.... Но кончимъ-же все это.

И немедля болѣе, онъ тронулъ своимъ пальцемъ одного изъ дикихъ, лежавшихъ подлѣ него.... Разговоръ этотъ происходилъ у подошвы ската горъ. Индѣецъ оборотился и сошелъ къ нему. Это былъ тотъ самый, который назывался Антилопомъ. Онъ вперилъ въ Смѣшанную-Кровь блестящія глаза свои, исполненныя мрачной досады, которую можно было принимать болѣе за недовѣрчивость, чѣмъ за негодованіе, и можетъ-быть за то и другое вмѣстѣ.

— Что надобно Эль-Местицо отъ индѣйца, пораженнаго печалью о своихъ братьяхъ? — спросилъ индѣйскій воинъ.

— Узнать одну вещь, которая меня затрудняетъ, — сказалъ Смѣшанная-Кровь,—то-есть найти средство взять живьемъ этихъ трехъ бѣлыхъ воиновъ, руки которыхъ столько забрызганы индѣйскою кровью. Облако, омрачившее духъ Смѣшанной-Крови, лишаетъ его этой способности. Онъ рѣшается убить трехъ бѣлыхъ.

— Есть только одно къ этому средство. Въ то время какъ мы станемъ охотиться на долинѣ, и питаться мясомъ лосей и ланей, въ то время, какъ дымъ отъ нашего жаркаго будетъ восходить до верхушекъ горъ, на которыхъ теперь три бѣлыхъ воина, у нихъ водворится голодъ.

— Но средство это очень продолжительно, — возразилъ метисъ; — апахи насчитаютъ много дней и ночей....

— Ничего, потерпятъ.

— Часы у Смѣшанной-Крови и Красной-Руки очень драгоцѣнны; а свои дѣла зовутъ ихъ отсюда въ эти горы. Они не могутъ остаться здѣсь долѣе завтрашнаго дня. Антилопъ не знаетъ-ли лучшаго средства, кромѣ голода?

— Братъ мой узнаетъ одно, потому что съ качествами индѣйца, онъ соединяетъ въ себѣ тонкій духъ бѣлыхъ, для котораго нѣтъ ничего невозможнаго. Эль-Местицо далъ слово.

— Антилопъ,—возразилъ хитрый метисъ, — далъ тоже слово, онъ сказалъ: «Антилопъ согласенъ обречь жизнь свою и своихъ воиновъ, чтобъ только взять трехъ бѣлыхъ живыми.»

— Антилопъ далъ слово, — благородно подтвердилъ индѣецъ.

На нѣсколько минутъ Смѣшанная-Кровь предался размышленію, хотя планъ его былъ извѣстенъ ему впередъ. Онъ опасался, не смотря на самохвальство Антилопа, малодушія воиновъ союзниковъ и радъ былъ въ душѣ дѣйствительной храбрости одного изъ нихъ. Мысль, что индѣйская кровь одна должна была литься для удовлетворенія его страсти, ему была по душѣ.

— Духъ мой теперь не помраченъ. Глаза мои видятъ ясно трехъ охотниковъ въ рукахъ ихъ недруга; но три воина изъ моихъ братьевъ не увидятъ ихъ, потому что смерть прійдетъ къ нимъ.

— Смѣшанная-Кровь, котораго духъ такъ топокъ, не допустить смерти еще на трехъ другихъ, — сказалъ индѣецъ съ видомъ упрека.

— Смѣшанная-Кровь не въ силахъ повелѣвать своимъ духомъ; онъ ожидаетъ только своихъ вдохновеній. Я повторяю опять: три воина должны положить здѣсь свои кости; но рука ихъ союзника будетъ беречь ихъ.

— Что нужды! — геройски сказалъ индѣецъ. — Человѣкъ родится затѣмъ, чтобъ умереть. Кто-же тотъ изъ насъ, кому не суждено болѣе увидѣть роднаго своего города?

— Жребій укажетъ тѣхъ, — отвѣчалъ метисъ.

— Хорошо; нечего-же терять времени, иначе Черная-Птица узнаетъ, что воины его слишкомъ долго рѣшаются на смерть.

Тогда Антилопъ передалъ своимъ товарищамъ намѣреніе метиса, и всѣ безъ исключенія приняли съ большею или меньшею радостью назначенное имъ страшное предложеніе.

Оставалось узнать самый планъ метиса. Онъ самъ поспѣшилъ его объяснить имъ.

Выслушавъ планъ этотъ, индѣйцы издали вой радости, продолжавшійся нѣсколько минутъ.

Съ своей стороны отвѣчали имъ тѣмъ-же и трое неустрашимыхъ охотниковъ.

Этотъ планъ, который отважность и по справедливости прославляемыя Красною-Рукою и Смѣшанной-Кровью ловкость ихъ союзниковъ выполнили столько-же удачно, сколько странно, читатель узнаетъ послѣ. Замѣтимъ только, что послѣ объявленія его, метисъ картинно склонился на стволъ своего карабина съ мѣдными гвоздиками и ждалъ выраженія радости дикарей.

За этимъ не было остановки и новые вои мщенія сопровождали послѣднія слова Эль-Местицо.

И въ этотъ разъ трое охотниковъ нашихъ отвѣчали тѣмъ-же.

За тѣмъ начали кидать жребій.

У дикихъ народовъ Америки страсть къ игрѣ распространена гораздо больше, чѣмъ какъ думаютъ многіе о томъ. Страсть эта случается иногда до того сильною, что не смотря на все пристрастіе индѣйцевъ къ охотѣ за звѣрями или за людьми, страсть къ игрѣ доводитъ часто ихъ до кровавой свалки.

Не разъ случалось такъ, что бывши въ засадѣ и готовясь напасть на врага, воины дикари позволяли уйти ему или сами были имъ

атакованы въ то самое время, когда они кончали партію въ любимую свою игру — косточки.

Фанатизмъ индѣйцевъ ничѣмъ не уступаетъ фанатизму восточному, и смерть ихъ очень мало страшитъ. Трусы между ними чрезвычайно рѣдки.

Настоящій случай былъ одинъ изъ самыхъ торжественныхъ, когда индѣйцы тщеславятся обнаружить полнѣйшій стоицизмъ. Теперь въ особенности между ними находился бѣлый, присутствіе котораго заставило ихъ смотрѣть на Метиса, какъ на роднаго себѣ, изъ одного и того-же поколѣнія.

Напрасно думаютъ, что индѣйцы постоянно вооружены горделивою важностью. Сынамъ природы даются также минуты радости и откровенности, въ которыхъ и дѣти нашихъ городовъ не бываютъ такъ шумны, какъ эти дикіе воины. Вообще же веселость ихъ имѣетъ характеръ мрачности и сосредоточенности.

Но теперь между красными воинами находился бѣлый. Скрестивши ноги, онъ сидѣлъ на землѣ. На колѣнамъ онъ держалъ карабинъ, который долженъ былъ играть послѣднюю сцену драмы, содержаніемъ которой была жизнь трехъ индѣйцевъ; Метисъ же и Красная Рука были въ ней главными распорядителями дѣйствій.

Первый, которому предстояло попытать счастье своего жребія — былъ Антилопъ. Онъ взялъ въ руку игральныя кости, потрясъ ихъ, перемѣшалъ и бросилъ на песокъ. Его блестящіе черные глаза жадно слѣдили за движеніемъ ихъ; но въ лицѣ его не было замѣтно ни малѣйшаго признака движенія.

— Двадцать-четыре, — сказалъ метисъ, сосчитавъ значки, въ то время какъ старый ренегатъ, занявъ при этомъ должность секретаря, записалъ число это на пескѣ.

За невозможностью призвать для участья въ игрѣ четырехъ индѣйцевъ, которые оберегали долину и которыхъ ждала вѣрная смерть, въ игрѣ участвовали только одни присутствующіе.

Послѣ Антилопа началъ другой воинъ. Едва рука его потрясла костями, какъ они два раза перевернулись на пескѣ.

— Семь! — закричалъ Смѣшанная Кровь.

— Воины оплачутъ смерть Скалы Сердца, — сказалъ индѣецъ, творя погребальную свою молитву; — они скажутъ, что человѣкъ этотъ былъ славный воинъ.

Весь этотъ церемоніалъ игры производился съ удивительнымъ равнодушіемъ и важностью въ немъ участвующихъ. Каждый изъ воиновъ старался нисколько не уступить другому въ стоицизмѣ передъ участью, которая такъ странно рѣшала вопросъ о его жизни и смерти. Надобно было много твердости сердца свидѣтелей этого героизма, чтобъ не тронуться участью этихъ храбрецовъ, шедшихъ на смерть съ такимъ спокойствіемъ и даже радостью.

Стоя въ сторонѣ, два разбойника пустынь принимали въ зрѣлищѣ этомъ тотъ же самый интересъ, какой нѣкогда принимали римляне въ кровавыхъ празднествахъ своего цирка.

Семь и двѣнадцать были два числа, которыя чаще всего выпадали; наконецъ остался только одинъ индѣецъ, не испытавшій своего счастія жизни и смерти. Не было болѣе вѣроятнымъ, чтобъ онъ могъ имѣть руку, столько же несчастную какъ Сердце Скалы. Самое большое послѣ двѣнадцати было число семнадцать. Оставалась только одна надежда на нумеръ слѣдующій.

Но не смотря на всѣ усилія, онъ безсиленъ былъ удержаться отъ нервическаго движенія жизни, съ которой не хотѣлось ему разлучиться.

Американецъ поморщилъ бровь, Метисъ презрительно улыбнулся; индѣйцы глухо забормотали.

Воинъ опустилъ свою руку, готовую выронить кость, обѣжавъ присутствующихъ печальнымъ и задумчивымъ взглядомъ.

— Мнѣ можно, — сказалъ онъ, — извинить мою слабость; въ шалашѣ у Вздоха Вѣтра есть молодая жена и всего еще девять мѣсяцевъ какъ она моей женой, и есть тамъ еще у меня сынъ, которому всего только третье солнце.

Сказавъ это, индѣецъ уронилъ кости.

— Одиннадцать! — закричалъ почти съ радостью старый пиратъ, для котораго показалось удивительнымъ то, что индѣецъ любитъ свою жену и сына.

— Скорбь и голодъ поселятся въ шалашѣ Вздоха-Вѣтра, — прибавилъ индѣецъ нѣжнымъ и музыкальнымъ тономъ, думая въ эту пору о двухъ слабыхъ существахъ, у которыхъ разомъ отнимались любовь и защита.

Индѣецъ, когда перестали имъ заниматься, задумчиво сѣлъ въ сторонѣ.

Смѣшанная Кровь поглядѣлъ на отца своего взоромъ гордости и торжества, на который тотъ отвѣчалъ улыбкою тигра, когда тигръ бываетъ въ духѣ; онъ зналъ, что скоро начнется кровавая драма....

Такъ какъ по плану Метиса каждая человѣческая жертва должна была слѣдовать одна за другою, то нужно было еще бросить жребій, кто будетъ имѣть страшную честь идти первымъ; старый злодѣй жадно слѣдилъ за движеніемъ этой игры. Онъ старался даже быть побудителемъ къ скорѣйшему окончанію тиража. Выгода, или если хотите невыгода остаться послѣднимъ была за Вздохомъ-Вѣтра....

— Будьте спокойны, дѣти мои, — сказалъ американецъ тономъ особеннаго снисхожденія,—я поставлю себѣ за долгъ бросить трупы ваши въ пропасть водопада, и провалъ меня возьми, если кто-нибудь вздумаетъ лѣзть туда за вашими головными кожами.

Между тѣмъ Бораджа доселѣ оставался нѣмымъ свидѣтелемъ всѣхъ совершившихся въ глазахъ его происшествій.

Индѣйскій разговоръ былъ ему непонятенъ и онъ тщетно старался разгадать интересъ, который руководилъ всѣхъ апаховъ въ этой игрѣ въ костяшки среди операцій осажденія пирамиды.

Два чувства боролись въ немъ и совершенно его поглотили: страхъ и страсть, казалось, совсѣмъ затмили его способности. Разъ двадцать страхъ убѣждалъ его сознаться передъ Метисомъ, что сокровище, котораго тотъ жаждалъ, было почти тутъ же, и двадцать же разъ страсть удушала слова признанія на губахъ Бораджи. Онъ рѣшился не говорить ничего.

Наконецъ мысль примирявшая его со всѣмъ, озарила глаза его. Если индѣйцы овладѣютъ пирамидой гробницы, что должно случиться, судя по ихъ числу, то въ продолженіи того какъ Метисъ и американецъ будутъ шарить за сокровищемъ по вершинѣ, ему легко будетъ, тоже подъ видомъ поисковъ войти на Золотую Долину и захватить тамъ часть достаточную для вознагражденія своихъ мучителей за издержки ихъ компаніи.

Но прежде всего ему нужно было самому увѣриться, что сокровище его оставалось на прежнемъ мѣстѣ закрытымъ вѣтвями и листьями; и хотя опытъ этотъ казался ему очень опаснымъ, но онъ рѣшился наконецъ его исполнить.

—

VII.

Бораджа ни въ чемъ не завидуетъ Ороху.

Теперь извѣстна намъ причина долгаго молчанія, царствовавшаго на вершинахъ скалъ, молчанія, невыносимаго собственно тѣмъ, что оно ставило осажденныхъ въ положеніе всего опасаться и все предполагать.

Между тѣмъ солнце начинало склоняться къ западу. Сильный и жгучій вѣтеръ дулъ неровными порывами и гналъ скопившіяся на лазоревомъ небѣ бѣлыя облака.... Массы паровъ, сгущаясь, темнѣли болѣе и болѣе и пророчили грозную бурю. Вѣтви сосенъ качались, вѣтеръ затихалъ и горные ястребы, скитальцы пустынь, искали убѣжища въ скалахъ.

— А что, удалось-ли тебѣ разгадать, по этимъ двумъ залпамъ и вою раздавшемуся съ такой силой, число индѣйцевъ? — спросилъ Боа-Розе испанскаго охотника.

— Нѣтъ, но мнѣ сверхъ того невыносимо хотѣлось-бы знать, какой адской планъ могли внушить имъ коварство Смѣшанной-Крови и жестокость Красной-Руки? Вы слышали ихъ голоса такъ же какъ и я. По всему вѣроятію, они что-нибудь да нашли. Эти торжественные вои должны что-нибудь значитъ.

— Мы взяли всѣ предосторожности, какія только могутъ прійдти на умъ храбрымъ и благоразумнымъ людямъ, — сказалъ Фабіанъ. — Сдѣлавъ же все, что слѣдуетъ, необходимо быть готову на все.

— Будемъ же готовы, — возразилъ Пепе. — Но меня между тѣмъ начинаетъ безпокоить жажда. Вы, Фабіанъ, ближе всѣхъ къ водопаду. Посмотрите-ка, авось можно какъ-нибудь зачерпнуть нѣсколько воды въ мою тыкву? А чтобъ для васъ это было совершенно безопасно, мы привяжемъ ее къ шомполу моего карабина.

— Давайте-ка въ самомъ дѣлѣ попробуемъ, — прибавилъ Фабіанъ; — авось удастся, и я очень буду радъ, если мнѣ удастся утолить вашу и свою жажду. Мнѣ также хочется пить.

Фабіанъ ползкомъ приблизился къ водопаду, и протянувши руку, онъ наполнилъ водой тыкву, которая обошла и напоила трехъ

друзей. Освѣжившись такимъ образомъ водой, охотники приняли потомъ самое выгодное для себя положеніе—горизонтальное и стали высматривать сквозь амбразуры своей ограды. Но утоливъ жажду, они почувствовали аппетитъ. Было уже около четырехъ часовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ около двѣнадцати, послѣ того какъ осажденные съѣли свой завтракъ и при томъ довольно скудный, изъ одной маисной муки. Такимъ образомъ кромѣ того, что осажденные должны были подчиниться всей необходимости непремѣннаго закона, — во что бы-то ни стало достать себѣ жизненныхъ припасовъ, но имъ нужно было для того ожидать ночи, и ночью уже, подъ защитою пуль, заняться приготовленіями къ тому, что Пепе называлъ ужиномъ.

Зубцы ихъ укрѣпленія защищали ихъ нестолько безопасно, какъ было бы, еслибъ они легли за ними. Но малѣйшее уклоненіе отъ горизонтальной линіи дѣлало ихъ цѣлью непріятельскихъ выстрѣловъ. Наконецъ вновь, послѣ долгаго ожиданія, на вершинахъ противъ нихъ стоящихъ скалъ, охотники замѣтили движеніе. Но оно было не въ уровень, какъ они это знали, и нѣсколькими ступенями ниже ихъ платформы. Кусты быстро шевелились и вскорѣ послѣ того поверхъ вѣтвей появился и распустился кусокъ бизоньей кожи въ родѣ плаща. Развернувшись онъ такъ остался въ воздухѣ и развѣвался отъ вѣтра.

— А! вотъ оно начало выполненія какого-то плана, — сказалъ Боа-Розе. — Но вѣдь это, кажись, для того только, чтобъ отвлечь вниманіе наше отъ той стороны, которая будетъ угрожать дѣйствительною опасностью.

— Нѣтъ, опасность съ этой стороны, будьте увѣрены, — возразилъ Пепе. — Но пусть они хоть еще пять или шесть кожъ прибавятъ къ этой, но за этой оградой могутъ оставаться только на колѣняхъ безопасными отъ пуль нашихъ карабиновъ неболѣе какъ два человѣка, какъ бы близко не было разстояніе насъ отдѣляющее.

Но лишь только Пепе окончилъ свое замѣчаніе, какъ другая кожа поверхъ первой была вдругъ выкинута и оставлена, какъ первая.

— Чтобы это значило? — замѣтилъ канадецъ. — Я внимательно наблюдаю за всею линіей кустовъ, и до-сихъ-поръ не замѣтилъ ни одного глаза въ промежуткахъ ихъ.

Вскорѣ къ двумъ первымъ прибавилась третья кожа; потомъ какъ

складываемыя одна на другую, то извнутри то извнѣ, онѣ образовали какой-то щитъ, въ которомъ охотники могли насчитать пять-шесть кожъ, одна поверхъ другой. Съ-тѣхъ-поръ кожи эти съ длинными своими волосами составили ограду до того непроницаемую, какъ стѣна футовъ въ шесть толщиной.

— Это все штуки этого бездѣльника Метиса, безъ всякаго сомнѣнія, — проворчалъ Пепе ; — но постой, голубчикъ, у насъ достанетъ у всѣхъ глазъ, чтобъ не прозѣвать ни однаго бездѣльника, которому вздумалось бы выглянуть изъ подъ этой кучи шкуръ. Но вотъ что, теперь одинъ человѣкъ можетъ встать на ноги, а другой стать на него и выглядѣть насъ.

— А ! — сказалъ канадецъ,—а вонъ тамъ въ-лѣво я замѣчаю, что движутся кусты, да такъ незамѣтно, что индѣецъ, въ нихъ забравшійся, долженъ думать, что мы за вѣтеръ сочтемъ руку человѣческую. Мѣсто, на которое указалъ Боа-Розе было на краю скалъ противуположныхъ тому, гдѣ воздвигнулась ограда изъ бизоньихъ шкуръ. Выпуклость скалы была такъ значительна, что почти защищала новоизобрѣтенную оборону, изъ за которой одинъ человѣкъ могъ легко и почти безъ всякой опасности стать и все высмотрѣть.

— Ба ! — сказалъ Пепе, — оставьте того молодца и наблюдайте лучше за Метисомъ и гнуснымъ его отцомъ.

Заслонившись за выпуклость скалы и почти непримѣтный за густотою зелени, человѣкъ, котораго зоркій глазъ канадца распозналъ болѣе чѣмъ позволяло его положеніе, притаился на самой верхушкѣ и не смѣя со всѣмъ выглянуть изъ густоты кустарника, оставался тамъ неподвижно.

— Подвинь-ка маленько стволъ твоего карабина, Пепе, — сказалъ канадецъ. — Туда !... хорошо.... чтобъ онъ не выходилъ изъ-за камня и теперь....

Но залпъ изъ карабина испанскаго охотника прервалъ канадца, который, занимая худшую позицію, чѣмъ Пепе, уступалъ послѣднему всю заботу тѣшить свое мщеніе.

Пораженный въ голову, Бораджа покатился внизъ и не встрѣчая опоры, задѣвалъ то бока скалъ, то рвалъ зеленый покровъ одежды ихъ и упалъ наконецъ въ Золотую Долину. Тамъ , въ послѣднихъ конвульсіяхъ, скорчившіяся руки его прорыли длинную

борозду къ золоту, за которое онъ поплатился своею кровью и которое проклялъ, умирая.

Это обстоятельство послужило случаемъ открывшимся почти по волѣ Провидѣнія. Зелень, сорванная паденіемъ Бораджи, обнаружила мѣсто и мѣсто это было новымъ сокровищемъ для всякаго человѣка, который не зналъ о существованіи его тамъ. За исключеніемъ Діаза и трехъ нашихъ охотниковъ, пагубный секретъ этотъ стоилъ жизни всѣмъ своимъ обладателямъ.

Что же касается до Бораджи—наказаніе возмездія постигло его съ неумолимою суровостью; моральныя муки, которыя онъ вынесъ на пагубномъ столбѣ, вполнѣ послужили отмщеніемъ за муки Ороха, и какъ гамбузино унесъ свое золото въ пропасть, такъ и Бораджа испустилъ послѣднее свое дыханіе на сокровищѣ, котораго такъ жадно онъ алкалъ.

— А, такъ вонъ онъ какъ, бездѣльникъ, попалъ теперь въ золото по самую шею! — замѣтилъ философски Пепе.

— Богъ правосуденъ! — прибавилъ канадецъ.

И трое друзей обмѣнялись многозначущимъ взоромъ.

— Ищи же теперь, гдѣ сокровище тебѣ обѣщанное, дьявольскій Метисъ, — сказалъ испанецъ. — Рѣшительно я прекрасно сдѣлалъ, накрывъ сверху золотую кучу.

Между тѣмъ, въ продолженіи всѣхъ этихъ происшествій, небо мало-по-малу скрылось и эхо вторило уже глухой гулъ далекаго грома. Потомъ глубокая и торжественная тишина настала вслѣдъ за первыми движеніями приближающейся бури.

— Страшная ночь наступаетъ,—сказалъ Боа-Розе.—Мы должны будемъ бороться въ продолженіе ея и съ людьми и съ возмутившимися стихіями. Фабіанъ проползи за противуположный край нашей ограды и взгляни, безопасно-ли лежитъ нашъ порохъ на случай, если буря разразится до ночи; да въ тоже время загляни внизъ на долину и удостовѣрься, не бросили-ли своей берлоги эти четверо плутовъ, что были тамъ....

Въ продолженіе того, пока молодой человѣкъ послушно удалился исполнить приказанія канадца, этотъ послѣдній глубоко вздохнувши, замѣтилъ Пепе.

— Душа моя мрачна, какъ эти облака, наносящія дождь и громъ. Сердце мое ослабѣло, будто сердце женщины; черныя предчувствія,

которыя мнѣ хотѣлось-бы скрыть отъ моего дитяти, убили мою бодрость, которою я былъ столь гордъ до-сихъ-поръ. Пепе, не можешь ты чѣмъ-нибудь утѣшить стараго своего товарища въ опасностяхъ?

— Нѣтъ, бѣдный мой Боа-Розе,—отвѣчалъ карабинеръ,—развѣ только, отъ чего да сохранитъ меня Господь, что пуля этихъ демоновъ можетъ вамъ....

— Я не говорю о себѣ,—прервалъ его лѣсной скиталецъ.—Я не уважаю теперь своей жизни; она такъ незначительна для тебя и въ особенности для Фабіана. Не оскорбляйся моей откровенностью, но мнѣ хочется сказать, что въ обществѣ твоемъ и Фабіана, я достигъ-бы заката дней моихъ, подобныхъ водамъ одной изъ тѣхъ прекрасныхъ и широкихъ рѣкъ, съ пустынными и цвѣтущими берегами, по которымъ мы такъ часто скользили въ своемъ утломъ кожаномъ челнокѣ, раскладывали тамъ огонь ночнаго бивака въ тѣни кожевенныхъ деревъ и магнольеровъ, или далеко гонялись за касторами, охотились за ланями, приходившими туда на водопой. Я боюсь другаго, мой другъ!

— А, я понимаю,—сказалъ Пепе.—Ты боишься разлучиться съ нимъ, но не смертью, какъ ты сейчасъ сказалъ.

— Да, Пепе. Ты тронулъ струну моей тоски, которая звучитъ въ душѣ моей. Если я попадусь въ руки этимъ индѣйцамъ, не слѣдуй по слѣдамъ моимъ нѣсколько недѣль, какъ ты это уже дѣлалъ для меня; оставь безполезнаго старика его доли, проводи Фабіана въ Испанію; помоги ему снова пріобрѣсть то, что онъ потерялъ, только не давай ему забывать, что былъ въ мірѣ человѣкъ, для котораго жизнь его была тѣнью мезкитеца на пустынномъ пескѣ, столбомъ дыма, указывающаго путь заблудившемуся путнику или сѣверной путеводной звѣздой.

Старикъ замолкъ и скрылъ печальныя свои мысли въ глубинѣ своего сердца. Фабіанъ, молча, занималъ свой постъ.

— Достаточно-ли мы оградились,—сказалъ онъ;—но я не вижу ничего на долинѣ.

— Плуты засѣли въ своей трущобѣ и не показываются какъ рыболовныя птицы, передъ наступленіемъ ночи;—сказалъ Пепе,—но тогда они поползутъ до подошвы этой горы; они выжидаютъ теперь,

безъ всякаго сомнѣнія, только темноты ночной, чтобы ею воспользоваться для нападенія на насъ.

— Я ни мало о томъ не думаю, — замѣтилъ канадецъ. — Но ежели прошелъ день и они ни на сколько не выполнили плана, который они выдумали; то я хорошо знаю, что планъ этотъ, по случаю бури, сократитъ половину дороги. Мы-же сдѣлаемъ вылазку только вдвоемъ, Пепе, и какъ на берегахъ Аркэнзеса, мы снова нагрянемъ на этихъ индѣйскихъ шакаловъ, которые, будто прежде, засѣли въ норахъ касторовъ и считаютъ себя тамъ безопасными.

— Вотъ это мнѣ по вкусу, — отвѣчалъ Пепе. — Ежели когда-нибудь насъ привяжутъ къ военному столбу и учтиво попросятъ насъ спѣть пѣсню нашей смерти, то мы затянемъ самую длинную.

Между тѣмъ, не смотря на утвержденіе канадца, атака, казалось, отлагалась. Но съ нѣкотораго времени облака дыму спиральными и густыми кругами начинали восходить изъ за цѣпи скалъ.

Охотникамъ сначала было довольно трудно объяснить себѣ побужденіе осаждающихъ зажечь огонь, дымъ котораго они увидѣли; но, будучи страшно голодны, они тотчасъ разгадали это побужденіе. Услужливый вѣтеръ донесъ до нихъ запахъ, который не показался нисколько имъ противнымъ.

— Чувствуете-ли, что эти собаки, — сказалъ Пепе, — принесутъ намъ съ собою пропасть дичи, которую они теперь расположились себѣ сжарить, между тѣмъ какъ мы съ вами, должны довольствоваться однимъ дымомъ жаркаго. Это однако показываетъ, что они расположились здѣсь запереть насъ блокадой и побѣдить голодомъ.

Ахъ! Карамба! я имѣлъ лучшее мнѣніе объ этомъ Метисѣ и этомъ существѣ, которое называетъ онъ своимъ отцомъ; я думалъ, что у всѣхъ этихъ разбойниковъ есть сколько-нибудь храбрости, какъ обыкновенно водится.

Мало-по-малу дымъ переставалъ подыматься изъ-за скалъ, и вои до того дикіе, что нужно было имѣть нервы закаленныя, чтобъ слыша ихъ не дрогнуть, раздались вдругъ и, казалось, смѣшались съ громомъ и молніей, незамѣтно приближавшимися. Трое охотниковъ нашихъ безъ всякаго трепета слушали эту дикую гармонію. Ихъ еще меньше начала безпокоить блокада.

— Не отвѣчать-ли и намъ? — спросилъ Пепе.

— Нѣтъ, — сказалъ канадецъ, — въ этотъ разъ пусть за насъ отвѣтятъ карабины наши. Слѣдите внимательно своимъ глазомъ за каждымъ кустомъ, за каждымъ стебелькомъ травы, такъ, какъ-бы передъ нами было цѣлое гнѣздо гремучихъ змѣй. Насѣкомыя эти хотятъ, кажется, раздѣлаться съ нами до наступленія ночи и прежде чѣмъ разразится буря.

— Дай Богъ, чтобъ вы не обманулись, потому-что завтрашній день, кромѣ темноты, приведетъ только новыя опасности. Плутъ, котораго мы заставили развалиться на золотой постелѣ, препроводилъ къ намъ этихъ двухъ дикихъ скотовъ, Красную-Руку и Смѣшанную-Кровь съ ихъ союзниками, вѣроятнѣе всего, съ цѣлью завладѣть сокровищемъ, нисколько не подозрѣвая того, что его стерегли три воина съ островка Ріо-Жилы. Вѣроятно въ настоящую пору и Черной Птицѣ уже извѣстенъ слѣдъ тѣхъ самыхъ, кто убилъ столько его воиновъ; и завтра-же, навѣрное, они всѣ вмѣстѣ соединятся противъ насъ.

— Стѣна изъ бычачьихъ кожъ начинаетъ отодвигаться,—сказалъ Фабіанъ, прервавъ Пепе въ его правдоподобныхъ предположеніяхъ, потому что мы знаемъ, что Антилопу было поручено отъ Черной-Птицы отыскать слѣды трехъ охотниковъ. — Я вижу такъ-же, что за кожаной стѣной той развѣваются красныя ленты, служащія головнымъ украшеніемъ Смѣшанной-Крови.

Отъ скалы, примыкающей къ боку Туманныхъ горъ, отъ мѣста, гдѣ подъ защитою кожаныхъ щитовъ, наклонившись, дѣйствовали Красная-Рука и Смѣшанная-Кровь, и до мѣста, гдѣ покатость горъ соединялась съ долиной, не было ни одного дюйма пространства не наблюдаемаго глазами осажденныхъ. Но чтобъ достать непріятеля въ этой дальнѣйшей части скалъ, карабинъ охотничій необходимо долженъ былъ дѣйствовать по уклоненной, почти кривой линіи, а стрѣлокъ внѣ всякой опасности быть открытымъ, выдвинуть ружье свое за внѣшнюю сторону амбразуръ.

— Но вотъ! — сказалъ вдругъ тихимъ голосомъ Пепе; — вотъ еще индѣецъ, которому, кажись, не нравится жить, или который хочетъ выразить признательность свою Золотой долинѣ, какъ Бораджа.

Говоря это, Пепе головой указалъ въ это время на руку индѣйца, осторожно пробиравшагося сквозь кусты.

— Подайся-ка не много вправо, — быстро сказалъ канадецъ Фабіану; —

Пепе какъ разъ противъ него и не открываясь легко можетъ достать эту кошку.

Фабіанъ проворно подвинулся почти до самаго края платформы, со стороны водопада, чтобъ только предоставить Боа-Розе всю свободу его маневровъ.

— Этотъ индѣецъ, кажется, просто страдаетъ бѣшенствомъ; замѣчаете-ли вы, что онъ прямо просится на выстрѣлъ моего карабина и хочетъ открыть намъ свое присутствіе.

Въ самомъ дѣлѣ непріятель, самъ бывъ невидимъ, раздвигалъ рукой своей кусты съ смѣлостью, или совершенной оплошности или крайнимъ коварствомъ, потому-что никакъ нельзя было не замѣтить его маневровъ.

— А можетъ быть это военная ихъ хитрость, чтобъ отвлекать только наше вниманіе, съ той стороны,—сказалъ Пепе.—Но будьте покойны, я слѣжу вездѣ за ними.

— Хитеръ онъ, или нѣтъ;—возразилъ канадецъ;—но я его держу на цѣли своего ружья, и могъ-бы теперь раздробить ему руку отъ пальцевъ до самаго локтя. Но подвинься еще не множко, Фабіанъ, если можно; мнѣ нужно податься въ лѣво, потому-что если рука его такъ вотъ прямо, то тѣло его должно быть нѣсколько въ сторону. Хорошо! теперь мнѣ ловко.

Лишь только канадецъ окончилъ эти слова, пронзительный крикъ хищной птицы будто съ высоты небесъ упалъ къ ушамъ охотниковъ и индѣецъ вдругъ выпустилъ изъ руки кустарникъ и исчезъ. Невозможно было ни для Пепе, ни для Боа-Розе, отдать себѣ отчетъ въ крикѣ, поразившемъ слухъ ихъ и разгадать, былъ-ли это сигналъ или крикъ ястреба, кружившагося надъ ихъ головами.

Предчувствуя страшный ураганъ, который готовъ былъ разразиться всѣ твари земныя, казалось, испугались и искали убѣжища. Сама земля, казалось, скрыла лицо свое, заслышавъ голосъ изъ за горныхъ облаковъ. Одни люди, молча, выжидали случая, чтобъ отнять другъ у друга жизнь.

Готовый выстрѣлить въ перваго-же, кто осмѣлился-бы перейти пространство между скалами и основаніемъ пирамиды, карабинъ Боа-Розе лежалъ неподвижно; стволъ его направленъ былъ въ кустъ не колеблемый уже вѣтромъ.

— Ахъ!—сказалъ канадецъ,—ободренный безнаказанностью плутъ, возвращается съ ношей. Я никогда не видѣлъ индѣйца поступающаго такимъ образомъ. Этотъ какой-нибудь абрекъ пустынный, который далъ себѣ обѣтъ потерять свою голову при первомъ-же удобномъ случаѣ.

Въ одинъ прыжокъ красный воинъ очутился въ оградѣ изъ хлопчатника и ивъ на Золотой Долинѣ. Тамъ, хотя весь онъ совершенно укрывался въ непроницаемой густотѣ зелени, но голова его выходила наружу. Въ глазахъ его блисталъ огонь, не меркнувшій даже въ виду вѣрной смерти. Эти свѣтящіяся глаза его остановились на карабинѣ Боа-Розе, съ такою неподвижностью, будто хотѣли ослѣпить мѣткаго стрѣлка.

— Онъ самъ просится на пулю,—сказалъ канадецъ, пользуясь выгодою стрѣлять въ индѣйца.

Три залпа и два крика отчаянія раздались почти въ одно время. Первый выстрѣлъ послѣдовалъ изъ ружья лѣснаго скимальца; первый крикъ — была предсмертная агонія индѣйца, издававшаго вой смерти.

Прочіе два выстрѣла почти одновременные — были выстрѣлами Красной-Руки и Смѣшанной крови. Второй крикъ отчаянія издалъ самъ Боа-Розе. Двѣ пули разомъ поразили его карабинъ въ самый стволъ. Карабинъ вырвался изъ рукъ его, ударился о камни и покатился къ умирающему индѣйцу.

Сердце-Скалы имѣлъ еще силу ухватиться слабѣющею рукою за камень у самой подошвы скалы, и тамъ повиснуть.

Вои дикой радости привѣтствовали этотъ подвигъ, тогда какъ обезоруженный канадецъ бросилъ на Пепе и Фабіана взоръ смертельной тоски.

Небо помрачалось болѣе и болѣе.

VIII.

ВЫХОДЪ.

Среди пустынь, въ отдаленныхъ степяхъ западной Америки, необходимы три вещи: во первыхъ,—сердце недоступное страху, потомъ быстрый и сильный скакунъ, наконецъ испытанной вѣрности карабинъ.

Самая отличная храбрость, каковою напримѣръ обладали три охотника, часто можетъ исключать необходимость лошади. Но безъ ружья даже и сильный человѣкъ дѣлается добычей голода и свирѣпыхъ животныхъ, а для индѣйцевъ онъ неболѣе какъ забавная и хрупкая игрушка, которую первый капризъ дикаря легко можетъ разбить и уничтожить.

При видѣ оружія — защиты, вѣрнаго товарища столькихъ опасностей, которое, вырвавшись изъ рукъ, въ которыхъ столько разъ оно гремѣло по всѣмъ пространствамъ отъ лѣсовъ Канады и до Туманныхъ горъ, лежало теперь на пескѣ, при видѣ этомъ сердце стараго скитальца дрогнуло и заныло печалью, какъ-бы при видѣ бездушнаго трупа безцѣннаго своего друга. Карабинъ канадцу служилъ не только его силою и его жизнію, но жизнью и силою для его дитяти, съ которымъ хотѣли его разлучить.

Суровый воинъ пустынь чувствовалъ глаза свои влажными, какъ арабъ, оплакивающій своего скакуна. Крупная слеза скатилась по его щекѣ.

— Отнынѣ васъ только двое на этой скалѣ; старый Боа-Розе не считается болѣе,—сказалъ онъ наконецъ, стараясь скрыть свою слабость.—По милости непріятелей нашихъ, я не болѣе теперь, какъ маленькій ребенокъ. Фабіанъ, сынъ мой, у тебя нѣтъ болѣе отца для твоей защиты.

Потомъ онъ предался мрачному, мертвенному безмолвію, какъ побѣжденный индѣецъ.

Двое его товарищей подражали ему: и тотъ и другой чувствовали всю великость несчастья, поразившаго ихъ всѣхъ трехъ разомъ. Попытаться достать ружье, которое могло испортиться отъ удара пуль, казалось имъ безполезнымъ удальствомъ: это значило-бы позволить врагамъ окружить себя въ мгновеніе ока; это значило-бы отдаться живьемъ индѣйцамъ, которымъ даже не знали они числа, въ то время какъ съ вершины пирамиды они расчитывали на послѣднее свое спасеніе — смерть на днѣ сосѣдней пропасти.

— Я тебя понимаю, Боа-Розе,—сказалъ Пепе, взглянувъ на канадца неподвижно остановившаго свои глаза на поверхности воды, которая мгновенно блистая, падала въ мрачную пропасть;—но вѣдь мы еще не тамъ; ты, Боа-Розе, стрѣлокъ поискуснѣе меня, и карабинъ мой въ твоихъ рукахъ будетъ полезнѣе, чѣмъ въ моихъ.

Говоря эти слова, Пепе просунулъ по землѣ свое ружье до самаго канадца.

— Такъ какъ у всѣхъ трехъ насъ остается одно ружье, то владѣйте имъ вы, Боа-Розе,—прибавилъ Фабіанъ.—Я думаю, какъ Пепе, въ чьихъ-же болѣе искусныхъ, вѣрныхъ и благородныхъ рукахъ остаться можетъ послѣдняя наша защита, какъ не въ вашихъ?

— Нѣтъ, благодарю, дитя мое, благодарю, мой старый товарищъ; я отказываюсь отъ вашего предложенія, потому-что несчастіе должно пасть только на меня.

И Боа-Розе отвергъ карабинъ, который всунулъ въ руки его Пепе.

— Но, благодарю Бога, — возразилъ скиталецъ унылое расположеніе духа котораго мало-по-малу переходило въ суровую ярость льва, которому по силамъ своимъ равнялся этотъ великанъ,—но у меня есть еще ножъ и крѣпкія руки, чтобъ раздавить или сбросить врага своего въ пропасть.

Пепе не принималъ отъ него своего карабина.

— Хорошо-же, собака Метисъ! увижу я, какъ вы осмѣлитесь выйдти изъ своей берлоги и показаться сюда?—Закричалъ канадецъ, уступая порывамъ бѣшенства и вызывая разомъ Красную-Руку, Смѣшанную-Кровь и ихъ союзниковъ, — насъ здѣсь только двое, идите-ка, — мы ждемъ васъ.

Что-жъ такое, что у одного воина нѣтъ ружья?

Но величественный раскатъ грома потрясъ своды темнаго неба и заглушилъ голосъ Боа-Розе. Однако-же вызовъ его, казалось, былъ услышанъ. Другой индѣецъ по той-же самой дорогѣ, по которой ползъ первый, пробирался до самой зеленой ограды Золотой Долины; только онъ такъ искусно прятался на своемъ пути, что видны были его блестящіе глаза, голова выше уровня и красныя ленты, составлявшія его головное украшеніе.

— А! это онъ, это собака Метисъ!—закричалъ Пепе, не теряя изъ глазъ своихъ значковъ, отличавшихъ на самомъ дѣлѣ сына Красной-Руки и ища въ сторонѣ отъ себя своего ружья.

Но Боа-Розе предупредилъ его. Ослѣпленный гнѣвомъ противъ Смѣшанной-Крови, приведенный въ отчаяніе потерей своего ружья, канадецъ не утерпѣлъ теперь воспользоваться карабиномъ Пепе, и въ ту самую минуту, когда гнѣвъ, заглушавшій всю внутренность его по-

добно грому небесному, лишилъ его обычнаго хладнокровія, онъ прицѣлился въ ненавистнаго Метиса.

Находясь въ положеніи своего предшественника-индѣйца, непріятель принудилъ охотника выставиться изъ за своей ограды по прежнему, и такъ-же пораженный на смерть, скатился за ограду; но два залпа раздались вмѣстѣ съ выстрѣломъ Боа-Розе.

— Чудовище! закричалъ громовымъ голосомъ охотникъ, становясь почти на ноги и съ яростью замахнувшись на трупъ убитаго имъ врага прикладомъ, оставшимся въ рукахъ его.

Размахъ колосса своимъ ружьемъ былъ такъ силенъ, что оторвавшійся отъ дерева металлическій стволъ его, чуть не выскочилъ было даже изъ пальцевъ, его сжавшихъ.

Громкій смѣхъ, изданный по видимому самимъ демономъ, призваннымъ для исполненія проклятія канадца, раздался вдругъ на скалахъ противъ самыхъ охотниковъ и съ быстротою молніи, полный жизни Метисъ показался вдругъ поверхъ ограды изъ-за бычачьихъ кожъ. Головной уборъ его развѣвался по вѣтру, лицо было полно ѣдкой ироніи. Потомъ видѣніе это исчезло съ той-же быстротой, съ какой и появилось.

Индѣецъ, назначенный для выполненія своей послѣдней роли обмана, очень удачно позаимствовался для большаго возбужденія гнѣва своего непріятеля нарядомъ Метиса и успѣлъ въ немъ, какъ нельзя болѣе.

— Орелъ снѣговыхъ горъ не болѣе какъ сова днемъ; глаза его не въ состояніи были даже днемъ различить лица предводителя и воиновъ его! — кричалъ Смѣшанная-Кровь послѣ выполненія своей хвастливой удали — показаться сверхъ кожаной ограды.

— А! Пепе! человѣкъ этотъ пагубенъ для насъ. Но отнынѣ борьба между нимъ и нами будетъ смертельная! — вскричалъ Боа-Розе, — и по этимъ обширнымъ пустынямъ не бродить болѣе или намъ двумъ или имъ.

Потомъ канадецъ машинально занялъ свой прежній постъ и продолжалъ въ полголоса:

— Горе, Пепе! Господь, отнялъ у меня орудіе мщенія, Онъ разрушилъ силу мою!

— Я начинаю этому вѣрить, — отвѣчалъ Пепе. — Но клянусь душой, если только буду живъ, клянусь отомстить этому полу-красному и полу-бѣлому звѣрю.

Само небо, казалось, хотѣло заключить актъ этой клятвы Пепе. Непроницаемая темнота закрыла вдругъ все. Молніи огненными полосами бороздили горизонтъ отъ края до края, а непрерывные удары грома можно было принять за стопушечную баттарею въ жаркой и непрерывной каннонадѣ.

Горы и долина вторили жалобное эхо великаго гласа бури, которая проходила пустыни, словно безпредѣльный океанъ.

И въ этой мглѣ, освѣщаемой молніею, глаза канадца и Пепе сверкали дикимъ огнемъ.

Страшная потеря, которой они подверглись, не только не лишила ихъ бодрости, но превратила ее на нѣкоторое время въ мрачное и страдательное чувство преданія себя на волю судьбы. Ясно было между тѣмъ, что два эти человѣка, какъ два дуба колеблемые порывомъ бури до самыхъ корней, должны были скоро подняться и распрямиться, какъ они.

Уже въ душѣ Боа-Розе порывъ гнѣва уступалъ мѣсто оскорбленію стараго солдата, обезкураженнаго неудачами рекрута. Пепе мало-по-малу возвращался къ обычной своей бодрости и веселости. Фабіанъ-же сохранялъ спокойствіе человѣка, для котораго жизнь была, если не тяжелымъ бременемъ, то неудобною ношею, отдѣлаться отъ которой онъ безъ слабости искалъ только удобнаго случая.

— Фабіанъ, — печально сказалъ канадецъ, — до-сихъ-поръ я много полагался на силу и опытность свою. Но къ чему послужили мнѣ и сила и опытность, которыми я столько гордился? По своему неблагоразумію я все потерялъ для васъ, Фабіанъ, Пепе! простите-ли вы меня за это?

— Мы потолкуемъ объ этомъ послѣ,—отвѣчалъ ему микелетъ.— Твое ружье разбилось въ твоихъ же рукахъ, что могло такъ-же случиться и со мною, вотъ и все. Но посуди самъ, неужели намъ больше нечего дѣлать, какъ только рыдать здѣсь по бабьему или ждать, по примѣру двухъ раненныхъ быковъ, своей смерти?

— Что-жъ хотите, чтобъ сказалъ вамъ охотникъ, у котораго бы лань стала лизать руки безъ всякой опасности? — отвѣчалъ Боа-Розе.

— Ясно, что намъ нужно бѣжать отсюда до наступленія ночи. Намъ необходимо сдѣлать вылазку на осаждающаго насъ врага. Фа-

біанъ, вы съ этого возвышеннаго поста станете насъ прикрывать своимъ карабиномъ. Видите-ли, это будетъ одна изъ тѣхъ попытокъ, которыя всегда успѣшны. Ну, теперь слушайте! За этими четырьмя камнями кроются четыре плута, намъ нужно раздѣлаться съ ними. День теперь такой темный, какъ ночь, а насъ будетъ двое противъ четырехъ, это очень удобно.

Потомъ обратясь къ Фабіану, который одобрилъ отчаянный планъ Пепе, послѣдній продолжалъ.

— Вы же Фабіанъ, не теряя изъ виду этихъ плутовъ на скалахъ, въ особенности берегитесь показываться имъ сами, вы будете такъ же и слѣдить за непріятелемъ на долинѣ. Если эти послѣдніе насъ замѣтятъ и лишь только хотя одинъ изъ нихъ тронется съ своего мѣста, стрѣляйте по немъ, если же.... Ну, остальное достанется на нашу долю.... Ну, Боа-Розе, вы тоже, безъ всякаго сомнѣнія, одного со мною мнѣнія. Хорошо же! въ дорогу! Донъ Фабіанъ, если попытка наша удастся, я приду за вами и мы уйдемъ отсюда вмѣстѣ.

Канадецъ повиновался совѣту, потому что совѣтъ этотъ нравился ему по своей дерзостной затѣйливости и еще потому, что темнота дѣлала его совершенно удобнымъ къ выполненію; потомъ Боа-Розе, сверхъ дѣла спасенія своего сына, видѣлъ еще въ этомъ предпріятіи ловкій случай отмстить врагамъ за свое униженіе.

Взглядъ, внимательно направленный ими прежде всего на долину съ противуположной стороны отъ скалъ, убѣдилъ ихъ, что все въ окружности оставалось безъ всякой перемѣны. Тогда оба охотника, съ ножами въ губахъ, начали сползать съ верхушки пирамиды съ такой быстротой и проворствомъ, что Фабіанъ считалъ ихъ еще только что удалившимся, какъ уже оба они, наклоняясь и сгибаясь, пробирались вдоль озера сквозь большой камышъ.

Слѣдя за ихъ движеніями и заботясь болѣе объ ихъ жизни, чѣмъ о собственной, Фабіанъ увлекся этимъ поступкомъ, исполненнымъ страшнаго интереса, за который такъ смѣло взялись два безстрашные друга по оружію.

Широкія плиты, за которыми спрятались индѣйцы казались гробовыми камнями. Полагаясь на мертвенную тишину въ той сторонѣ, Фабіанъ продолжалъ уже менѣе внимательно слѣдить за движеніями канадца и испанца.

Оба они шли, потомъ остановились, потомъ стали какъ будто раз-

суждать и наконецъ онъ примѣтилъ, что они бережно вошли въ камышъ, росшій по берегамъ озера, и исчезли. Порывы бури волновали эту подвижную рощу камыша до того, что движенія охотниковъ въ ней должны были оставаться для непріятеля совершенно не замѣченными.

Оставивши слѣдить за двумя своими исчезнувшими друзьями, коимъ превосходно служили темнота дня, густота кустарниковъ и камыша и увѣренный въ успѣхѣ ихъ предпріятія, Фабіанъ поспѣшилъ занять свой прежній постъ на противуположномъ краю платформы.

Время шло своимъ чередомъ. Но чтобъ не смѣшать въ разсказѣ нашемъ одновременныхъ дѣйствій, мы считаемъ за лучшее заняться на нѣкоторое время только двумя нашими героями, лѣснымъ скитальцемъ и испанскимъ охотникомъ.

Послѣ того какъ оба они исчезли со всѣмъ изъ вида Фабіана въ широкихъ нивахъ камыша, былъ еще у нихъ одинъ отдыхъ. Глаза ихъ не могли проникать сквозь стѣны побережныхъ растеній, въ которыхъ они скрылись; но они знали, что съ вершины своего возвышенія Фабіанъ слѣдитъ за ними.

Небо было совершенно темно; порывы вѣтра колебали высокій камышъ.... Берега озера казались совершенно пустынными.

— Если еще съ минуту, — сказалъ канадецъ, — мы не услышимъ выстрѣла Фабіана, то это знакъ, что индѣйцы не замѣтили насъ, когда сходили мы съ платформы; и тогда, такъ какъ они скрываются на равномъ разстояніи одинъ отъ другаго и по одной почти линіи, мы бросимся каждый въ одну сторону. Ты коли послѣдняго, а я перваго раздавлю подъ его камнемъ. Что же до двухъ другихъ они испугаются смерти своихъ товарищей и намъ легко будетъ справиться и съ ними, повѣрь мнѣ.

— Я совершенно этому вѣрю! — сказалъ Пепе.

Планъ этотъ былъ ужасенъ. Въ продолженіе того, пока гремѣлъ громъ, и молнія вилась какъ огненная змѣя, порой поражая длинными своими стрѣлами волнующееся поле камышей, два охотника поминутно останавливались, прислушиваясь не раздался-ли выстрѣлъ Фабіана.

Нетерпѣніе ихъ пожирало. Къ нетерпѣнію, возбужденному близостью опасности, у Боа-Розе, присоединились безпокойство и какъ бы укоръ за то, что онъ покинулъ сокровище своей жизни, возлю-

бленнаго своего Фабіана, въ виду страшной опасности, даже тогда, когда онъ заботился о его спасеніи.

Напрасно Фабіанъ съ нѣкотораго времени отличался храбростью и мужествомъ, которыя ничѣмъ не уступали храбрости и мужеству его отца. Боа-Розе, въ минуты опасностей, неиначе смотрѣлъ на энергическаго и сильнаго молодаго человѣка, какъ на дитя, съ которымъ онъ нянчился цѣлыхъ два года.

Вздыхая и дрожа отъ одного ожиданія, что вотъ вотъ крикъ отчаянія Фабіана раздастся съ высотъ холма и донесетъ до ушей его призывъ на помощь, Боа-Розе былъ самъ не свой. Странный шумъ раздался въ самомъ дѣлѣ по долинѣ.

Вѣтеръ шумѣлъ и вылъ въ пустынѣ какимъ-то гробовымъ голосомъ.

— Время, — сказалъ Боа-Розе, — потому что дитя мое одиноко.... Ну-же, Пепе, за работу....

Камышъ погнулся на далекое пространство, будто подъ однимъ изъ самыхъ страшныхъ шкваловъ южнаго вѣтра. Подобно двумъ бенгальскимъ тиграмъ, которые бросились стадо дикихъ козъ хотя безъ рева, быстро, разъяренно, два охотника вдругъ помчались по долинѣ.

Съ вѣрностью дикаго инстинкта каждый изъ страшныхъ борцовъ встрѣтился прямо съ непріятелемъ, Боа-Розе съ первымъ, Пепе съ послѣднимъ.

Въ эту минуту хорошо знакомый выстрѣлъ изъ ружья Фабіана отдался вдали. Боа-Розе вздрогнулъ, но онъ не могъ остановиться. Впрочемъ выстрѣлъ Фабіана раздался однажды, это показывало, что тѣмъ дѣло съ врагомъ и прервалось.

Въ минуту, когда индѣецъ, услышавъ стонъ земли, выскочилъ изъ своей засады, чтобъ скрыться въ какую-нибудь трещину, канадецъ наскочилъ на апаха и придавилъ его словно кускомъ гранита. Потомъ поднять съ земли каменную плиту и бросить ее на дикаря для Боа-Розе было дѣломъ одной минуты. За тѣмъ онъ устремился на другаго.

Пепе же атаковалъ своего противника другимъ манеромъ; онъ бросился на него всей массой своего тѣла, и рука его, вооруженная кинжаломъ, въ одну секунду нырнула подъ камень. За тѣмъ испанецъ отпрыгнулъ и очутился подлѣ Боа-Розе.

Два трупа, одинъ раздавленный камнемъ, другой пораженный но-

жемъ, были слѣдствіемъ этой быстрой атаки. Другіе два изумленные, испуганные, не знали на что рѣшиться, на борьбу или бѣгство.

— Раздави, — кричалъ Боа-Розе въ то самое время, когда одинъ индѣецъ, издавши крикъ войны, схватилъ лукъ свой и хотѣлъ имъ дѣйствовать, а другой бросился на Пепе. Оба врага боролись вмѣстѣ, но не съ равнымъ успѣхомъ.

Одинъ изъ индѣйцевъ бросился бѣжать, но Пепе догналъ его и все было кончено. Едва онъ схватился въ борьбу, какъ былъ уже недвижимъ.

Въ это время, чтобъ уклониться отъ стрѣлы, провизжавшей надъ его головою, Боа-Розе нагнулся, и когда онъ распрямился; индѣецъ былъ уже далеко. Вои бѣгущаго огласили долину.

— Скорѣй, скорѣй, Пепе, на пирамиду!... — кричалъ Боа-Розе.

Оба они побѣжали туда, гдѣ Фабіанъ былъ одинъ въ продолженіе того времени, какъ храбрые и ловкіе охотники подвизались здѣсь.

Пока они, хватаясь за кусты, карабкаясь и задыхаясь, взлѣзали на крутыя стѣны холма, мертвая тамъ тишина ихъ испугала.

— Фабіанъ, Фабіанъ! — кричалъ растерянный канадецъ, въ то время какъ подгибались крѣпкія его ноги. — Фабіанъ, гдѣ ты, живъ-ли ты?

Но не было отвѣта.

Одна только буря рвалась и шумѣла въ раскачавшихся вѣтвяхъ двухъ сосенъ, росшихъ на платформѣ.

IX.

ГДѢ-ЖЕ ОНЪ?

Въ то самое время, когда Фабіанъ внимательно слѣдилъ за малѣйшимъ движеніемъ своихъ товарищей, послѣдній индѣецъ, обрекшій себя идти на огонь осажденныхъ, бережно пробирался по оградѣ Золотой Долины.

Это былъ тотъ самый, котораго звали Вздохомъ-Вѣтра. Наставленія, данныя ему метисомъ, были точны. Такъ какъ недовѣріе трехъ охотниковъ было уже пробуждено, то индѣецъ, чтобъ не обнаружить плана, имѣлъ приказаніе употребить все свое благоразуміе, чтобъ только добраться до основанія пирамиды.

На пути своемъ, подъ прикрытіемъ ивъ и хлопчатника, Вздохъ-Вѣтра ни какъ не долженъ былъ уклоняться отъ извѣстнаго предѣла. Ему приказано было остановиться въ томъ мѣстѣ, гдѣ бы не могъ достать его карабинъ одного изъ охотниковъ, такимъ образомъ, чтобъ стрѣлокъ не былъ принужденъ выдвинуть своихъ рукъ или головы за зубцы ограды.

Между тѣмъ Смѣшанная-Кровь съ безпокойствомъ началъ считать убитыхъ своихъ воиновъ; не считая Бораджи и трехъ индѣйцевъ, которые благодаря стараніямъ Пепе и канадца, оставались совершенно безвредными, изъ одиннадцати воиновъ, которыхъ онъ привелъ съ собою, шесть были убиты. Вздохъ-Вѣтра шелъ седьмымъ. Дикому Метису хотѣлось, чтобъ этотъ былъ уже послѣднимъ, или чтобъ смерть его была по-крайней-мѣрѣ полезною. Метисъ далеко былъ отъ мысли, что на вершинѣ холма оставался только одинъ изъ осажденныхъ. Онъ хорошо также зналъ, что ни одинъ изъ охотниковъ не захочетъ подставить себя подъ непріятельскій огонь.

Въ самомъ дѣлѣ, въ этихъ пограничныхъ войнахъ, нужно лазить по львиному, скользить по змѣиному, посылать смерть такъ, чтобы даже не замѣтно было смертельное оружіе, не показываться даже, когда бы представлялся случай для нанесенія самаго вѣрнаго удара....

Вздохъ-Вѣтра удивленный тѣмъ, что уже достигъ цѣлъ и невредимъ до мѣста, на которомъ двое его предшественниковъ нашли свою смерть, остановился, исполняя тѣмъ въ точности приказанія Метиса.

Густыя облака хотя и закрывали небо и день былъ теменъ, но зоркіе глаза индѣйца ясно могли различать все даже до малѣйшихъ щелей въ скалахъ, и для него легко было примѣтить также, что ни одинъ стволъ карабина не слѣдилъ за его ловкими и искусными движеніями. Причина тому была простая: занятый въ то время Фабіанъ и не подозрѣвалъ даже близкаго присутствія индѣйца, тогда, какъ находящійся уже почти въ виду своего непріятеля, Вздохъ-Вѣтра приписывалъ бездѣйствіе и молчаніе это какой-нибудь хитрости, которой онъ не поминалъ. Всякую минуту онъ ждалъ, что его поразитъ невидимое оружіе.

Минуты эти для краснаго воина были страшны и длинны. Онъ готовъ былъ теперь отдать весь міръ за мысли о двухъ существахъ,

которыя онъ оставилъ въ шалашѣ своемъ безъ всякой помощи: молодую жену свою и дитя, для котораго еще такъ мало прошло дней.

Между тѣмъ спокойствіе продолжало царствовать на вершинѣ пирамиды. Индѣецъ, обрекшій себя на смерть, достигнувъ роковаго предѣла, остался неподвиженъ. Ему страшно было перескочить за него. Борьба съ повелѣвающимъ долгомъ, казалось, пригвоздила его къ этому мѣсту въ то время, какъ не менѣе повелительный голосъ самосохраненія кричалъ и приказывалъ ему идти впередъ. Наконецъ онъ презрѣлъ опасность, которая впрочемъ была далека отъ него.

Подлинно пустынный воинъ довольно сдѣлалъ для своей совѣсти; чувство самосохраненія взяло надъ нимъ верхъ и онъ миновалъ назначенный ему, по приказанію Метиса, предѣлъ. Но тоже спокойствіе парило надъ его головою. Уже апахъ достигъ и основанія пирамиды, но ничто его не потревожило. Ободренный этимъ неожиданнымъ случаемъ, индѣецъ задумалъ дерзость — вырвать изъ рукъ непріятеля послѣднее оставшееся у него оружіе, такъ, чтобъ самому даже не поплатиться за этотъ подвигъ жизнію. Наконецъ, жертва была сдѣлана и жребій его нисколько не былъ хуже того, которому былъ онъ обреченъ.

Онъ зналъ, что глаза обоихъ предводителей слѣдили за всѣми его движеніями и, остановившись еще на минуту, онъ далъ знакъ двумъ разбойникамъ, скрывавшимся за оградою изъ бычачьихъ кожъ, и снова былъ изумленъ неизъяснимымъ молчаніемъ осажденныхъ. Тогда онъ медленно поползъ вдоль крутаго ската какъ-бы срѣзанной верхушки пирамиды.

Вздохъ-Вѣтра подымался съ такою легкостью и такъ осторожно, что присутствія непріятеля не обнаруживали ни оторвавшійся камень, ни кусокъ земли, оторванной его ногами.

Въ то время, когда голова индѣйца достигла уровня платформы, также все было тихо, спокойно. Ни слова, ни шелеста не доходило до его слуха. Тогда индѣецъ взглянулъ на одинъ изъ камней, прикрывавшихъ осажденныхъ. Это случилось какъ разъ въ то самое время, когда, лежа на вершинѣ пирамиды, Фабіанъ со всею внимательностію слѣдилъ глазами своими за движеніями двухъ друзей своихъ и замѣчалъ уже, что оба они исчезаютъ въ густыхъ камышахъ по берегамъ озера.

Прежде чѣмъ молодой человѣкъ, поглощенный необъятнымъ ин-

тересомъ, который принималъ онъ въ успѣхѣ дерзкаго плана испанца и канадца, успѣлъ оборотиться, чтобъ взглянуть на положеніе непріятеля въ противуположной отъ него сторонѣ, индѣецъ улучилъ-бы время однимъ ударомъ топора своего раздробить ему голову. Но жизнь Фабіана была неприкосновенною для апаха, потому-что онъ живьемъ обреченъ былъ мщенію старшины индѣйцевъ.

И такъ вмѣсто того, чтобъ броситься на Фабіана и не смотря на то что послѣдній вооруженъ былъ карабиномъ, поразить его, индѣецъ поспѣшилъ только отнять у него ружье, предметъ его алчнаго желанія. Въ этотъ моментъ Фабіанъ оборотился.

При видѣ этой татуированной фигуры съ глазами горящими какъ у дикой кошки, не зная былъ-ли онъ на платформѣ только одинъ, Фабіанъ задрожалъ отъ ужаса. Но испугъ его продолжался только одну секунду. Фабіанъ закричавъ, звалъ на помощь своихъ товарищей, которыхъ разбойникъ этотъ могъ обмануть и перерѣзать имъ отступленіе; но въ это-же время онъ не могъ уже дѣйствоватъ своимъ ружьемъ. Индѣецъ ухватился за него руками. Молодой человѣкъ въ бѣшествѣ бросился всѣмъ тѣломъ своимъ на краснаго.

Завязалась жестокая борьба.

Въ распредѣленіи даровъ своихъ въ различныхъ племенахъ людей, природа надѣлила индѣйца такою быстротою и гибкостью мускуловъ что спорить въ ловкости съ нимъ для бѣлаго нѣтъ никакой возможности. Но таже природа не снабдила рукъ индѣйца силою, какою обладаетъ бѣлый.

Вздохъ-Вѣтра узналъ это на жестокомъ опытѣ.

Схватившіеся тѣсно и мощно другъ за друга руками, борцы два раза уже покатились по платформѣ, споря о превосходствѣ одинъ надъ другимъ. Сильныя движенія этой борьбы потрясли карабинъ и онъ выстрѣлилъ самъ собой, хотя пуля не тронула ни одного изъ боровшихся.

Выстрѣлъ этотъ былъ тотъ самый, который поразилъ слухъ канадца, подвизавшагося въ неменѣе страшной борьбѣ.

Наконецъ болѣе сильный чѣмъ индѣецъ, Фабіанъ взялъ верхъ надъ дикаремъ и накрылъ его собою. Потомъ рукой, за которую ухватился Вздохъ-Вѣтра и хотѣлъ выхватить изъ нее карабинъ, молодой испанецъ ухватился за ножъ свой и поразилъ имъ въ самую грудь

апаха. Но, къ несчастью своему, среди этихъ ожесточенныхъ усилій своихъ индѣецъ и испанецъ достигли до самаго края платформы.

Внизу ихъ глухо стонала пропасть. Влажная пыль водопада, разбивавшагося на днѣ пропасти, смѣшалась съ ихъ дыханіями и послѣднія усилія умирающаго индѣйца потащили за собой и Фабіана. Напрасно онъ силился оторваться отъ сильно уцѣпившагося за него апаха.

Мускулы молодаго человѣка онѣмѣли и потеряли силу. Страхъ ужасной смерти вызвалъ вдругъ въ молодомъ человѣкѣ всю ослабѣвшую его мощь и, быть можетъ, онъ избѣжалъ-бы пропасти, но онъ безсиленъ былъ противиться влеченіямъ индѣйца, когда тотъ почувствовалъ уже, что оба они почти на самомъ днѣ бездны.

Фабіанъ, индѣецъ и карабинъ, котораго дикарь не выпускалъ изъ своей руки, вдругъ покатились по отвѣсному почти всходу на пирамиду. Ударъ жестокій поразилъ обоихъ непріятелей, когда они достигли дна оврага. Фабіанъ почувствовалъ, что смерть парализировала силу рукъ индѣйца и онѣ ослабѣли; потомъ онъ не чувствовалъ уже ничего. Головой онъ ударился объ одинъ изъ острыхъ камней, которыми усыпана была земля и молодой графъ, такъ-же какъ индѣецъ, остался недвижимъ и бездыханенъ.

Много минутъ прошло послѣ выстрѣла карабина Фабіана и до того, когда, не получая на отчаянные свои призывы другихъ отвѣтовъ, кромѣ шума и свиста вѣтра въ вѣтвяхъ двухъ елей, канадецъ достигъ наконецъ платформы.

Раздирающій крикъ отчаянія страшно изуродовалъ всѣ черты канадца. Когда онъ очутился на пирамидѣ и примѣтилъ, на могилѣ донъ-Антоніо, еще свѣжіе слѣды ожесточенной борьбы, разбросанные камни ограды и взрытую землю, сильный крикъ вылетѣлъ изъ груди его: «Фабіана нѣтъ на платформѣ!»

Въ этотъ самый моментъ разразилась самая сильная буря. Громъ гремѣлъ съ такой силой, что эхо его долго и грозно выло въ горахъ. Сильная и частая молнія сверкала непрерывно. Земля дрожала; изъ черныхъ тучъ брызнулъ цѣлымъ потокомъ дождь. Казалось, небо разомъ открыло всѣ свои водные резервуары.

Боа-Розе призывалъ дитя свое громовымъ страдающимъ голосомъ. Среди густыхъ массъ дождеваго потока, онъ шарилъ во всѣхъ углахъ; но платформа была пуста.

— Наклонись, Боа-Розе, наклонись! — кричалъ Пепе, взобравшійся въ свою очередь на пирамиду.

Но канадецъ не слыхалъ его.

Между тѣмъ, появившійся передъ ними на скалѣ Метисъ, будто злой духъ любовался видомъ враждующихъ стихій.

— Наклонись, ради Бога!—повторялъ Пепе;—или ты презираешь свою жизнь?

Не заботясь о томъ, что Смѣшанная-Кровь не спускалъ его съ глазъ и держалъ его на цѣли своего карабина, Боа-Розе свѣсился съ края платформы и глазами искалъ своего дитяти у ея основанія. Но тамъ онъ не видалъ даже и трупа индѣйца.

Поднявъ голову, канадецъ въ первый разъ увидѣлъ Метиса. Видъ этого человѣка, котораго онъ считалъ виновникомъ всѣхъ обрушившихся на него несчастій, возмутилъ охотника до такой степени, что онъ чувствовалъ порывъ злобы противъ негодяя выше своихъ силъ; но тѣмъ не менѣе онъ чувствовалъ такъ-же и то, что участь Фабіана была теперь въ рукахъ врага, и подавивъ свое бѣшенство, онъ замолчалъ.

— Смѣшанная-Кровь!—закричалъ онъ наконецъ умоляющимъ голосомъ, который заставилъ молчать его гордость.—Видишь, я унижаюсь передъ тобой до просьбы. Ежели въ сердцѣ твоемъ осталось сколько-нибудь жалости, возврати мнѣ сына, котораго ты укралъ.

Говоря слова эти, Боа-Розе и не думалъ прятаться отъ выстрѣловъ бандита, въ то самое время, какъ спрятавшійся за стволы елей Пепе напрасно взывалъ къ нему поберечь себя.

Громкій смѣхъ, исполненный презрѣнія, былъ единственнымъ отвѣтомъ разбойника пустынь.

— Бездѣльникъ! — кричалъ въ свою очередь Пепе, подвигаясь къ Метису, полный ярости за то униженіе и печаль, которыя онъ причинилъ старому его товарищу,—ты будешь-ли отвѣчать чисто бѣлому, когда онъ по чести говоритъ съ тобой?

— Замолчи! умоляю тебя, Пепе!—прервалъ Боа-Розе.—Не раздражай человѣка, въ рукахъ котораго жизнь моего Фабіана. Не слушай его, Смѣшанная-Кровь. Печаль раздражаетъ до крайности моего товарища.

— На колѣни!—кричалъ бандитъ,—и тогда, быть можетъ, я соглашусь выслушать васъ.

Кровь еще болѣе прилила къ загорѣлому лицу Боа-Розе при словахъ врага.

— Левъ не преклоняется передъ шакаломъ, — сказалъ Пепе канадцу. — Шакалъ посмѣется надъ ползающимъ у ногъ его львомъ.

— Что нужды? — отвѣчалъ Боа-Розе съ печальною простотой.

Гордость воина, который не замахнулся даже рукой, чтобъ спасти свою жизнь, была побѣждена нѣжностью отца. И мощный скиталецъ преклонилъ колѣни.

— Ахъ! это ужъ слишкомъ, выродокъ разбойника, — ворчалъ Пепе, покраснѣвъ какъ огонь, въ то время какъ въ глазахъ его сверкнули слезы при видѣ канадца, преклонившаго колѣни передъ разбойникомъ пустынь; — унижаться передъ пустыннымъ пиратомъ безъ вѣры и жалости.... полно, Боа-Розе! мы будемъ имѣть право.... мстить этимъ презрѣннымъ злодѣямъ.

При этихъ словахъ, грозный охотникъ, увлеченный сильной страстью къ Фабіану и въ особенности горячею дружбою къ канадцу, какъ серна прыгнулъ на верхъ возвышенія.

— А! такъ вотъ ты какъ, — кричалъ Метисъ и выстрѣлилъ въ Боа-Розе, который умолялъ его о пощадѣ своего сына.

Однако дождь такъ промочилъ ружье дикаря, что курокъ два раза щелкнулъ въ огниво, но порохъ на полкѣ не вспыхнулъ.

Взбѣшенный вѣроломнымъ покушеніемъ непріятеля, безоружный, умоляющій и не надѣющійся болѣе на состраданіе его Боа-Розе послѣдовалъ за Пепе. Онъ не заботился болѣе о числѣ враговъ скрытыхъ за скалами. Канадецъ сходилъ еще съ возвышенія, какъ Пепе съ кинжаломъ въ рукахъ обогнулъ уже и ограду Золотой Долины.

— Спѣши, Боа-Розе! — кричалъ испанецъ, исчезая за цѣпью скалъ; — плуты оставили свои мѣста и бѣгутъ.

Это было справедливо; но въ то-же самое время Метисъ остался одинъ и началъ драку, ретируясь на вершины Туманныхъ горъ.

— Остановись, если ты еще не такъ подлъ, какъ жестокъ! — кричалъ канадецъ, который къ сожалѣнію своему примѣтилъ, что похититель Фабіана уходитъ отъ его мщенія.

— Смѣшанная-Кровь не подлъ! — отвѣчалъ Метисъ, выдерживая свои индѣйскія привычки; — Орелъ снѣговыхъ горъ и Попугай съ нимъ встрѣтятся третій разъ, и тогда ихъ постигнетъ участь молодаго воина

юга, вокругъ котораго теперь станутъ плясать индѣйцы и трупъ котораго они бросятъ на съѣденіе шакаламъ.

Канадецъ продолжалъ свой отчаянный путь и тотчасъ догналъ испанца. Охотники въ безнадежномъ своемъ преслѣдованіи, казалось, не смотрѣли ни на неровности земли, ни на крутизну скалъ, на которыя имъ нужно было взбираться.

Сквозь густой дождь Смѣшанная-Кровь оставался для нихъ еще видимымъ. Но какъ скоро они перебрались черезъ хребетъ горъ, бандитъ не замеллилъ скрыться въ вѣчномъ туманѣ, покрывающемъ эти вершины.

— Эхъ, жаль, что нѣтъ ружья!—кричалъ Пепе, въ сердцахъ топнувъ ногой въ грязь.

— Надежда моей жизни исчезла! — сказалъ старый охотникъ грустнымъ голосомъ и едва переводя дыханіе, между тѣмъ какъ дождь обливалъ его чело, на которомъ отражалась мрачная печаль.

Оба они взбирались уже на скалы, ища вездѣ слѣдовъ своего непріятеля, но дождевыя волны смыли едва оставленные слѣды его. Темнота удвоилась. Ночь быстро сошла на землю и скрыла на ней всякіе слѣды человѣческіе.

Внизу отъ нихъ на долинѣ ревѣлъ ураганъ.

Громъ то гремѣлъ страшными ударами, то громовая стрѣла сверкала и трещала огнемъ своимъ, спускаясь на вершины скалъ, разрушавшихся въ пыль. Длинныя, сверкающія и ломанныя молніи огненными пеленами обвивали Золотую Долину, пустыню и пирамиду гробницы. Сверкающія полосы эти озаряли дрожавшій, какъ-бы въ немъ была еще жизнь, лошадиный островъ.

При одномъ изъ такихъ внезапныхъ освѣщеній можно было замѣтить обоихъ охотниковъ. Одинъ изъ нихъ печально сидѣлъ на остріѣ скалы; другой тщетно старался его утѣшить. Оба они бросали взоры отчаянія на глубокіе овраги, надъ которыми шумя и завывая мчался полночный вихрь.

Когда наконецъ перестала буря, Пепе и Боа-Розе снова пустились въ путь на удачу, безъ молодаго и бодраго своего товарища, безъ оружія, безъ жизненныхъ припасовъ. Теперь они какъ-бы снова начали одну изъ тѣхъ катастрофъ пустынной жизни, въ которой охотникъ, хотя и лишенный всѣхъ средствъ для борьбы съ голодомъ и сами пустыни — но все-таки готовъ на борьбу.

Два этихъ неустрашимыхъ человѣка рѣшились продолжать свое преслѣдованіе, потому-что солнце не медлило освѣтить эти страшныя пустыни. Уже началъ озаряться далекій сводъ неба, и звѣзды, какъ погасающія лампы ночнаго праздника, потухали одна за одной въ густомъ туманѣ.

X.

Воспоминанія и сожалѣнія.

Прежде чѣмъ перейдемъ мы на болѣе отдаленный театръ происшествій нашего разсказа, необходимо замѣтить нѣсколько случаевъ, по той причинѣ, что они тѣсно связываютъ прошедшее съ будущимъ.

Быть можетъ не забыли еще, что при разговорѣ Метиса съ Черной Птицей, пиратъ пробормоталъ на ухо индѣйскому вождю нѣсколько словъ, и что, послѣ этихъ словъ, глаза апахскаго воина заблистали молніями. Метисъ окончилъ увѣреніемъ, что вмѣсто Бораджи, его плѣнника, онъ выдастъ Черной Птицѣ индѣйца съ крѣпкимъ сердцемъ и стальными мускулами, перемѣнитъ ему лошадей, убитыхъ въ сраженіи и наконецъ онъ назначилъ ему свиданіе на третій день, послѣ этого договора въ томъ мѣстѣ, гдѣ развѣтвляется Красная рѣка, то есть, близъ Бизоньяго озера.

Послѣ этого мы обратимся къ происшествіямъ, случившимся въ гаціэндѣ дель-Венадо. Это необходимо для объясненія тѣхъ случаевъ, о которыхъ мы намѣрены продолжать разсказъ свой, необходимо также и для его цѣлости.

Послѣ внезапнаго отъѣзда дона Эстевана де-Арехизы и его свиты, послѣ бѣгства Тибурціо Арелланоса, въ гаціэндѣ дель-Венадо, шумной наканунѣ, водворилось обыкновенное спокойствіе. Какъ и прежде, въ тотъ самый день, когда послѣ заката солнца прибыли туда испанецъ и его товарищи, которые покоились теперь близъ Туманныхъ горъ вѣчнымъ сномъ, гаціэнда съ восходомъ солнца представляла и теперь картину тихаго благополучія. Стада паслись, какъ водится, по широкой долинѣ, надъ которой возвышался домъ дона Августина. Въ этой плодоносной землѣ новыя жатвы уже зеленѣли на мѣсто старыхъ и маслины красовались новыми цвѣтами. Земледѣльцы спѣшили изъ хижинъ своихъ на поля продолжать начатыя наканунѣ работы, но на дворѣ гаціэнды осѣдланныя лошади и навьюченные мулы возвѣщали приготовленія къ отъѣзду.

Быть можетъ вы не забыли еще разсказа про охоту за дикими лошадьми. Хозяинъ гацiэнды затѣялъ потѣшить своихъ гостей, которые, какъ мы говорили уже, приняли съ радостью его предложенiе. Но совершившiяся съ такой быстротой происшествiя доказали имъ противное. Донъ-Августинъ, исполненный увѣренности на счетъ успѣха предпрiятiй Эстевана, хотя и былъ опечаленъ его неожиданнымъ отъѣздомъ, но тѣмъ не менѣе ему не хотѣлось отказать ни себѣ, ни будущему своему зятю въ удовольствiяхъ, которыя онъ предназначилъ. Онъ былъ въ расположенiи къ удовольствiямъ и объявилъ, что охота состоится.

Лошади ждали своихъ всадниковъ. Лошадь для Розариты была тоже готова. Трагадуръ, отдѣлавшись отъ опаснаго своего соперника и отъ присутствiя донъ-Эстевана, котораго манеры и тонъ покровительства были для него не по вкусу, былъ въ духѣ. Но не то случилось съ дочерью гацiэндеро.

Съ блѣднаго ея лица не сошли еще слѣды слезъ и безсонницы. Напрасно старалась она придать себѣ видъ веселости. Солнце не скоро разсѣваетъ влагу паровъ, которые ночная гроза оставляетъ на востокѣ. Какъ солнце утопающее въ туманѣ, глаза Розариты были не такъ блестящи и ярки какъ вчера. Когда начали садиться на лошадей и донъ Августинъ далъ знакъ къ выѣзду, Розарита вдругъ стала жаловаться, что ей очень не здоровится. Блѣдность ея лица слишкомъ подтверждала неожиданную болѣзнь ея. Больная просила позволенiя у своего отца остаться дома.

Раздосадованный этой новой помѣхой, гацiэндеро, внутренно проклинавшiй всякiя женскiя болѣзни, хотѣлъ было отправиться на охоту въ сопровожденiи Трагадура, какъ новый случай удвоилъ его нерасположенiе.

Въ то самое время, когда онъ уже заносилъ ногу въ стремя, во всю лошадиную прыть прискакалъ пастухъ и извѣстилъ дона Августина, что передовые нашли водопой высохшимъ; стало быть нужно было искать другаго и охоты раньше осьми дней никакъ не можетъ быть.

Донъ Августинъ чувствовалъ, что дочь его не могла подвергнуться усталости подобныхъ розысковъ.

Онъ обратно послалъ пастуха съ приказанiемъ тотчасъ-же его

увѣдомить, если онъ найдетъ прудъ, куда прійдутъ на водопой дикія лошади. Этимъ только и ограничилась ихъ охота.

Трагадуръ не чувствовалъ неудовольствія по этому случаю, который казался маловажнымъ, хотя долженъ былъ имѣть очень важныя послѣдствія.

Притязанія донъ Эстевана на то, чтобъ въ глазахъ Розариты отличиться какимъ-нибудь блестящимъ поступкомъ, навели, нужно правду сказать, на Трагадура только сонъ. Предавшись послѣ отъѣзда испанскаго сеньора сладкому покою, Трагадуръ испыталъ въ немъ всѣ удачи людей безпечныхъ и праздныхъ; но проснувшись, онъ увидѣлъ всю несообразность дѣйствительности и въ слѣдствіе этого онъ ограничился только ролью Геркулеса, у ногъ Омфалы.

Чтожъ касается до Розариты, то болѣзнь ея была только слѣдствіемъ потребности остаться одной и предаться мечтамъ. Потребности этой она, быть можетъ, и не поддалась бы съ такимъ усердіемъ, если бы не предпріятіе отъѣзда, сулившее ей уединеніе, котораго такъ жаждала душа ея.

Предавшись уединенію, она прислушалась къ самой себѣ. Два неизвѣстные ей дотолѣ голоса пѣли въ ушахъ ея чистыя мелодіи рождающейся любви. Потомъ, въ душѣ своей, она ощутила безпредѣльную пустоту; тотъ, кого призывалъ внутренній голосъ ея, былъ далеко. Гдѣ онъ былъ? Но дни ея текли напрасно. Она не могла ни видѣть его, ни говорить съ нимъ.

Въ продолженіе этого времени, Трагадуръ все стараніе свое употребилъ на розысканіе мѣста, съ котораго-бы легче всего можно было открыть свой приступъ. Благодаря огромному кредиту, который открылъ для него донъ Эстеванъ въ кассѣ гаціэндеро и который Трагадуръ пощадилъ бы только въ одномъ случаѣ—при совершенномъ его истощеніи, за нимъ оставалась самая счастливая возможность сначала развлекать, а потомъ уже смягчать постепенно глубокую печаль молодой дѣвушки.

Подарки, сюрпризы и различныя угожденія, исполненныя свѣтской угодливости и сердечнаго расположенія, производятъ на женщину могучее, чарующее дѣйствіе. Сначала они только ласкаютъ ея самолюбіе, но потомъ мало-по-малу пролагаютъ путь къ ея сердцу. Но Трагадуру сверхъ того удалось еще пріобрѣсть и невозмутимое ея довѣріе. Оно не было впрочемъ для него плодомъ дурной тактики, —

безпрестанно выхвалять достоинства свои передъ женщиной. Но какъ человѣкъ болѣе опытный и свѣдущій, Трагадуръ самъ началъ воспѣвать ей похвалы. Пѣсни его были услышаны, потому что сильное убѣжденіе заразительно.

Трагадуръ былъ большой мастеръ на панегирики. Онъ нашелъ необыкновенныя качества въ Розаритѣ и восхищался ими, какъ слѣдуетъ вообще влюбленному. Отказаться отъ побѣды надъ своимъ обожателемъ для женщины, значитъ не признавать своего могущества. И мало между ними найдется такихъ, которыя захотятъ быть несправедливыми къ самимъ себѣ въ этомъ отношеніи. Потомъ всегда почти онѣ дѣлаются неравнодушны къ своему произведенію, и ужъ не такъ-то легко уступаютъ его другому или вѣрнѣе другой.

Отсутствіе имѣетъ свои хорошія выгоды. Оно доставляетъ отсутствующему безполезную прелесть, подобно прекрасной безконечной дали въ пейзажѣ. Но отсутствіе не должно ужъ слишкомъ долго продолжаться, безъ этого условія оно теряетъ свою цѣну.

Отсутствію-же Фабіана не предвидѣлось конца. Говорить-ли о томъ, что прелесть отсутствія долго еще не поддавалась настоящимъ завоеваніямъ его соперника.

Въ такомъ положеніи были дѣла на гаціэндѣ дель-Венадо въ продолженіи двухъ недѣль со времени отъѣзда донъ-Эстевана, то-есть, почти около того времени, когда мы находимъ экспедицію, которою командовалъ испанскій сеньоръ.

Всю грусть своей дочери донъ Августинъ приписывалъ одному уединенію ея жизни. Онъ самъ даже скучалъ отъ бездѣйствія, не смотря на пылкій свой характеръ. Возвращеніе пастуха съ вѣстью, что найдена и вода и большое стадо дикихъ лошадей,—было случаемъ, за который онъ съ радостью ухватился, какъ для развлеченія доньи Розариты, такъ и для удовлетворенія своей охотничьей страсти. Случай былъ тѣмъ удобнѣе, что вода отыскана была не такъ близко отъ гаціэнды. Такимъ образомъ поѣздка не была прогулкой по окрестностямъ, но четырехъ-дневнымъ путешествіемъ.

Нѣсколько лѣтъ уже въ странѣ этой не замѣтно было никакихъ слѣдовъ индѣйскихъ и потому охота за дикими лошадьми предстояла великолѣпная. Охота эта, какъ охота на быковъ, составляетъ общую страсть всѣхъ мексиканцевъ.

На эту-то охоту собрался теперь владѣтель гаціэнды дель-Венадо.

Осѣдланныя лошади стояли у крыльца. Мулы, навьюченные матрацами, узлами и ящиками, вмѣстѣ съ перемѣнными лошадьми отправлены были впередъ. Двое слугъ ждали только своихъ хозяевъ, чтобъ отправиться въ дорогу. Солнце чуть сверкнуло своими первыми лучами, когда гаціэндеро, Трагадуръ и донья Розаріо вышли на крыльцо въ охотничьихъ костюмахъ.

На блѣдномъ лицѣ дѣвушки не замѣтно было выраженія удовольствія или радости, оно было меланхолически-задумчиво.

Кавалькада пустилась въ путь. Проѣзжая мимо бреши въ оградной стѣнѣ, на которую выходилъ тотъ, кого Розарита называла Тибурціо Арелланосомъ, она закрылась вуалью, чтобъ не дать замѣтить слезъ, которыя выкатились изъ глазъ ея въ это время. Сколько разъ на этомъ мѣстѣ въ мечтахъ заставала ее ночь. Оставляя гаціэнду, она какъ-бы произносила вѣчное прости самому дорогому и самому печальному изъ своихъ воспоминаній. Не означало-ли это перваго движенія любви въ сердцѣ ея? Не заключались-ли въ этомъ одномъ воспоминанія всей ея жизни?

Но дальше все перестало напоминать ей Тибурціо.

Не смотря на развлеченія, въ которыхъ истощалась вся любезность Трагадура, первый день путешествія прошелъ и окончился печально. За одну или за двѣ мили до мѣста, гдѣ кавалькада должна была имѣть ночлегъ, стало уже почти темно и путники хранили молчаніе. Сошествіе ночи въ пустыняхъ необыкновенно торжественно и сильно располагаетъ къ мечтательности. Въ это самое время съ ними повстрѣчались два всадника.

Видъ этихъ всадниковъ показался путникамъ нашимъ страннымъ и внушающимъ что-то недоброе. Одинъ изъ нихъ былъ старикъ, другой былъ молодъ. Бѣлые волосы одного и черные другаго завязаны были бѣловатыми ремешками на самыхъ затылкахъ. Родъ небольшихъ шапочекъ, украшенныхъ пучками перьевъ, покрывали макушки ихъ и прикрѣплены были кожаною тесьмою. Оба они были босы; но верхняя одежда ихъ была льняная и не отличалась отъ обыкновеннаго покроя.

Это былъ костюмъ индѣйцевъ-папагосовъ съ небольшими измѣненіями. Оба всадника вмѣсто луковъ и стрѣлъ имѣли въ сѣдлахъ

своихъ длинные и тяжелые карабины. Деревянные приклады этихъ ружей, усыпаны были мѣдными гвоздиками, а суровое выраженіе ихъ лица довольно рѣзко отличало ихъ отъ миролюбиваго индѣйскаго племени, къ которому какъ-бы они принадлежали только по одеждѣ.

Для путешественниковъ нашихъ встрѣча эта не представляла-бы ничего опаснаго, потому что индѣйцы изъ племени папагосовъ отличаются кротостью и честностью своихъ нравовъ, но двухъ этихъ фигуръ нельзя было видѣть безъ отвращенія.

Донья Розаріо толкнула свою лошадь и опередила отца въ то самое время, когда молодой всадникъ, какъ-бы пораженный красотой молодой дѣвушки, остановился и устремилъ свой пламенный взоръ на лицо ея.

Потомъ оба эти всадника перемолвились нѣсколькими словами на нарѣчіи, котораго не поняли мексиканцы и поѣхали своей дорогой; хотя молодой не разъ останавливалъ свою лошадь и поворачивался назадъ, чтобъ снова посмотрѣть то на ни развивающуюся вуаль, то на гибкую талью дочери дона-Августина. Потомъ оба они исчезли въ вечернемъ мракѣ.

Кавалькада продолжала свой путь; но эти два незнакомца оставили послѣ себя странное и дурно-предвѣщающее впечатлѣніе въ мысляхъ нашихъ охотниковъ. Между-тѣмъ, передъ заходомъ солнца, становилось все-таки тише; только слышны были мѣрные шаги лошадей нашихъ всадниковъ, да шумъ траваныхъ кониковъ, затихавшій уже въ позднемъ вечернемъ мракѣ.

Но вотъ блеснулъ и огонекъ, разложенный на томъ мѣстѣ, которое посланные впередъ выбрали для отдыха и ночлега.

Небольшая шелковая палатка, которой запасся для этого случая услужливый и любезный Трагадуръ, была приготовлена для Розариты подъ небольшою группою деревъ. Послѣ ужина, она удалилась въ свою палатку; но тщетно старалась дождаться сна молодая дѣвушка, подъ кружевнымъ своимъ одѣяломъ. Она вспоминала о той ночи, когда Тибурціо былъ близъ нея, когда въ первый разъ она его видѣла и что случилось съ нимъ въ эту ночь.... Съ слезой и улыбкой она вслушивалась мало-по-малу то въ журчанье недалекаго ручья, то въ ржаніе дикихъ коней, то въ далекій вой шакаловъ, въ крикъ ночныхъ птицъ, словомъ, она внимала всѣмъ гармоніямъ пустыни, которыя пробуждаютъ столько сочувствія въ двадцати-лѣтнемъ сердцѣ.

Чего-бы не далъ Фабіанъ, чтобъ взглянуть, когда, чуть свѣтъ, прекрасная дочь дона Августина вышла изъ шелковой своей палатки, чтобъ снова сѣсть на лошадь.

Кавалькада снова пустилась въ путь, какъ и наканунѣ. Но Розарита, казалось, была болѣе уже развлечена теперь, чѣмъ вчера, хотя воспоминанія и здѣсь ее не оставляли. Любовь обладаетъ большою способностью находить всякую минуту сходства въ самыхъ далекихъ даже аналогіяхъ.

Пусть, что не разсказываютъ о душевныхъ тревогахъ, но человѣческое воображеніе очень способно создавать себѣ и сладостныя иллюзіи и мучительныя печали.

Во все время переѣзда отъ гаціэнды до Бизоньяго озера, куда спѣшила наша кавалькада, дѣйствительность, казалось, благопріятствовала воображенію доньи Розаріо.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ пути, Трагадуръ, оставшійся было назади, снова догналъ кавалькаду. Онъ везъ букетъ цвѣтовъ изъ ліанъ и торжественно предложилъ его Розаритѣ. Минута радости, при взглядѣ ея на роскошный букетъ, вполнѣ вознаградила Трагадура за любезное его вниманіе. Но въ самый моментъ благодарности своей, Розарита услышала новый голосъ, отвернулась и старалась скрыть печальное движеніе въ своемъ лицѣ; изъ руки ея падали цвѣты одинъ за другимъ, на землю.

— Что съ вами, Боже мой! — сказалъ Трагадуръ, изумленный такою неожиданностію.

— Ничего, ничего, — отвѣчала молодая дѣвушка, сжимая букетъ, который вдругъ сталъ ей противенъ.

Говоря это, Розарита хлыстикомъ стегнула свою лошадь и далеко оставила за собой обожателя. Одному вѣтру она рѣшилась повѣрить глубокій вздохъ, который, казалось, едва не задушилъ ее.

Розарита вспомнила, что нѣкогда и Тибурціо собиралъ для ней цвѣты, и вотъ почему букетъ Трагадура вдругъ ей опротивѣлъ. Теперь она рвала и бросала его на землю.

— Должно быть въ цвѣтахъ были какія-нибудь вредныя насѣкомыя, что вы рвете ихъ и бросаете? — спросилъ догнавшій ее Трагадуръ.

— Да! — сказала Розарита, на щекахъ которой вспыхнулъ яркій румянецъ.

Теперь мы довольно познакомились съ чувствами доньи Розариты. Скажемъ только, что на четвертое утро, кавалькада изъ гаціэнды дель-Венадо прибыла къ Бизоньему озеру.

XV.

Охотники за бизонами.

Рѣка Жила, перейдя вершины Туманныхъ-Горъ, однимъ рукавомъ своимъ впадаетъ въ Красную-Рѣку которая въ свою очередь, пройдя Техасъ и страну охоты индѣйскихъ племенъ гаигуасъ и команчей, изливается въ Мексиканскій заливъ, пробѣжавъ около ста восьми-десяти лье.

Верстъ за шестьдесятъ отъ гаціэнды дель Венадо, (не нужно удивляться этому разстоянію въ странѣ, гдѣ живущіе за двадцать и тридцать лье одинъ отъ другаго считаютъ себя близкими сосѣдями) и на разстояніи около полулье отъ мѣста, прозваннаго вилой Красной рѣки, лежитъ обширная долина кедровъ, дубовъ, пробковаго и хлѣбнаго деревьевъ.

Отъ истоковъ и до вилы рѣки, грунтъ земли образуетъ долину, покрытую до такой степени густой и высокой травой, что надъ высокими зелеными волнами этихъ травъ, замѣтна только голова всадника, проѣзжающаго по долинѣ.

Въ самой глуши рощи скрывается убѣжище. Оно состоитъ изъ темныхъ аркадъ, образуемыхъ верхушками огромныхъ деревъ. По краямъ широкаго пруда, который можно даже назвать озеромъ, тамъ и сямъ, отдыхало двѣнадцать человѣкъ, одни изъ нихъ прислонились къ стволамъ столѣтнихъ дубовъ, другіе, раскидавшись по густой и цвѣтущей по берегамъ пруда травѣ, спали.

Мѣсто это представляло видъ широкой свѣтлой поверхности. На противуположной сторонѣ той, гдѣ отдыхали эти лица, подъ густымъ сводомъ сплетшихся вѣтвей, терялся въ глубинѣ зеленыхъ поростовъ узкій каналъ.

Солнце, еще въ началѣ своего пути, проникая въ теряющуюся вдали перспективу канала, разбрасывало пурпуровые лучи свои по живописнымъ сторонамъ этого озера.

Утренній свѣтъ надъ поверхностью озера распускался какими-то

пучками. Въ спокойной и свѣтлой поверхности озера, роскошно отражались зеленыя вѣтви и лазурь неба чистаго, какъ зеркало.

Широколиственныя водяныя растенія, распластавшіяся на свѣтлой поверхности воды, ненюфары съ своими рѣдкими, на подобіе золотыхъ и серебряныхъ чашечекъ, цвѣтами, длинныя гирлянды сѣроватаго мха, который спускался съ вѣтвей огромныхъ кедровъ до самой воды, довершали дикій и живописный видъ этого пруда.

Это было Бизонье озеро.

Имя это оно заимствовало отъ имени животныхъ, для которыхъ издавна служило оно любимымъ мѣстомъ водопоя. Но въ послѣдствіи, страшась близкаго сосѣдства человѣка, животныя эти, на подобіе буйволовъ, промѣняли его на болѣе пустынныя равнины. Уединенное положеніе этого озера манило еще на живописные свои берега стада дикихъ лошадей, предпочитавшихъ утолять свою жажду изъ береговъ, таящихся подъ глубокими тѣнями деревъ, чѣмъ изъ открытыхъ береговъ сосѣдней рѣчки.

Здѣсь-то пастухи дона Августина выслѣдили многочисленную кавалькаду. Они ждали только своего хозяина, чтобы начать свою любимую охоту.

Съ одной стороны бассейна, довольно широкое пространство, еще недавно обнаженное отъ деревъ, огорожено было частымъ и крѣпкимъ палиссадомъ изъ срубленныхъ деревъ. Чтобъ составить непоколебимую загороду, деревья глубоко вбиты были въ землю и сверхъ того связаны между собой вырѣзанными изъ свѣжихъ бычачьихъ шкуръ широкими и толстыми ремнями. Высушенные на солнцѣ, ремни эти могутъ служить такими-же крѣпкими связками, какъ желѣзные гвозди и желѣзныя-же скобки.

Эскалада эта, почти овальная, на подобіе римскихъ цирковъ, съ другой стороны озера представлялась только однимъ довольно тѣснымъ отверстіемъ. А чтобы работы человѣческія не испугали дикихъ лошадей, пастухи-охотники прикрыли ихъ тщательно и искусно, какъ только возможно было, камнями, травами и зелеными вѣтвями.

Не трудно повѣрить, что устройство этой западни потребовало у пастуховъ-охотниковъ дона Августина не менѣе двухъ недѣль, которыя протекли со времени первыхъ неудавшихся сборовъ до настоящей охоты.

Между дюжиной человѣкъ, отдыхавшихъ то по берегамъ, то окрестъ

Бизоньего озера, было четверо, которыхъ съ перваго взгляда можно было принять за людей не изъ гацiэнды дель-Венадо.

Вмѣсто нацiональнаго своего костюма, въ которомъ щеголяли пастухи дона-Августина, эти четыре фигуры, слѣдуя обычаю народа, проживающаго по спорнымъ предѣламъ индѣйскихъ и бѣлыхъ племенъ, заимствовали и костюмы свои отъ этого враждебнаго для обѣихъ рассъ племени.

Солнце до того опалило ихъ цвѣтъ и изгладило рѣзкiя черты смѣси, что трудно было съ точностью сказать, были-ли люди эти, обутые въ мокассины и одѣтые въ кожи, изъ цивилизованныхъ индѣйцевъ или изъ бѣлыхъ съ дикими привычками. Впрочемъ, странный нарядъ ихъ скоро переставалъ быть забавнымъ, потому что мало было на немъ мѣстъ незапачканныхъ пятнами засохшей крови. Ихъ легче всего было принять за мясниковъ только что вышедшихъ изъ бойни.

Но не смотря на видимое злополучiе четырехъ фигуръ этихъ, путникъ сколько-нибудь знакомый съ обычаями здѣшнихъ пустынь, послѣ первыхъ-же словъ догадался-бы, что люди эти были не кто иные какъ охотники за бизонами; теперь они отдыхали послѣ обычныхъ своихъ занятiй на берегахъ того самаго озера, которое служило нѣкогда любимымъ мѣстомъ водопоя для животныхъ, отъ которыхъ они получили свое прозванiе.

Судя по просушивавшимся на солнцѣ кожамъ, которыя въ небольшомъ ризстоянiи отъ пруда, на лѣсной прогалинѣ были растянуты на кольяхъ, видно было, что время отъ времени приходили сюда животныя. Что-же касается до самихъ охотниковъ, то острый запахъ отъ кожъ, распаренныхъ солнцемъ, не причинялъ, казалось, имъ ни малѣйшей непрiятности.

Глубокая тишина, царствовавшая въ окружности и подъ темными сводами рощи, время отъ времени прерываема была только жалобными воями большихъ собакъ, скрывавшихся почти въ высокой травѣ и порой подымавшихъ свои морды за тѣмъ только, чтобы издать печальный лай.

Наконецъ всю эту картину, лучше пера, доканчивалъ самый живописный ансамбль: въ пустотѣ, прогнившей въ стволѣ дуба, роскошно разросшагося своими длинными вѣтвями надъ поверхностью озера, небольшое деревянное изображенiе мадонны. Оно было украшено

свѣжими цвѣтами, которые, казалось, всякій день перемѣняла чья-то благочестивая рука.

Стоя на колѣняхъ, одинъ изъ охотниковъ благочестиво творилъ передъ ней свою утреннюю молитву.

Человѣкъ этотъ, огромнаго роста, былъ по видимому снабженъ силою, которая легко могла поспорить съ однимъ изъ животныхъ его промысла. Онъ творилъ утреннюю свою молитву съ теплымъ усердіемъ. Это будетъ очень понятно, если прибавимъ, что охотникъ въ это время свято исполнялъ свой обѣтъ, который онъ сдѣлалъ себѣ въ минуту какой-то страшной опасности.

Но лишь только охотникъ окончилъ усердную свою молитву, какъ лежавшій въ травѣ, огромный песъ залаялъ снова.

— Мнѣ кажется, — сказалъ охотникъ, оставляя благочестивую свою позу, — что, побывавши у индѣйцевъ, мой Озо научился ихъ обычаямъ; онъ лаетъ, точно одна изъ красныхъ кожъ воетъ надъ могилою своего друга.

— Экъ, что выдумалъ ты, Энцина? — сказалъ другой охотникъ, умывавшійся въ это время въ прудѣ. — Ты льстишь собакамъ; а мнѣ кажется, будь къ чести ихъ, что напротивъ индѣйцы переняли у собакъ выть по собачьи.

— Но какъ-бы тамъ ни было, — прибавилъ Энцина,—но Озо мой оплакиваетъ своего товарища, котораго проклятый анахъ пригвоздилъ копьемъ своимъ къ землѣ. Правда, онъ двухъ изъ этихъ разбойниковъ разорвалъ на смерть. — Ахъ! мой бѣдный Паскуаль, теряя тебя, я думалъ, что ужъ жизнь свою не буду охотиться за бизонами ни съ тобой, ни съ другими; а когда я услышалъ, что меньшаго....

Охотникъ бизоновъ, котораго звали Энцина, былъ прерванъ своимъ товарищемъ, для котораго невыносимо было слушать разсказъ, подробности котораго ему были извѣстны.

— Полно, Энцина, — сказалъ онъ. — Теперь, какъ ты вотъ выполнилъ свой обѣтъ: босикомъ прійти и помолиться мадоннѣ озера, и какъ пастухи эти не нуждаются болѣе въ нашихъ услугахъ, то время-бы уже отправляться намъ и на охоту. Вѣдь мы вотъ потеряли три дня ни за что; а эти кровавыя кожи помѣшаютъ дикимъ лошадямъ прійти сюда на водопой: такъ вотъ тебѣ двойная причина, что оставаться здѣсь долѣе намъ никакъ не должно.

— Да, вѣдь намъ все-равно до захода солнца нечего дѣлать, — отвѣчалъ Энцина; — такъ не лучше-ли остаться здѣсь.

— О! вы насъ ни сколько не стѣсняете, — сказалъ самый младшій пастухъ изъ гаціэнды.

Этотъ молодой человѣкъ былъ уроженецъ изъ президы. Для первыхъ уроковъ опасной жизни отецъ послалъ его сюда вмѣстѣ съ старыми своими товарищами. Нѣсколько недѣль только, какъ онъ находился съ тѣми, которые должны были быть его наставниками. Подобно всѣмъ новичкамъ въ какомъ-бы то ни было ремеслѣ, онъ сильно интересовался разсказами старыхъ и опытныхъ товарищей своихъ по ремеслу.

— Сеньоръ Энцина, — сказалъ онъ, подступая къ двумъ охотникамъ съ надеждой предложить имъ нѣсколько любопытныхъ вопросовъ и узнать отъ нихъ все изъ обстоятельствъ послѣдней битвы, гдѣ Энципа чуть было не поплатился жизнію, — мнѣ не нравится, когда завоетъ ваша собака, такъ.... я....

Но новый вой пса прервалъ въ свою очередь новичка, который спрашивалъ не безъ нѣкотораго страха, не чуетъ-ли Озо по духу приближенія индѣйцевъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мой милый; — отвѣчалъ Энцина. — Это онъ выражаетъ такимъ образомъ свою сердечную тоску. Но если-бы здѣсь гдѣ-нибудь рыскалъ индѣецъ, то вы тотчасъ-бы замѣтили, что шерсть на немъ стала-бы щетиной, а глаза его разгорѣлись-бы, какъ два раскаленныхъ угля, и тогда онъ не оставался-бы такъ спокоенъ и неподвиженъ какъ теперь. И такъ, будьте покойны.

— Ладно! — сказалъ молодой человѣкъ, ложась на траву не подалеку отъ Энцины. — Теперь я намѣренъ спросить васъ только объ одномъ. Не узнали-ли вы чего-нибудь, когда вы ѣздили по-ту сторону Тубака, объ участи экспедиціи, которая недѣли двѣ тому назадъ отправилась оттуда? Съ ней отправился одинъ изъ моихъ дядей, донъ-Мануэль-Бораджа. Мы объ немъ начинаемъ ужъ безпокоиться.

— Судя по тѣмъ словамъ, которыя я слышалъ отъ трехъ охотниковъ, слѣдовавшихъ вблизи за экспедиціей, я долженъ думать, что слѣды, отысканныя мною и добрымъ моимъ Паскуалемъ послѣ того какъ мы разстались съ тремя тѣми охотниками, спѣшившими занять позицію на одномъ маленькомъ островкѣ, что слѣды, говорю, большой индѣйской партіи не предвѣщали для экспедиціи вашей ровно ничего

хорошаго. Я очень боюсь, чтобъ вы въ одинъ изъ этихъ дней не сказали: покойникъ мой дядя....

— Ахъ! вы думаете, что это можетъ случится?... что онъ уже покойникъ?...— прервалъ его очень наивно и равнодушно новичекъ.

— Впрочемъ, времени было такъ мало, — возразилъ Энцина,—когда молодой команчъ....

Новичекъ снова прервалъ охотника бизоновъ.

— А знаете-ли, сеньоръ Энцина, вы прекрасно сдѣлаете, если разскажете мнѣ отъ начала и до конца все, что съ вами случилось въ дикихъ странахъ?

— Что-жъ со мною могло случиться? — отвѣчалъ Энцина, обрадованный тѣмъ, что нашелъ себѣ внимательнаго слушателя.—Я хочу вамъ это сказать. Когда я былъ въ президѣ, то пришелъ вдругъ туда посолъ отъ команчей, которые, какъ вамъ извѣстно, смертельные враги апаховъ. Индѣецъ явился къ намъ за тѣмъ, что ему нужно было, по приказанію шефа трибы, вымѣнять у насъ бизоньихъ шкуръ на стекло, ножи и различныя льняныя ткани; въ Тубакѣ ему удалось найти купца изъ Ариспы, который и взялся поставить ему товары, понадобившіеся индѣйцамъ.

— И онъ предложилъ вамъ быть его провожатымъ?

— Онъ предложилъ мнѣ порядочную плату. Потомъ, съ другой стороны, у пріятеля моего Маріано индѣйцы угнали стадо лучшихъ лошадей. Вотъ пріятель мой, чтобъ догнать и возвратить хоть часть украденнаго стада, выслалъ девять своихъ пастуховъ и кромѣ того онъ расчитывалъ еще на помощь команчей. Счетомъ-же, всѣхъ насъ было двѣнадцать человѣкъ, не считая въ этомъ числѣ посла изъ президы.

— Такъ стало-быть тринадцать; — прервалъ его новичекъ охотникъ. — А тринадцать число не хорошее.

— Намъ оставалось уже восемь или десять лье не болѣе до вступленія въ лагерь команчей, — продолжалъ Энцина, — и мы были спокойны. О томъ-же, что тринадцать число не хорошее, я гораздо уже послѣ догадался.... Вотъ мы и ѣдемъ себѣ спокойно, прикрывая вьючныхъ муловъ нашего купца; команчъ ѣхалъ впереди....

— Хорошо! — снова прервалъ его новичекъ, какъ-бы на перекоръ своему любопытству слышать разсказъ въ подробности и послѣдова-

тельности.—Такъ купецъ этотъ развѣ задумалъ было торговать своими товарами у индѣйцевъ? Неужели онъ рѣшился на это?

— Какъ кажется, мой милый, вы любите, чтобъ надъ і непремѣнно ставить точки. Я вѣдь, кажется, не сказалъ вамъ, что командующій начальникъ прислалъ двухъ изъ своихъ воиновъ заложниками. Это обстоятельство еще болѣе увѣряло насъ въ безопасности, потому что команчи народъ довольно честный. Посолъ тоже внушалъ намъ большое къ себѣ довѣріе. Это былъ молодой воинъ столько-же красивый собой, сколько и храбрый и, какъ вы это тотчасъ узнаете, жестокій врагъ апаховъ, хотя самъ былъ апахъ по рожденію.

— Ну, ужъ я-бы ему не довѣрился!

— Да потому, что вы не знаете его исторіи, а если-бы знали, то и довѣрились-бы. Вѣдь извѣстно, что одинъ предводитель похитилъ молодую женщину, въ которую былъ влюбленъ....

— Ба, такъ и дикари эти влюбляются?

— Совершенно также, какъ и мы съ вами, а часто даже и лучше насъ. Между-тѣмъ въ одинъ прекрасный день предводитель этотъ съ своей возлюбленной, сдѣлавшейся по-неволѣ его женою, бѣжалъ изъ своей трибы и скрылся у команчей. Команчи его приняли и усыновили. Такъ онъ отдалъ усыновившему его племени крѣпкую руку и сердце сколько неустрашимое, столько-же и исполненное ненависти противъ апаховъ, что онъ не разъ доказалъ и на самомъ дѣлѣ.

Вотъ мы между-тѣмъ все продолжали свой путь. Впереди нашъ проводникъ. Я слышалъ разговоръ его съ моимъ пріятелемъ. Я замѣтилъ на долинѣ слѣды Эль-Местицо и Красной-Руки. Вниманіе! — Кто были Местицо и Красная-Рука — я не зналъ.... Команчъ ѣхалъ все впереди. Онъ сидѣлъ на отличной лошади.

Я принужденъ былъ съ своими собаками отстать отъ него на нѣкоторое разстояніе. Озо и Тигра обоихъ велъ я на сворахъ и съ намордниками, потому что животные эти, такъ какъ я дрессировалъ ихъ для драки съ индѣйцами, каждую минуту неудержимо хотѣли броситься на шею индѣйца. Между-тѣмъ я не терялъ изъ виду передоваго ни на минуту. Вотъ начали мы переѣзжать долину, по которой много росло хлопчатнику и деревья эти образовали довольно большую рощу, какъ вдругъ я услышалъ, что индѣецъ издалъ страшный вой и слетѣвъ съ сѣдла, ногою зацѣпился въ стремени и по-

висъ внизъ головой. Лошадь его поскакала въ галопъ. Въ это время, вокругъ меня зашипѣла будто цѣлая сотня насѣкомыхъ....

— Что-жъ, неужели это были гремучія змѣи? — спросилъ вдругъ новичекъ, вытаращивъ глаза.

— Какія змѣи? Это была цѣлая туча стрѣлъ; — возразилъ охотникъ, — а ружейные выстрѣлы раздались, какъ громъ среди страшной бури. Пріятель мой донъ-Маріано купецъ и девять пастуховъ съ лошадей повалились на-земь. Съ минуту я ровно ничего не могъ понимать. Мнѣ казалось, что все это совершается во снѣ. Потомъ уже я спустилъ, про всякой случай, обоихъ своихъ псовъ, которые выли отъ ярости; но все еще я держалъ ихъ на сворѣ; но когда опомнился, посмотрѣлъ вокругъ. Кромѣ лошадей, которыя разсѣявшись, скакали вездѣ на долинѣ и сквозь кусты хлопчатника, на большой дорогѣ не было болѣе ничего, ни даже слѣдовъ упавшихъ съ лошадей. Тогда я заключилъ, что скрывшіеся въ рощѣ индѣйцы увлекли съ собой тотчасъ и всѣхъ упавшихъ.

— Быть не можетъ?

— Можетъ или не можетъ, но я ужъ ихъ болѣе никого не видалъ. Что-же касается до меня, то я стоялъ, какъ вкопанный, не зная самъ, идти-ли мнѣ впередъ или назадъ. Я чувствовалъ, что меня окружаетъ невидимый непріятель со всѣхъ сторонъ. Но неизвѣстность моя продолжалась не долго. Семь или восемь индѣйцевъ вдругъ выскочили изъ рощи и понеслись прямо на меня. — Но послушайте! Вы, который легко все постигаете, вы, статься можетъ, этого не поймете, какую убійственную тоску перенесъ я среди безмолвія смерти, царствовавшей по всей долинѣ. Я обрадовался даже тому, что могъ наконецъ сосчитать своихъ враговъ.

— Но, клянусь, я бы ни за что не сталъ ихъ считать! — сказалъ новичекъ съ волненьемъ.

— Я спустилъ тогда своихъ обоихъ псовъ, и они, какъ львы, прянули на индѣйцевъ; за ними бросился и я самъ. Въ эту минуту броситься на враговъ мнѣ показалось болѣе удобнымъ, чѣмъ бѣжать отъ нихъ. Я обнажилъ свой кинжалъ и въ продолженіи того, какъ Озо и Тигръ осаждали первыхъ, я кольнулъ шпорами въ бока своего коня, крѣпко держалъ его на уздѣ и увѣрился, что онъ не отступитъ, какъ не страшенъ былъ видъ индѣйцевъ; потомъ принялся лечить непреодолимый ужасъ его ударами хлыста. Конь мой ржалъ

отъ острыхъ толчковъ, которые безпокоили бока его. Взбѣшенный ударами и почувствовавъ, что я вольно пустилъ ему повода, онъ, какъ потерянный, ринулся на индѣйцевъ, не смотря на опасность раздавить меня и себя вмѣстѣ.

— Дальше что было, я не знаю. Все, что могу вамъ сказать, — это, только то, что на глаза мои пало какое-то красное облако, сквозь которое я замѣчалъ ужасныя подлѣ себя фигуры, потомъ я примѣтилъ, что Тигръ мой, лежа поверхъ двухъ труповъ индѣйскихъ, которые онъ разстерзалъ, проткнутъ былъ копьемъ; а Озо съ окровавленною пастью терзалъ другаго индѣйца. Наконецъ черезъ нѣсколько минутъ, я выпутался изъ этого ада.

— Чудеса!—закричалъ изумленный новичекъ;—такъ неужели вы всѣхъ тутъ-же укокошили, наставникъ мой Энцина!

— По вашему это легко!—съ улыбкой возразилъ охотникъ бизоновъ. — Нѣтъ, на дѣлѣ это гораздо труднѣе, какъ вы думаете. Оба мои пса сдѣлали больше чѣмъ ихъ хозяинъ, и признаться, я думалъ, что съ этой поры мнѣ не придется уже болѣе охотиться съ моими псами, если-бы, въ то время, какъ я схватился съ индѣйцами, не случились вдали отъ меня такія вещи, которыя я могъ замѣтить, когда остался уже одинъ. Оставшись же одинъ, я посмотрѣлъ вокругъ себя: два апаха замертво лежали подлѣ бѣднаго моего тигра, а третій барахтался еще подъ пастью Озо.

Но шагахъ въ десяти отъ меня совершалась страшная борьба.

Облако пыли поднялось поверхъ груды лошадиныхъ труповъ и перемѣшавшихся человѣческихъ тѣлъ. Среди этой страшной сѣчи, я различалъ только развѣвавшіеся шишаки, сверкающія копья, красныя фигуры, окровавленные ихъ члены и одежды и сверкающіе глаза. Потомъ, груды эти тотчасъ распались и будто изъ среды ихъ появился воинъ, потрясавшій своей головой, какъ левъ, стремящійся за толпою хищныхъ волковъ.

Въ минуту, лишь только человѣкъ этотъ выбрался на просторъ, какъ однимъ прыжкомъ онъ бросился назадъ въ новую битву и я кинулся на него.

— Ахъ!—снова прервалъ новичекъ,—этотъ индѣецъ, которому удалось спастись отъ пасти вашихъ псовъ, теперь напалъ на васъ?

— Кой чортъ! Какой вы спорливый, мой другъ,—возразилъ охотникъ;—но нужно-ли мнѣ говорить вамъ, что я управился съ нимъ

разомъ? Я наткнулся на воина, и въ этотъ разъ борьба была не долга. Индѣйцы всѣ ушли какъ стая летучихъ мышей передъ лучомъ солнца. Одни мертвые только покрывали землю; ибо съ вами нужно быть точнымъ въ словахъ.

Я могъ-бы наконецъ начать васъ увѣрять, что мертвыхъ было больше, чѣмъ осталось живыхъ... но это лишнее. Тогда я увидѣлъ передъ собою того, о судьбѣ котораго я намѣренъ вамъ разсказать впослѣдствіи, мой милый.

— Кто-жъ это былъ?

— Команчъ, котораго я неподвижно держалъ передъ собою, тщетно иногда пытаясь обуздать индѣйскую гордость, которая пышала изъ раздутыхъ ноздрей его и сверкала изъ очей.

— Красная Рука и Смѣшанная Кровь съ апахами своими союзниками начали грабить товары бѣлыхъ!—сказалъ наконецъ индѣецъ.

— Кто-жъ это такіе Красная Рука и Смѣшанная Кровь? спрашиваю я у команча.

— Два пустыхъ разбойника: одинъ изъ нихъ бѣлый безъ примѣси, другой сынъ бѣлаго и красной. Въ этотъ вечеръ, когда вы разскажете въ президѣ о томъ, какъ Жгучій Лучъ (это достойное его имя, скажу вамъ откровенно, прибавилъ Энцина) поступилъ съ бѣлыми, которые положились на его слово, то онъ снова взявши съ собой двухъ команчей, отправится слѣдить разбойниковъ.

— О будьте увѣрены въ этомъ! Мнѣ-ли не разсказать. Я буду справедливъ къ вашей заслугѣ и вашей храбрости.

— Потомъ я снова взялъ на свору своего Озо;—кончилъ охотникъ бизоновъ,—и мы возвратились въ президу. Я сталъ думать объ исполненіи своего обѣта, который я и исполнилъ. Индѣецъ замолчалъ какъ рыба. Я былъ справедливъ къ его поступкамъ; два заложника были отпущены; я пришелъ сюда по моему обѣщанію, и болѣе ужъ не встрѣчался съ Жгучимъ Лучемъ.

— Это досадно, — сказалъ новичекъ. —Мнѣ бы хотѣлось знать, что сталось съ этимъ смѣльчакомъ; какъ давно случилось это съ вами приключеніе?

— Дней пять тому назадъ, — отвѣчалъ Энцина.

Въ это самое время прибыли слуги и свита изъ гацієнды. Они объявили, что господа ихъ не дальше, какъ за полмилю, остались назади.

XII.

БѢЛЫЙ КОНЬ ПУСТЫНЬ.

Къ великому удовольствію новичка, любопытство удержало охотника бизоновъ отъ желанія идти, и онъ остался ждать прибытія путниковъ изъ гаціэнды. Между тѣмъ новичекъ питалъ надежду слышать еще какую-нибудь исторію объ индѣйцахъ отъ охотника, жизнь котораго полна была приключеніями.

Но къ несчастью, память-ли у охотника бизоновъ была суха, или ему не хотѣлось говорить о прошедшемъ, Энцину и ночь и усталость располагали ко сну. Онъ вскорѣ закрылъ глаза и уснулъ глубокимъ сномъ.

Пользуясь этимъ отдыхомъ Энцины, мы постараемся передать нѣкоторыя подробности охоты за дикими лошадьми на сѣверо-западѣ Мексики. Быть можетъ новость этихъ подробностей не останется безъ нѣкотораго интереса для нашихъ читателей, тѣмъ болѣе, что онѣ будутъ очень у мѣста на страницахъ разсказа, посвященнаго ознакомленію съ странными обычаями пограничныхъ американцевъ.

Охота за дикими лошадьми бываетъ обыкновенно въ продолженіе ноября и декабря, то-есть въ ту пору, когда стремительные потоки дождей и тающіе въ горахъ снѣга наполняютъ «агуаги» (мѣста, въ которыхъ держится вода) и способствуютъ къ произращенію на долинахъ и у подошвы мезкитовъ особеннаго рода злаковъ, очень лакомаго корма любимаго дикими лошадьми.

Хитрость, терпѣніе и какая-то особенность дикаго инстинкта, которую можно назвать наукою пустынь, — эти три качества, необходимы для охотника, чтобъ избѣжать безполезной траты времени и трудовъ своихъ. Шесть, девять или даже и сто человѣкъ смѣлыхъ, на отличныхъ и прекрасно обученныхъ лошадяхъ, съ запасомъ дней на двадцать или на цѣлый мѣсяцъ пищи, соединяются вмѣстѣ для этихъ экспедицій, театромъ которыхъ непремѣнно должно быть одно изъ мѣстъ отдаленныхъ отъ людскихъ обиталищъ.

Охотники пускаются въ дорогу, раздѣлясь на семь или восемь партій, и въ продолженіе десяти или двѣнадцати дней, если это понадобится, разъѣзжаютъ по безпредѣльнымъ долинамъ пустынь до-тѣхъ поръ, пока не попадаютъ на слѣды «кавалады местена», слѣды ко-

торой очень легко распознать по тому опустошенію, которое обыкновенно остается въ дубравахъ послѣ стадъ этихъ животныхъ.

Разъ напавши на любимое мѣстопребываніе лошадей, или фиегенсіа, охотники тотчасъ стараются отыскать водопой, который непремѣнно гдѣ-нибудь бываетъ въ окрестностяхъ, потому-что дикое стадо не остается долго въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ воды не только для утоленія жажды, но и для излеченія постоянно ихъ болѣзни, противъ которой воды эти есть лучшее для нихъ лекарство.

Находить водопой среди этихъ сухихъ равнинъ и непроницаемыхъ дубравъ — дѣло еще большей трудности. Дикія лошади, руководясь чутьемъ дивнаго инстинкта, которымъ одарены онѣ, обыкновенно избираютъ для себя какое-нибудь озеро или прудъ почти непримѣтный. Но постоянное наблюденіе надъ природой доставляетъ туземнымъ жителямъ инстинктъ животныхъ, за которыми они охотятся. Этотъ-то инстиктъ мы называемъ наукою пустынь.

Когда одна изъ партій охотниковъ находитъ мѣсто водопоя дикихъ лошадей и увѣрится, что животныя эти являются туда всякій вечеръ послѣ солнечнаго заката, тогда, съ помощію условныхъ знаковъ и зарубокъ на деревьяхъ, отдѣльныя эти партіи соединяются близъ водопоя и начинаютъ приготовленія къ охотѣ.

Изъ предъидущей главы намъ извѣстно уже, что охотники наши, открывши такое мѣсто, прежде всего срубили нѣсколько огромныхъ деревъ и изъ нихъ устроили скрытную засаду.

Устройство засады можетъ, смотря по числу и дѣятельности охотниковъ, продолжаться дней десять или двѣнадцать. Все это время охотники обыкновенно залегаютъ въ непроницаемой густотѣ вѣтвей. Счастливъ путешественникъ по этимъ пустынямъ, котораго звѣзда сведетъ съ этими дикими охотниками въ одномъ изъ такихъ бивуаковъ.

Подъ вѣковымъ и роскошнымъ дубомъ, у пылающаго костра путникъ всегда найдетъ у охотниковъ этихъ порцію пинолей и чечины и покойный отдыхъ. Его не усыпятъ также и трогательные изустные и полные наивной прелести разсказы этихъ дикарей объ ихъ вѣчной охотѣ, о битвахъ и объ ихъ суевѣрныхъ понятіяхъ.

Мы оставляемъ однако-жъ всѣ эти подробности нетронутыми пока, мы постараемся теперь изложить на самомъ дѣлѣ понятіе болѣе полнымъ послѣдовательностью тѣхъ сценъ, прелесть и дѣйствитель-

ность которыхъ нисколько не основываются на вымыслѣ. Лишь только водопой дикихъ лошадей однажды отысканъ, охотники для избѣжанія потери времени тотчасъ-же послѣ устройства загороды, раздѣляются на новыя партіи, расходятся, лучеобразно окружаютъ стадо и сходясь потомъ къ центру, принуждаютъ такимъ образомъ дикихъ животныхъ сходиться къ ихъ «querencia», мѣсту отдыха и водопоя.

Кромѣ восьми пастуховъ, ожидавшихъ прибытія донъ-Августина, двадцать другихъ по пяти разсѣялись въ четырехъ главныхъ пунктахъ, такимъ образомъ, что образовали большой сегментъ круга, котораго Красная Рѣка была хордою. Все это пространство должно было быть оцѣплено нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ скрытые пастухи всякій день подстерегали часъ, въ который стада станутъ идти на водопой.

Въ продолженіе того, какъ Энцина, къ великому неудовольствію новичка, спалъ, слуги донъ-Августина разставляли походныя палатки подъ густыми вѣтвями дубовъ, въ самомъ скрытомъ мѣстѣ изъ предосторожности распугать лошадей. Едва только работа эта была кончена, какъ слуга изъ свиты гаціэндеро прискакалъ въ галопъ и возвѣстилъ о прибытіи хозяевъ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ, кавалькада прибыла на просѣку, отдѣленную отъ озера густой стѣной лѣса. Было около часа и солнце перпендикулярно метало ослѣпляющіе лучи свои на широкую и спокойную поверхность озера.

Это былъ тотъ часъ, когда все, кромѣ несмѣтнаго множества кузнечиковъ, засыпаетъ отъ полдневнаго жара въ лѣсу и на поляхъ. Не смотря на страшную усталость, Трагадуръ поспѣшилъ сойти съ лошади и подалъ руку доньи Розаріо. Съ раскраснѣвшимися отъ полдневнаго-ли жара или отъ другой причины щечками, полупечальная и полу-улыбающаяся дѣвушка, подавъ ручку свою Трагадуру, соскользнула съ сѣдла и легче пуху спрыгнула потомъ на землю.

Склонясь на руку Трагадура, она направилась къ шелковой палаткѣ, для нея приготовленной. Гаціэндеро распрашивалъ пастуховъ собравшихся для его встрѣчи. Глазомъ знатока и опытнаго охотника онъ разсматривалъ то ограду, то положеніе озера; потомъ, довольный отвѣтами, онъ, въ свою очередь, вошелъ въ палатку, назначенную ему для отдыха и покоя.

Пробѣгая взоромъ пространство, отдѣлявшее ее отъ назначенной для

ней палатки, донья Розаріо была удивлена и почти испугана особенностью наряда и дикостью пріемовъ охотниковъ за бизонами. Дочь пустыни была слишкомъ знакома съ своими нравами и различными обитателями, чтобъ не распознать ремесла Энцины и грубыхъ его товарищей. Улыбнувшись своему испугу, она подняла голубой напускъ, служившій вмѣсто дверецъ въ ея палатку, и тотчасъ скрылась отъ общикъ взглядовъ, подобно птицѣ потерявшейся въ глубокой лазури неба.

— Гэ! какова на вашъ глазъ наша молодая хозяйка, сеньоръ Энцина? — спросилъ у охотника новичекъ, въ первый разъ увидѣвшій дочь донъ-Августина.

— Да-съ ничего! Настоящій можно сказать цвѣтъ пустынь, — отвѣчалъ Энцина, — и всякій, кто встрѣтитъ его, готовъ до смерти спорить за него болѣе, чѣмъ за цвѣтокъ городовъ. Цвѣтокъ этотъ украсилъ-бы шалашъ индѣйца также какъ и палатку охотника.

— Такъ-съ. Но этотъ молодой человѣкъ безъ сомнѣнія поставитъ его въ своемъ дворцѣ, — съ улыбкой сказалъ новичекъ, указывая на Трагадура.

— Кто знаетъ! — прибавилъ Энцина.

Въ это самое время Озо началъ какъ-то особенно ворчать. И ворчаніе это не было тѣмъ жалобнымъ воемъ, которымъ, по словамъ охотника бизоновъ, песъ его чтилъ память погибшаго друга своего. Но въ теперешнемъ воѣ слышенъ былъ, какъ-бы голосъ глухаго гнѣва.

— Что это значитъ, наставникъ мой Энцина? — спросилъ испуганный новичекъ.

— Ничего-съ; — отвѣчалъ охотникъ, бросивши въ это время быстрый взглядъ на своего пса, у котораго глаза то блистали, то тухли. — Кажется Озо моему, въ это время, приснился индѣецъ, и ворчаніе это означаетъ брань, на его языкѣ, которою онъ его подчуетъ.

Между-тѣмъ было уже около пяти часовъ по полудни. Послѣ обѣда и послѣобѣденнаго отдыха путешественники наши вышли изъ своихъ палатокъ.

Бизонье озеро представляло въ эту пору видъ менѣе дикій, но не менѣе живописный. На берегу его стоялъ шелковый шатеръ Розариты; на нѣкоторомъ разстояніи отъ него — палатки Трагадура и га-

ціэндеро. Въ свѣтлой, какъ зеркало, поверхности пруда отражались въ одно время лазоревые верхи палатокъ, водяныя растенія, фигуры людей, верхи дубовъ роскошныхъ и полусогнившихъ и синее небо.

Вьючныя и перемѣнныя лошади блуждали подъ пустымъ сводомъ деревъ. Лошади охотниковъ, въ странномъ своемъ нарядѣ, заперты были въ палиссады и протянули поверхъ стѣнъ его любопытныя свои головы. Наконецъ оба путешественника, а равно и донья Розаріо, перемѣнившая свой костюмъ для верховой ѣзды на бѣлый, уподобившій ее бѣлой лиліи или озерному ненюфару, все это вмѣстѣ взятое представляло картину, которую-бы съ удовольствіемъ взялся передать полотну любой живописецъ.

Готовые начать дневную свою работу въ то время, когда путники кончали свою, охотники бизоновъ готовились сѣдлать своихъ лошадей и ѣхать облавой вдоль береговъ рѣки на поиски чудовищной дичи.

— Послушай, что это съ тобой, Озо? — сказалъ Энцина своему псу, завывшему снова; — нѣтъ-ли гдѣ-нибудь здѣсь недалеко индѣйца?

— Индѣйцы! — съ ужасомъ вскичала Розарита, — гдѣ они, откуда идутъ?

— Нѣтъ, сударыня, — сказалъ Энцина. — Ихъ нѣтъ и слѣда никогда здѣсь близко, а прыгать, какъ бѣлки или дикія кошки по верхушкамъ деревъ, они тѣмъ менѣе еще не мастера.... но странно.... моя собака....

И охотникъ бизоновъ сталъ внимательно слѣдить за движеніями Озо, глаза котораго вдругъ налились кровью, а шерсть стояла, какъ щетина: два, три прыжка собака сдѣлала впередъ, потомъ снова воротилась и легла подъ деревомъ нѣсколько спокойнѣе, но ворчать все-таки не переставала.

Песъ никогда не ворчалъ такъ безъ причинъ. Но тѣмъ не менѣе Энцина старался успокоить своихъ слушателей.

— Эта собака, — сказалъ онъ, — дрессирована для борьбы съ индѣйцами, и она слышитъ ихъ присутствіе далеко; но она иногда ошибается. И такъ намъ теперь остается только ваше позволеніе, сеньоры, просить васъ пожелать намъ доброй и счастливой охоты.

Энципа взнуздалъ своего коня; подалъ руку новичку, который былъ въ восторгѣ, что удостоился пожать столь пагубную для индѣйцевъ руку, и готовился сѣсть въ сѣдло, какъ и его товарищи. Между-тѣмъ Розарита, въ это время, шептала что-то на-ухо своему отцу, который слушая ее, только двигалъ плечами и бросивъ потомъ на дочь взоръ нѣжности, онъ улыбнулся, внутренно повидимому соглашаясь съ ея совѣтами.

— Скажите мнѣ, мой другъ, — прибавилъ онъ громко, обращаясь къ Энципѣ, важнѣйшему изъ охотниковъ; — вы, я полагаю, имѣли когда-либо встрѣчу съ дикими индѣйцами и знакомы съ ихъ хитростями?

Новичекъ при этомъ сдѣлалъ прыжекъ, означавшій многія вещи и между прочимъ то, что хозяинъ его не умѣлъ лучше адресоваться.

— Не болѣе, какъ пять дней тому назадъ, — отвѣчалъ Энцина, — какъ я имѣлъ самое смертельное дѣло съ этими непримиримыми врагами бѣлыхъ.

— А что, видите, батюшка! — сказала Розарита.

— Гдѣ-же это было? — спросилъ донъ Августинъ.

— Недалеко отъ Тубако.

— Не болѣе, какъ въ двадцати миляхъ отсюда, — прибавила испуганная молодая дѣвушка.

— Вотъ дочь моя, — сказалъ гаціэндеро, указывая на донью-Розаріо, — восемь дней тому назадъ, какъ встрѣтилась въ лѣсу съ двумя индѣйцами изъ трибы папагосовъ....

— Ахъ! — прервала молодая дѣвушка, — у папагосовъ совсѣмъ не такія страшныя фигуры, какъ у этихъ двухъ индѣйцевъ. Мнѣ кажется, что это были два волка въ шкурахъ овечекъ, какъ говоритъ донъ-Вицентій.

— Донъ-Вицентій такой-же трусишка, какъ и ты, моя милая, — сказалъ улыбаясь гаціэндеро.

— Путешествующіе съ такимъ драгоцѣннымъ въ мірѣ сокровищемъ, — прибавилъ любезный Трагадуръ, не могутъ быть слишкомъ благоразумны.

— Такъ-съ! — сказалъ донъ-Августинъ.

И потомъ относясь къ дюжему охотнику, онъ продолжалъ:

— А сколько заработываете вы, примѣрно въ день, опаснымъ вашимъ ремесломъ?

— Да, различно случается. Иногда въ одинъ день возьмешь много, но иногда провозишься нѣсколько дней и безъ всякаго барыша.

— Ну, а такъ, примѣрно, счетомъ?...

— Въ день, мы можемъ заработать два піастра, если класть всякую неиспорченную шкуру бизона по пяти.

— Ну, хорошо. Послушайте, если я вамъ и товарищамъ вашимъ предложу за всякій день по три піастра, согласны-ли вы пробыть вмѣстѣ съ нами все время, пока кончится наша охота?

Но не оказалось ни одного голоса между товарищами Энцины, который-бы изъявилъ согласіе на предложеніе гацiэндеро.

— Но кромѣ того, — продолжалъ онъ, — я предоставляю каждому изъ васъ право избрать себѣ по одной лошади изъ тѣхъ, которыя мы поймаемъ.

— За удовольствіе сочтемъ служить такому господину, какъ вы, — сказалъ Энцина.

— Надѣюсь, дитя мое, — сказалъ Пена, — что при двадцати-восьми пастухахъ и четырехъ охотникахъ, и все при такомъ храбромъ народѣ страхъ не посмѣетъ отравлять долѣе удовольствій нашихъ.

Вмѣсто всякаго отвѣта Розарита обняла своего отца и договоръ этотъ заключенъ былъ къ удовольствію всѣхъ. Солнцу между-тѣмъ не много оставалось опускаться за вершины огромнѣйшихъ деревъ до совершеннаго своего заката. Всѣ принялись за приготовленія къ охотѣ:

Впрочемъ, въ этотъ день приготовленія сдѣланы были только простыя.

Они состояли въ томъ, что лошади охотниковъ за бизонами были разсѣдланы; лошади вьючныя и перемѣнныя были собраны и поставлены въ паркъ или ограду, и кромѣ двухъ палатокъ, все, что могло-бы пугать дикихъ лошадей, съ береговъ озера было снято. Приближалось наконецъ время, когда давно уже не появлявшіяся дикія животныя ни у водопоя, ни у береговъ рѣки, скоро должны были явиться на водопой.

Донъ-Августинъ освѣдомился у пастуховъ своихъ о томъ, что не показывались-ли какія-нибудь лошади у водопоя въ продолженіи трехъ дней, въ которые они кончали каменную загороду....

— Нѣтъ, сеньоръ, — отвѣчалъ одинъ изъ двухъ, — хотя вотъ ужъ

три дня съ-тѣхъ-поръ, какъ Хименесъ съ пятью молодцами разъѣзжаетъ по берегамъ рѣки, чтобъ ихъ прогонять оттуда.

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ гаціэндеро, въ этотъ вечеръ къ водопою должны явиться, если не всѣ то по-крайней-мѣрѣ самыя смѣлѣйшія изъ нихъ.

Полупросохшія кожи бизоновъ, развѣшенныя по кольямъ, были сняты. Сбруя и сѣдлы, тюки и погребцы отнесены были въ скрытое мѣсто; потомъ нарѣзано и наломано было новыхъ вѣтвей и листьевъ и ими были замѣнены тѣ, которыя высохли на солнцѣ. Только двѣ лошади были осѣдланы: это были самыя быстрыя животныя, на какихъ когда-либо ѣздили пастухи дона Августина, извѣстные особенною своею ловкостью набрасывать лассо и живой узелъ.

За тѣмъ Трагадуръ, донъ-Августинъ и дочь его сѣли на порогѣ палатки, и спустили дверцу такимъ-образомъ, чтобъ не заслоняя имъ вида на озеро, она укрывала ихъ отъ пугливыхъ очей дикаго стада. Пастухи и охотники бизоновъ заняли мѣсто противуположное той сторонѣ, на которой слѣды дикихъ животныхъ показывали дорогу, какою они обыкновенно приходили къ водопою. Оба верховые пастухи съ лошадьми ихъ скрылись вкругъ близъ устроенной засады, которая оставалась свободною и которую въ случаѣ надобности легко можно было запереть огромными длинными крючками. Въ такомъ положеніи охотники стали выжидать.

Кромѣ палатокъ нашихъ трехъ путешественниковъ изъ гаціэнды, озеро съ своими окружностями оставалось пустыннымъ. Солнце скрывалось уже за грядою деревъ. Бѣлые цвѣты ненюфара стали розами, а лѣсныя птицы, будто для полноты очарованія, начали пѣть свои вечернія мелодіи.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданія, въ продолженіе которыхъ нетерпѣніе вызвало на блѣдныхъ щечкахъ Розариты отливъ лучей заходящаго солнца, за рощей послышался вдругъ глухой шумъ.

Но вмѣсто того, чтобъ двѣсти или триста томимыхъ жаждой коней, съ шумомъ обвалившейся снѣжной глыбы, бросились къ водопою, случилось противное: затихъ вдругъ и отдаленный шумъ. Дикое стадо, примѣтивши вѣроятно странность вида мѣстности, перевороченной хитрымъ человѣкомъ, въ испугѣ остановилось. Только одно ржаніе на подобіе роговой музыки долетало до чуткихъ ушей сѣвшихъ въ засадѣ охотниковъ.

Потомъ послѣ новаго шума и треска въ рощѣ, около шести лошадей, болѣе смѣлыхъ, робко показались на краѣ лѣсной просѣки. Головы ихъ были подняты вверхъ, ноздри красныя были раздуты, глаза блестѣли. Развѣвались еще гривы отъ быстроты ихъ движеній, потомъ, въ мгновеніе, пять изъ нихъ бросились назадъ и съ быстротою молніи тотчасъ исчезли въ густотѣ рощи.

Остался только одинъ конь. Дрожа ногами, онъ вытянулъ шею свою къ озеру. Онъ былъ бѣлъ какъ снѣгъ, шея, какъ у лебедя. Пучекъ бѣлыхъ волосъ спадалъ на лобъ промежъ дикихъ взоровъ его, а волнистый хвостъ струился по ногамъ его. Какое-то дикое величіе оттиснуто было въ цѣлой робкой и гордой его стати.

— Да проститъ мнѣ Господь, — тихо сказалъ Энцина новичку, который имѣлъ свои причины избрать мѣсто для наблюдеій, какъ разъ подлѣ охотника за бизонами, — это бѣлый конь пустынь нашихъ.

— Бѣлый конь пустынь, — повторилъ новичекъ, — что-жъ это значитъ?

— Къ такому бѣлому коню, какъ этотъ, — продолжалъ Энцина, — можно очень рѣдко приближаться. Преслѣдующимъ издали его нельзя много говорить, иначе его никогда не поймать.

— Ба! вы мнѣ объ этомъ разскажете?

— Тс! не пугайте его! Смотрите, коли хотите на него въ оба глаза, подобнаго вамъ не удастся никогда видѣть.

Въ самомъ-дѣлѣ трудно было видѣть болѣе прекрасный образчикъ этой величавой дикой породы коней, водящихся въ нѣкоторыхъ частяхъ Мексики. Сила и легкость вполнѣ гармонировали въ немъ. Сердце охотника не могло не забиться яростною страстью овладѣть этимъ сокровищемъ. Въ нѣсколько скачковъ онъ очутился у самаго озера, и скачки эти были такъ ловки, игривы, что уподобляли его клоку бѣлаго тумана, скользящаго по поверхности травы.

Еще скачокъ, и благородное животное стало на берегу, дрогнуло, когда зеркальная поверхность озера показала ему его гордую и изящную голову, небольшія навостренныя впередъ его уши; потомъ, съ кокетствомъ нимфы, чувствующей себя наединѣ, оно протянуло свою шею какъ бы для того, чтобъ лучше было ее видѣть, и осторожно вступило передними ногами въ воду. Движенія эти были такъ

лёгки, что ни малѣйшій изгибъ волны не возмутилъ свѣтлой поверхности воды, отражавшей всю полноту красотъ дикихъ формъ его.

— Ахъ! сеньоръ Энцина, — прошепталъ новичекъ, — вотъ теперь, кажется, пора бросать лассо.

— Но нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, по моему.

Развѣ вамъ не извѣстно, что всегда почти постигаетъ несчастіе того, кто захочетъ поймать пустыннаго коня. А этотъ, развѣ не видите, есть онъ самый, этотъ красавецъ изъ сыновъ пустыни.

Конь съ шеей и бѣлизной лебедя приклонилъ колѣни къ водѣ, звучно надъ поверхностью ея захрапѣлъ и сталъ пить, время отъ времени, поднимая свою голову и зорко поглядывая на рощу.

Охотники могли замѣтить, что сверхъ палисада выглядывалъ одинъ изъ пастуховъ и потомъ пригнулся на сѣдлѣ. Товарищъ его подражалъ ему.

Вдругъ животное пугливо сдѣлало прыжокъ, бросило въ воздухъ кипящее облачко пѣны, изъ которой оно будто явилось, и устремилось на берегъ. Въ эту самую минуту одинъ изъ пастуховъ, вертя въ рукѣ своимъ лассо, несся уже прямо на него.

Кожаный арканъ его засвисталъ въ воздухѣ, но лошадь всадника, скача вдоль самаго обрыва берега, поскользнулась и вмѣстѣ въ сѣдокомъ своимъ, перевертываясь, упала въ озеро.

— А что, не сказалъ ли я вамъ, — закричалъ охотникъ за бизонами, — вотъ непредвидѣнное доказательство словъ моихъ. Смотрите, какъ неприкосновенный конь ускользнулъ отъ петли.

Въ-самомъ-дѣлѣ, потрясая только благородною своей головой и развѣвая гривой и хвостомъ, конь мчался какъ стрѣла.

Дикая гордость животнаго возмутилась отъ нечистаго прикосновенія аркана, брошеннаго на него рукою человѣка; увернувшись отъ него, оно показалось уже на противуположной сторонѣ озера.

Но второй пастухъ уже несся по слѣдамъ гордаго бѣглеца.

Дивная борьба эта быстроты и ловкости между дикою лошадью и запальчивымъ всадникомъ, преслѣдовавшимъ ее съ лассо въ рукахъ, продолжалась всего нѣсколько минутъ.

Ничто не останавливало разгоряченнаго охотника ни деревья, между которыхъ онъ долженъ былъ пробиваться, ни густота вѣтвей, угрожавшихъ содрать его черепъ; подобно ловкому сантору пастухъ миновалъ всякія опасности повидимому неизбѣжныя. Онъ то прилегалъ

къ сѣдлу, то склонялся къ бокамъ своей лошади, то подворачивался почти подъ самое брюхо его, то только шпорами держался за сѣдло и вился словно змѣя въ кустахъ, промежъ деревьевъ, и наконецъ оба и бѣлый конь и преслѣдовавшій его всадникъ исчезли изъ глазъ охотниковъ.

Всѣ охотники разомъ вышли изъ своей засады и издали громогласные крики поощренія и радости.

Зрѣлище, котораго они были свидѣтелями, стоило взятія почти двадцати дикихъ лошадей.

Между-тѣмъ какъ свалившійся въ озеро пастухъ вышелъ изъ воды, весь мокрый и заначканный грязью, Энцина приблизился къ нему, стараясь его утѣшить.

— Ты долженъ, мой другъ, считать себя еще счастливымъ, что такъ дешево поплатился за свою удаль. Могъ-ли предупредить тебя и твоего товарища въ томъ, что преслѣдующіе бѣлаго коня пустынь не возвращаются назадъ.

=

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

I.

УВѢРЯЮЩІЙ И УВѢРЕННЫЙ.

По прошествіи первой минуты смятенія, Донъ-Августинъ послалъ четырехъ пастуховъ, стоявшихъ на бивакахъ у Бизоньяго озера съ приказаніемъ каждому изъ 4-хъ отрядовъ, занимавшихъ долину и лѣсъ, сжать въ наступающую ночь кругъ, который они образовали около водопоя. Теперь никто не сомнѣвался въ присутствіи въ окрестности стада лошадей, которыхъ хотѣли сдѣлать ручными, и завтра въ тотъ-же часъ нужно было окончить это предпріятіе.

Когда отправились четыре посланные, исполняя данное имъ приказаніе, оставшіеся служители дона-Августина начали рубить лѣсъ для разведенія и поддержанія огня. Это было необходимо, какъ для того, чтобы приготовить ужинъ, такъ и для того, чтобы освѣщать въ продолженіе всей ночи лагерь.

Охотники за бизонами помогали пастухамъ Донъ-Августина, кро-

мѣ одного Энцины, оставленнаго доньею Розаріею, которая, пользуясь уединенною прогулкою отца и Трагадура, вѣроятно толковавшихъ о своихъ планахъ, желала съ нимъ переговорить.

Молодая дѣвушка сидѣла на берегу озера и, въ разсѣянности, общипывала листки водяныхъ лилій, нарванныхъ для ней услужливымъ женихомъ; прохладный вѣтерокъ зыбилъ спокойную поверхность озера, на которое устремлены были ея задумчивые взоры. Бѣлая и граціозная какъ ундина, Розарита мечтала, не переставая слушать разсказы охотника на буйволовъ объ опасностяхъ, окружающихъ одинокихъ путешественниковъ въ пустынѣ; всѣ ея мысли сосредоточивались на молодомъ человѣкѣ, который такъ внезапно удалился ночью и о которомъ она ничего не слышала въ продолженіе пятнадцати дней. На робкіе ея разспросы ей отвѣчали, что ни на дорогѣ въ Гюэйсъ, ни въ Ариспу не нашли пріемыша Арелланоса. Одинъ пастухъ видѣлъ его пустую лачужку, но не было даже слѣдовъ возвращенія того, кто провелъ въ ней всю свою молодость.

И такъ онъ могъ только пойти къ Тубаку, гдѣ ожидали его опасности, а это то и заставляло ее страшиться теперь за Тибурціо. Энцина возвратился изъ президы и молодая дѣвушка надѣялась, что онъ сообщитъ, можетъ-быть, ей кой-какія свѣдѣнія о томъ, кто постоянно занималъ ея мысли.

Наступили сумерки, и только красноватые отблески зари отражались въ озерѣ.

Въ это время туманъ сгущался на озеромъ и птицы пѣли свою прощальную пѣснь дню. Тихій вѣтерокъ доносилъ до Розаріи смутные звуки глубоко проникавшіе въ ея сердце.

Мы не станемъ матеріализировать любовь, но все-таки замѣтимъ что Розарита любила и что ея тропическія чувства вдругъ пробужденныя, теперь только слились съ непонятными порывами ея души.

— Какъ я имѣлъ честь вамъ повторить это, сударыня,—сказалъ Энцина, замѣтившій разсѣянность Розариты, — президa въ ту минуту, когда я тамъ былъ, была пустынна, и, исключая золотопромышленниковъ, одушевившихъ ее на минуту, въ теченіе цѣлаго мѣсяца не запомнятъ пріѣзда ни одного путешественника.

— Такъ индѣйцы напали на васъ не далеко отъ президы?

— Едва только въ 3-хъ льё, когда прибылъ храбрый прекрасный молодой человѣкъ.....

Розарита невольно вздрогнула.

— Ахъ! да, — сказала она, видя свою неловкость: — правда это молодой команчъ избавилъ васъ.

Молодая дѣвушка невольно приняла на минуту того, о комъ тихо говорило ей сердце за того молодаго, храбраго и красиваго человѣка, о которомъ говорилъ Энцина.

— Однако, я думаю, на этихъ дикихъ воиновъ страшно смотрѣть.

— Смотря по тому въ какую минуту, — отвѣчалъ усмѣхаясь Энцина; — тотъ мнѣ показался прекраснымъ.

Розарита прервала охотника за бизонами крикомъ испуга, на который поспѣшно прибѣжали донъ-Августинъ и Трагадуръ съ своими людьми.

Казалось, что слова разскащика вызвали призракъ одного изъ тѣхъ ужасныхъ индѣйцевъ, объ которомъ онъ говорилъ. Удивленный Энцина слѣдилъ глазами потому направленію, куда блѣдная Розарита, указывала дрожащею рукою.

Предметъ, или скорѣе человѣкъ, на котораго она указывала въ самомъ дѣлѣ имѣлъ видъ, способный оправдать ея страхъ.

Подъ сводомъ густыхъ деревьевъ, окружавшихъ мрачный каналъ, въ которомъ терялись воды озера, осторожно подвигалась человѣческая фигура.

По ужаснымъ и въ тоже же время страннымъ украшеніямъ головы, по разскраскѣ его лица и всего тѣла и по татуированной красной кожѣ въ немъ легко было узнать индѣйца.

Самъ Энцина на минуту раздѣлилъ удивленіе, смѣшанное со страхомъ свидѣтелей этого страннаго появленія. Но вскорѣ онъ разувѣрилъ жестомъ дона-Августина, бросившагося за орудіемъ, висѣвшимъ у входа палатки Трагадура, котораго страхъ приковалъ къ мѣсту.

— Это ничего, — сказалъ охотникъ за буйволами: — правда, другъ этотъ страшенъ по виду; но это тотъ, кому я безконечно обязанъ, какъ я говорилъ недавно этой дѣвушкѣ.

Чтобы разсѣять совершенно сомнѣніе своихъ слушателей, Энцина спокойно пошелъ навстрѣчу къ индѣйцу, а тотъ при видѣ лицъ, сидѣвшихъ на берегу озера, перебросилъ черезъ плечо карабинъ, который онъ до того держалъ въ рукахъ и поспѣшилъ, въ свою очередь, по извилистому берегу къ охотнику на бизоновъ.

Это былъ молодой воинъ съ изящными и сильными формами, съ развязной и гордой походкой. Его широкія плеча и могучая грудь были обнажены, а вокругъ его тонкаго стана драпировалась верхняя одежда яркихъ, пестрыхъ цвѣтовъ. На немъ были штиблеты изъ пунцоваго сукна, привязанные ниже колѣнъ завязками, вышитыми изъ лошадиныхъ волосъ и сѣтка, искусно сдѣланная изъ щетины дикобраза; наконецъ обувь индѣйца была вышита также искусно какъ и подвязки.

Его голова совершенно выбритая, исключая густаго, короткаго клочка волосъ, подобно хвосту на каскахъ, была странно украшена чѣмъ то въ родѣ узкой чалмы, сдѣланной изъ двухъ платковъ, живописно обвитыхъ вокругъ его лба. Блестящая, высушенная кожа огромной гремучей змѣи была перевита со складками тюрбана, и хвостъ, на которомъ были еще позвонки и голова съ виднѣвшимися острыми зубами ниспадала по обѣимъ плечамъ индѣйца.

Что касается до его лица, то, еслибы смыть его разкраску, безобразившую правильность и красоту, онъ совершенно бы оправдалъ похвалы Энцина. Римскій носъ молодаго воина, высокій лобъ, на которомъ отражалась храбрость и прямодушіе, его тонкія и въ тоже время рѣшительныя губы, наконецъ щеки, которыхъ выпуклость нисколько не нарушала гармоніи его чертъ, все вмѣстѣ взятое, казалось произведеніемъ на флорентинской бронзѣ какого-нибудь античнаго бюста.

Спокойно и беззаботно индѣйскій воинъ приближался, не обращая вниманія на страхъ, который онъ внушалъ; между-тѣмъ онъ вдругъ остановилъ на минуту удивленный и вмѣстѣ восхищенный, взглянулъ на лицо Розариты блѣдное, какъ бѣлый мусселинъ ея платья.

Горлица, ищущая спасенія даже подъ острыми иглами нопаловъ отъ преслѣдующаго ее коршуна не больше трепетала бы, чѣмъ Розарита прижавшаяся отъ страха къ дикому охотнику на буйволовъ; но самая горлица не могла быть привлекательнѣе ея, и очарованный индѣецъ, вперивъ съ нѣжностью глаза на дочь дона-Августина, на вопрошающіе взгляды Энцина отвѣчалъ только двумя слѣдующими замѣчательными по своей восточной формѣ индѣйскаго языка вопросами:

— Шелъ-ли снѣгъ нынче утромъ на берегу озера? — сказалъ онъ, — или растутъ ли теперь водяныя лиліи въ травѣ лѣсовъ?

Мы не можемъ сказать, казался-ли молодой воинъ и теперь все также отвратительнымъ въ глазахъ молодой дѣвушки, но она теперь видимо стала спокойна.

Однако-же безпокойство этого послѣдняго не было совершенно разсѣянно, и на любезные и загадочные вопросы воина, онъ отвѣчалъ также въ свою очередь вопросительно, но совершенно въ другомъ родѣ.

— Что это значитъ ? — спросилъ у него Энцина по-испански : — не приноситъ-ли мнѣ команчъ худыя новости, и думаетъ ли, что онъ среди непріятелей, когда приходитъ такъ съ карабиномъ въ рукѣ, какъ-будто онъ преслѣдуетъ апаховъ ?

Вопросъ этотъ Энцина предложилъ съ тѣмъ, чтобы совершенно разувѣрить дочь дона Августина на счетъ намѣреній индѣйца, и въ особенности, что бы объяснить странное его явленіе, принуждая его объясняться прямо.

Жгучій-Лучъ съ презрѣніемъ усмѣхнулся.

— За апахами,—сказалъ онъ,—команчскій воинъ идетъ съ однимъ только кнутомъ. Нѣтъ, команчъ видѣлъ недалеко отсюда слѣды буйволовъ, и надѣялся захватить ихъ, когда они будутъ пить воду озера.

Энцина хорошо помнилъ, что индѣецъ обѣщалъ ему слѣдовать по слѣдамъ двухъ пиратовъ, и онъ также зналъ, что молодой воинъ былъ не изъ тѣхъ, которые отказываются отъ своего намѣренія.

— Ты ничего больше не видалъ ?—прибавилъ охотникъ за бизонами.

— Между слѣдами бѣлыхъ я различилъ слѣды Красной-Руки и Смѣшанной-Крови, и я пришелъ увѣдомить своихъ друзей, чтобы они были осторожны.

— Какъ, опять эти негодяи здѣсь! — вскричалъ охотникъ съ безпокойствомъ.

— Что онъ говоритъ ? — спросилъ гаціэндеро.

— Ничего, господинъ Пена, — отвѣчалъ Энцина.

— Не догадываешься-ли ты, — спросилъ онъ у команча, — съ какою цѣлію Красная-Рука и Смѣшанная-Кровь пришли сюда?

Молодой команчскій воинъ въ молчаніи разсматривалъ всѣ лица, окружавшія его, и глаза его снова остановились съ нѣжностью на доньѣ Розаритѣ, повисшей на рукѣ своего отца.

— Для цвѣтка озера, который бѣлъ какъ первый снѣгъ, — сказалъ онъ съ важностью.

— Ты думаешь? — спросилъ Энцина.

— Еслибы глаза Жгучаго-Луча, — отвѣчалъ молодой дикарь, — не были полны образомъ женщины, заботящейся о его хижинѣ, онъ ослѣпъ бы отъ той, которая живетъ въ хижинѣ, построенной изъ куска неба. Жилище это вполнѣ достойно ея. Смѣшанная-Кровь хочетъ для себя Цвѣтка-Озера!...

Эта поэтическая похвала красотѣ Розариты и лазуревому цвѣту ея палатки было сдѣлано съ ловкостью и развязностью свѣтскаго человѣка, полнаго благородства, и дочь дона-Августина молчала, покраснѣвъ отъ пламеннаго взора сына лѣсовъ.

— Не съ тобою ли два воина? — сказалъ Энцина.

— Нѣтъ, оба возвратились къ своему народу; Жгучій-Лучъ одинъ, но онъ поклялся отмстить смерть тѣхъ, которые ввѣрились его слову; онъ будетъ также бодрствовать надъ Цвѣткомъ Озера; а мой братъ съ своей стороны будетъ ее охранять. Теперь, Жгучій-Лучъ, довольный тѣмъ, что предупредилъ своихъ друзей, возвращается одинъ на слѣды, оставленные имъ на минуту.

Говоря эти слова съ напыщенностью полною простоты, если только можно соединить эти два понятія, молодой команчъ протянулъ руку охотнику на бизоновъ и, бросивъ снова взглядъ полный наивнаго удивленія на Розариту, удалился также тихо, какъ и пришелъ.

Отправляясь по слѣдамъ двухъ ужасныхъ разбойниковъ, Команчъ, казалось, предпринималъ самое обыкновенное дѣло; однако-жъ читатель знаетъ, сколько надо было храбрости, чтобы рѣшиться на это.

Когда индѣецъ исчезъ за деревьями, росшими въ концѣ озера, Трагадуръ волнуемый въ тайнѣ чувствомъ ревности, спросилъ: что хотѣлъ сказать этотъ молодой дикарь съ своими реторическими цвѣтами?

— Вы знаете, что индѣйцы говорятъ только загадками, — отвѣчалъ Энцина; — но тѣмъ не менѣе онъ вѣрно предупредилъ насъ о присутствіи двухъ негодяевъ, очень опасныхъ, для двухъ или трехъ одинокихъ охотниковъ, но намъ они не страшны, потому-что насъ здѣсь около тридцати человѣкъ. Тогда онъ объяснилъ гацієндеру все, что слышалъ относительно двухъ лѣсныхъ пиратовъ. Донъ-Авгус-

тинъ провелъ свою молодость въ битвахъ съ индѣйцами и воинская гордость его не уменьшалась годами.

— Хоть бы ихъ было еще десять, — сказалъ онъ, — все-таки стыдно было бы заниматься подобными негодяями или прерывать для нихъ свои удовольствія. Впрочемъ, какъ вы замѣтили, насъ очень много, чтобы чего-нибудь бояться.

— Теперь мнѣ понятенъ лай Озо̀, — снова началъ охотникъ на буйволовъ: — онъ чувствуетъ непріятелей и друзей. Видите-ли, онъ не лаялъ при приближеніи этого молодаго, благороднаго воина. Вы можете ввѣриться его инстинкту.

Между-тѣмъ, прежде чѣмъ настала совершенно ночь, Энцина взялъ свой карабинъ, свиснулъ своему вѣрному и отважному другу и отправился съ нимъ по окрестностямъ Бизоньяго озера.

Донъ-Августинъ, не менѣе заботясь о безопасности, велѣлъ перенесть палатку своей дочери и свою въ середину лѣсной прогалины, между разложенными огнями для освѣщенія лагеря.

Пастухи и спутники Энцины почти окончили свой ужинъ, когда онъ возвратился. Онъ ничего не видѣлъ такого, чтобы могло возбудить безпокойство, и его замѣчанія возстановили совершенное спокойствіе и въ душѣ предводителей, и въ душѣ предводимыхъ.

Тогда какъ первые ужинали холодными кушаньями, взятыми на дорогу, вторые, собравшись вокругъ огней въ нѣкоторомъ разстояніи, разговаривали въ полголоса о событіяхъ этого дня. Къ нимъ то подсѣлъ и охотникъ на буйволовъ.

Длинныя полосы свѣта отъ огней доходили до первыхъ деревьевъ лѣса и отражались на поверхности воды; ихъ красноватые отблески придавали странную прелесть живописнымъ костомамъ пастуховъ и охотниковъ на буйволовъ, и картина озера, среди ночи была также прелестна, какъ и при свѣтѣ солнца.

— Я сберегъ для васъ ужинъ, — сказалъ новичекъ Энцинѣ; — справедливость требуетъ, чтобы всякій получилъ свою часть и въ особенности вы.... вы разсказываете такія чудныя исторіи.

Энцина поблагодаривъ новичка за его предупредительное вниманіе, приступилъ въ большимъ аппетитомъ къ дѣлу, и ѣлъ, храня упорное молчаніе, которое совсѣмъ не удовлетворяло новичка.

— И такъ ничего не видно новаго въ окрестностяхъ? — сказалъ онъ, начиная разговоръ.

Охотникъ сдѣлалъ знакъ, что нѣтъ и продолжалъ неутомимо наполнять желудокъ.

—Однако-жъ это не мѣшаетъ думать, — снова началъ молодой человѣкъ, — почему Франциско не возвратился еще съ охоты на Бѣлаго-Скакуна-Луговъ.

— Бѣлый-Скакунъ-Луговъ, - сказалъ одинъ изъ охотниковъ: это что за животное?

— Чудное животное, — отвѣчалъ новичекъ; — но, я объ немъ не знаю ничего больше. Сеньоръ Энцина вамъ о немъ поразскажетъ.

— Ты его видѣлъ, — прибавилъ охотникъ на буйволовъ, — хотѣлъ погнаться за нимъ и едва не сломилъ себѣ шеи. Я сказалъ вѣдь, что это всегда случается.

— Еслибы моя лошадь была не такъ горяча, она бы не споткнулась, а еслибы она не споткнулась....

— Ты бы не упалъ, но животное поскользнулось и вотъ....

— Ну что-же? Со мной это случалось не разъ. Главное для чести пастуха падать только вмѣстѣ съ своею лошадью, а не одному.

— Это правда; но еслибы ты также, какъ я, поѣздилъ по Восточнымъ Лугамъ, — отвѣчалъ довольно серьезно Энцина, — ты зналъ бы, что тамъ встрѣчаютъ иногда бѣлую лошадь такую красивую, что нельзя найти подобной, такую быструю, что рысью она бѣжитъ скорѣе, чѣмъ другая во весь духъ, и скажи по правдѣ: видѣлъ-ли ты когда-нибудь лошадь красивѣе и легче этой бѣлянки нынѣшняго вечера.

— Я съ этимъ согласенъ, — отвѣчалъ пастухъ.

— Ну, такъ лошадь эта, безъ всякаго сомнѣнія, та, которую называютъ Бѣломъ-Скакуномъ-Луговъ.

— Что до меня, я этому вѣрю, — вскричалъ новичекъ съ глубокимъ убѣжденіемъ.

— Ну что-же что въ ней особеннаго? — спросилъ пастухъ.

— Сначала ея несравненная красота, потомъ безпримѣрная легкость и наконецъ.... но посмотримъ, сколько лѣтъ вы ей дадите?

— Этой лошади нѣтъ еще и 8 лѣтъ! —вскричали всѣ въ одинъ голосъ.

— Вотъ тутъ то вы и ошибаетесь, — важно отвѣчалъ Энцина; — лошади этой около пяти сотъ лѣтъ!

Всеобщій крикъ недовѣрія вырвался у всѣхъ противъ утвержденія охотника на буйволовъ.

— Однако-же это такъ, какъ я имѣлъ честь вамъ сказать, — продолжалъ онъ съ увѣренностью, убѣдившею почти его слушателей.

— Но, — возразилъ одинъ пастухъ, — я слышалъ, что нѣтъ еще трехъ сотъ лѣтъ, какъ испанцы привезли лошадей въ Америку.

— Ну, такъ что-же, — вскричалъ новичекъ: — двѣсти лѣтъ больше или меньше ничего не значитъ! довольно и трехъ сотъ лѣтъ!

Люди всѣхъ странъ отъ природы расположены вѣрить въ сверхъестественное, и въ особенности которые живутъ въ пустынѣ, гдѣ человѣческое безсиліе, лицомъ къ лицу съ природою, дѣлается очевиднѣе, чѣмъ въ городахъ; и слушатели Энцины упросили его сообщить имъ все, что онъ знаетъ о Бѣломъ-Скакунѣ-Луговъ.

— Все, что я вамъ могу сказать, — продолжалъ охотникъ на буйволовъ, такъ это то, что давно уже всѣ пастухи Техаса тщетно старались его догнать; копыты этого животнаго крѣпче кремня; когда его преслѣдуютъ на большемъ разстояніи, скоро теряютъ изъ виду, когда же погонитесь вблизи, такъ никого болѣе не увидите, какъ и васъ не увидятъ: я объ этотъ кое-что да знаю.

— Развѣ вы его преслѣдовали? — вскричалъ новичекъ.

— Нѣтъ, не я, но одинъ техасскій охотникъ, который мнѣ разсказывалъ это.

— И вы въ свою очередь намъ объ немъ разскажете, — поспѣшилъ сказать новичекъ, потирая руки. Эй, Санхо! — дай Энцинѣ водки: это самое лучшее средство для возбужденія памяти.

— У этого молодаго человѣка прекрасныя мысли, — вскричалъ охотникъ. — Я вамъ скажу все, что знаю, одинъ англичанинъ, признаться сказать, большой оригиналъ, путешествуя чуть-ли не съ опекуномъ, такимъ же оригиналомъ, какъ и самъ, предложилъ 1000 піастровъ тому охотнику, если онъ приведетъ ему этого знаменитаго Бѣлаго-Скакуна, о которомъ онъ такъ много слышалъ.

Сначала хотѣли отклонить техасца отъ предпріятія, исполненіе котораго было такъ опасно; но онъ продолжалъ упорствовать въ своемъ намѣреніи и только хлопоталъ, какъ бы достать лошадь самую быструю и самую сильную изъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ онъ налъ.

«Когда онъ досталъ все, что ему было нужно, онъ разспросилъ о дорогѣ, по которой должно было ѣхать, чтобы найдти любимое querencia Бѣлаго-Скакуна-Луговъ. Вы знаете, что у него ихъ много, не такъ какъ у другихъ лошадей, которыя живутъ и умираютъ въ томъ мѣстѣ, которое имъ понравится. Охотникъ отправился въ дорогу и, послѣ недолгаго розыска увидѣлъ то самое животное, которое искалъ; а нужно вамъ сказать, что Скакунъ легокъ, что одинъ день видятъ его въ одномъ мѣстѣ, а на другой — лье за сто оттуда. У техасца лошадь была также необыкновенно быстра. Онъ, какъ я вамъ говорилъ, мало вѣрилъ разсказамъ, слышаннымъ имъ о Бѣломъ-Скакунѣ, и надѣялся выиграть обѣщанную сумму денегъ. Едва увидѣлъ онъ животное, которое искалъ, какъ бросился за нимъ въ погоню, помахивая своимъ лассо, перепрыгивая чрезъ рвы, чрезъ скалы, летѣлъ какъ птица по гладкой равнинѣ, потому-что лошадь его была легка какъ вѣтеръ, и Бѣлый-Скакунъ каждую минуту становился ближе.

«Это происходило отъ того, какъ увѣрялъ меня техасецъ, что, сохраняя всѣ свои силы, Бѣлый-Скакунъ, время отъ времени, оборачивалъ къ нему свою голову и терялъ такимъ образомъ время, которое всадникъ употреблялъ только на то, чтобы его преслѣдовать. Силы Бѣлаго-Скакуна, казалось, удвоились, потому что когда лошадь устаетъ, какъ вы знаете, глаза ея дѣлаются тусклы, а его, блестѣвшіе изъ подъ холки и бѣлой гривы, напротивъ, минута отъ минуты, воспламенялись. Между тѣмъ раздѣлявшее ихъ разстояніе постоянно уменьшалось, хотя глаза скакуна бросали искры еще ярче, и по мѣрѣ того какъ склонялся день и уменьшалось разстояніе между Бѣлымъ-Скакуномъ и охотникомъ, зрачки животнаго дѣлались все огненнѣе.

«Однако не это одно, съ печалью замѣтилъ техасецъ, который долженъ былъ представлять себѣ добрый мѣшокъ въ тысячу піастровъ, блестѣвшихъ также тысячью огней, чтобы не упасть духомъ.

«Настала уже ночь, а онъ все еще не успѣлъ приблизиться къ Скакуну на такое разстояніе, чтобы можно было набросить на него лассо и техасецъ очень былъ удивленъ, что изъ подъ копытъ Бѣлаго-Скакуна на такой каменистой почвѣ, по какой они неслись, сыпались на каждомъ шагу искры, хоть они не были подкованы, и когда сдѣлалось еще темнѣй, то онъ по этимъ только страннымъ искрамъ не терялъ его изъ виду. Техасецъ хотя не могъ объяснить себѣ

какимъ образомъ роговыя копыта производили огонь и отчего глаза лошади бросали странный свѣтъ....»

Лай Озо прервалъ въ эту минуту разсказъ охотника на буйволовъ, къ большой досадѣ его слушателей.

Между тѣмъ собака не замедлила снова лечь подлѣ очага, гдѣ она, казалось, слушала разсказъ Энцины съ такимъ-же вниманіемъ, какъ и сами пастухи, и какъ лай Озо, конечно не означалъ сосѣдства индѣйца, то Энцина началъ продолжать свой разсказъ :

«И такъ, техасецъ не могъ объяснить себѣ причину этихъ искръ и огня; и какъ ему богато заплатили, то чтобы не бояться, онъ продолжалъ еще съ большимъ жаромъ преслѣдованіе и, къ удовольствію своему, замѣтилъ, что быстрота Бѣлаго-Скакуна видимо замедлялась. Потомъ вдругъ онъ увидѣлъ, что животное остановилось, понюхало по вѣтру, заржало и вытянуло къ горизонту шею. Техасецъ вонзилъ шпоры въ бока своей лошади, начинавшей также уставать, и понесся къ Бѣлому-Скакуну съ лассо въ рукѣ.... но петля аркана развязалась въ воздухѣ, и техасецъ махалъ надъ своею головою прямой веревкой, которая не могла ничего сдавить. Но тѣмъ не менѣе лошадь его неслась, а онъ и не думалъ ее остановить; потомъ онъ такъ близко подскакалъ къ Бѣлому-Скакуну, что, вытянувъ руку, могъ почти до него коснуться.

«Техасецъ ругался, какъ язычникъ, чувствуя, что лассо въ его рукахъ былъ совершенно безполезенъ; но не долго пришлось ему сожалѣть: въ это время Бѣлый-Скакунъ брыкнулъ, ударъ пришелся прямо въ грудь лошади техасца и съ такою силою, что всадникъ съ лошадью грянулись оба, какъ недавно вы въ озеро! — прибавилъ Энцина, обращаясь къ пастуху, сушившему свое платье; — и когда техасецъ всталъ, Бѣлаго-Скакуна уже не было.

«Что касается до лошади вакеро, она не вставала больше: желѣзныя копыта животнаго, вдругъ изчезнувшаго, вдавили ему грудь. Впрочемъ это послужило къ спасенію техасца, потому что, ступи онъ дальше одинъ шагъ, онъ полетѣлъ бы въ бездонную пропасть, у края которой остановился Бѣлый-Скакунъ. Я встрѣтилъ его, когда онъ возвращался пѣшкомъ, — кончилъ разсказчикъ, — и онъ-то мнѣ разсказалъ то, что вы слышали.»

Часть этой исторіи имѣла безспорно вѣроятность, и ей повѣрили всѣ слушавшіе Энцина.

— И такъ вы видите, — сказалъ новичекъ, прерывая первый минутное молчаніе, въ продолженіе котораго слышался только въ темнотѣ лѣса трескъ очага: — съ бѣднымъ Франциско случится несчастіе за то, что онъ преслѣдовалъ этого удивительнаго скакуна, такъ, по видимому, молодаго, не смотря на его пятьсотъ лѣтъ!

— Я самъ боюсь этого, — отвѣчалъ охотникъ на буйволовъ, качая головою: — если только я не ошибся и если та превосходная лошадь, которую мы нынче всѣ видѣли дѣйствительно Бѣлый-Скакунъ-Луговъ.

— Это непремѣнно онъ, — отвѣчали всѣ пастухи, радуясь, что могутъ потомъ утверждать, что они встрѣтили хоть одинъ разъ въ своей жизни то баснословное животное, которое въ Луговинахъ перешло въ преданіе.

Слушатели Энцины, слѣдуя его примѣру, начали располагаться вкругъ очага, чтобы заснуть, ибо предводители ихъ давно уже удалились въ свои палатки, когда послышалось снова рычаніе собаки.

— Безъ сомнѣнія какой-нибудь путешественникъ, — сказалъ Энцина, опираясь на локоть и глядя вокругъ себя съ равнодушіемъ, показывавшимъ, что онъ увѣренъ въ своихъ словахъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ въ томъ мѣстѣ, куда достигалъ свѣтъ огня, выѣхали на поляну изъ лѣса два всадника. Одинъ изъ нихъ, ѣхавшій впереди, остановилъ свою лошадь, и, казалось, съ удивленіемъ разсматривалъ странную картину, представившуюся ему: Бизонье озеро, разбитыя на берегахъ палатки, дрожащіе огни, отражавшіеся на его поверхности и полудикіе всадники, спавшіе вкругъ очаговъ, съ одной стороны, вполовину скрытыхъ тѣнью, съ другой освѣщенныхъ яркимъ красноватымъ пламенемъ. Второй путешественникъ несъ въ одной рукѣ длинный карабинъ, а другою велъ въ поводѣ лошадь, навьюченную кое-какимъ легкимъ багажемъ, между которымъ можно было замѣтить: два кожаныхъ чемоданчика, висѣвшихъ по обѣимъ сторонамъ сѣдла, походную палатку и коробку, которая повидимому заключала или гербарій, или краски.

Тогда, какъ первый путешественникъ увлекся созерцаніемъ одной только живописной стороны сцены, вдругъ сдѣлавшейся предметомъ его наблюденія, второй, казалось, долженъ былъ осмотрѣть ее съ дѣйствительной стороны.

— Исполняй свою обязанность, — сказалъ первый второму по англійски.

— Моя обязанность сдѣлана, — отвѣчалъ послѣдній: — ваша милость здѣсь въ совершенной безопасности.

И говоря это онъ забросилъ за плечо карабинъ и направилъ свою лошадь къ спавшимъ; послѣ чего дурнымъ испанскимъ языкомъ онъ попросилъ, по пустынному обыкновенію, позволенія сѣсть у общаго очага.

Ему позволили съ тою любезностью, какая такъ свойственна мексиканцамъ всѣхъ сословій.

Сойдя съ своей лошади, онъ занялся развьюченіемъ той, которую велъ, когда первый путешественникъ, оставшійся позади, въ свою очередь, молча приблизился, слегка поклонился пастухамъ и охотникамъ на буйволовъ, разсматривавшимъ его со вниманіемъ, и не говоря ни слова, слѣзъ съ лошади.

Кромѣ важной осанки, въ немъ не было ничего замѣчательнаго. Костюмъ его былъ мехиканскій во всей своей чистотѣ, а темнота скрывала его черты, и только когда онъ снялъ свою шляпу, чтобы освѣжиться, можно было видѣть совершенно англійскій типъ его лица.

Одежда его товарища отличалась совершенно отъ его одежды; и только американскій костюмъ американскихъ охотниковъ, столь многочисленныхъ теперь въ Техасѣ, представилъ бы иностранцу совершенное сходство съ нимъ. На немъ была охотничья блуза оливковаго цвѣта, грубо выдѣланная изъ ланьей кожи и длинныя штиблеты изъ сырой шкуры. Онъ былъ средняго роста; въ половину лысая его голова и нѣсколько прядей сѣдыхъ волосъ, развѣвавшихся на воротникѣ его рубашки, показывали, что ему около пятидесяти лѣтъ; члены его, казалось, имѣли крѣпость желѣза, какъ волосы сѣрый цвѣтъ его; охотничій ножъ, заткнутый за поясъ, пороховой рогъ и широкая восточная шляпа, странно согнутая, дополняли костюмъ, который, исключая охотниковъ на буйволовъ, прочіе видѣли въ первый разъ въ жизни.

Хотя очевидно было, что американецъ находился въ услуженіи у своего товарища, но тѣмъ не менѣе, онъ не обратилъ никакого вниманія на лошадь послѣдняго, которую англичанинъ самъ разсѣдлалъ и разнуздалъ.

Кончивъ это занятіе съ самымъ невозмущаемымъ спокойствіемъ, онъ

поднялъ какой-то предметъ, лежавшій на землѣ подлѣ его чемодана, и показывая лежавшимъ пастухамъ, сказалъ:

— Не принадлежитъ-ли кому-нибудь изъ васъ эта шляпа?

— Да, — отвѣчалъ одинъ изъ мексиканцевъ съ удивленіемъ: — нѣсколько часовъ тому назадъ эту шляпу носилъ Франциско.

Шляпа переходила изъ рукъ въ руки и всѣ единодушно признали ее принадлежавшею пастуху, возвращенія котораго они такъ ждали, или скорѣй не ждали.

— Не говорилъ-ли я вамъ! — вскричалъ Энцина;—сама судьба преслѣдуетъ того, кто вблизи преслѣдуетъ Бѣлаго-Скакуна-Луговъ.

Этотъ послѣдній случай окончательно внушилъ-бы слушателямъ Энцина непоколебимую вѣру въ его разсказъ, когда при имени Бѣлаго-Скакуна Луговъ англичанинъ вскричалъ:

— Именно его,-то я и преслѣдую отъ самаго Техаса до-сихъ-поръ вы его видѣли?

— Онъ нынѣшній вечеръ приходилъ пить къ сосѣднему озеру.

— Такъ это вы предлагали тысячу піастровъ техасскому пастуху, чтобы онъ привелъ его къ вамъ? — спросилъ Энцина.

— Именно, и я опять ихъ предлагаю тому, кто поймаетъ его, потому-что я поклялся не возвращаться въ отечество безъ этого удивительнаго скакуна. Посмотримъ! не найдется-ли между вами желающаго получить обѣщанную награду?

Пастухи покачали головой, и ни одинъ изъ нихъ не показалъ даже знакомъ, что готовъ принять предложеніе.

— Слишкомъ хорошо извѣстно, чего стоитъ попытка схватить лошадь, не подкованныя копыта которой высѣкаютъ изъ кремней долины искры, — замѣтилъ новичекъ.

Англичанинъ пожалъ плечами и ничего не отвѣчалъ.

— Господинъ иностранецъ, — сказалъ Энцина, — каждый изъ насъ почти ежедневно подвергаетъ опасности за нѣсколько піастровъ свою жизнь, но только въ такомъ случаѣ, когда человѣкъ можетъ исполнить, но не въ такомъ, гдѣ смѣлость и хитрость не могутъ устоять противъ необыкновенной силы.

— Хорошо, — равнодушно сказалъ англичанинъ, — завтра чуть свѣтъ, вы укажете мнѣ слѣдъ Бѣлаго Скакуна, и я послѣдую за нимъ одинъ.

— Не лучше ли вамъ отказаться отъ преслѣдованія, въ которомъ опасности всѣхъ родовъ окружатъ васъ.

— Опасности,—усмѣхаясь сказалъ англичанинъ :—я заплатилъ этому кентукскому охотнику, чтобы онъ устранялъ ихъ съ моей дороги; это до него одного касается.

— Да,—прибавилъ флегматически кентукіанецъ :—я на себя одного взялъ всѣ опасности этого путешествія.

— И вы ничего съ нимъ не боитесь ?

— Развѣ-жъ я не заплатилъ, чтобъ ничего не бояться ?

Слова эти окончили разговоръ, и два странныхъ товарища, изъ которыхъ одинъ былъ такъ безумно храбръ, чтобъ совершено пологаться на условія охранительнаго контракта, улеглись на травѣ, не думая разбивать своей палатки; пастухи также снова улеглись, и самая глубокая тишина скоро воцарилась въ лѣсу и на берегахъ Бизоньяго Озера.

II.

Охота на дикихъ лошадей.

Съ разсвѣтомъ дня, охотники на буйволовъ, пастухи и путешественникъ были уже на ногахъ. Разспросивъ у Энцины о направленіи, принятомъ бѣлою лошадью, которую этотъ упорно смѣшивалъ съ чуднымъ Бѣлымъ-Скакуномъ, англичанинъ сѣлъ на складной стулъ, на подобіе тѣхъ, которые употребляютъ въ поляхъ живописцы, и началъ набрасывать въ своемъ альбомѣ главныя черты живописной сцены, развернувшейся передъ нимъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ кентукскій охотникъ, молча, прохаживался съ ружьемъ на плечѣ, какъ часовой, который бодрствуетъ, исполняя свою обязанность.

Вдругъ карандашъ выпалъ изъ рукъ рисовальщика и глаза его покрылись внезапнымъ туманомъ.

На порогѣ своей палатки, полускрытая складками шелковаго полога, стояла Розарита, бѣлая и легкая, какъ облачко утренняго пара на небесной лазури; распущенные, черные, волнистые волосы густыми прядями покрывали ея нагія плечи.

Видъ незнакомца, вперившаго въ нее взоръ, полный восторженнаго

удивленія, заставилъ ее тотчасъ спрятаться за голубымъ шелковымъ пологомъ; но прекрасное видѣніе все еще носилось передъ ослѣпленными глазами молодаго англичанина.

Онъ спряталъ альбомъ и карандаши и позвалъ своего тѣлохранителя.

— Вильсонъ! — сказалъ англичанинъ.

— Что угодно, сэръ! — отвѣчалъ, приближаясь, Вильсонъ.

— Мнѣ угрожаетъ здѣсь опасность.

— Упоминается-ли объ ней въ нашемъ контрактѣ? — спросилъ американецъ формалистъ.

Англичанинъ указалъ пальцемъ на палатку доньи Розариты.

— Прелестные глаза этой дѣвушки? — спросилъ Вильсонъ.

— Да.

— Клянусь совѣстью и генераломъ Джаксономъ! — вскричалъ охотникъ: — я сомнѣваюсь, чтобы объ этомъ было говорено въ нашемъ условіи.

— Посмотри.

Американецъ вытащилъ изъ одного изъ своихъ многочисленныхъ кармановъ смятую, запачканную, изорванную бумажку и, пробормотавъ про себя форменное начало кантракта, онъ прочиталъ вслухъ:

«Вслѣдствіе всего изъясненнаго, вышеозначенный Уильямъ Вильсонъ обязывается предохранять сэра Фредерика Вандерера отъ опасностей путешествія, какъ-то: отъ враждебныхъ индѣйцевъ, отъ пантеръ, ягуаровъ, медвѣдей всѣхъ цвѣтовъ и размѣровъ, гремучихъ и другихъ змѣй, отъ аллигаторовъ, отъ голода, жажды, лѣснаго и степнаго пожаровъ, и проч. проч. и вообще отъ всѣхъ какихъ-бы ни было опасностей, могущихъ угрожать путешественникамъ въ американскихъ пустыняхъ....»

— Видишь-ли,—сказалъ Фредерикъ, прерывая американца, — вообще отъ всѣхъ какихъ-бы ни было опасностей пустыни.

— Да, но вѣдь это опасность городская.

— Она во сто разъ опаснѣй въ пустынѣ.

— Можетъ-быть; но это до меня не касается....

И безстрастный американецъ снова началъ свою безмолвную прогулку.

— Въ такомъ случаѣ я самъ долженъ о себѣ позаботиться, —

сказалъ Фридерикъ. — Потрудись пожалуйста осѣдлать лошадей; мы сейчасъ отправимся въ погоню за Бѣлымъ-Скакуномъ Луговъ, и какъ въ условіи нѣтъ, чтобъ ты сѣдлалъ мою лошадь, то....

— Я вашъ тѣлохранитель, а не конюхъ, — сказалъ охотникъ; — мы такъ условились.

— Такъ я самъ ее осѣдлаю. Ахъ! прошу помнить, что мнѣ нужно добыть нынѣшній вечеръ какой-нибудь дичи для ужина.

Лошади скоро были готовы, и сэръ Фредерикъ благодарилъ гаціэндеро за его гостепріимство, когда Розарита подошла къ своему отцу. Тогда англичанинъ, со всею утонченностью человѣка стоящаго на высшей ступени цивилизаціи и живущаго въ лучшемъ обществѣ, поклонился прекрасной дѣвушкѣ, точно также какъ раньше сдѣлалъ молодой команчъ съ достоинствомъ, свойственнымъ дикарю.

— Сеньорита,—сказалъ онъ ей,—я далъ себѣ слово не удаляться съ дороги, въ продолженіе моего пути, ни отъ какой опасности, такъ часто останавливающей путешественника; но однако нашлась одна, которую я вижу съ этого утра и отъ которой я могу избавиться только бѣгствомъ.

Красота Розариты одинаково подѣйствовала на двухъ людей, одного самой высшей, другаго послѣдней ступени человѣческаго общества. Розарита улыбнулась на эти слова, скрытый, но понятный смыслъ которыхъ не ускользнулъ отъ нея. Она поняла, что это была дань ея красотѣ; потомъ, улыбнувшись, она не могла удержаться, чтобы не покраснѣть, потому-что въ глубинѣ своего уединенія она не была пресыщена еще похвалами, такъ льстящими женскому самолюбію.

Англичанинъ и его американскій тѣлохранитель сѣли на лошадей и удалились.

Послѣ этого короткаго эпизода, происшедшаго вслѣдствіе американской и англійской оригинальности, мы пропустимъ день и прямо перенесемся къ тому времени, когда солнце снова склонилось къ западу. Въ это время прискакалъ во весь опоръ къ озеру всадникъ съ обнаженной головой, лицемъ разцарапаннымъ вѣтвями; его кожаное платье носило также слѣды, что онъ быстро несся чрезъ кустарники.

Это былъ Франциско, пастухъ, котораго товарищи считали уже жертвою его попытокъ противъ чуднаго Бѣлаго-Скакуна-Луговъ.

Хотя, можетъ быть, въ душѣ они были и недовольны тѣмъ, что Франциско возвратился живъ и здоровъ.... кто знаетъ сердце человѣческое!... тогда какъ они могли всю жизнь свою въ свободное время, ночью, сидя вокругъ огней своихъ бивуаковъ, представлять его какъ героя фантастической легенды, тѣмъ не менѣе всѣ пастухи и охотники на буйволовъ поспѣшили его окружить и начали разспрашивать о приключеніяхъ его погони за Бѣлымъ-Скакуномъ Луговъ.

Разсказъ его вовсе не представилъ замѣчательныхъ подробностей, которыхъ ожидали. Очень обыкновеннымъ случаемъ толстая вѣтвь, отъ которой во время онъ не успѣлъ посторониться, сорвала шляпу съ его головы; пастухъ, въ жару преслѣдованія, не имѣлъ времени поднять ее и продолжалъ свой бѣгъ. Также очень натурально онъ не могъ употребить въ дѣло свое лассо среди лѣса.

Двадцать разъ Франциско терялъ и снова находилъ слѣдъ бѣлой лошади, и его упорное преслѣдованіе завело его такъ далеко, что когда наконецъ та лошадь совершенно исчезла, онъ былъ принужденъ дать своей нѣсколько часовъ отдыха: хозяинъ и лошадь провели ночь далеко отъ озера. Чтоже касается до дня, то онъ съ своими другими товарищами занимался устройствомъ круга около дикихъ лошадей, табунъ которыхъ былъ недалеко отъ Бизоньяго Озера.

Этотъ разсказъ еще болѣе увеличилъ всеобщее разочарованіе.

Все равно,—замѣтилъ новичекъ:—все доказываетъ однако, что это именно Бѣлый-Скакунъ Техаса.

— Пастухъ, который бросился и чуть-чуть не утонулъ.

— Франциско, такъ искусно набрасывающій лассо, не могъ его поймать!—прибавилъ второй.

— И этотъ еретикъ англичанинъ, предлагавшій намъ снова тысячу піастровъ,—продолжалъ Энцина:—все это неестественно....

Убѣжденіе, съ которымъ говорили пастухи, подѣйствовало на Франциско и совершенно овладѣло имъ, когда товарищи разсказали ему легенду Энцина, и онъ нѣсколько разъ крестился, благодаря Небо за спасеніе отъ опасностей, которымъ онъ подвергался, самъ того незная.

Новости, сообщенныя дону Августину состояли въ томъ, что во время ночи кругъ лѣсной облавы съузился; что день прошелъ въ тѣхъ же занятіяхъ какъ и ночь, и что нужно быть наготовѣ. Потомъ

толки прекратились и всѣ занялись продолженіемъ вчерашнихъ приготовленій.

Палатки были снова сложены, лошади удалены отъ воды и отъ коралля, пастухи, тутъ находившіеся, размѣстились между деревьями, а четыре охотника на буйволовъ стали за столбами палиссада, чтобы посредствомъ деревянныхъ брусьевъ, хотя тяжелыхъ, однако такихъ, которые перевернувъ, можно запереть входъ, лишь только дикое стадо взойдетъ въ кораль.

Опасность, впрочемъ единственная, которая могла угрожать въ этой охотѣ болѣе живописной чѣмъ опасной, состоявшая въ томъ, что можно было попасть подъ ноги лошадей, устранялось такимъ образомъ устройствомъ частокола. Нѣчто въ родѣ грубаго моста было переброшено съ одного берега на другой чрезъ каналъ, куда втекало Бизонье озеро и подъ сводомъ зелени, деревьевъ, гаціэндеро, его дочь и сенаторъ могли безопасно помѣститься, не рискуя потерять ничего изъ виду въ этомъ очаровательномъ зрѣлищѣ, котораго ждали.

Когда каждый занялъ свой постъ, всѣ ждали неподвижно и въ молчаніи прибытія кавалькады. Пронзительные крики коршуна, летавшаго надъ прогалиной, заставили замолчать птицъ, сидѣвшихъ на вѣтвяхъ; вокругъ озера воцарилась самая глубокая тишина. Скоро, среди этой глубокой тишины, дошло до слуха охотниковъ пронзительные свистки, на подобіе тѣхъ, которые употребляютъ пастухи. И справа, и слѣва, и со всѣхъ сторонъ свистки эти и крики начали быстро приближаться. Спустя нѣсколько времени, въ глубинѣ лѣса раздались ржанія, еще отдаленныя, но многочисленныя, показывавшія приближеніе табуна дикихъ лошадей.

Ржанія эти слышались со стороны Красной-Рѣки, то есть именно по прямой линіи отъ ея береговъ до того мѣста, гдѣ находились на своемъ летучемъ мосту, чтобъ лучше видѣть охоту, гаціэндеро съ дочерью и Трагадуръ; и можно бы было опасаться какого-нибудь несчастія, еслибъ дикому табуну вздумалось броситься въ эту сторону. Молодой лѣсокъ не удержалъ-бы ужаснаго напора этихъ животныхъ, которыя, въ своемъ бѣгѣ, производятъ опустошенія, подобныя лѣсному урагану.

Донъ-Августинъ предвидѣлъ опасность и позвалъ двухъ или трехъ пастуховъ, которые, оставивъ свои посты, подошли къ нему.

— Какъ вы думаете,—спросилъ гаціэндеро у одного изъ нихъ,— кавальяда можетъ обратиться въ эту сторону?

— Очень можетъ быть,—отвѣчалъ пастухъ,—я думалъ уже объ опасности, которой вы можете подвергнуться, если не взять своихъ мѣръ. И такъ, если вамъ угодно, мы оставимъ, я и мой товарищъ назначенное вами мѣсто и спрячемся сзади васъ по протяженію канала.

— Я лучше соглашусь оставить свое,—отвѣчалъ донъ Августинъ,— чѣмъ подвергать васъ безполезной опасности.

Три пастуха, привыкшіе пренебрегать опасностями, соединными съ ихъ занятіемъ, не отвѣчая на заботливое возраженіе своего господина, проскользнули одинъ за другимъ отъ высокихъ береговъ истока озера, и помѣстились передовыми часовыми во ста шагахъ оттуда по направленію къ рѣкѣ.

Это была послѣдняя мѣра, которую едва имѣли время выполнить, потому что минута приближалась, когда должна была рѣшиться судьба благородныхъ животныхъ, направленныхъ охотниками къ роковому мѣсту, гдѣ ихъ ждали плѣнъ и неволя.

Различные, смѣшанные звуки усилились. Сначало это были пронзительные и острые свистки скакавшихъ въ лѣсу пастуховъ, которые перекликались.

Всѣ обитатели лѣсовъ взволновались отъ страха. Стаи птицъ съ крикомъ поднялись съ верхушекъ деревьевъ, совы, растерявшись отъ дневнаго свѣта, подпрыгивали, олени устрашенные даже въ глубинѣ своихъ убѣжищъ, блѣяли, убѣгая дальше отъ суматохи.

Скоро затрещалъ тростникъ, молодыя деревья заскрипѣли подъ напоромъ лошадей; ихъ звонкое ржаніе и крики приближавшихся охотниковъ сливались съ подземнымъ гуломъ, раздававшимся подобно подземному грому. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ крики испуганныхъ птицъ, вой пастуховъ, ржаніе лошадей, трескъ деревьевъ и эхо, повторявшее весь этотъ шумъ, заставлялъ думать, что сборище демоновъ выло и стонало подъ мрачными сводами лѣса.—Мы очень сожалѣемъ, что не можемъ вполнѣ описать слѣдующія за тѣмъ сцены.

Лавина, низвергающаяся съ шумомъ, вода, прорвавшаяся сквозь раздробленную платину, все это не можетъ дать точнаго понятія объ ужасномъ шумѣ, несшемся изъ боковъ лѣса въ ту минуту, когда зелень, окаймлявшая прогалину, разорвалась во сто мѣстахъ. Изъ каждаго изъ этихъ мѣстъ выставились цѣлыя волны дикихъ

головъ съ горящими глазами, съ красными ноздрями, съ развѣвающимися гривами. Потомъ эти волны соединились и составили колыхающееся разноцвѣтное море, надъ которымъ волнистыя гривы, развѣвающіеся хвосты, подобно волнамъ, разбивающимся въ пѣну, толпились и волновались, какъ на океанѣ во время бури.

Скоро въ этихъ широкихъ отверстіяхъ, пробитыхъ грудью лошадей, показались пастухи съ пылающими глазами, опьянѣвшіе отъ криковъ, ими же издаваемыхъ; они скакали, прыгали, помахивая въ воздухѣ своими лассо.

Была минута, когда движущееся море лошадей разъединилось, не зная какое избрать направленіе. Тогда-то двѣнадцать пѣшихъ человѣкъ, махая шляпами, свистя, издавая дикіе крики, бросились къ стаду съ опасностью быть растоптаными ногами двухъ сотъ лошадей. Тѣснимыя спереди и сзади многочисленными и смѣлыми врагами, лошади на минуту остановились, земля перестала дрожать, а Бизонье Озеро колебаться и ударять въ берега.

Страшна была эта минута остановки. Еслибы стадо бросилось направо или налѣво, то пастухи и конные и пѣшіе были-бы смяты.

— Не робѣйте, дѣти! — закричалъ донъ-Августинъ, который, увлеченный своимъ жаромъ, бросился къ берегу озера, издавая ужасные крики.

Бѣшенный вой охотниковъ отвѣчалъ на его голосъ; тогда лошадь, предводительствовавшая стадомъ, нѣсколько минутъ не отводившая уже огненныхъ глазъ своихъ отъ частокола, закрытаго вѣтвями и отъ отверстія, сдѣланнаго по срединѣ его, накренивъ голову, бросилась туда; весь табунъ послѣдовалъ за нею....

— Урра! урра! — вскричалъ гаціэндеро: — онѣ наши!

Радостные крики раздались со всѣхъ сторонъ, когда Энцина съ своими товарищами, на минуту какъ-бы поглощенные этою живою лавиною, вылѣзли изъ круга въ отверстія между брусьями, образовавшими загородъ и твердо укрѣпленными въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они вкладывались.

Прошло нѣсколько секундъ прежде, чѣмъ эти гордыя дѣти лѣсовъ замѣтили, что онѣ въ плѣну; но когда въ первый разъ въ своей жизни, онѣ почувствовали себя окруженными частоколомъ изъ древесныхъ стволовъ, такъ что голова самой высокой изъ нихъ, едва, едва была выше его, ржаніе бѣшенной печали разразилось, какъ шумъ

сотни роговъ. Необыкновенное зрѣлище представляло это море бѣшенныхъ животныхъ, ржавшихъ, фыркавшихъ, сопѣвшихъ съ шумомъ, подобнымъ вѣтру, свистящему въ лѣсу.

Торжественный крикъ пастуховъ отвѣчалъ на бѣшенный крикъ лошадей.

— Ахъ, онъ здѣсь! онъ здѣсь! — вскричалъ Энцина.

— Кто здѣсь? — вскричали двадцать другихъ голосовъ.

— Бѣлый-Скакунъ Луговъ! — отвѣчалъ охотникъ на бизоновъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, самый красивый и сильный изъ всѣхъ этихъ прекрасныхъ и благородныхъ скакуновъ пустыни, самый неукротимый, бѣшенный, быстрый изъ всѣхъ была бѣлая безъ малѣйшаго пятнышка, какъ цвѣтокъ ненюфара лошадь; это была та, которую тщетно наканунѣ преслѣдовали.

Превосходное четвероногое бросалось изъ края въ край коралла, опрокидывая въ бѣшенствѣ тѣхъ изъ товарищей своего бѣдствія, которые случайно ему попадались и не успѣвали увертываться отъ его могучей груди. Широкое пространство образовалось вокругъ него, и по немъ-то скакало животное, разметывая по воздуху свою бѣлую гриву и наполняя воздухъ ржаніемъ жалобной ярости.

— Туда, туда! — вскричалъ Энцина, бросаясь къ тому мѣсту, черезъ которое Бѣлый-Скакунъ приготовился перескочить.

Но было уже слишкомъ поздно: образовавшееся вокругъ него пустое пространство дало ему время опереть все тѣло на заднихъ ногахъ съ необыкновенною силою.

Охотники видѣли только бѣлую линію, разсѣкшую воздухъ, какъ стрѣла, лошадь встала на свои гибкія, мускулистыя ноги за оградой и снова исчезла подъ сводомъ деревьевъ.

Крикъ бѣшенства людей ознаменовалъ побѣгъ лошади, но въ кругу оставалось еще около двухъ сотъ другихъ лошадей, и этого было достаточно, чтобы вознаградить охотниковъ за потерю самаго лучшаго изъ этихъ животныхъ.

— Ну что-жъ, и теперь сомнѣваетесь, что эта лошадь не изъ простыхъ?—воскликнулъ Энцина.

Никто не отвѣчалъ: всѣ въ этомъ были убѣждены.

Образовавшійся на минуту пустой кругъ пополнился снова, и пойманныя лошади, мѣшая другъ другу, бросались цѣлой массой, изъ одного мѣста коралла въ другой. Однажды этотъ потокъ бросился на ограду, крѣпкія сваи ея только затрещали, но устояли.

Облако пара носилось надъ всѣми этими тяжелодышащими животными. Они съ бѣшенствомъ кусали эти непоколебимыя бревна, другія рыли копытами землю, и наконецъ нѣкоторыя изъ нихъ, не вынося напора бѣшеныхъ ощущеній, воодушевлявшихъ ихъ, падали на землю, какъ пораженныя громомъ, и не вставали болѣе. Потомъ мало-по-малу, какъ охладившееся море растопленной лавы, кавальяда перестала выбиваться изъ поставленныхъ ей преградъ; оцѣпенѣніе замѣнило бѣшенство и мертвая неподвижность безумные порывы: неукротимые обитатели лѣсовъ были побѣждены.

Намъ остается сказать только еще нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ. Иногда случается, что худо устроенная загородка уступаетъ бѣшеному напору двухъ или трехъ сотъ разомъ напирающихъ на нее грудей, и тогда ничто не можетъ удержать этотъ потокъ: ни крики, ни усилія, ни арканы тысячи охотниковъ. Лошади опрокидываютъ все, что препятствуетъ ихъ бѣгу, людей и деревья. Бѣшеныя, потерявшіяся животныя несутся какъ вѣтеръ, съ шумомъ подобнымъ треску столкнувшихся двухъ горъ.

Густой слой пыли покрываетъ бѣгство лошадей, и черезъ нѣсколько минутъ воцаряется молчаніе, слѣдующее за ужаснымъ шумомъ и даетъ знать, что въ одну минуту они ушли отъ своихъ преслѣдователей на нѣсколько лье.

Таковы часто бываютъ катастрофы, разстроивающія всѣ планы, всѣ усилія охотниковъ: счастіе еще, когда немногіе растоптаны, или, по-крайней-мѣрѣ, не опасно ранены, подъ копытами лошадей!

Теперь читатель знаетъ всѣ случайности этой самой обыкновенной охоты.

Мы сказали, что дикіе обитатели лѣсовъ были побѣждены; но оставалось еще укротить ихъ голодомъ, прежде, чѣмъ отвести на агостадеросы. Для этой операціи нужно было употребить еще пять или шесть дней, въ продолженіе которыхъ надобно было слѣдить шагъ за шагомъ, за дѣйствіемъ голода, который одинъ только можетъ укротить этихъ животныхъ, можетъ-быть, самыхъ ревнивыхъ къ свободѣ, и примирить ихъ съ присутствіемъ человѣка.

Ночь снова одѣла своимъ мрачнымъ покрываломъ природу. Эта ночь была праздничная, ночь для торжествующихъ пастуховъ, окончившихъ одно изъ тѣхъ охотническихъ предпріятій, о которомъ долго потомъ въ часы ночнаго бодрствованія говорятъ въ саваннахъ.

Донъ Августинъ велѣлъ раздать своимъ людямъ по доброй порціи каталонской водки, и охотники, усѣвшись передъ огромной жаровней, на которой жарилась цѣлая дикая коза, разговаривали еще о своихъ подвигахъ, не смотря на то, что звѣзды показывали уже полночь.

Однако-жъ мы не должны забывать, что другія лица этого разсказа требуютъ нашего вниманія, что Діазъ блуждаетъ еще въ пустыняхъ, что команчъ идетъ по слѣдамъ двухъ разбойниковъ, и наконецъ, что Боа-Розе оплакиваетъ своего сына, пропавшаго во время его отсутствія. Однако-жъ, прежде, чѣмъ мы послѣдуемъ за прочими лицами, бросимъ послѣдній взглядъ на Бизонье озеро.

Долго еще лѣсъ оглашался веселымъ смѣхомъ охотниковъ, перемѣшивавшимся съ печальнымъ ржаніемъ дикихъ лошадей въ кораллѣ. Потомъ, когда бутылки опорожнились, когда отъ козы остались только кости, хрустѣвшія въ ужасныхъ челюстяхъ собаки охотника на бизоновъ, разговоръ мало-по-малу замиралъ и наконецъ совершенно прекратился. Тогда пастухи, подбавивъ дровъ въ костеръ, легли, закутавшись въ свои льняные плащи, на густой травѣ прогалины и предались клонившему ихъ сну, не думая, что въ лѣсу были замѣтны подозрительные слѣды. Ночная тишина прерывалась только ржаніемъ животныхъ, назначенныхъ скоро подчиниться унизительному игу кнута и шпоръ. Луна присоединила свои блѣдные лучи, разсыпанные по поверхности озера, къ красноватымъ отблескамъ очага, которые смѣшавшись такимъ образомъ, падали на разбитыя палатки предводителей и на многочисленныхъ предводимыхъ, распростертыхъ вокругъ нихъ на травѣ.

Никогда озеро не представляло вида болѣе живописнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ спокойнаго, какъ въ эту ночь.

III.

ТАЙНИКЪ НА БИЗОНЬЕМЪ ОСТРОВѢ.

На второй вечеръ послѣ описанныхъ нами сценъ охоты на дикихъ лошадей, пять человѣкъ въ разныхъ мѣстахъ подымались противъ

теченія Красной-Рѣки. Чтобы опредѣлить разстояніе, можно сказать, что мѣсто, гдѣ находились лица, нами описываемыя, было въ разстояніи одного дня ходьбы отъ Красной-Рѣки и, можетъ-быть, двухъ отъ Бизоньего Озера.

Ріо-Жила въ теченіи своемъ, которое мы показали, отъ истока своего изъ Туманныхъ Горъ до впаденія въ Красную-Рѣку пробѣгаетъ по самымъ разнообразнымъ мѣстностямъ. То ея воды клокочутъ и ревутъ въ своемъ бѣгѣ по каменистому дну, среди крутыхъ, выдающихся береговъ, гдѣ онѣ, образуя быстрины или водопады, которые, развѣ одинъ индѣецъ или охотникъ могутъ переплыть въ своихъ лодкахъ, сдѣланныхъ изъ древесной коры или кожи буйволовъ; то онѣ текутъ спокойныя и глубокія, между двумя отлогими берегами, поросшими травою, столь высокою, что только развѣ по измятой травѣ, показывающей слѣды буйволовъ или сѣрыхъ медвѣдей, можно догадаться, что здѣсь были живыя существа; въ другихъ мѣстахъ, рѣка, среди печальныхъ береговъ, иногда ласкаетъ отдѣльные острова, точно оазисы въ пустынѣ, острова, почти непроходимые отъ густоты мха и виноградныхъ лозъ, почти погрузившихся въ водѣ; то вдругъ она тихая, какъ-бы въ усыпленіи спокойно течетъ подъ сводомъ деревьевъ, осѣняющихъ ее съ обѣихъ береговъ. И въ-самомъ-дѣлѣ, эти деревья бросаютъ на рѣку тѣнь, столь густую и даютъ прохладу столь сильную, что совсѣмъ забываешь о палящемъ жарѣ, который солнце распространяетъ по равнинѣ.

Далѣе всѣхъ отъ Бизоньяго Острова были два человѣка: они подымались по рѣкѣ на легкомъ челнокѣ изъ березовой коры, связанномъ волокнами пихты и законопаченномъ смолою того-же самаго дерева. Не смотря на кажущуюся хрупкость этой лодочки, она была такъ нагружена, что ея края были почти въ уровень съ водою, шумѣвшею около ея бортовъ. Не смотря однако на тяжелый грузъ, лодка при усиліи гребцовъ, быстро поднималась противъ теченія.

Кладь челнока была самая разнообразная; тутъ были лошадиныя сѣдла, различныя платья, покрывала всѣхъ цвѣтовъ, ящики и ящички европейской работы, и наконецъ сабли, ножи и около полудюжины карабиновъ, различной длины.

Еслибъ не странный костюмъ и зловѣщія физіономіи двухъ гребцовъ, которыхъ мы скоро узнаемъ, то можно было-бы подумать, что это два бродящіе честные торгаша, которые повѣривъ обѣщанію, что

ихъ не тронутъ, пустились торговать съ индѣйскими племенами пустыни.

Одинъ изъ гребцовъ былъ старикъ весь сѣдой, другой молодой человѣкъ съ длинными черными, какъ смоль, волосами. Нужно только сказать, что головной уборъ ихъ отличался отъ индѣйскихъ папагосовъ, чтобы догадаться, что это были Красная-Рука и Смѣшанная-Кровь, которыхъ, не смотря на ихъ переодѣванье, вѣроятно узнали читатели, хотя появленіе ихъ въ лѣсахъ въ тотъ вечеръ, когда донъ Августинъ Пена отправился съ своею дочерью и Трагадуромъ на охоту за дикими лошадями, было вовсе неожиданно.

Послѣ ихъ дерзкаго поступка, то-есть, грабежа и убійства купца изъ президы, какъ о томъ разсказывалъ охотникъ на буйволовъ, волненіе распространилось по всей странѣ. Чтобы ускользнуть отъ преслѣдованія, два бандита переодѣлись и въ этомъ костюмѣ встрѣтились съ кавалькадою. Случай, отсрочившій на пятнадцать дней отъѣздъ гаціендеро, былъ единственною причиной этой несчастной встрѣчи.

Впрочемъ это угадаетъ будущее, и знаетъ-ли человѣкъ, чему онъ долженъ радоваться или чему печалиться? Сколько нежданныхъ бурь бываетъ послѣ прекраснаго утра, и опять сколько разъ бываетъ днемъ, между-тѣмъ какъ вечеромъ солнце закатывается на безоблачномъ небѣ!

Читателю извѣстно однако-же, что метисъ, увидѣвъ Розариту, почувствовалъ на себѣ все вліяніе, которое обыкновенно производила ея красота, и желалъ снова ее увидѣть. Онъ слѣдоналъ за нею до Бизоньяго озера и теперь шелъ къ Туманнымъ горамъ съ цѣлію ее похитить, не смотря на многочисленную ея свиту, надѣясь, или лучше сказать зная, что онъ встрѣтитъ тамъ большую часть апахскихъ воиновъ.

Два разбойника пустыни были страшны не одною только своею храбростью и ловкостью; случалось, что они въ нѣсколько часовъ дѣлали то, чего тщетно домогались индѣйцы, вокругъ плавучаго острова, въ продолженіе цѣлаго дня и цѣлой ночи, то-есть: обезоружить два лучшіе послѣ ихъ карабина во всей пустынѣ. Они были также страшны своею неутомимою дѣятельностью, быстротою и изворотливостью, какъ хищныя птицы, которыхъ видишь въ ихъ быстромъ полетѣ, то въ одной сторонѣ, то въ другой, совершенно противоположной.

Подъ напряженнымъ усиліемъ обоихъ пловцевъ, челнъ быстро подымался вверхъ по теченію по тому мѣсту, гдѣ рѣка протекаетъ между безпрерывно тянущимися зелеными холмами, которые въ Европѣ мы приняли-бы за сложенные стоги сѣна.

Дикій, безпокойный взоръ стараго бѣлаго ренегата безпрестанно блуждалъ съ одного берега рѣки на другой, всматриваясь со вниманіемъ въ самыя малѣйшія движенія на берегу и потомъ съ какою-то нѣжною жадностью останавливался на клади своей лодки.

— Ну, что-же! — сказалъ метисъ въ ту минуту, когда Красная-Рука, чтобы направить лодку, велъ ее одинъ: — Ужъ не замѣтилъ-ли ты чего-нибудь подозрительнаго на горизонтѣ?

— Два раза мы видѣли слѣды Команча подлѣ нашихъ, и вмѣсто того, чтобы идти за нимъ, мы благодаря тому, что тебѣ захотѣлось овладѣть этою игрушкою, этою маленькою бѣлою голубкою, бросили всѣ предосторожности. А я говорю тебѣ теперь, что кто въ пустынѣ не слушаетъ указаній, остающихся на пескѣ, тотъ не доживетъ до сѣдыхъ волосъ.

— Да, это говоришь ты, который видѣлъ столько охотниковъ, путешественниковъ и индѣйцевъ, не замѣтившихъ или не захотѣвшихъ замѣтить твои слѣды. Но полно, старикъ! Если ты будешь бранить меня, то знай, что это мнѣ не нравится и что ты будешь только разжигать во мнѣ страсть къ этому бѣлому облаку, къ этому снѣжному облаку, къ этому озерному ненюфару!

При этихъ словахъ глаза Метиса горѣли, какъ у тигра, когда онъ чуетъ, по вѣтру, близость поживы.

Отецъ замолчалъ и оба безмолвно продолжали грести.

Одинъ изъ островковъ, которыми усѣяна была рѣка, былъ длиннѣе прочихъ и виднѣлся, точно заснувшая водяная птица. Этотъ-то островъ и назывался островомъ буйволовъ.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ двухъ разбойниковъ, прячась за зеленью, закрывавшей правый берегъ рѣки, шелъ одинъ человѣкъ тѣмъ легкимъ и скорымъ шагомъ, который свойственъ только индѣйцамъ и который можно сравнить развѣ съ нашею походкою, когда она усовершенствована до высшей степени гимнастикою.

Это былъ молодой команчъ, Жгучій Лучъ, который шелъ одинъ по дорогѣ войны. Благородный молодой человѣкъ хотѣлъ во-что-бы то ни стало отомстить за свою честь, которую онъ считалъ оскор-

бленною смертью бѣлыхъ, довѣрившихся ему, и теперь онъ исполнялъ одинъ изъ тѣхъ безумно храбрыхъ подвиговъ, которые, кажется, воскрешаютъ бродячихъ рыцарей пустынь древнихъ временъ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ остановился, рѣка дѣлала поворотъ, скрывавшій отъ него лодку, которая подымалась противъ теченія. Индѣецъ приблизился къ берегу, связалъ въ узелъ свои вещи, завернулъ ихъ въ свой плащъ изъ буйволовой кожи и положилъ его на голову, привязавъ крѣпко ремнями къ подбородку; къ верху узла привязалъ свой карабинъ, и такимъ образомъ осторожно взошелъ въ рѣку и поплылъ, сильно разсѣкая мускулистыми руками воду.

Чрезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ на лѣвый берегъ рѣки. Пользуясь съ необыкновенною ловкостью всякимъ убѣжищемъ, всякой малѣйшей неровностью почвы, команчъ, невидимый для пловцевъ челнока, скоро съ нимъ поравнялся, потомъ обогналъ его и дошелъ до того мѣста берега, которое было прямо противъ Бизоньяго острова.

Переходы черезъ Красную-Рѣку, казалось, ему были совершенно знакомы, ибо, не колеблясь, не отыскивая долго, онъ нашелъ бродъ ведущій съ берега на островъ, скоро бродъ былъ перейденъ и индѣецъ спрятался подъ ивами, покрывавшими его берега. Тамъ онъ исчезъ и самый опытный взоръ, напрасно пробѣгая по всему пространству острова, не замѣтилъ бы индѣйца, спрятавшагося въ томъ мѣстѣ, о которое разбивается потокъ рѣки.

Красная-Рука и Смѣшанная-Кровь видимо направляли свою лодку къ Бизоньему острову, и скоро причалили почти по серединѣ его. Жгучій-Лучъ не упустилъ изъ виду ни одного изъ ихъ движеній; онъ видѣлъ, какъ они привязали лодку и, разостлавъ изъ осторожности шерстяное одѣяло на томъ мѣстѣ, по которому должны были идти, вышли на землю.

Передъ ними открылась маленькая прогалина, тогда съ помощью другихъ одѣялъ, которыхъ у нихъ было много, они устлали почти всю ея поверхность обширнымъ и мягкимъ ковромъ.

Человѣкъ, незнакомый со всѣми обстоятельствами жизни въ пустынѣ, былъ бы заинтересованъ этими таинственными приготовленіями; но индѣецъ зналъ, что будутъ дѣлать два пирата, и потому, переставъ наблюдать за ними, онъ позаботился какъ бы самому хорошенько спрятаться отъ нихъ до ихъ отъѣзда.

Думая однако-же, что читатель не такъ хорошо посвященъ въ таинства дикой жизни индѣйцевъ, мы откроемъ для его назиданія всѣ операціи, которымъ предались Красная-Рука и Смѣшанная-Кровь.

Это опять одна изъ тѣхъ подробностей, которыя мы льстимся передать еще во всей ихъ дѣвственности тѣмъ, кто захочетъ насъ читать.

Бизоній Островъ казался до того пустъ, что два бандита едва считали нужнымъ осмотрѣться. И эта простая предосторожность была только слѣдствіемъ подозрительности, дѣлающейся въ пустынѣ второй природою, или только сознанія ихъ совѣсти. Кустарники, окружавшіе маленькую прогалину, на которой росла тонкая, густая трава, также были защищены покрывалами, чтобы не помять какую-нибудь вѣтку островка.

Тогда Красная-Рука начертилъ ножемъ своимъ кругъ, имѣвшій въ окружности около трехъ футовъ, и вынувъ изъ челнока заступъ, ловко приподнялъ довольно толстую глыбу глыбу земли, покрытую съ одной стороны зеленью, а съ другой прикрѣпленную еще росшими тамъ корнями, и осторожно положилъ ее на одно изъ покрывалъ, разостланныхъ у его ногъ.

Тогда Смѣшанная Кровь, вооружившись заступомъ, подошелъ къ своему отцу и началъ помогать ему. Общими силами они рыли землю въ мѣстѣ, очерченномъ Красною-Рукою и вырытыя глыбы складывали на бизонью кожу, лежавшую подлѣ нихъ. Когда они достигли такимъ образомъ около трехъ футовъ глубины, то начинали мало-по-малу выкапывать вокругъ того мѣста ровъ и устроивать погребъ въ видѣ подземнаго купола.

Они употребили для этой работы нѣсколько часовъ и наконецъ успѣли устроить въ родѣ ямы, подобной той, какая бываетъ у арабовъ.

Впродолженіе этого времени грузъ лодки былъ тщательно выставленъ на солнце, чтобы совершенно уничтожить сырость. Когда все было готово, два бандита поспѣшили перенести постепенно всѣ вещи въ тайникъ вырытый въ землѣ. Послѣ чего все было покрыто толстой кожей, потомъ вѣтвями и сухой травой. Кончивъ это, Красная-Рука и его сынъ, принялись зарывать мѣста, оставшіяся пустыми.

Мало-по-малу земля, сильно утаптываемая ихъ ногами, возвысилась о окружной черты. Одинъ изъ бандитовъ полилъ эту землю рѣчною

водою, чтобы уничтожить запахъ, и они снова положили съ величайшею осторожностью глыбу вынутую ими, на мѣсто, занимаемое ею нѣсколько часовъ раньше.

— Ну, что же, Смѣшанная-Кровь,—сказалъ старый ренегантъ, продолжая тщательно приподымать руками каждую былинку, помятую въ продолженіи ихъ операціи,—думаешь-ли ты, что этотъ погребъ хорошо устроенъ и что наша добыча въ безопасности.

— По-крайней-мѣрѣ я надѣюсь, — отвѣчалъ Метисъ, сбирая покрывала, по мѣрѣ того, какъ онъ проходилъ по нимъ, чтобы достигнуть лодки.

Чтобы кончить эту операцію оставалось сдѣлать только слѣдующее, а именно: скрыть вырытую землю. Такъ и случилось; два бандита снесли въ лодку одѣяло, на которое бросали землю, вырывая яму, и когда они доплыли до середины рѣки, вода поглотила эти послѣдніе остатки, которые могли бы обличить присутствіе человѣка, когда не оставалось ни малѣйшаго слѣда ни на берегахъ, ни на прогалинѣ.

Такимъ-то образомъ устраиваютъ въ пустыняхъ эти подземные магазины для безопасности разбойники, индѣйцы и купцы, чтобы складывать въ безопасное мѣсто свои пожитки, добычу, или товары.

Лодка двухъ бандитовъ, облегченная отъ чрезмѣрнаго ея груза, быстро переплыла потокъ рѣки по направленію къ Туманнымъ горамъ. Тамъ три дня позже, Боа-Розе показалъ ихъ присутствіе и Бораджа замѣтилъ ихъ въ лодкѣ; и потомъ нашелъ ихъ на этотъ третій день, чѣмъ, благодаря метису, его смерть была отсрочена на нѣсколько часовъ.

— Хорошо,—сказалъ Команчъ, когда его рысій взглядъ потерялъ изъ виду плывшихъ пиратовъ:—душа ихъ закрыта тамъ; они скоро возвратятся сюда назадъ.

Тогда индѣйскій воинъ снова перешелъ рѣку, отправился по старой дорогѣ и черезъ четверть часа ходьбы достигнулъ рытвины, въ углубленіи которой былъ привязанъ быстрый и сильный скакунъ, который заржалъ при приближеніи своего господина.

Жгучій-Лучъ потрепалъ его рукою, вскочилъ на спину и отправился во весь опоръ. Вдругъ лошадь и всадникъ остановились; оба начали нюхать вѣтеръ.

Ничего не было; только два одинокихъ человѣка показались издалека.

*

Мы говорили о пяти лицахъ въ началѣ этой главы и вотъ теперь мы встрѣчаемъ двухъ послѣднихъ изъ этого числа.

Два человѣка съ своей стороны замѣтили скакавшаго индѣйца.

— Вильсонъ!—сказалъ одинъ изъ нихъ, который рисовалъ.

— Что угодно, сэръ! — отвѣчалъ американецъ.

— На этотъ разъ, если я не обманываюсь, это касается до васъ.

И сэръ Фридерикъ, заплатившій, чтобы не обращать вниманія на опасности пустыни, снова заботился только о видѣ, который онъ сбирался рисовать.

Движеніе американца и команча при сближеніи ихъ довольно показывали степень довѣрія, которая существуетъ во взаимныхъ отношеніяхъ дикой жизни.

Вильсонъ, дѣлая знакъ рукою, что желаетъ вступить въ дружескіе переговоры, бросился въ тоже время въ яму, такъ что только одна голова его была видна.

Съ своей стороны индѣецъ, тронутый этимъ поступкомъ, сошелъ съ лошади, и, спрятавшись почти со всѣмъ за ея станъ, толкалъ ее впередъ, оставаясь самъ невидимъ: только примѣтны были верхушка его головы и привязанный къ сѣдлу карабинъ, какъ охранительное средство, и въ такомъ положеніи онъ приближался къ американцу. Англичанинъ продолжалъ рисовать.

Наконецъ, когда индѣецъ и бѣлый, обмѣнявшись нѣсколькими предварительными словами, убѣдились, что они не хотятъ перерѣзать другъ другу горла, тогда они забросили свои карабины за плечи.

Первый вышелъ изъ своей трущобы, второй взлѣзъ снова на свою лошадь и оба дотронулись другъ друга рукою.

— Къ какому племени принадлежитъ мой молодой другъ?—спросилъ Вильсонъ.

— Къ народу команчевъ, и онъ идетъ на соединеніе съ своими братьями, чтобы навести ихъ на слѣдъ врага. Что дѣлаетъ мой бѣлый братъ въ пустынѣ?

— Я не знаю.

И когда индѣецъ недовѣрчиво улыбнулся:

— Мы прогуливаемся, мой другъ, — сказалъ сэръ Фредерикъ.

— Земли охоты Красной-Руки, Смѣшанной-Крови и апаховъ полны опасностей, — сказалъ важно индѣецъ.

— Это до меня не касается говорите объ этомъ Вильсону...

— По-крайней-мѣрѣ мои бѣлые братья предупреждены.

Сказавъ это, индѣецъ прервалъ разговоръ и отправился въ галопъ. Вандереръ слѣдилъ взорами за молодымъ воиномъ, скакавшимъ на своемъ дикомъ ретивомъ, какъ самъ онъ, конѣ, упоенномъ, какъ и самъ онъ, свистомъ вѣтра, свободнаго какъ они; величественное и поэтическое зрѣлище, которое можно только сравнить съ кораблемъ, плывущимъ подъ всѣми парусами и разсѣкающимъ безконечность океана.

Теперь, когда мы пополнили пробѣлы въ прошедшемъ, возвратимся къ Пепе и канадцу въ Золотую Долину.

IV.

ДВѢ СТРАЖДУЩІЯ ДУШИ.

На небѣ не осталось ни малѣйшаго слѣда отъ бури, ревѣвшей въ продолженіе всей ночи послѣ исчезновенія Фабіана; но на землѣ остались еще ея опечатки. Дождь прибилъ, притопталъ и сравнялъ почву; всякій человѣческій слѣдъ исчезъ, и только звуки, которыхъ не было слышно вчера, раздавались въ горахъ. То были грязные водопады, болотные потоки, несшіе по равнинѣ илъ, сухую траву, запачканные кустарники, сорванные съ боковъ скалъ.

Надъ этими печальными картинами (ибо эти желтые потоки омывали трупы индѣйцевъ, распростертыхъ на землѣ) сіяло солнце въ чистомъ по обыкновенію небѣ. Подлѣ гробовой пирамиды на камнѣ сидѣлъ человѣкъ, опустивъ голову; казалось, что печаль въ одну ночь провела глубокія морщины на энергическомъ его лицѣ, какъ вчерашняя буря рывтины у подошвы Туманныхъ горъ. Его сѣдые волосы падали по щекамъ, поблѣднѣвшимъ не смотря на загаръ, казалось онъ не замѣчалъ палящихъ лучей солнца, падавшихъ на его обнаженный лобъ.

Это былъ бѣдный канадскій охотникъ. Его обыкновенная бодрость души, ослабленная уже предшествующею тоскою по Фабіану, казалось, совершенно его оставила въ слѣдствіе это послѣдняго удара. Онъ былъ неподвиженъ и какъ будто не видѣлъ ничего; его отчаяніе достигло до той послѣдней степени, когда оно уже становится безмолвно.

Но минута такого отчаянія для закаленнаго сердца есть переломъ, за которымъ слѣдуетъ пробужденіе энергіи.

Долго оставался онъ въ этомъ ужасномъ кризисѣ, ибо случайные потоки, образованные ночнымъ дождемъ, сначала перестали ревѣть, потомъ тихо журчали, и наконецъ замолкли, Боа-Розе все еще не перемѣнялъ своего положенія. Между тѣмъ подобно человѣку, пораженному летаргіей, у котораго послѣдняя искра жизни сосредоточившаяся въ сердце, какъ въ послѣдней цитадели города, взятаго приступомъ, распространяется мало-по-малу, заставляя обращаться кровь и вливая жизнь въ оконечности тѣла, старый лѣсной скиталецъ тихо приподнялъ голову. Его рука машинально протянулась, пальцы открылись, готовясь какъ будто схватить обыкновенное свое оружіе, но, не найдя ничего, сомкнулись. .

Это былъ первый толчекъ, призвавшій его къ внѣшней жизни, онъ опомнился; потомъ онъ поднялъ къ небу свои обезоруженныя руки.

Въ эту минуту какой-то человѣкъ огибалъ цѣпь скалъ, о которыхъ мы такъ часто говорили и показался; Боа-Розе взглянулъ на него, вздрогнулъ и на его лицѣ показался блѣдный лучъ радости.

То былъ Пепе. Лицо друга не всегда-ли является, какъ отблескъ пекущагося объ насъ Провидѣнія? Облако печали покрывало также безпечное лицо испанца. Быстрый взглядъ, брошенный имъ на своего стараго товарища, разувѣрилъ его, потому что Боа-Розе шелъ къ нему на встрѣчу. Лицо Пепе прояснилось; онъ чувствовалъ, что корни дуба слишкомъ глубоко еще вросли въ землю, чтобы упасть, и онъ обрадовался, найдя канадца немного ободрившимся.

Въ старинные годы сильный и храбрый рыцарь, почти раздавленный въ своемъ вооруженіи паденіемъ части стѣны или ударомъ сѣкиры, имѣлъ свои минуту безпамятства и слабости. Такія минуты вытерпѣлъ канадецъ и теперь онъ оправился, какъ оправился бы рыцарь.

— Ничего? — спросилъ онъ отрывисто.

— Ничего! —отвѣчалъ твердымъ голосомъ микелетъ, рѣшившійся оставить всякое пустое утѣшеніе, когда замѣтилъ нѣкоторую твердость канадца; — но мы отыщемъ.

— Я ужъ говорилъ это себѣ. Будемъ же искать.

Имя Фабіана не было произнесено ни тѣмъ, ни другимъ; сердца обоихъ были полны воспоминаніемъ объ немъ, каждый думалъ, но не говорилъ ни слова.

Между тѣмъ Пепе хотѣлось испытать силу возвратившейся энергіи своего товарища. Успѣхъ ихъ предпріятія совершенно зависѣлъ отъ хладнокровнаго соображенія всѣхъ удачъ и неудачъ, отъ соединенія всѣхъ душевныхъ способностей, непомраченныхъ страданіемъ, и Пепе безжалостно положилъ палецъ въ раскрытую рану, чтобы убѣдиться въ силѣ больнаго.

— Живъ-ли онъ или мертвъ, — сказалъ онъ, пристально глядя на канадца, — во всякомъ случаѣ мы должны его отыскать.

Больной не вздрогнулъ.

— Это и мое мнѣніе,—отвѣчалъ онъ уже хладнокровно, такъ сильно было противодѣйствіе его воли.—Если я найду его мертвымъ, я убью себя; если найду живымъ, буду жить. Въ томъ и другомъ случаѣ мнѣ недолго осталось терпѣть.

— Хорошо,—сказалъ Пепе, не переставая надѣять сявтайнѣ, и расчитывая на благотворное дѣйствіе времени, заживляющее всѣ страданія, чтобы не говорили поэты, разумѣется поэты озерные, которые одни только воспѣваютъ неизлечимую скорбь.

— Посмотримъ,—прибавилъ онъ,—теперь намъ нужно снова отправиться по направленію, по которому убѣжалъ этотъ негодяй Смѣшанная-Кровь, до груди котораго скорѣе, чѣмъ онъ думаетъ, дойдетъ мой или вашъ ножъ; потому что мнѣ теперь больше чѣмъ когда-нибудь хочется исполнить эту маленькую фантазію.

— Постараемся сначала отыскать здѣсь какіе-нибудь слѣды, которые бы могли объяснить намъ, какимъ образомъ Фабіанъ попалъ въ руки индѣйцевъ, замѣтилъ, — Боа-Розе. — Вотъ посмотри, Пепе, ты вѣрно призналъ также какъ и я этотъ плоскій камень за одинъ изъ тѣхъ, которые служили намъ защитою на верху. И такъ онъ долженъ быть сброшенъ внизъ во время рукопашной схватки, и стоя или лежа два борца должны были скатиться съ нимъ внизъ.

— Это не подлежитъ почти никакому сомнѣнію, и я пойду на платформу и если можно, осмотрю то мѣсто гдѣ происходила борьба. Безспорно это дѣло первой важности. Если Фабіанъ упалъ внизъ головою, что необходимо, когда онъ былъ на ногахъ и поскользнулся, то онъ размозжилъ себѣ черепъ; если же, во время паденія, онъ скатился лежа, схватившись со своимъ врагомъ, то поплатился только какимъ-нибудь ушибомъ.

Пепе началъ уже пробираться вдаль пирамиды, когда Боа-Розе остановилъ его.

— Подожди,—сказалъ онъ,—взлѣземъ оба, если можно, не хватаясь за кустарники; у меня объ этомъ свое мнѣніе, и намъ нужно тщательно осмотрѣть вѣтки и стебли. Такимъ образомъ два охотника начали всходить, внимательно наблюдая за малѣйшими примѣтами. Впрочемъ и не нужно было подыматься выше нѣсколькихъ футовъ.

Какъ думалъ Боа-Розе, такъ и случилось: разсматривая кустарники, они узнали все, что хотѣли знать.

— Посмотри, — сказалъ Боа-Розе, указывая на два кустарника, росшихъ на равной высотѣ съ боку скалы, въ разстояніи около метра одинъ отъ другаго:—эти маленькія, сломанныя вѣтви доказываютъ, что тѣло, смявшее ихъ въ своемъ паденіи, по-крайней-мѣрѣ было такой величины. Ясно, что два борца катились по немъ. Вотъ и яма, въ которой двадцать четыре часа тому назадъ былъ острый камень, вырванный изъ земли при паденіи двухъ тѣлъ . . . Я бьюсь объ закладъ, что мы найдемъ этотъ камень.

— Это безполезно,—отвѣчалъ Пепе;—для насъ обоихъ ясно, что Фабіанъ не упалъ головою впередъ; слѣдовательно онъ живъ.

— Да, но въ плѣну, и у какихъ враговъ?

— Главное, чтобы онъ былъ живъ; развѣ это не правда?

— О! — вскричалъ Боа-Розе, удерживая стонъ ужаса,—гдѣ воздвигнется мѣсто пытки для него?

— Когда-то ты былъ на ней, Боа-Розе, и....

— Да и ты вырвалъ меня оттуда; я понимаю, мы также вырвемъ его.

— Главное, чтобъ онъ былъ живъ, говорю я.

Боа-Розе довольствовался этимъ утѣшеніемъ, потому что для него ничего не было на чтобы онъ не рѣшился для освобожденія Фабіана.

— Осмотрѣвъ это, будемъ продолжать дальше....

Боа-Розе прервалъ Пепе, сжавъ ему руку съ такою силою, что, казалось, долженъ былъ раздавить ее.

— Дѣло сомнительно, — вскричалъ онъ, какъ будто пораженный внезапною мыслью: —гдѣ тѣла убитыхъ нами индѣйцевъ? безъсомнѣнія въ этой пропасти; кто же сказалъ вамъ, что и тѣло Фабіана не тамъ вмѣстѣ съ ними?

— А давно-ли эти индѣйскіе бродяги, этотъ проклятый метисъ сталъ такъ заботиться о трупахъ своихъ враговъ? Бездѣльники безъсомнѣнія

унесли своихъ убитыхъ, чтобы избавить ихъ отъ оскверненія по своему обыкновенію. Нѣтъ, нѣтъ, еслибъ Фабіанъ былъ мертвъ, мы нашли бы его здѣсь, только скальпированнаго. Будь увѣренъ, что у метиса есть свои основанія, заставившія его такъ внезапно снять осаду. Онъ знаетъ, что Фабіану извѣстно мѣсто, гдѣ хранятся сокровища, которыя я такъ удачно спряталъ, и его жизнь будетъ драгоцѣнна бандиту до тѣхъ поръ, пока онъ успѣетъ вывѣдать у Фабіана мѣсто, гдѣ они спрятаны.

Въ разсужденіи Пепе было много вѣроятнаго, и канадецъ былъ радъ принять его, какъ несомнѣнное. Но вдругъ печальная примѣта разувѣрила его.

Боа-Розе подошелъ къ пропасти, гдѣ шумѣлъ водопадъ. Напрасно искалъ онъ у краевъ ея человѣческихъ слѣдовъ: дождь, падая на песокъ, смылъ ихъ; но вдругъ какой-то предметъ внезапно привлекъ на себя его вниманіе. Онъ быстро нагнулся и показалъ его съ мрачнымъ видомъ испанцу. Это былъ ножъ Фабіана. Дождь не могъ совершенно смыть нѣсколькихъ капель крови, оставшихся на нѣсколькихъ гвоздяхъ, которые украшали его роговую рукоятку.

Какимъ образомъ ножъ Фабіана могъ очутиться такъ близко отъ пропасти?

Пепе не отвѣчалъ на этотъ вопросъ своего товарища. Гибкость его ума сдѣлалась неспособною въ минуту найдти естественное объясненіе этого случая, и два охотника остались подъ гнетомъ ужасной неизвѣстности.

Однакожъ бывшій микелетъ не считалъ себя побѣжденнымъ и приблизясь къ тому мѣсту, которое оба они, по измятости кустарниковъ, признали за то, по которому сражавшіеся должны были катиться съ верху пирамиды внизъ, онъ начертилъ, вытянувъ руку, умственную линію въ центрѣ пространства, раздѣлявшаго два кустарника. Эта линія кончалась у подошвы маленькаго неправильнаго возвышенія въ небольшомъ разстояніи отъ начала пропасти.

— Фабіанъ, при своемъ паденіи, могъ выронить изъ рукъ ножъ, который, что очень вѣроятно, и докатился до того мѣста, гдѣ мы его нашли. Предположимъ теперь, что во время борьбы, продолжавшейся у подошвы пирамиды, два или три изъ этихъ негодяевъ подоспѣли на помощь своимъ товарищамъ и въ одну минуту Фабіанъ

былъ окруженъ и взятъ въ плѣнъ прежде, чѣмъ онъ могъ поднять свое оружіе.

Боа-Розе долженъ былъ снова довольствоваться этимъ объясненіемъ, потому что онъ съ жаромъ началъ надѣяться, восторжествовавъ уже надъ тяготѣвшимъ надъ нимъ уныніемъ. Глубокая печаль довольствуется иногда доказательствами и менѣе вѣроятными, чѣмъ предположенныя Пепе съ такимъ убѣжденіемъ, что канадецъ не могъ не раздѣлять ихъ Тогда два охотника оставили эту часть разсматриваемой ими мѣстности и отправились на вершину горной цѣпи.

— Я возвращаюсь къ своему мнѣнію,—продолжалъ Пепе, не переставая также, какъ и его товарищъ, стараться проникнуть тайну событія, о которомъ мѣстность, размытая дождемъ, не могла объяснить имъ ничего.

— Навѣрно донъ Фабіанъ въ рукахъ Смѣшанной Крови плѣнникомъ, и его будутъ стараться склонить по очередно страхомъ и обѣщаніями, и какъ храбрый молодой человѣкъ будетъ смѣяться надъ первымъ и презирать вторыя, то онъ дастъ намъ, такъ или иначе, время прибыть къ нему на помощь.

— Ахъ! — вскричалъ Боа-Розе съ горечью: — старый воробей, какъ я, позволилъ такъ себя обезоружить!

— Есть еще оружіе, которое у насъ не отнимутъ: это ножъ каждаго, предпріимчивое сердце и надежда на Провидѣніе, которое не затѣмъ такъ чудесно вело насъ по слѣдамъ донъ Фабіана, чтобы похитить его навсегда. Ты скажешь мнѣ, что намъ угрожаетъ голодъ, это правда....

— Что за нужда! мы послѣдуемъ примѣру этихъ индѣйскихъ бѣдняковъ, Корнеѣдовъ, которые приняли насъ въ прошедшемъ году въ Скалистыхъ Горахъ и которые сами ѣдятъ только плоды или дикіе корни.

— Мнѣ бы хотѣлось видѣть тебя всегда такимъ, Боа-Розе, какъ въ тотъ день, когда въ одномъ положеніи, признаться сказать очень деликатномъ, я увидѣлъ тебя спокойно курившимъ, не смотря на то, что ты былъ привязанъ къ тому знаменитому, извѣстному намъ столбу; и когда при звукѣ карабина, тебѣ очень знакомаго, ты повернулъ голову безъ удивленія въ ту минуту, какъ индѣецъ, надрѣзавшій уже кожу на твоемъ лбу, упалъ, какъ разбитый параличемъ . . .

— Безъ удивленія, это правда, Пепе; я тебя ждалъ, - наивно отвѣчалъ канадецъ.

— Я не для того сказалъ это, чтобы напомнить тебѣ о маленькой услугѣ моей, но для того, чтобы показать, что не должно никогда ни въ чемъ отчаяваться въ свѣтѣ.

Два охотника дошли до того мѣста, которое наканунѣ занималъ Боа-Розе, стоя на скатѣ, вѣнчавшемъ валъ, онъ не могъ удержаться, чтобы не бросить печальный взглядъ на платформу пирамиды, находившейся противъ него, на которой они сами укрѣпились, сильные своимъ союзомъ своею силою и своимъ мужествомъ. Союзъ ихъ былъ уничтоженъ, сила сломана.... у нихъ оставалось одно только мужество.

— Ахъ! — вскричалъ канадецъ, — вотъ первое движеніе радости, заставившее забиться мое сердце со вчерашняго вечера.

— Что это такое? — спросилъ Пепе, подходя къ своему товарищу.

— Посмотри!

Боа-Розе показалъ испанцу клочекъ холщевой куртки, бывшей на Фабіанѣ, прикрѣпленный безсомнѣнія, силою вѣтра между стволами устарниковъ.

— Онъ доходилъ до этого мѣста, — продолжалъ канадецъ съ грустною радостью, — и этотъ кусокъ матеріи былъ оторванъ отъ его платья во время его защиты.

— Камзолъ этого молодаго человѣка былъ очень вѣтхъ, не смотря на то, что Фабіанъ могъ бы быть очень богатъ, — сказалъ смѣясь Пепе; — но это доказываетъ также, что я не обманулся, когда говорилъ, что онъ живъ. Ну что же, неужели и теперь вы думаете, что индѣйцы такъ заботятся о трупахъ бѣлыхъ?

— Это правда, — отвѣчалъ Боа-Розе: — я не думалъ искать здѣсь этому доказательствъ.

Страшное зрѣлище краснорѣчиво говорило въ пользу послѣдняго аргумента Пепе: то былъ трупъ Бораджи, распростертый въ томъ мѣстѣ, гдѣ пуля канадца свалила его. Несчастный, казалось, все еще пряталъ свои сокровища.

— Если бы эта собака метисъ такъ заботился, какъ ты предполагаешь о мертвыхъ, — сказалъ испанецъ: — это золото щедро вознаградило бы его. О! донъ Фабіанъ обязанъ спасеніемъ своей жизни мысли, вложенной мнѣ Богомъ, покрыть эту долину вѣтвями, спрятавшими отъ всѣхъ взоровъ.

То была непреложная истина, потому что сколько разъ въ жизни приходится раскаяваться и радоваться, смотря потому, оставляемъ или слѣдуемъ мы тому внезапному внушенію, котораго послушалъ Пепе, какъ мы сказали.

—Не взять-ли намъ теперь немного этого золота: у насъ нѣтъ другаго оружія, Боа-Розе?

—Къ чему послужитъ золото въ пустынѣ? Развѣ дикіе звѣри побѣгутъ отъ насъ при его видѣ? Развѣ бараны и козы, прыгающіе въ долинахъ придутъ и предложатъ за него намъ себя?

«Оставимъ эту Золотую Долину въ томъ же видѣ, какъ она есть съ этимъ трупомъ, доказательствомъ наказанія. Этотъ обрывокъ отъ холщевой куртки для меня драгоцѣннѣе всѣхъ безполезныхъ богатствъ.

Два охотника узнали въ этомъ мѣстѣ все, что имъ было нужно и отправились отъ покатости скалъ къ Туманнымъ горамъ, которыхъ мрачный пологъ могъ еще скрывать въ своихъ складкахъ объясненіе многихъ другихъ тайнъ.

—Остановимся здѣсь на минуту,—сказалъ Пепе, когда они прошли не безъ труда крутыя тропинки, по которымъ, можетъ быть, шли Красная Рука и Смѣшанная Кровь; потому что голодъ давно уже безпокоилъ двухъ охотниковъ.

Они раздѣлили небольшой остатокъ провизіи. Это былъ ихъ первый и единственный обѣдъ послѣ того, когда наканунѣ они обѣдали съ Фабіаномъ.

Какъ бы не были жестоки страданія, посѣщающія человѣка, Богъ не допускаетъ, чтобы естественные законы были пренебрегаемы далѣе извѣстнаго времени, ибо человѣческая жизнь есть только длинный, напередъ опредѣленный рядъ проходящихъ страданій и непрочныхъ радостей, которыхъ никто не можетъ избѣгнуть. Вотъ почему и негодуя на свою собственную слабость, человѣкъ все-таки принужденъ подчиниться ей, не смотря на свое отчаяніе.

Когда они кончили свой обѣдъ, не зная какъ безъ карабиновъ достанутъ завтра себѣ пищу, канадецъ и Пепе продолжали терпѣливо осматривать окрестность. Тамъ было еще труднѣе отыскать слѣды, сглаженные ураганомъ. Къ густымъ испареніямъ, притягиваемымъ вершинами Туманныхъ горъ, образующихъ постоянный резервуаръ воды, дающій начало источникамъ и рѣкамъ, присоединялись новые

пары, восходившіе, казалось, безпрестанно изъ влажной земли, и подымались густыми волнами изъ глубокихъ ущелій Сіерры.

Внимательный обзоръ той части мѣстности, которую каждый изъ нихъ выбралъ себѣ, не далъ имъ ни какой примѣты, могущей руководить ихъ. Окруженные со всѣхъ сторонъ сгустившимся туманомъ, охотники не могли даже видѣть другъ, друга въ то время, когда Пепе счелъ нужнымъ позвать канадца, чтобы посовѣтоваться съ нимъ.

Тщетно ждалъ онъ отвѣта, — и когда онъ позвалъ его въ другой разъ, то чей-то человѣческій голосъ, только не голосъ канадца отвѣчалъ на зовъ испанца.

Удивившись, что онъ не одинъ съ Боа-Розе посреди этихъ горъ, Пепе вскричалъ тѣмъ же тономъ, какъ будто прикладывая къ плечу свой карабинъ.

— Кто тамъ? — отвѣчай, а не то!...

—Съ кѣмъ это ты разговариваешь?—отозвался посреди тумана голосъ канадца.

— Сеньоръ Боа-Розе, сеньоръ донъ Пепе, гдѣ вы?

— Здѣсь, — отвѣчалъ Пепе, узнавая голосъ Гайфероса.

Слава Богу, наконецъ я васъ нахожу, чтобы не умереть съ голоду въ этихъ проклятыхъ горахъ,—сказалъ скальпированный гамбузино, выходя изъ тумана, скрывавшаго его до-тѣхъ поръ.

— Недурно,—подумалъ Пепе; — вотъ и еще однимъ желающимъ больше на пищу изъ корней. Потомъ онъ продолжалъ громко: Ты ошибся въ своемъ расчетѣ; охотники безъ ружей дурные помощники.

— А донъ-Фабіанъ? — живо вскричалъ Гайферосъ, не забывавшій, что только участію молодаго человѣка онъ былъ обязанъ спасеніемъ своей жизни: неужели несчастіе, которое я предугадывалъ дѣйствительно случилось съ нимъ.

— Онъ въ плѣну у индѣйцевъ, и насъ самихъ ты видишь безъ оружія, безъ съѣстныхъ припасовъ, безъ пороха, предоставленныхъ какъ дѣти на жертву дикимъ звѣрямъ, индѣйцамъ, и что еще хуже голоду. Но, мой другъ, прежде чѣмъ ты узнаешь всѣ несчастія поразившія насъ, позволь мнѣ посовѣтоваться съ Боа-Розе.

Испанецъ указалъ старому охотнику на сѣды, сдѣланные около густой кущи высокихъ полыней, которыхъ дождь не могъ совер-

шенно смыть, потому что они были закрыты листьями. Не было ли между ними бѣлыхъ?—сказалъ онъ.— Вотъ индѣйскіе мокассины, а вотъ, если я не обманываюсь, подошвы башмаковъ бѣлаго.

Лѣсному скитальцу не нужно было долго разсматривать слѣды, указанные ему Пепе.

Слѣдъ этотъ оставленъ не ногой Фабіана, — отвѣчалъ Боа-Розе. Развѣ ты не помнишь слѣдъ, по которому мы шли нѣсколько дней тому назадъ, когда бѣдный ребенокъ, разгорячившись, ушелъ отъ насъ впередъ за послѣдней козою, убитой нами. Я надѣюсь на Бога, но до-сихъ-поръ ничто еще не доказываетъ, чтобы Фабіанъ былъ живъ.

— Вы развѣ сомнѣваетесь въ этомъ? —съ участіемъ спросилъ Гайферосъ.

Первый еще разъ съ того времени какъ онъ къ нимъ присоединился, Боа-Гозе бросилъ на гамбузино благосклонный взглядъ. Онъ былъ пораженъ перемѣной, сдѣлавшейся съ нимъ отъ сорокачасоваго совершеннаго воздержанія и страданій.

— Еще бы не сомнѣваться! —вскричалъ Пепе.—Конечно, да. Мы оставили его на минуту, но ужъ больше не нашли. Но что ты говорилъ о несчастіи, котораго боялся?

— Вчера вечеромъ, — продолжалъ Гайферосъ, видя что вы невозвращаетесь, какъ мнѣ обѣщали, съѣвъ небольшое количество пищи, которую вы мнѣ оставили и боясь остаться безъ всякихъ средствъ къ жизни и безъ помощи, я рѣшился помочь себѣ самъ. Нѣсколько времени я слѣдовалъ по вашимъ слѣдамъ, которые потерялъ подлѣ этихъ горъ. Къ концу дня я блуждалъ ужъ наудачу, когда придя къ одному мѣсту, откуда было видно широкое теченіе рѣки, я замѣтилъ подъ собою внизу плавающую соломенную шляпу и узналъ въ ней шляпу того, кого вы называете Фабіаномъ.

— Гдѣ, гдѣ?—вскричалъ канадецъ, испуская радостный крикъ. — Пепе, мой старый другъ, мы напали на слѣдъ похитителей. Этотъ челнъ, который я показывалъ тебѣ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ этимъ людямъ.... ведите же насъ къ этому мѣсту.

Радость посѣтила сердце стараго охотника и онъ, идя вслѣдъ за Гайферосомъ, распросилъ, что съ нимъ случилось во время ихъ отсутствія.

— Ничего особеннаго, —отвѣчалъ скальпированный гамбузино:—если

только не считать что по милости Божіей вокругъ меня было огромное количество чудесной травы, которую въ моей сторонѣ называютъ травою апаха и которой сокъ заживляетъ почти мгновенно раны: я сдѣлалъ компрессъ изъ нея, растеревъ напередъ между двумя камнями, и облегченіе было такъ велико, что чрезъ нѣсколько часовъ я уже чувствовалъ голодъ и съѣлъ все, что вы мнѣ оставили.

— Шляпу Фабіана видѣлъ ты, возвращаясь къ намъ? — поспѣшно спросилъ Пепе.

— Да, и это открытіе заставляетъ меня бояться какого-нибудь несчастія, и теперь я долженъ оплакивать, что оно дѣйствительно совершилось.

Испанецъ наскоро разсказалъ своему новому товарищу про осаду, которую они выдерживали, и печальную послѣдовавшую за нею развязку.

— Что же это за люди, которые сильнѣе, отважнѣе и ловче васъ? — спросилъ Гайферосъ, съ удивленіемъ, показывавшимъ какое понятіе онъ имѣлъ о силѣ и предпріимчивости своихъ избавителей.

— Мерзавцы, съ которыми мы еще страшно разочтемся,—отвѣчалъ Пепе, называя двухъ ужасныхъ противниковъ, съ которыми ихъ несчастная звѣзда свела во второй разъ.— Мы увидимся съ ними и въ третій, — прибавилъ испанскій охотникъ.

Въ это время три пѣшехода сдѣлали много обходовъ, потому что гамбузино забылъ дорогу, и пришли къ тому мѣсту, гдѣ онъ ихъ встрѣтилъ, гдѣ Бораджа видѣлъ какъ лодка съ двумя степными разбойниками исчезла въ подземномъ проходѣ.

Съ большимъ трудомъ всѣ трое успѣли спуститься съ крутыхъ утесовъ, съ которыхъ былъ видѣнъ этотъ отдѣлявшійся рукавъ рѣки, на берегахъ котораго два охотника надѣялись найдти слѣды, которые бы могли дополнить то, что они успѣли уже открыть.

V.

ГОЛОДЪ.

Когда два охотника и гамбузино подошли къ берегу рѣки, они скоро замѣтили, что въ небольшомъ разстояніи отъ того мѣста, от-

куда они сошли, была болѣе удобная дорожка, вившаяся съ вершины скалъ до самаго уровня воды.

— Безъ сомнѣнія, мерзавцы шли съ плѣнными по этой дорогѣ, — сказалъ Пепе: — нужно искать ихъ слѣды внизу этой тропинки.

— Я удивляюсь только одному, — сказалъ Боа-Розе, внимательно осматривая мѣсто, — тому, что Фабіанъ, неукротимый, какъ я его знаю, согласился спокойно сойти по этому скату, а эти кустарники, эта полынь никакъ не показываютъ, чтобы онъ сопротивлялся.

— Неужели тебѣ хотѣлось-бы лучше, чтобы онъ съ окружавшими его бросился съ вершины этихъ скалъ?

— Нѣтъ, безъ сомнѣнія, Пепе, — отвѣчалъ Боа-Розе; — но ты также, какъ и я, видѣлъ однажды, какъ онъ едва не разбился въ Сальто-де-Агуа, какъ не обращая вниманія ни на число преслѣдуемыхъ имъ, ни на пропасть, которую онъ застаилъ свою лошадь перескочить, и это страстное увлеченіе заставляетъ меня безпокоиться. Ребенокъ былъ безъ сомнѣнія раненъ, можетъ быть съ нимъ сдѣлался обморокъ, и это-то мнѣ объясняетъ....

— Я съ этимъ не спорю, — прервалъ Пепе, — и мнѣ кажется, что мнѣніе твое очень правдоподобно.

— Боже мой! Боже мой! — вскричалъ Боа-Розе печально: — зачѣмъ эта буря уничтожила всѣ слѣды крови и сгладила всѣ знаки! А какъ было бы легко отыскать ихъ и разузнать все, что намъ необходимо знать. Не замѣтилъ-ли ты, Гайферосъ, крови на плававшей шляпѣ?

— Нѣтъ, — сказалъ гамбузино: — я былъ очень далеко; скалы, гдѣ я скрывался очень высоки, и день темнѣлъ.

— Если предположить за вѣроятное, что онъ не могъ сопротивляться по случаю ранъ, не доказываетъ-ли это, что донъ Фабіанъ въ рукахъ этихъ мерзавцевъ, надѣющихся получить богатый выкупъ; иначе бы они не стали трудиться перенашивать его до своей лодки.

Боа-Розе поблагодарилъ взглядомъ испанскаго охотника за это предположеніе утѣшительное и вѣроятное.

И въ самомъ дѣлѣ это было такъ; во время продолжительнаго обморока Фабіана, происшедшаго, какъ вѣроятно помнятъ читатели, отъ того, что онъ ударился головою объ уголъ камня, скатившагося вмѣстѣ съ нимъ, онъ былъ потомъ перенесенъ въ лодку. Одинъ изъ индѣйцевъ, овладѣвшій его шляпою, скоро бросилъ ее,

увидѣвъ, что она была очень стара. До этой минуты два охотника не обманулись ни въ одномъ изъ своихъ предположеній; но не зная того, что они угадали почти всю истину, они продолжали свои поиски съ новымъ жаромъ.

Они снова взошли въ рѣку, не вверхъ по теченію, потому что здѣсь вода казалась стоячею, а направо, гдѣ она имѣетъ стокъ. Въ этомъ мѣстѣ вода была не глубже двухъ футовъ и тростникъ росъ почти по всему ея дну.

Внезапная мысль пришла въ голову Боа-Розе; онъ побѣжалъ къ узкому каналу и исчезъ подъ темными сводами.

Въ продолженіе этого времени Пепе и Гайферосъ осматривали съ своей стороны берега, кустарники и даже поверхность воды, но безъ успѣха: ни что не показывало имъ, чтобы здѣсь была человѣческая нога съ сотворенія міра. Вдругъ громкое ура Боа-Розе, голосъ котораго раздавался подъ подземнымъ каналомъ, заставило ихъ прибѣжать къ нему.

Канадецъ не безъ причины издалъ крикъ торжества; глубокіе слѣды, цѣликомъ сохранившіеся на плотовой мѣстности, открылись со всѣхъ сторонъ глазамъ двухъ охотниковъ и гамбузино. Одни изъ нихъ были вполовину покрыты водою, выходившею изъ земли, другіе цѣльные, нетронутые и какъ будто оттиснутые на сырой землѣ.

Это было мѣсто, гдѣ Красная-Рука и Смѣшанная-Кровь причаливали свою лодку.

—О!—вскричалъ Боа-Розе,—теперь мы не наудачу будемъ блуждать. Но что это тамъ между камышемъ? Это или стебель сухаго камыша или кусокъ кожи. Посмотри же, Пепе, потому что радость помрачила мнѣ глаза.

Пепе, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ въ водѣ, поднялъ вещь и показалъ ее старому охотнику.

—Это кусокъ кожанаго ремня, прикрѣплявшаго лодку къ этому камню и который негодяй обрѣзалъ вмѣсто того, чтобы развязать,—сказалъ испанецъ; — и какъ я ужъ въ водѣ, то пойду дальше подъ этотъ сводъ, что мнѣ кажется, что недалеко отсюда, на поверхности воды, я вижу какой-то сѣроватый свѣтъ.

Пепе осторожно подвигался по колѣно въ водѣ до того мѣста, гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, слабый свѣтъ, казалось, блестѣлъ въ концѣ подземнаго канала. Какъ былъ онъ удивленъ, когда, раздвинувъ трост-

никъ и камышъ, онъ увидѣлъ озеро, котораго видъ былъ ему такъ извѣстенъ.

Въ самомъ дѣлѣ это былъ проходъ, который сообщался подъ скалами съ озеромъ Золотой Долины.

Пепе возвратился и разсказалъ о своемъ открытіи канадцу, хотя теперь оно было совершенно безполезно. Однако-жъ Боа-Розе не могъ удержаться отъ печальныхъ мыслей, вспомнивъ, что покатившееся съ вышины скалъ тѣло убитаго ими индѣйца открыло глазамъ этотъ сводъ, выходящій на озеро, которымъ они бы всѣ трое, онъ, Пепе и Фабіанъ могли бы спастись, а что онъ и не подумалъ имъ воспользоваться.

—И тамъ,—продолжалъ онъ,—ударяя себя по лбу,—мы нашли бы этотъ челнъ и вышли бы изъ этихъ горъ, слѣдуя просто по теченію воды.

— Такъ пойдемъ же пѣшкомъ,—вскричалъ Пепе,— и мы въ тоже время пойдемъ послѣдамъ этого проклятаго Метиса.

—Пойдемъ! воспользуемся временемъ, пока голодъ не отяготилъ нашихъ ногъ и не ослабилъ нашего зрѣнія. До захожденія солнца мы пройдемъ порядочное разстояніе.

Говоря это Боа-Розе, въ сопровожденіи своихъ двухъ товарищей, мужественно отправился въ дорогу, хотя надежды его были очень слабы.

Переходъ ихъ былъ очень затруднителенъ, потому что они должны были слѣдовать по теченію рѣки, по крутымъ берегамъ и перелѣзать чрезъ отвѣсныя скалы.

Въ продолженіе первыхъ часовъ съ ними случилось одно только замѣчательное происшествіе: то была находка соломенной шляпы бѣднаго Фабіана, которая была снесена съ него вѣтромъ, и, зацѣпившись за иглистые сучья кустарника, колебалась вѣтеркомъ.

Боа-Розе, съ слезами на глазахъ осмотрѣлъ этотъ печальный остатокъ сына, котораго онъ потерялъ уже во второй разъ. Однако-жъ на ней не было ни малѣйшаго слѣда крови. Канадецъ привязалъ ее къ своему поясу, и продолжалъ въ молчаніи свой путь.

— Добрый знакъ,—сказалъ Пепе, дѣлая съ своей стороны усиліе, чтобы избавиться отъ овладѣвшей имъ тоски,—мы нашли его кинжалъ и шляпу, Богъ, поможетъ, отыщемъ и его самого.

—Да,—сказалъ канадецъ съ мрачнымъ видомъ ;— впрочемъ, если мы его не найдемъ....

Боа-Розе мысленно докончилъ свою начатую фразу. Старый лѣсной скиталецъ думалъ про себя о томъ невидимомъ мірѣ, гдѣ тѣ, которыхъ взаимная нѣжность должна перейти за предѣлы гроба, встрѣчаются, чтобы уже больше не разставаться.

Не смотря на то, что солнце было еще довольно далеко отъ западнаго края горизонта, день мало-по-малу темнѣлъ отъ сгущавшагося надъ горами тумана. Наконецъ три путешественника дошли до того мѣста, гдѣ вода образуетъ сильное теченіе, вѣроятно какъ говорилъ канадецъ оттого, что здѣсь соединялся другой протокъ рѣки.

Боа-Розе не совсѣмъ обманулся; но вмѣсто одного рукава здѣсь соединялись два, и русло, въ которое они вливались, было слишкомъ узко для нихъ, такъ что отъ этого происходило теченіе назадъ на нѣсколько лье, почти до самаго озера, изъ котораго они вышли.

Въ этомъ мѣстѣ нашъ небольшой отрядъ расположился на отдыхъ Представилось новое сомнѣніе, какое приняла направленіе лодка? Плыла-ли она по западному или по восточному берегу рѣки.

Три путешественника посовѣтовались между собою, но ничего не рѣшили. Они повсюду съ жаромъ искали слѣда, который бы могъ служить имъ указателемъ. Но сѣрая и мрачная поверхность водъ, и шелестившій на берегахъ тростникъ не могли имъ дать ни малѣйшаго признака. Потомъ настала ночь печальная и черная подъ пологомъ непроницаемаго тумана; даже самая полярная звѣзда не блестѣла на небѣ, казавшемся свинцовымъ. Нужно было рѣшиться отложить до дневнаго свѣта продолженіе поисковъ и остаться тамъ на ночлегъ до зари, чтобы не заблудиться.

Усталость была новымъ препятствіемъ къ продолженію дороги, и не смотря на то, что ни одинъ изъ путешественниковъ не признавался еще въ томъ другому, голодъ началъ не только безпокоить, ихъ, но терзать ихъ внутренность.

Всѣ трое въ молчаніи легли на травѣ. Но ихъ закрытыя вѣки напрасно звали сонъ.

Въ вѣчной борьбѣ между жизнью и разрушеніемъ, безпрерывно происходящей въ человѣческомъ тѣлѣ, есть ужасный моментъ, когда сонъ убѣгаетъ криковъ голода, какъ лань мечется и прыгаетъ при отдаленномъ ревѣ тигра. Потомъ жизненность дѣлаетъ послѣднее и напри-

женное усиліе, нисходитъ сонъ, и даетъ нѣсколько благотворныхъ капель подкрѣпленія, но съ этого времени разрушеніе идетъ быстро.

Три охотника находились еще только въ этомъ періодѣ внутренней борьбы, когда голодъ гонитъ далеко сонъ, долженствующій быть послѣднимъ, и потому что слѣдущее за тѣмъ усыпленіе есть ничто иное, какъ агонія. И такъ не прежде, какъ долго переворачиваясь съ боку на бокъ на своей травяной постели, три путешественника успѣли закрыть глаза на нѣсколько часовъ, и тишина Туманныхъ Горъ нѣсколько разъ была нарушаема болѣзненными криками, вырывавшимися въ бреду у спавшихъ.

Была еще глубокая ночь, когда Боа-Розе тихо всталъ. Какъ будто презирая припадки голода, канадскій великанъ чувствовалъ, что его силы еще не уменьшились, но что часы были дороги. Онъ бросилъ печальный взглядъ на мертвую, окружавшую его окрестность, на эти пустынныя горы, въ которыхъ, казалось, не было ни одно живаго творенія; на рѣчку съ черными водами, въ которыхъ спали обитатели ея внутри своихъ убѣжищъ; потомъ, убѣдившись, что голодъ былъ единственнымъ гостемъ этихъ пустынь, онъ разбудилъ испанскаго охотника.

— А! это ты, Боа-Розе,—сказалъ Пепе, открывая глаза;—не можешь ли мнѣ дать чего-нибудь съѣстнаго въ вознагражденіе за сонъ, который прервалъ? мнѣ снилось...

— Когда мнѣ спать, имѣя передъ собою такую обязанность, какую намъ предстоитъ докончить,—торжественно сказалъ Боа-Розе,—часы слишкомъ драгоцѣнны, чтобы препроводить ихъ во снѣ. Мы не имѣемъ права нарушать сонъ этого человѣка,—прибавилъ онъ, указывая на Гайфероса;—ему не нужно спасать сына; но мы, мы должны идти день и ночь.

— Это правда, но куда идти?

— Каждый въ свою сторону, ты вдоль по одному берегу рѣки, я по другому; разсматривать, искать повсюду слѣдовъ, потомъ на разсвѣтѣ сойтиться здѣсь, вотъ что надо дѣлать.

— Какое уныніе царствуетъ вокругъ насъ!—сказалъ Пепе тихимъ голосомъ, поддаваясь въ первый еще разъ отчаянію, вкрадывавшемуся въ его душу.

Канадецъ, котораго силы не были еще побѣждены голодомъ, не замѣтилъ, что энергія его товарища на минуту ослабла.

Пепе, съ своей стороны, скоро успѣлъ возвратить себѣ свою мужественную беззаботность.

— Развѣ у тебя есть какое—нибудь предположеніе быстро прибавилъ онъ.

— Да; когда я принялъ въ первый разъ за стволъ пловучаго дерева челнокъ этихъ людей, столь намъ пагубныхъ, онъ огибалъ эти горы съ сѣверо-запада. Такъ онъ принялъ тоже направленіе, чтобы возвратиться. Еслибъ я могъ, посреди этого тумана, различить мѣсто, гдѣ закатилось солнце, я бы сей часъ же напалъ на настоящую дорогу; но даже полярная звѣзда не блеститъ на небѣ. И такъ, если послѣ часовой ходьбы не замѣтишь передъ собою равнины, возвращайся сюда, чтобы присоединиться ко мнѣ; я безъ сомнѣнія найду ее.

Два охотника удалились каждый въ свою сторону, и скоро потерялись изъ виду.

Скальпированный гамбузино еще спалъ, и когда наконецъ онъ проснулся, то увидѣлъ себя одного. Врочемъ удивленіе, смѣшанное со страхомъ, овладѣвшее имъ было, непродолжительно. Пепе не замедлилъ придти къ нему. Равнины освѣщались уже первыми лучами дня, а въ горахъ по причинѣ тумана едва начался только утренній разсвѣтъ.

Пепе возвратился, прошедши по теченію рѣки непрерывною цѣпью высокихъ скалъ, остроконечныхъ, грозныхъ вершинъ горъ и возвышенныхъ холмовъ; и такъ лодка не направилась въ эту сторону, по-крайней-мѣрѣ такъ можно было предположить, не имѣя никакихъ данныхъ, кромѣ предположеній Канадца. Оставалось узнать былъ-ли счастливѣе послѣдній въ своихъ поискахъ.

Не прошло и получаса, какъ въ свою очередь явился и Боа-Розе.

— Въ дорогу! —закричалъ онъ издалека, какъ только завидѣлъ своихъ двухъ товарищей,—я попалъ на настоящій слѣдъ.

— Слава Богу!—сказалъ Пепе.

И не спрашивая болѣе канадца, онъ послѣдовалъ за нимъ съ такою быстротою, какую только позволяла ему слабость, начинавшая овладѣвать имъ.

День насталъ въ ту минуту, когда маленькая группа увидѣла наконецъ, что рѣка расширилась, текла по необозримой равнинѣ, и солнечные лучи блестѣли на поверхности водъ.

Канадецъ по видимому не чувствуя страданій отъ голода, мучив-

шаго его, также какъ и его товарищей, шелъ впередъ; послѣдніе въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ другъ слѣдовали за нимъ. Впереди Пепе, напрасно старавшійся насвистывать военный маршъ, чтобы забыть голодъ свой, потомъ въ двадцати шагахъ отъ испанца тащился гамбузино, съ трудомъ удерживая мучительные стоны.

Послѣ часовой ходьбы, канадецъ, бывшій постоянно впереди, закричалъ Пепе, чтобы тотъ шелъ къ нему, на то мѣсто, гдѣ онъ остановился. Это мѣсто было подъ сводомъ большихъ деревьевъ, посреди высокой травы, почти въ половину роста охотника.

— Иди же скорѣе,—вскричалъ Боа-Розе съ радостнымъ упрекомъ:— можно подумать, что ты забылъ въ горахъ свои ноги.

— Онѣ въ открытомъ бунтѣ противъ меня,—отвѣчалъ спѣшившій Пепе.

И онъ увидѣлъ, что канадецъ нагнулся и исчезъ въ травѣ.

Когда онъ присоединился къ нему, онъ нашелъ канадца на колѣнахъ, осмастривавшаго съ большимъ вниманіемъ многочисленные слѣды, оставшіеся подлѣ остатковъ огня, въ которомъ еще курилось нѣсколько головешекъ.

— Дождь и буря,—сказалъ канадецъ,—уничтожившіе слѣды въ горахъ, именно сохранили ихъ здѣсь, потому что они сдѣланы не прежде, а уже послѣ дождя, на мокрой почвѣ, удержавшей ихъ. Видишь эти слѣды, окрѣпшіе отъ солнца, не правда ли, что они Красной Руки, Смѣшанной Крови и этихъ индѣйцевъ?

— Еще бы! У этого иллинойскаго разбойника ноги, какъ у буйвола, такъ ихъ не трудно отличить между сотнею слѣдовъ; но я не вижу слѣдовъ отъ ногъ бѣднаго Фабіана.

— Тѣмъ не менѣе я благодарю Небо за то, что оно привело насъ сюда. Мы нигдѣ не видали ни столба пытки, ни слѣдовъ убійства. Неужели ты думаешь, что похитители расположившись здѣсь, на ночь, посовѣстились оставить Фабіана, связаннаго по рукамъ и по ногамъ въ своей лодкѣ? Вотъ почему нѣтъ ни малѣйшаго слѣда отъ бѣднаго ребенка.

— Твоя правда, Боа-Розе; я думаю и даже чувствую, что голодъ омрачаетъ мой разсудокъ. О! мерзавцы, разбойники!—вдругъ вскричалъ Пепе съ такимъ бѣшенствомъ, что Боа-Розе вздрогнулъ.

— Посмотри,—продолжалъ Пепе,—негодяи ѣли, они наполнили свои животы мясомъ лани или козы, тогда какъ у насъ нѣтъ даже и

костей, которыя бы можно было поглодать, развѣ только захотимъ довольствоваться оглодками этихъ собакиъ.

Произнося эти проклятія, Пепе толкалъ ногою съ чувствомъ отвращенія и зависти кости, еще покрытыя мускулами и кусками мяса.

Въ эту минуту прибылъ гамбузино, и, менѣе разборчивый, чѣмъ испанецъ и канадецъ, онъ съ жадностью бросился на эти остатки.

— Во всякомъ случаѣ онъ правъ,—сказалъ канадецъ, и можетъ быть наша гордость въ этомъ случаѣ очень безрзсудна.

— Можетъ быть, но я лучше соглашусь умереть съ голоду, чѣмъ спасти свою жизнь, гложа эти остатки.

Успокоившись на счетъ того, что направленіе, которому они слѣдовали, было настоящее, два охотника оставили Гайфероса глодать кости козы съ энтузіазмомъ, и отправились отыскивать въ травѣ какихъ-нибудь съѣдобныхъ корней; не много успѣли они ихъ набрать, но все-таки съ помощію ихъ они могли по-крайней-мѣрѣ обмануть на нѣсколько минутъ неудовлетворенный свой голодъ.

Маленькая труппа снова пустилась въ дорогу вдоль по берегу. Слѣды буйволовъ были видны повсюду, вереницы журавлей и дикихъ гусей, удалявшихся на холодныя озера пролетали подъ нимъ; рыбы плескались въ водѣ и выставляли на солнце свои блестящія чешуи. Иногда также лось или лань, подпрыгивая, проносилась по своимъ пустынямъ; однимъ словомъ, небо, земля и вода, казалось, развернули свои богатства, передъ глазами голодныхъ путешественниковъ, чтобы дать имъ почувствовать еще сильнѣе потерю ихъ огнестрѣльнаго орудія: то была пытка Тантала, каждую минуту возобновляющаяся.

— Ради Бога не иди такъ скоро!—вскричалъ Пепе, который уже нѣсколько времени шелъ сзади канадца, дай мнѣ подумать: какъ намъ можно поохотиться за этими превосходными буйволами, которые вонъ тамъ.

— Сначала вырвемъ наше орудіе изъ рукъ похитителей Фабіана. Мы теперь въ превосходномъ положеніи, для того чтобы сражаться съ успѣхомъ: голодъ сдѣлаетъ изъ насъ чрезъ нѣсколько часовъ разъяренныхъ тигровъ; не будемъ же ждать минуты, когда онъ доведетъ насъ до слабости ягнятъ блѣющихъ вдали отъ своей матери.

Такъ то бывшій карабинеръ, конечно не боявшійся напасть съ

однимъ кинжаломъ въ рукѣ на такихъ ужасныхъ враговъ какъ тѣ, которыхъ преслѣдовали, но то впадая въ непостижимое оцѣненіе, увеличивавшееся съ каждымъ часомъ ходьбы, то поддерживаемый, подстрекаемый канадцемъ, провелъ еще на ногахъ день длинный и утомительный. Что касается до Боа-Розе—его атлетическое сложеніе, его исполинская сила, и больше всего, неугасимый источникъ его отеческой нѣжности, казалось, сдѣлали изъ него человѣка, недоступнаго физическимъ слабостямъ человѣчества. Тѣмъ не менѣе безпокойство объ участи Фабіана точило его сердце; но, какъ печень Прометея, это сердце, казалось, возраждалось еще пылче, каждую минуту подъ клевомъ раздиравшаго его коршуна.

Солнце еще далеко было отъ заката, когда Боа-Розе скорѣй изъ состраданія къ усталости Пепе, чѣмъ въ слѣдствіе своей собственной, согласился сдѣлать привалъ у берега Красной рѣки, по теченію которой они такъ долго шли.

Передъ ними возвышался одинъ изъ разбросанныхъ по срединѣ рѣки островковъ.—Тѣнь деревьевъ, представлявшаяся нашимъ путешественникамъ, падавшія до самой воды ліаны перемѣшивались съ листьями деревьевъ, образовавшихъ какъ-бы сводъ надъ островкомъ, увеличила только страданія, несчастныхъ голодныхъ пѣшеходовъ. Это было одно изъ тѣхъ убѣжищъ, о которыхъ мечтаютъ въ пустыняхъ путешественники; убѣжищъ, гдѣ такъ удобно развести для ужина огонь, и удовлетворивъ голодъ, предаться благотворному, возраждающему силы, сну.

Исключая пригоршня маисной муки, которую ѣли два охотника двадцать-четыре часа тому назадъ, въ теченіи двухъ дней пути они не ѣли ничего.

Подкрѣпившись немного скудной пищею, которую нашелъ подлѣ очага индѣйцевъ, Гайферосъ не совсѣмъ еще потерялъ бодрость; Пепе также, но истощеніе его силъ не соотвѣтствовало его волѣ. Боа-Розе не могъ не замѣтить, что Пепе приближался къ той критической минутѣ, когда разрушеніе беретъ страшный перевѣсъ надъ жизнію и что сила его сложенія съ трудомъ удерживала его самого отъ такого состоянія.

И такъ послѣ часоваго отдыха онъ старался уговорить своихъ

двухъ товарищей продолжать путь; но тщетно. Пустой желудокъ бѣднаго Пепе производилъ разстройство въ мозгу его, производя какой-то ослѣпительный блескъ, помрачавшій почти его зрѣніе, зоркость котораго могла соперничать еще наканунѣ съ зрѣніемъ сокола. «Мои ноги не имѣютъ больше силы, отвѣчалъ испанецъ на понужденіе канадца; мнѣ кажется, что все вертится вокругъ меня. Я начинаю видѣть повсюду вокругъ себя жирныхъ буйволовъ, которые подходятъ и дразнятъ меня, рыбы прыгаютъ, насмѣхаясь, въ рѣкѣ, и лани садятся и смотрятъ на меня; впрочемъ, прибавилъ эксъ-карабинеръ съ послѣднимъ усиліемъ своей иронической веселости:—что дѣлать охотникамъ безъ ружей, какъ не сдѣлаться посмѣшищемъ буйволовъ и ланей!...» Пепе протянулся на песку, какъ заяцъ, пойманный собакою въ ожиданіи смертельнаго удара. Канадецъ глядѣлъ на него, удерживая вздохъ.

— О!—тихо сказалъ онъ съ горечью,—что такое самый энергической человѣкъ передъ голодомъ.

— Но въ доказательство того, что я вижу вещи невидимыя для васъ, — продолжалъ испанецъ, я замѣчаю въ отдаленіи идущаго къ намъ буйвола.

Канадецъ продолжалъ печально глядѣть на того, чей разумъ слабѣлъ отъ припадковъ голода. Между тѣмъ онъ замѣтилъ, что глаза Пепе вперились во что-то.

— Неправдали, что ты его не видишь?

Боа-Розе даже и не обернулся.

— Ну, такъ я его вижу, раненнаго буйвола, который идетъ ко мнѣ, и изъ котораго течетъ потоками кровь, розовая кровь, краснѣй чѣмъ самый красивый пурпуръ заката. Кажется самъ Богъ послалъ его, чтобы не дать мнѣ умереть,—продолжалъ бывшій микилетъ, зрачки котораго начали сверкать.

Вдругъ у испанца вырвался крикъ въ родѣ рыканія, онъ вспрыгнулъ однимъ скачкомъ и какъ молнія бросился впередъ.

Боа-Розе не могъ предупредить движеніе Пепе, такъ оно было неожиданно. Ужаснувшись мысли, что карабинеръ впалъ въ сумасшествіе, онъ оборотился, чтобы слѣдовать за нимъ глазами и не могъ удержать воя, подобнаго тому, какой издалъ испанецъ.

Странное животное, чудовищное, больше чѣмъ самый лучшій домаш-

ній быкъ, тряся огромною черной гривой, съ кровавыми глазами, вертящимися подобно двумъ огненнымъ шарамъ и хлопая по бокамъ своимъ сильнымъ хвостомъ, скакалъ посреди равнины, окровавляя ее своею кровью.

То былъ раненный буйволъ, за которымъ бѣжалъ Пепе, какъ голодный дикій звѣрь. —

=

ИСТОРІЯ ИСКУССТВА.

ТЕРЕНЦІЙ ВАРРОНЪ,

РИМСКІЙ УЧЕНЫЙ И ПИСАТЕЛЬ, И ЕГО МЕНИПЕЙСКІЯ САТИРЫ.

Прежде, нежели приступимъ къ обзору сочиненій Варрона, считаемъ не лишнимъ познакомить читателей съ его личностью *.

Теренцій Варронъ также, какъ и Саллюстій, родился въ Сабиніи, и по всей вѣроятности, въ Реате. Онъ былъ тремя годами моложе Гортензія и десятью Цицерона, когда, по обычаю своего времени, явился въ Римъ, чтобы оттуда отправиться въ Аѳины для усовершенствованія своего въ наукахъ. Подробности жизни его неизвѣстны и до насъ дошло только, что въ это время онъ пользовался уроками многихъ знаменитыхъ мужей, такъ въ Италіи Элій Стилонъ **, въ Греціи Аскалонъ, были его наставниками.

* Большая часть свѣдѣній о жизни Варрона заимствована изъ Шнейдерова сочиненія: *Scriptores rei rusticae* (Т. I, стр. 217 — 240).

** Цицеронъ говоритъ объ этомъ Эліи: «Онъ-то преподалъ другу нашему Варрону основанія науки, которую тотъ такъ распространилъ и которой его обширный геній и знанія воздвигли столько прекрасныхъ памятниковъ (Brut. 56.).»

Философію-же преподавалъ ему знаменитый ученикъ Портика, Антіохъ. Должно предполагать, что юность Варрона проходила между служебными занятіями и ученіемъ; достовѣрно извѣстно только, что въ эту эпоху его жизни, стихи Эннія были его любимой книгой. Да и не удивительно: Энній создалъ сатиру и это, такъ сказать, предзнаменовывало въ Варронѣ будущаго автора *менипей*. Нѣсколько позднѣе онъ является уже публичнымъ человѣкомъ и попеременно носитъ званіе: то эдила, то трибуна, то тріумвира, то, наконецъ, консула.

До сихъ поръ политическая исторія вовсе умалчиваетъ о Варронѣ, сатиры котораго уже начали появляться по временамъ; но около 67 года до христіанской эры, онъ служилъ подъ начальствомъ Помпея и участвовалъ въ войнѣ противъ пиратовъ. Ему поручено было командованіе союзнымъ греческимъ флотомъ; онъ сражался съ замѣчательнымъ мужествомъ и первый вошелъ на одинъ непріятельскій корабль. Въ награду онъ получилъ большую сумму денегъ и вѣнецъ, какіе въ то время давались отличившимся въ морскихъ сраженіяхъ. Но и сдѣлавшись воиномъ, Варронъ не переставалъ заниматься науками, которыя были его всегдашней и единственной страстью. Въ естественной исторіи Плинія упоминается, что Варронъ, будучи сорока лѣтъ отъ роду, во время своей морской службы, занимался химическимъ изслѣдованіемъ воды Каспійскаго (?) моря и составлялъ проэктъ объ устройствѣ моста черезъ одинъ изъ заливовъ Адріатическаго моря. Въ послѣдствіи онъ былъ пропреторомъ и губернаторомъ Сициліи; его карьера администратора была прервана вспыхнувшей тогда гражданской войной. Варронъ былъ другомъ Помпея, который очень любилъ его и поручилъ ему письменно изложить отношенія консула къ сенату. Получивъ должность одного изъ трехъ намѣстниковъ Помпея въ Испаніи, Варронъ защищалъ Цитерьеру. Разбивъ двухъ полководцевъ, Цезарь самъ пошелъ на Варрона, войска котораго частію были уничтожены, частію взяты въ плѣнъ, и даже одинъ или два легіона дезертировали въ его глазахъ. Въ окрестностяхъ Кордовы онъ замѣтилъ, что отступленіе ему было отрѣзано — и сдался. Уступилъ-ли онъ необходимости, или считалъ это болѣе благоразумнымъ — неизвѣстно, но вотъ что сказано по этому случаю въ цезаревыхъ Коммента-

ріяхъ: *Se quoque ad mortum fortunae movere cœpit* *. Какъ бы то ни было, но побѣдитель и побѣжденный (бывшіе давнишними друзьями) поступили одинъ съ другимъ съ истинно рыцарскою вѣжливостью; Цезарь немедленно освободилъ Варрона, который отправился прямо въ Диррахіумъ разсказывать подробности своего положенія.

Съ того дня авторъ менипейскихъ сатиръ рѣшительно сошелъ съ политическаго поприща и уже ничто не могло заставить его снова на него выступить. Варронъ принадлежалъ исключительно литературѣ; послѣдніе двадцать четыре года его жизни были посвящены ученію. Укрывшись на нѣсколько времени отъ политическихъ бурь въ своей укромной виллѣ, онъ, по неизвѣстной причинѣ, снова воротился въ Римъ. Друзья его, Оппій и Гирцій выхлопотали ему у диктатора помилованіе, и диктаторъ даже поручилъ Варрону привести въ порядокъ его книги и присоединить ихъ къ хранилищу республики: это была первая попытка составить народную библіотеку.

Съ того времени жизнь стараго Помпеева намѣстника была вся посвящена дружбѣ, наукамъ и сельскому хозяйству. Варронъ по большей части жилъ за городомъ, то въ кумской виллѣ, то въ своемъ тускуланскомъ домѣ, гдѣ прелесть окрестнаго мѣстоположенія и чрезвычайная чистота воздуха совершенно очаровывали его: онъ наблюдалъ за порядкомъ на своихъ фермахъ, устроивалъ садки для кроликовъ, заботился о размноженіи многочисленныхъ стадъ овецъ и табуновъ лошадей, находившихся въ Апуліи и Сабиніи. Онъ особенно любилъ показывать друзьямъ свой превосходный птичникъ, который находился въ его казинскомъ помѣстьи, нѣкогда входившемъ въ составъ земель Вольсковъ. Во всѣхъ этихъ занятіяхъ, Варронъ оставался вѣренъ древнимъ обычаямъ римлянъ. Человѣкъ прошедшаго по своимъ кроткимъ, сельскимъ склонностямъ и приверженности къ республиканской партіи, Варронъ, страстною любовью къ наукамъ и искусствамъ, принадлежалъ новому времени *. Онъ очень любилъ разные рѣд-

* De Bell. civ. II, 17 — 20.

* Плиній свидѣтельствуетъ, что Варронъ, будучи эдилемъ, выписалъ изъ Лакедемоніи фрескъ для Комисъ; прелесть и изящество его долгое время были предметомъ общаго удивленія (Естеств. Исторія, XXXV, 49).

кости и древности; у него были часы собственнаго изобрѣтенія ** многія коллекціи, между-прочимъ, богатый музей, гдѣ среди множества изваяній находилась превосходная группа, высѣченная изъ цѣльнаго куска, ваятелемъ Архелаемъ и представлявшая львицу, окруженную играющими купидонами. Между-тѣмъ, въ его виллахъ не было ничего великолѣпнаго, ни мраморныхъ половъ, ни инкрустацій изъ лимоннаго дерева, которыя во времена Марціана разоряли цѣлыя фамиліи; потолки не были расписаны ни лазурью, ни киноварью и полы не блестѣли мозаикой и наборной работой. Больше всего Варронъ любилъ украшать стѣны книгами, *literis exornati parietes*, и быть въ своемъ кабинетѣ, въ Казинумѣ, на берегу ручья, недалеко отъ своего знаменитаго птичника. Тамъ провелъ онъ едва-ли не лучшія минуты своей жизни.

Пріятно для него было и то время, которое онъ посвящалъ Цицерону. Оба они были уже не молоды, когда дружба ихъ превратилась въ тѣснѣйшую связь. Весьма понятно, что во время народныхъ смятеній ихъ больше всего сблизило единство умѣренныхъ мнѣній и любовь къ литературѣ. До насъ дошло нѣсколько писемъ Цицерона къ своему другу, писанныхъ во время диктаторства Цезаря *. Въ нихъ какъ нельзя лучше обозначается характеръ и того и другаго. Варронъ удалившись въ деревню, живетъ въ уединеніи со своими книгами, и какъ мудрецъ Лукреціи, стоя на берегу, любуется бурями. Цицеронъ, совсѣмъ напро-

** Это былъ квадрантъ, которымъ измѣрялось время, посредствомъ весьма остроумнаго механизма. Можетъ быть то были единственные часы, извѣстные римлянамъ, которые, во времена Плавта, для измѣренія времени руководствовались положеніемъ солнца на небѣ. Вотъ что говоритъ одинъ гастрономъ въ дошедшемъ до насъ отрывкѣ *Bis Compressa*: «Да «уничтожатъ боги перваго, кто выдумалъ раздѣлять время на часы, пер«ваго, кто устроилъ въ наемщъ городѣ солнечные часы, негодяя, который, «къ нашему горю, искрошилъ день на кусочки. Во время моего дѣтства, «у насъ не было другихъ часовъ, кромѣ желудка; и это были самые «лучшіе, самые вѣрные часы, возвѣщавшіе время обѣда, если было чѣмъ «пообѣдать. Теперь-же люди во всемъ должны соображаться съ соли«цемъ, и съ тѣхъ-поръ, какъ вездѣ появились солнечные часы то и дѣ«ло стали попадаться граждане голодные, истощенные.» (Ст. Плавта, изд. І. Ноде, т. IX, стр. 360).

* Ad Fam. l. IX, 1—8.

тивъ, остался въ шумномъ Римѣ, завидуя уединенію своего друга и его досугамъ, посвященнымъ бесѣдамъ съ музами, но сердце его волнуетъ честолюбіе и какая-то лихорадочная жажда участія въ общественныхъ дѣлахъ: онъ колеблется, упрекаетъ себя въ томъ, что не спѣшитъ укрыться въ тиши виллъ, гдѣ онъ не былъ бы обязанъ присутствовать на пирахъ своихъ патроновъ и распространяться въ похвалахъ побѣдителямъ: «Пусть науки, писалъ онъ, соединятъ насъ и утѣшатъ; онѣ были до сихъ поръ усладой нашей жизни, — теперь будутъ ея опорой.» О Варронѣ отзывается онъ съ величайшими похвалами; отдаетъ справедливость его мудрости * и говоритъ, что онъ разсудителенъ, какъ никто ** и одинъ умѣлъ въ бурное время найти надежную пристань и дни, проведенные имъ въ Тускуланумѣ стоятъ цѣлой жизни ***. Словомъ, Варронъ, по мнѣнію своего знаменитаго корреспондента былъ истиннымъ человѣкомъ: *Te semper magnum hominem duxi.* Какъ важно подобное изреченіе, произнесенное устами этого великаго человѣка.

Постоянство въ дружбѣ приноситъ равную честь и Варрону и Цицерону. Писатели вообще бываютъ больше или меньше самолюбивы; что замѣтно даже и въ отношеніяхъ нашихъ римскихъ друзей, впрочемъ это нисколько не ослабило и не охладило ихъ пріязни. Въ то время было въ большой модѣ посвящать другъ другу свои сочиненія. Аттикъ, какъ-то разъ сказалъ Цицерону, что общій другъ ихъ Варронъ очень желаетъ, чтобъ ему было посвящено какое-нибудь сочиненіе. Цицеронъ давно уже думалъ объ этомъ и слова Аттика нѣсколько уязвили его щекотливое писательское самолюбіе; онъ огорчился, что Варронъ самъ не выразилъ ему своего желанія. Это видно изъ нѣкоторыхъ его писемъ ****. «Почему ты замѣтилъ,—пишетъ онъ Аттику,—что Варронъ ожидаетъ отъ меня посвященія. Между-тѣмъ, какъ самъ «онъ, изо всѣхъ своихъ многочисленныхъ сочиненій не посвятилъ мнѣ ни одного.» Цицеронъ вывелъ Варрона въ своихъ

* Sapientiorem quam me (Ad Fam. l. IX).

** Et me, et alios prudentia vincis (Ibid.).

*** His tempestatibus, es prope solus in postu... Hos tu os tusculanenses dies instar esse vitæ puto. (Ad Fam. l. VI.)

**** Ad-Attic., XIII, 13, 16, 18, 25; изданія Виктора Леклерка.

Академическихъ книгахъ и посвятилъ ему это сочиненіе, во имя ихъ старинной дружбы: *Vetustate amicitiae conjunctus.* — Музы Варрона, — говоритъ Аттикъ, также выведенный въ Академическихъ книгахъ однимъ изъ собесѣдующихъ, — долѣе обыкновеннаго хранятъ молчаніе; но я не вѣрю, чтобы онъ оставался празденъ, я думаю, что онъ только не сообщаетъ намъ того, что пишетъ.» — Варронъ отвѣчаетъ ему: — «Совсѣмъ нѣтъ; по моему «мнѣнію трудиться и не обнародовать своихъ произведеній — со«вершенное безуміе. Я занимаюсь теперь большимъ сочиненіемъ; «я намѣренъ представить нашему другу важныя изслѣдованія, ко«торыя теперь тщательно точу и полирую.» — Цицеронъ въ свою очередь подавъ голосъ, говоритъ: — «Я уже давно дожидаюсь, но не смѣю торопить тебя.» Сочиненіе, надъ которымъ Варронъ въ то время трудился, было «Разсужденіе о латинскомъ языкѣ;» оно дошло до насъ только въ искаженныхъ отрывкахъ. Когда вышли въ свѣтъ Академическія книги, Цицеронъ, находившійся въ томъ лихорадочномъ волненіи, которое обыкновенно испытываютъ поэты на другой день выхода ихъ эпическихъ поэмъ, очень интересовался узнать мнѣніе Варрона объ его книгѣ, и какъ онъ приметъ посвященіе. Въ припадкѣ болѣзненнаго тщеславія онъ писалъ Аттику: — «Я не заботусь о томъ, что скажутъ о моемъ сочиненіи; что могутъ о немъ сказать? Боюсь только, что Варронъ не будетъ имъ доволенъ.» Далѣе онъ, въ порывѣ авторскаго сэмолюбія, пишетъ: — «До-сихъ-поръ еще ничего не было написано лучше этихъ книгъ. Я посвящаю ихъ Варрону, потому что онъ этого желалъ, но ты знаешь его также хорошо какъ и я.

Его подозрительный умъ обвиняетъ невиннаго *.

Скажи мнѣ: доволенъ-ли ты письмомъ моимъ къ Варрону? Пусть я умру, если до сихъ поръ занимался чѣмъ-нибудь съ большимъ усердіемъ!» Остался-ли Варронъ доволенъ посвященіемъ — неизвѣстно; должно предположить, однако-жъ, что ему не слишкомъ понравилось объясненіе Цицерона своимъ читателямъ, что онъ также надѣется получить посвященіе какой-нибудь книги отъ Варрона. Это еще больше подтверждается тѣмъ, что когда вышло Варроново «Разсужденіе о латинскомъ языкѣ», то въ по-

* Стихъ изъ Пліяды, XI, 653.

священіи стояло только одно имя Цицерона и больше ничего. Разумѣется, что этотъ краснорѣчивый лаконизмъ былъ лучше всякихъ похвалъ, но можно думать, что знаменитому оратору, подробное исчисленіе его достоинствъ и заслугъ было-бы пріятнѣе.

Варронъ, какъ мы уже сказали, навсегда удалился съ политическаго поприща; но тихое спокойствіе, которымъ онъ наслаждался во время диктаторства Цезаря, было безпощадно нарушено при Антоніи. Тріумвиру понравилась Варронова вилла и онъ силою завладѣлъ ею. Вслѣдъ за тѣмъ почти все имѣніе добраго семидесятилѣтняго старца, жившаго только для наукъ, было отнято такимъ-же образомъ. Любопытно было послушать, въ какихъ сильныхъ выраженіяхъ Цицеронъ говорилъ о присутствіи Антонія въ казиніумской виллѣ, принадлежавшей Варрону:

— «Какое превращеніе, — восклицаетъ онъ во второй Филиппикѣ, — Варронъ устроилъ себѣ въ ней пріютъ отдохновенія и ученія, а не притонъ разврата. Тамъ все дышало добродѣтелью: какой образъ жизни! какія раждались мысли! какія творенія! Тамъ объяснялъ онъ: законы римскаго народа, памятники древнихъ, основанія философіи и всѣ роды познаній человѣческихъ. Но въ ту минуту, когда ты, хищникъ, подписывалъ его приговоръ, тамъ раздавались пьяныя восклицанія, помостъ былъ залитъ виномъ; оно текло ручьями вдоль стѣнъ; и т. д*.

Таковъ былъ сперва этотъ дѣятельный пріютъ мудреца, отнятый у него Антоніемъ и оскверненный открывшимся въ немъ притономъ распутства. Вскорѣ послѣ того Антоній внесъ имя Варрона въ списки изгнанниковъ **, наряду съ именами многихъ приверженцевъ Помпея, пощаженныхъ Цезаремъ. По счастію у Варрона было много преданныхъ ему друзей, готовыхъ всѣмъ для него пожертвовать. По словамъ Аппіана Каленъ успѣлъ скрыть

* Цицеронъ. Филиппики, II, 41. Изданіе Леклерка.

** Шнейдеръ въ этомъ сомнѣвается; по его мнѣнію Аппіанъ (IV, 47), явившійся уже полтораста лѣтъ спустя послѣ этихъ событій, смѣшалъ автора *de Re rustica* съ другимъ Варрономъ, о которомъ упоминаютъ Діонъ Кассій и Валерій Патеркулъ. Но доводы Шнейдера, впрочемъ весьма остроумные, насъ не убѣдили и мы вѣримъ преданію, которому вѣрилъ послѣ Аппіана, и Авлъ Гелій.

у себя Варрона; онъ поселилъ его въ одной изъ своихъ виллъ, куда часто пріѣзжалъ Антоній. Наконецъ эдиктомъ консула Планка, Варронъ и Мессала Корвинъ получили позволеніе возвратиться въ отечество. Получивъ свободу, Варронъ увидѣлъ, что библіотека, находившаяся въ одномъ его загородномъ домѣ, была разграблена солдатами; между множествомъ книгъ погибли нѣкоторыя еще необнародованныя его сочиненія *. Потеря эта была для него невознаградима.

Варрону было возвращено все имѣніе и онъ продолжалъ удаляться отъ всякихъ политическихъ смутъ, да преклонныя лѣта и не позволяли ему принимать въ нихъ участія. Послѣ битвы при Акціумѣ, онъ переселился въ Римъ и послѣдніе годы своей бодрой старости посвятилъ сочиненію прелестнаго трактата «О земледѣліи», написаннаго въ видѣ посланія къ женѣ своей Фунданіи, гдѣ онъ излагалъ разныя земледѣльческія правила, пріобрѣтенныя имъ долговременной практикой. Это твореніе было какъ бы послѣднимъ привѣтомъ Варрона славному прошедшему Рима и прекрасному искусству земледѣлія, которое, вмѣстѣ съ развращеніемъ нравовъ, пришло въ совершенный упадокъ. Въ двадцать седьмомъ году до христіанской эры смерть прервала труды неутомимаго писателя, перо котораго не знало отдохновенія **; ему было тогда девяносто лѣтъ. Предчувствуя свою смерть, Варронъ просилъ, чтобы его, по пиѳагорейскому обычаю, похоронили завернутаго въ листья мирты и черной оливы ***.

Вотъ какъ кончилъ свое жизненное поприще этотъ старецъ, который, по выраженію Валерія Максима, успѣлъ сообщить своей жизни продолжительность цѣлаго вѣка: *sæculi tempus æquavit.* Современникъ: Марія, Силлы, Помпея, Цезаря, Антонія и Октавія, то-есть одной изъ несчастнѣйшихъ эпохъ своего отечества, будучи свидѣтелемъ безчисленныхъ смутъ, и чрез-

* Aul.-Gell. XII, 10.

** Валерій Максимъ говоритъ: *Eodem momento, et spiritus ejus et egregiorum operum cursus extinctus est* (VIII, 3).

*** Плиній. Ест. Ист. XXXV, 46. — Мысль о погребеніи, повидимому давно занимала Варрона; въ семнадцатой сатирѣ (изд. Элера, стр. 107) онъ говоритъ, что лучше сожигать тѣла, какъ предписываетъ Гераклидъ, нежели сохранять ихъ въ меду, какъ учитъ Демокритъ.

мѣрнаго развращенія, Варронъ, среди такого множества испытаній, постоянно находилъ утѣшеніе въ ученіи и занятіяхъ литературой. Авторъ «Тускуланъ», какъ будто нарочно для него выразилъ великую истину, что самые надежные друзья человѣка — книги. Но вѣроятно, что всѣ бѣдствія послѣднихъ годовъ, трагическая смерть Помпея и Цицерона, убійство столькихъ его сослуживцевъ, окончательное паденіе древнихъ учрежденій, которыя онъ столько любилъ, разграбленіе его виллъ и библіотеки, помрачили его тихую старость. Онъ очень кстати могъ примѣнить къ себѣ фразу изъ своего Разсужденія о латинскомъ языкѣ: — «Тотъ, кого вы знали во всей красотѣ перваго возраста — отцвѣлъ съ годами; надъ нимъ пронеслись три поколѣнія и онъ уже не походитъ больше на себя*.» — Удивительнѣе всего, что л огъ его и въ юности и въ старости сохранилъ всю свою твердость и силу. Варронъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, руки которыхъ не дрожатъ даже наканунѣ смерти.

II.

А между тѣмъ онъ писалъ много. Авлъ Гелій свидѣтельствуетъ, что когда Варрону было восемьдесятъ четыре года, число твореній его простиралось до четырехъ-сотъ-девяноста томовъ: *septuaginta hebdomades librorum*. Плодовитость баснословная, но для сомнѣвающихся въ дѣйствительности дѣла мы просимъ вспомнить Лопеца де-Вегу и его тысячу восемьсотъ комедій. Варронъ разсуждалъ о предметахъ, объемлющихъ всѣ отрасли человѣческихъ знаній. Какъ критикъ—онъ писалъ о поэтахъ, о реторикѣ, объ исторіографіи, о Плавтовыхъ пьесахъ, о происхожденіи театра; какъ грамматикъ и этимологъ—оставилъ намъ Разсужденіе о латинскомъ языкѣ; какъ философъ,—онъ перомъ своимъ поддерживалъ ученіе древней Академіи, разнообразя ихъ легкими оттѣнками стоицизма; какъ теологъ—въ своемъ обширномъ сочиненіи: «Древности вещей божественныхъ и человѣческихъ» *, онъ,

* V. 5.

* Это было одно изъ лучшихъ твореній Варрона. Г. Меркель тщательно собралъ его остатки въ предисловіи къ своему изданію: *Fastes* Овидія; Берлинъ, 1841 г. 8°, стр. CVI и слѣд.

даже во времена блаженнаго Августина, возбуждалъ удивленіе христіянскихъ читателей; какъ ученый,—онъ, между прочимъ въ сочиненіи своемъ «О Дисциплинѣ,» разсуждалъ объ ариѳметикѣ и архитектурѣ; антикварій и историкъ, котораго познанія превозносилъ Плутархъ * ,—онъ составилъ лѣтописи, разсказъ о второй пунической войнѣ, замѣтки о личностяхъ великихъ людей, разсужденіе о началѣ Рима, и много другихъ книгъ, изъ коихъ утрата автобіографіи, о которой упоминаетъ грамматикъ Харизій, больше всѣхъ достойна сожалѣнія; наконецъ, какъ агрономъ—онъ въ *De Re rustica* изложилъ множество свѣдѣній по части: земледѣлія, скотоводства и птицеводства, которыя пріобрѣлъ какъ опытный помѣщикъ и сельскій хозяинъ. И такъ, мы видимъ, что Варронъ былъ энциклопедистъ. Словесность, науки, искусства, все постигъ онъ, — все себѣ усвоилъ, чтобы потомъ учить другихъ. По несчастію, время почти ничего не пощадило изъ его безчисленныхъ сочиненій и до насъ дошли только два: «Опытъ о земледѣліи», который даетъ ему право занять мѣсто между Катономъ и Колумелломъ, и «Книга о Латинскомъ языкѣ», теперь впрочемъ чрезвычайно искаженная переписчиками. Объ общности и подробностяхъ этихъ сочиненій мы можемъ судить только догадками и предположеніями. Изъ дошедшихъ до насъ сочиненій Варрона историкъ литературы можетъ вывести заключеніе, что онъ былъ отцемъ римской учености: *Romanae eruditionis parentem*, что Симмахъ и выразилъ въ IV вѣкѣ.

Но намъ любопытенъ не Варронъ ученый, а Варронъ поэтъ. Цицеронъ, обращаясь къ нему въ своихъ Академическихъ книгахъ, говоритъ:

— «Ты написалъ изящную поэму, стихами почти всѣхъ размѣровъ. — Не о менипеяхъ-ли тутъ идетъ рѣчь?» Мы не затруднились-бы отвѣчать на это, еслибъ Варроново разсужденіе: О сочиненіи сатиръ, которое еще видѣлъ грамматикъ Ноній, не было давно потеряно. Нужно вспомнить, что сатира была тогда новостью. Между изобрѣтателемъ ея Эннiемъ, котораго Варронъ въ юности своей читалъ съ такимъ наслажденіемъ, и самимъ Вар-

* Жизнь Ромула. Нибуръ не очень уважаетъ Варрона, какъ историка. (Фр. Пер. Т. I. стр. 16).

рономъ — былъ Луцилій*. Слѣдственно эта поэма, изложенная разными размѣрами, по всей вѣроятности было ни что другое какъ сатира, то-есть родъ смѣшаннаго стихотворенія, *satura lanx*, корзинка плодовъ, написаннаго по образцу Эннія. Правда, что Луцилій сдѣлалъ изъ этого рода поэзіи что то серьозное, употребляя длинные стихи и располагая ихъ по обдуманному плану. Явившись послѣ ихъ обоихъ, Варронъ захотѣлъ, въ свою очередь, произвести что-нибудь особенное, оригинальное: заимствовавъ у Луцилія правильность рамы, а у Эннія абсолютную своеобразность формы, онъ назвалъ свои сатиры: *менипеями* и перемѣшалъ въ нихъ прозу со стихами, чего до него еще никто не дѣлалъ. Отсюда образовался особенный родъ сатиръ, извѣстныхъ въ продолженіи многихъ вѣковъ подъ первоначальнымъ своимъ названіемъ. Это былъ первый, несмѣлый опытъ сатиры въ прозѣ, который въ послѣдствіи былъ усовершенствованъ Луціяномъ. Варронъ первый показалъ примѣръ и въ позднѣйшее время ему подражали многіе геніяльные писатели: эти стихи перемѣшанные съ прозой мы часто встрѣчаемъ у Шекспира и Виланда; Лафонтенъ написалъ подобнымъ образомъ свою Психею; Шапель — путешествіе; генеалогія писемъ къ Эмилію также восходитъ къ автору *De Re rustica;* по Демутье, по всей вѣроятности, не зналъ своего предшественника.

Откуда же происходитъ это названіе *менипей?* и почему Атепей самого Варрона называетъ *менипейцемъ?* Авлъ Гелій говоритъ по этому случаю слѣдующее: — Варронъ въ сатирахъ своихъ, называемыхъ *менипейскими* (а по мнѣнію другихъ *циническими*), подражалъ нѣкоторому Мениппу. Все это прекрасно, но почему же авторъ назвалъ ихъ именно такъ, а не иначе? Не потому-ли, что философъ, служившій ему образцомъ, также писалъ сатиры стихами пополамъ съ прозой **? Совсѣмъ нѣтъ, Мениппъ, по

* Мы не считаемъ Альбиція, который, по мнѣнію самого Варрона' былъ только подражателемъ Луцилія: *Homo apprime doctus, cujus Luciliano charactere sunt libelli....*

(De Re rustica. III. 2).

* Пробъ, грамматикъ, жившій во второмъ вѣкѣ, въ своемъ комментаріи второй эклоги Виргилія, говоритъ: — Варронъ, менипеецъ, былъ названъ такъ не потому, чтобъ былъ ученикомъ Мениппа, который

всѣмъ соображеніямъ не писалъ ни стиховъ, ни сатиръ, собственно такъ называемыхъ. Варронъ назвалъ свои сатиры менипеями, чтобы яснѣе выразить, такъ сказать, циничность ихъ содержанія.

Если же кто пожелаетъ узнать подробнѣе: кто такой былъ этотъ Менипиъ, то для этого нужно обратиться къ Лаерцію, который собиралъ всякія свѣдѣнія о жизни философовъ, даже сплетни и клеветы. Финикіянинъ родомъ и рабъ, Менипиъ всѣми неправдами и происками успѣлъ кое-какъ пріобрѣсти въ Ѳивахъ право гражданина. Низость помогла ему выбраться изъ рабскаго состоянія и низость-же погубила. Отдавая деньги подъ залогъ и пуская ихъ въ ростъ поденный и морской (то есть заставляя платить себѣ проценты каждый день и удвоивая ихъ съ отправляющихся въ море), онъ скопилъ себѣ значительный капиталъ, но попавшись въ разставленныя ему тенета, лишился всего, что успѣлъ нажить. Менипиъ съ отчаянія повѣсился, и говорятъ, оставилъ послѣ себя многія сочиненія въ забавномъ родѣ: πολλοῦ καταγέλωτος между прочимъ шуточныя письма и разговоры, гдѣ осмѣивалъ многія философскія школы. Циническая своеобразность языка и мыслей доставила Менипиу обширную извѣстность и онъ сдѣлался типическимъ лицемъ, въ родѣ Марфоріуса и Паскина, подъ защитою которыхъ многіе высказывали весьма горькія истины. Нельзя безъ улыбки вспомнить о той роли, которую, Менипиъ играетъ въ Луціяновыхъ сатирахъ; онъ является тамъ героемъ Неціоманціи, забавной исторіи сошествія въ адъ; онъ-же далъ свое имя Икароменипиѣ, комическому описанію восхода луны, гдѣ осмѣиваются миѳологическіе боги. Характеръ этого лица у Луціяна выдержанъ вполнѣ; онъ обо всѣхъ предметахъ отзывается съ неподдѣльной веселостью и свободой, словомъ: Менипиъ ни на минуту не удаляется отъ своего изображенія, очерченнаго въ «Разговорѣ мертвецовъ», гдѣ онъ выведенъ въ видѣ лысаго старика, въ дыравомъ плащѣ, испещренномъ разноцвѣтными заплатками, чудакомъ, который вѣч-

жилъ гораздо раньше его, но по причинѣ нѣкоторой аналогіи взгляда на вещи и потому также, что этотъ философъ, также какъ и онъ, написалъ сатиры всѣми размѣрами.» (См. Сервій. Г. Люна, Геттингенъ, 1826, in 8 T. II, стр. 352).

но смѣется и подшучиваетъ, особенно-же «надъ шутами философами».

Извѣстно, что Варронъ писалъ за два вѣка до Луціяна и въ его время репутація Мениппа была еще во всемъ блескѣ *, очень естественно, что Варронъ употребилъ для названія своихъ сатиръ это эмблематическое имя, которое столько лѣтъ продолжало служить символомъ смѣлой насмѣшки даже и въ глазахъ перваго греческаго сатирика. Но намъ интересно знать: въ какой именно степени Варронъ подражалъ Мениппу, если только онъ точно ему подражалъ. Атеней упоминаетъ объ одной книгѣ Мениппа, названной «Завѣщанія;» у Варрона также есть одна менипея, носящая заглавіе «о Завѣщаніяхъ». Вотъ обильная пища охотникамъ писать ученыя диссертаціи, которые ипотезами дорожатъ больше, нежели доказательствами; мы же съ своей стороны полагаемъ, что Варронъ заимствовалъ у Мениппа только тонъ, свободу оборотовъ. Относительно этой оригинальной стороны его твореній можно положиться на сужденіе Квинтиліяна. Умный критикъ, начавъ говорить о Горацiѣ, продолжаетъ такъ:— «Есть другой родъ сатиры, гораздо древнѣйшій, созданный, *condidit*, ученѣйшимъ изъ римлянъ, Теренціемъ Варрономъ, и состоящій изъ стиховъ перемѣшанныхъ съ прозой.» Если вѣрить ему, такъ менипеи были не подражаніемъ, а *созданіемъ*, если же на этотъ счетъ могло возникнуть сомнѣніе, то мы привели бы замѣчательное изреченіе, которое Цицеронъ, въ своихъ Академическихъ книгахъ, влагаетъ въ уста самому Варрону: — «Эти сочиненія, въ которыхъ я давно уже разсѣялъ нѣкоторую веселость, *подражая Мениппу, а не переводя его*, заключается много вещей почерпнутыхъ изъ самой глубины философіи и діалектики; я склонилъ непросвѣщенныхъ людей читать меня, сдѣлавъ эти идеи доступными для нихъ.» Этотъ текстъ окончательно разрѣшаетъ всѣ недоумѣнія и кромѣ того, обнаруживаетъ еще стремленіе Варрона въ своихъ сатирахъ сдѣлать общепонятными, до-

* Время, когда жилъ Менипп, неопредѣлено съ достовѣрностію; объ этомъ столько было писано, что еслибъ все собрать въ одну книгу, такъ вышелъ-бы препорядочный томъ. Г-нъ Элеръ, посредствомъ разныхъ догадокъ и сближеній, доказываетъ, что этотъ философъ, по всей справедливости, жилъ за шесть олимпіядъ до Варрона.

ступными всѣмъ, самыя высокія доктрины. И такъ, за римляниномъ остается его оригинальность, то есть самое лучшее.

Мы видимъ у Цицерона, что авторъ Менипей, самъ называетъ ихъ старыми сочиненіями, *veteribus nostris*; но нужно замѣтить, что Варронъ, жившій почти цѣлый вѣкъ, былъ уже старъ, когда другъ его влагаетъ ему въ уста это выраженіе. Но изъ этого все-таки не слѣдуетъ заключать, чтобъ эти сочиненія были написаны Варрономъ въ его ранней молодости. Ученый издатель менипейскихъ сатиръ, г. Францъ Элеръ многими сравненіями и видимымъ отношеніемъ нѣкоторыхъ сатиръ къ событіямъ, время которыхъ нынче съ достовѣрностію опредѣлено, дошелъ до того, что успѣлъ приблизительно означить время, когда были написаны нѣкоторыя сатиры. По его мнѣнію, ихъ нужно отнести къ пространству времени, заключающемуся между 675 и 694 годами римскаго счисленія. По всей вѣроятности Варронъ писалъ ихъ между тридцатымъ и пятидесятымъ годами своей жизни, то есть двадцать лѣтъ. Къ истеченію этого времени онѣ были окончательно собраны въ книгу, которая была уже извѣстна за долго до выхода Цицероновыхъ Академическихъ книгъ. Достовѣрно можно сказать только, что эти менипеи вовсе не похожи на юношескій опытъ, напротивъ въ нихъ видно твореніе зрѣлаго наблюдателя. Это обстоятельство въ нашихъ глазахъ еще больше придаетъ имъ интереса.

На основаніи нѣкоторыхъ, тщательно свѣренныхъ мнѣній можно убѣдиться, что Варроновы сатиры были очень любимы древними; но такъ какъ въ нихъ заключалось много намековъ на современные обычаи и событія, то онѣ очень скоро перестали быть читаны народомъ и сдѣлались исключительно предметомъ наслажденія образованнаго сословія. Черезъ двѣсти лѣтъ въ менипеяхъ было многое непонятно и они сдѣлались достояніемъ ученыхъ*. Но рукописи этого творенія еще не составляли рѣдкости: въ XIII вѣкѣ грамматикъ Ноній имѣлъ совершенно полный списокъ сатиръ; онъ представилъ изъ него множество извлеченій для подкрѣпленія своихъ лингвистическихъ доказательствъ. Такимъ образомъ дошли они и до насъ. Позднѣе даже около XV вѣка, другіе грамматики, какъ то Харизій и Діоменъ и коммента-

* A. Gell., XIII 30.

торы, жившіе около того же времени, какъ напримѣръ Порфиріонъ и Филаргирій, схоластъ Георгикъ, по всѣмъ соображеніямъ, имѣли у себя нѣкоторыя сатиры, но вскорѣ потомъ книга эта исчезла совершенно.

Менипеи сдѣлались намъ извѣстны по преданіямъ и дошли только въ искаженныхъ отрывкахъ, находимыхъ у грамматиковъ и глоссаторовъ и по видимому не имѣютъ особенной важности. Но, въ XVI вѣкѣ, ученый типографщикъ Робертъ Этьень, или Эстьень, во Франціи первый вздумалъ собрать неполные остатки твореній древнихъ писателей и присоединилъ ихъ къ своему драгоцѣнном изданію: *Fragmens des vieux poëtes latins*, вышедшему въ Парижѣ, въ 1564 году. Весьма понятно, что эта книга сдѣлала впечатлѣніе на многихъ писателей и одинъ изъ нихъ, ученый Пасра объяснилъ съ кафедры своей, въ Collége de France, книгу Роберта Эстьеня.

Творенія Варрона представляютъ въ этомъ изданіи нѣчто въ родѣ *jeu de patience*, раскрашенной картинки, наклеенной на дерево и нарѣзанной на множество кусочковъ, которыми играютъ дѣти, составляя кусочки вмѣстѣ. Робертъ Этьень точно также старался собрать и соединить обрывки твореній Варрона, но по несчастію, въ этой игрушкѣ не доставало большей части кусочковъ. Онъ успѣлъ впрочемъ набрать углы, по которымъ очень трудно получить понятіе о цѣломъ; это очень походило на палимпсестъ, старый и вытертый, на которомъ буквы видны только мѣстами; впрочемъ попытка была не безполезна и потому заслуживаетъ благодарности.

Менипеи требовали строгаго критическаго разсмотрѣнія, но онѣ вышли въ 1590 году вторымъ изданіемъ, безо всякихъ поправокъ и объясненій. Наконецъ наступило время, уже два вѣка спустя, новѣйшая филологія подвергла строгому разбору драгоцѣнные остатки. За это взялся новый кёдлинбургскій издатель. Онъ воспользовался догадками и предположеніями, иногда чрезвычайно остроумными, вообще же очень смѣлыми, предшественника своего Попмы*, присоединилъ къ этому свои собственныя розысканія и изслѣдованія, не пренебрегъ также и указаніями Іосифа Скалигера, французскаго ученаго Тюрнеба, почерпнулъ кое-

* Издателя Менипей, въ 1590 году.

что изъ Бурмановой латинской Антологіи и изъ сочиненій почтеннаго голландскаго ученаго Рейвенса **. Нельзя сказать, чтобы г. Элеръ совершенно объяснилъ отрывки сочиненій Варрона, наполненныя множествомъ ошибокъ; многія мѣста онъ самъ считалъ необъяснимыми, *omni corruptelae faece conquinata*. Поправки его намъ кажутся не всѣ удачными, тѣмъ не менѣе трудъ Элера заслуживаетъ благодарности и обнаруживаетъ въ немъ очень терпѣливую эрудицію. Во многихъ мѣстахъ текстъ подлинника совершенно возстановился трудами ученаго издателя.

III.

Такъ какъ до насъ не дошла вполнѣ ни одна Варронова сатира, то довольно трудно было бы опредѣлить: что такое въ самомъ дѣлѣ, были эти Менипеи, но Сенека, въ своемъ Аполокинтосѣ оставилъ намъ подражаніе Варрону, и мы можемъ судить въ какой живой и живописной рамѣ играла прихотливая мечта писателя. Разумѣется между оригиналомъ и подражаніемъ не можетъ быть никакого сравненія и Варронъ, поучающій народъ подъ прикрытіемъ шутки, стоитъ несравненно выше безнравственнаго Сенеки. Содержаніе Аполокинтоса извѣстно всякому. Это сочиненіе и Юліяновы «Цезари» даютъ возможность догадываться по аналогіи, что такое были Варроновы «Менипеи». Очевидно въ нихъ, для сосредоточенія интереса, господствовало драматическое дѣйствіе, и все было приправлено ироніей. Діалоги, разсказы, эпизоды, все было тамъ перемѣшано; повсюду разнообразіе формы гармонировало съ разнообразіемъ мысли. Варронъ касался всѣхъ предметовъ, употреблялъ всѣ размѣры отъ ямбическаго триметра до галліямба, отъ анапеста до элегическаго стиха; онъ перемѣшивалъ латынь съ греческимъ языкомъ, пародію съ подражаніемъ, стихи съ прозой; словомъ, менипеи представляли смѣсь: учености, шутливости, высшаго поэтическаго вдохновенія и насмѣшливости. Увлекаемый поэтическимъ жаромъ, важный писатель одолѣвалъ всѣ трудности размѣра.— «Тяжеловѣсность стиха,—восклицаетъ онъ въ порывѣ

** Его *Collectanea litteraria*. Лейденъ, 1815. in 8°, стр. 118 и слѣдующія.

лирическаго восторга, — не останавливаетъ меня, потому что ритмическій букетъ увядаетъ не скоро».—Истинно поэтическое предвидѣніе! Да, хоть букетъ этотъ и распался и мало-по-малу разсыпался по дорогѣ времени, но въ этой душистой связкѣ осталось нѣсколько цвѣтущихъ стебельковъ, сохранившихъ свое благоуханіе; насладимся-же имъ въ свою очередь.

Вообще отрывки Менипей необыкновенно коротки; они, какъ мы уже говорили, перешли къ намъ отъ грамматиковъ, ввидѣ примѣровъ для объясненія нѣкоторыхъ малоупотребительныхъ словъ, и вообще рѣдко находятся между собой въ послѣдовательной связи. Случайно открылось, что если соединить нѣсколько отдѣльныхъ стиховъ, приводимыхъ Ноніемъ, то выйдутъ два довольно полные отрывка, которые своимъ строгимъ характеромъ представляютъ разительный контрастъ съ обыкновеннымъ шутливымъ или поучительнымъ тономъ его сатиръ. Мы приведемъ ихъ здѣсь, чтобы дать читателямъ понятіе о трезвой, нервической поэзіи Варрона! Первый отрывокъ содержитъ въ себѣ описаніе бури; вотъ онъ:

Repenter noctis circiter meridiae,
Cum pictus aër fervidis late ignibus
Coeli chorean astricen ostenderet,
Nubes aquales, frigido velo leves
Caeli cavernas aureas subduxerant,
Aquam vomentes inferam mortalibus;
Ventique frigido se ab axe eruperant,
Phrenetici Septemtrionum filii
Secum ferentes tegulas, ramos, syros.
At no caduci, naufragi ut ciconiae,
Quarum bipinnis fulminis plumas vapor
Perussit alte, maesti in terram cecidimus.

(Какъ вдругъ, около полуночи, когда воздухъ, озаренный вдали яркимъ пламенемъ, открывалъ небо и на немъ хоры звѣздъ, бурныя облака быстро раскинули свой влажный покровъ на позлащенномъ небесномъ сводѣ и пролили свой дождь внизъ, на смертныхъ; вѣтры, неукротимые сыны полуночи, вырвались изъ за полярныхъ льдовъ, унося за собой крыши домовъ и вѣтви. А мы, стоя на колѣняхъ, склонились подъ бурей, подобно аисту, кото-

рому крылатая молнія опалила перья, и изнеможенные пали на землю.)

Этому стилю конечно не достаетъ виргиліевой гармоніи, но вмѣсто нея въ немъ есть какія-то сильныя краски, которыя должны привести въ восхищеніе всѣхъ любителей поэзіи.

Второй отрывокъ достоинствомъ равенъ первому; въ немъ содержатся жалобы Прометея, въ его уединеніи, и г. Элеръ, должно быть по ошибкѣ отвелъ ему мѣсто между сатирами, но не въ томъ дѣло.

Sum ut supernos cortex, aut cacumina
Morientum in querqueto arborum aritudine.
Mortalis nemo exaudit, sed late incolens
Scytharum inhospitalis campis vastitas
Levis mens nunquam somnurnas imagines
Adfatur, non umbrantur somno pupulae.

(Я какъ кора на вершинѣ деревьевъ, какъ вершина засохлаго дуба; мнѣ не внемлетъ ни одинъ смертный, *внимаютъ* только негостепріимныя поля Скифіи, *раскинувшіяся* на необозримое пространство.)

Эти стихи согрѣты неподдѣльнымъ поэтическимъ чувствомъ; муза тихо осѣнила чело суроваго римлянина. Для сохранившихъ въ памяти прелестную главу изъ *De Re rustica*, въ которой авторъ на восмидесятомъ году жизни, умѣлъ съ такой увлекательностью (которой потомъ подражалъ и Виргилій) говорить о пчелахъ, не будетъ неудивительно встрѣтить этотъ прелестный цвѣтокъ утраченной поэзіи, среди небрежнаго и неровнаго слога. Въ одномъ отрывкѣ своихъ сатиръ, Варронъ говоритъ: — «Прелестью пѣсенъ твоихъ и поэзіи, ты заставляешь душу забывать горечь своихъ печалей: *dimmitis acres pectore curas cantu castaque poesi*. Но возвратимся къ мениппеямъ.

Искусство придумывать заманчивыя заглавія усовершенствовано въ весьма недавнее время и теперь дошло до того, что иногда заглавіе бываетъ лучше всей книги. Въ предисловіи къ своей Естественной исторіи, Плиній увѣряетъ, что греки лучше другихъ народовъ умѣютъ придумывать названія своимъ книгамъ; римляне далеко отстали отъ нихъ въ этомъ искусствѣ; имъ совершенно не далась великая тайна изобрѣтать заглавія, которыя въ одно и тоже время поражали-бы и завлекали *nostri crassiores*.

Изъ девяноста-шести дошедшихъ до насъ заглавій Менипей, ни одно не можетъ назваться плоскимъ или натянутымъ и часто подъ этими полу-латинскими полу-греческими вывѣсками укрывается весьма ѣдкое намѣреніе. Варронъ иногда беретъ для заглавія своихъ сатиръ миѳологическія имена, какъ напримѣръ: Эвмениды, Мелеагръ, второй Геркулесъ, или Агатонъ, или же философское правило: γνῶθι σεαυτόν предпочтительно-же употребляетъ для этого народныя поговорки, напримѣръ: *не знаешь, что принесетъ тебѣ вечеръ*, или *котелъ отыскалъ свою крышку* и т. п.

Одна изъ сатиръ его, написанная противъ циниковъ, называлась: *бочка, или серьезные предметы*; другая: *берегись собаки*; *бой козъ* была направлена противъ эпикурейцевъ, а забавныя правила стоиковъ осмѣивались въ сатирѣ: *ложка въ горшкѣ вселенной* κοσμοτορύνη. Вѣчные споры школъ между собой онъ осмѣивалъ въ *судѣ оружіемъ*; это была пародія двухъ трагедій Аттія и Пакувія. Изъ небольшихъ извѣстныхъ намъ отрывковъ менипей видно, что вообще заглавія Варроновыхъ сатиръ, какъ нельзя больше соотвѣтствовали содержанію. Варронъ безпощадно нападалъ на всѣ философскія школы безъ исключенія. — «Ни одинъ больной, говоритъ онъ, — не видалъ во снѣ такихъ нелѣпостей, которыхъ нельзя было бы найти въ какой-нибудь философской доктринѣ.»

Такимъ образомъ каждой школѣ, хоть мимоходомъ, а все-таки доставалось отъ Варрона. Въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ, онъ заводитъ рѣчь о сумазбродномъ вѣрованіи пиѳагорейцевъ въ переселеніе душъ., Какъ, восклицаетъ Варронъ,—неужели вы сомнѣваетесь, что и теперь вы не больше какъ длиннохвостыя обезьяны, змѣи, или домашнія животныя аѳинянина Альбиція *?, При всей отрывочности мыслей Варрона въ немъ нельзя не подмѣтить глубокой ироніи, составляющей главный, основный элементъ его сатиръ. Далѣе, авторъ менипней нападаетъ на стоиковъ. Забавнѣйшій изъ нихъ, нѣкто Демазиннъ, увѣренный въ сумасбродствѣ другихъ и не подозрѣвающій своего собственнаго,

*. Въ письмахъ Цицерона не разъ упоминается объ этомъ лицѣ высланномъ въ Аѳины. Въ Римѣ Альбицій былъ извѣстенъ по своей страсти ко всему греческому. Луцилій (Fr. 7. inc., 3) очень умно смѣется надъ этой его странностью.

очерченъ особенно удачно.—«Какъ для больнаго желтухой, все желтое и не желтое, кажется желтымъ, такъ и глупцамъ и умные и глупцы кажутся равно глупцами!» говоритъ Варронъ, намекая на философскія школы и въ тоже время на нѣкоторые современные обычаи. Надобно при этомъ замѣтить, что Варронъ нападалъ только на крайности и можно себѣ представить какой живѣйшій интересъ возбуждали въ изящномъ обществѣ Цезарей и Катулловъ его комическія объясненія сущности разныхъ доктринъ. Разумѣется, все что намъ удалось собрать изъ его сочиненій, состоитъ небольше какъ изъ горсти эрудическихъ пылинокъ, но всякому извѣстно, что довольно одному лучу проникнуть во мракъ, чтобы представить взорамъ цѣлый міръ движущихся атомовъ. Мы живемъ и чувствуемъ; слѣдственно должны имѣть хоть немного сочувствія и любопытства къ тому, что также жило и чувствовало.

Варронъ, подобно многимъ древнимъ комикамъ и сатирикамъ, вооружается также и противъ пресыщенія и съ жаромъ преслѣдуетъ сластолюбцевъ, служащихъ своему желудку. Въ самомъ дѣлѣ аппетитъ древнихъ римлянъ всегда составлялъ и будетъ составлять задачу новѣйшимъ ученымъ. Уже Луцилій восклицаетъ *: — «Живите (наслаждайтесь жизнію) пьяницы, обжоры! живите, желудки!» Авторъ менипей на ту же тему смѣется надъ:—широкими глотками пьяницъ, надъ:—этими когортами поваровъ, рыбаковъ и птичниковъ, наводнявшими въ его время улицы вѣчнаго города. Увы! Куда дѣвалось то счастливое время, когда Катонъ ѣлъ только по утрамъ хлѣбъ съ водой, приправленой уксусомъ. Гдѣ то золотое время, о которомъ такъ сожалѣетъ Луцилій, когда еще ѣли щавель и когда самые взыскательные люди довольствовались двумя кушаньями? Но нравы мало-по-малу развратились и наконецъ наступило время, когда старинные наемные повара, такъ часто являющіеся у Плавта, были замѣнены учеными рабами, настоящими кухонными художниками. Даже хлѣбъ стали печь особеннымъ, усовершенствованнымъ способомъ. Хоть общественныхъ хлѣбниковъ было и довольно, но богачи начали устроивать пекарни у себя въ домѣ. На это самое обстоятельство и намекаетъ Варронъ, обращаясь

*II, 26.

къ какому-то невѣждѣ-гастроному: — Еслибъ ты, говоритъ онъ, посвятилъ философіи двѣнадцатую часть того времени, которое проводишь въ наблюденіяхъ за своимъ хлѣбникомъ, чтобъ онъ хорошо дѣлалъ свое дѣло, такъ давно бы сдѣлался порядочнымъ человѣкомъ, а теперь всякій, кто знаетъ твоего хлѣбника, дастъ за него сто тысячъ ассовъ, а за тебя не дадутъ и ста. Сумма 100,000 ассовъ можетъ показаться преувеличенною, но нужно вспомнить, что въ то время, по словамъ Тита Ливія, за хорошаго повара платили до 20,000 сестерцій. Можно рѣшительно сказать, что никто лучше автора мениппей не съумѣлъ представить паразита; онъ изобразилъ его въ самыхъ яркихъ чертахъ: — Передъ нимъ обѣдъ, — говоритъ Варронъ; — онъ лежитъ за верхнимъ концемъ чужаго стола, не оборачиваясь назадъ, не смотря впередъ и бросая косвенные взгляды на путь ведущій изъ кухни. — Здѣсь Варронъ беретъ краски съ палитры Плавта.

Авторъ мениппей, нападая на обжорство, вовсе не думаетъ проповѣдывать строгой, суровой воздержности; онъ самъ, при всей умѣренности истиннаго мудреца, умѣющаго все чувствовать и цѣнить, въ одной сатирѣ, издѣваясь надъ пьянствомъ, воспѣваетъ вино. Онъ заставляетъ одного пьяницу говорить въ свое оправданіе: — Не видите-ли вы, что и сами обитатели Олимпа, когда имъ вздумается выпить вина, спускаются на землю и грозятъ Вакху возліятельной чашей.

Далѣе онъ говоритъ:

Vini nihil jucundis quisquam bibit;
Hoc aegritudinem ad medendam invenerunt.
Hoc hilaritatis dulce seminarium,
Hoc continet coagulum convivia.

(Вино! Никто не пивалъ лучшаго напитка. Оно лекарство отъ печали; оно сладкій источникъ радости; оно — узы пира!)

Намъ такъ и кажется, что эти прелестные стихи были написаны послѣ дружескаго обѣда въ Тускуланумѣ, гдѣ, можетъ быть, присутствовалъ и Цицеронъ.

При всей чистотѣ своихъ нравовъ и скромности характера, Варронъ любилъ дружескіе обѣды, съ свободной бесѣдой за дессертомъ. Одна его сатира: Lepidissimus liber, говоритъ Авлъ Гелій, содержитъ въ себѣ полную исторію обѣдовъ съ избранными

друзьями. Онъ трактуетъ въ ней о физіономіи пира и о томъ сколько должно быть сотрапезниковъ; по его мнѣнію ихъ должно быть не меньше числа грацій и небольше числа музъ.—Всякій пиръ,—говоритъ онъ,—долженъ соединять въ себѣ четыре условія; онъ будетъ полонъ, если сотрапезники будутъ все хорошо образованные люди, мѣсто будетъ избрано удобное, время также и столъ приготовленъ старательно. Сотрапезники не должны быть ни болтуны, ни нѣмые. Краснорѣчіе годится на форумѣ и въ сенатѣ, а безмолвіе—въ кабинетѣ.—Далѣе онъ прибавляетъ:—Отъ дающаго пиръ не требуется никакого великолѣпія и блеска; нужно только, чтобъ онъ не былъ скупъ. За обѣдомъ нельзя читать всего, безъ исключенія, и только такія сочиненія, которыя представляютъ соединенія пріятнаго съ полезнымъ.—Варронъ входитъ по этому предмету въ мельчайшія подробности. Авлъ Гелій свидѣтельствуетъ также, что Варронъ, въ особой сатирѣ своей:—«Пища»,—написанной ямбическими стихами и исполненной множествомъ умныхъ и тонкихъ замѣчаній, поименовываетъ большую часть продуктовъ, выписываемыхъ римскими гастрономами изъ разныхъ частей свѣта, такъ напримѣръ устрицъ привозимыхъ изъ Тарента, финики—изъ Египта, козлятъ изъ Амбраціи и мурену (рыба)—изъ Тартессы. Нельзя при этомъ не удивляться огромнымъ успѣхамъ завоевателей міра, въ такое короткое время; какъ далеко оставили они за собой бѣдныхъ ѣдоковъ Плавтова времени, которые довольствовались свинымъ саломъ и холодными морскими угрями. Намъ кажется, что тутъ Варронъ, какъ и всѣ грѣшные, причастный самолюбію, взялся за роль Апиція для того только, чтобы блеснуть своимъ знаніемъ. Впрочемъ, весьма естественно, что мы и ошибаемся и нашъ мудрецъ, любознательный всегда и во всемъ, можетъ быть, видѣлъ и тутъ предметъ изученія.

Въ сатирахъ своихъ, Варронъ не пропускалъ удобнаго случая подъ личиною шутки научить чему-нибудь. Онъ пролилъ свѣтъ и на исторію, на миѳологію, грамматику. Учить—забавляя, исправлять—смѣясь, было его постоянной цѣлію. Сатира въ его рукахъ была оружіемъ мудреца; никогда и ни на минуту не оставляетъ онъ своей практическо-нравственной цѣли; ни одинъ порокъ, ни одна смѣшная черта не ускользаютъ отъ его

вниманія. Нужно-ли осмѣять скупца, вотъ вамъ фраза, которая можетъ служить эпиграфомъ Плавтову «Котлу»:—Скряга неизлечимъ. Отдайте ему въ обладаніе всю землю, цѣлый міръ, и болѣзнь стяжанія все-таки не оставитъ его, будетъ мучить до того, что онъ начнетъ ограничивать себя во всемъ и сдѣлаетъ экономію на свой собственный счетъ.—Хотите-ли видѣть римскаго педанта; онъ вамъ покажетъ его «съ нечесанными волосами, философствующаго на площади и взвѣшивающаго каждое слово.» Унего есть также и мнимый больной, выздоровѣвшій отъ своихъ небывалыхъ недуговъ, онъ говоритъ: quid medico mihi est opus?

Въ то время развращеніе нравовъ римлянъ достигло значительной степени, такъ что, по словамъ Ювенала, въ Римѣ не было честнаго человѣка и Варронъ, бросивъ на прошедшее взглядъ полный грусти и сожалѣнія, говоритъ:

«Дѣды и прадѣды наши были исполнены благородства, не смотря на то, что уста ихъ издавали запахъ лука и чеснока.»

Онъ не щадилъ и прекраснаго пола: дѣвы и матроны также получали кое-что на свою долю: «Дѣвы,—говоритъ онъ—спѣшите насладиться жизнію; лѣта безумной юности позволяютъ вамъ рѣзвиться, любить, пировать и править браздами Венеры» Тутъ видѣнъ восторженный поэтъ, исполненный жажды наслажденій, но далѣе онъ говоритъ уже гораздо серьезнѣе: «Дѣвы не должны присутствовать на пирахъ, потому что и предки наши не допускали, чтобы дѣвственный слухъ оскорблялся рѣчами Киприды.» Это обыкновеніе дѣйствительно существовало у римлянъ, которые заимствовали его отъ грековъ. Корнелій Непотъ утверждаетъ, что благородныя аѳинскія дѣвушки обѣдали только съ родственниками. Варронъ смотрѣлъ на женщинъ очами римлянъ *, lanam fecit, было, по его мнѣнію, лучшей эпитафіей любой матронѣ. «Имъ даны,—говоритъ онъ въ своихъ мениппеяхъ—руки на то, чтобы прясть ленъ, а глаза—смотрѣть, чтобы не пригорали бобы.» Не смотря на эту наружную суровость

* Изъ его трактата о земледѣліи видно, что Варронъ любилъ въ женщинахъ энергію и трудолюбіе:—Какъ вамъ кажутся наши истомленныя родильницы, по нѣскольку дней лежащія распростертыми на постели? Не жалки-ли онѣ? (De Re rustica II, 10)

правилъ, Варронъ былъ отличнѣйшимъ мужемъ, если судить о немъ по слѣдующему супружескому правилу: «Женины недостатки нужно терпѣть или исправлять. Кто исправляетъ жену свою—улучшаетъ ее; ктоже терпитъ ея недостатки—улучшается самъ.»

Въ этомъ, что мы привели теперь, заключается почти все, что мы успѣли, и то съ величайшимъ трудомъ, извлечь изъ дошедшихъ до насъ отрывковъ, не имѣющихъ почти никакой цѣны, и развѣ только пригодныхъ лексикографамъ. Впрочемъ изъ приведенныхъ нами двухъ отрывковъ читатели могутъ судить, что слогу Варрона не доставало гибкости и блеска, и мѣстами онъ даже сухъ, но не смотря на все это, онъ носитъ печать какой-то особенной оригинальности и прелести. Варронъ былъ по преимуществу моралистъ и это замѣтно какъ нельзя болѣе. Судя по остаткамъ, можно предположить, что въ сочиненіяхъ его господствовалъ поучительный тонъ, да оно и не могло быть иначе: Варронъ слишкомъ искренно любилъ истину.

«И вотъ,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—вдругъ начала приближаться къ намъ бѣлая истина, дочь аттической философіи.» И какъ, въ самомъ дѣлѣ, не приблизиться ей къ нему, кто такъ пламенно любилъ ее и отказался отъ всѣхъ почестей, чтобы въ тишинѣ предаться ученію. Онъ имѣлъ полное право сказать:—Тотъ, кого золото, знатная порода и разнообразіе познаній дѣлаютъ тщеславнымъ, никогда не пойдетъ по пути, проложенному Сократомъ.—Варронъ неуклонно шелъ по этому пути съ постояннымъ усердіемъ, ища мудрости. Намъ невольно пришелъ на память Лафонтенъ, когда мы встрѣтили въ Менипеяхъ прекрасную мысль, которая, по несчастію, теряетъ въ переводѣ всю свою силу: «Ни золото, ни сокровища не даруютъ сердцу покоя. Ни золотыя горы Персіи, ни всѣ богадства Крассовъ не избавятъ душу отъ ига предразсудковъ и томленій.» Всѣ формулы правоученія добровольно ложатся подъ перо Варрона. То оно является подъ видомъ пословицы, заимствованной отъ мудрости народной: «Нѣтъ такой прекрасной жатвы, въ которой не было-бъ нѣсколько дурныхъ колосьевъ, ни дурной, въ которой не было-бъ хорошихъ. «То подъ видомъ размышленія

о хорошемъ употребленіи жизни: Хорошо жить не значитъ долго—а мудро.

Собраніе изрѣченій, напечатанное въ Падуѣ, съ неизданной рукописи XIII вѣка, можетъ служить достаточной опорой для утвержденія за старымъ римляниномъ репутаціи моралиста. Достигнувъ зрѣлаго возраста, Петрарка вспомнилъ, что въ юности онъ имѣлъ въ рукахъ нѣкоторыя сочиненія Варрона, въ послѣдствіи исчезнувшія, и которыя онъ напрасно старался отъискать; эта мысль разрывала его сердце: recordatione torqueor, и онъ горько жаловался, что успѣлъ только концами губъ вкусить античной сладости. Какъ бы то ни было, а пропажа твореній Варрона возбуждаетъ невольное сожалѣніе.

Римляне имѣли обыкновеніе выбирать изъ извѣстныхъ писателей отдѣльныя мысли, правила и нравственныя изреченія и составленныя изъ всего этого книги служили учебниками въ школахъ. Такимъ образомъ составился прекрасный сборникъ, доставившій Сирусу почетное мѣсто между древними моралистами. Очень правдоподобно, что такое же извлеченіе было сдѣлано и изъ сочиненій Варрона; достовѣрно извѣстно только, что въ XIII вѣкѣ, нѣкто Винцентъ де Бове, привелъ изъ него множество цитатъ, какъ изъ автора пользовавшагося въ свое время обширной извѣстностью. Шнейдеръ, послѣ другихъ критиковъ *, выбралъ эти цитаты изъ собранія Винцента де Бове и помѣстилъ въ началѣ трактата о земледѣліи, какъ цвѣтъ истинной мудрости, flores prudentiae civilis, а г. Конрадъ Орелли, въ своемъ собраніи сентенцическихъ латинскихъ стиховъ, къ изданнымъ прежде него изреченіямъ Варрона прибавилъ еще нѣсколько. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ древнихъ нравоученій, которыя доселѣ еще не были переведены и существуя въ сборникахъ, не пользовавшихся славой, были извѣстны только латинистамъ.

* Въ книгѣ Якова де Сесоля, напечатанной въ Миланѣ, въ 1479 году находятся первыя Варроновы сентенціи, числомъ 18, извлеченныя изъ изданія Винцента де Бове; въ 1624 году Каспаръ бартскій, въ своей Adversaria, прибавилъ къ нимъ еще нѣсколько, такъ что Шнейдеръ набралъ ихъ уже сорокъ семь. Съ найденными же г. Девиттомъ число ихъ простирается теперь до ста-шестидесяти-пяти.

Въ этихъ изрѣченіяхъ Варронъ является, какъ авторъ Менипей.

—Говори, какъ всѣ, чувствуй какъ немногіе.

—Во многихъ случаяхъ глупо являться умнымъ передъ всѣми *.

— Дать, когда просятъ — значитъ дать одинъ разъ; а дать безъ просьбы — дать два раза.

—Куда бы ни пошелъ человѣкъ съ сердцемъ, онъ повсюду носитъ съ собой отечество; все, что принадлежитъ ему, находится у него въ душѣ.

—Есть вѣрованія, которыя нужно вырывать изъ разума людей, потому-что онѣ занимаютъ тамъ мѣсто истины, которую каждому необходимо знать.

— Начинай говорить послѣдній, умолкай первый.

— Многіе теряютъ право на похвалы тѣмъ, что сами себя хвалятъ; мудрецъ хвалитъ себя, выхваляя въ другихъ то хорошее, которое заключается въ немъ самомъ,

Сентенціи, отысканныя въ падуанской рукописи, тономъ и слогомъ совершенно подобны этимъ; очевидно, что онѣ принадлежали къ одному и тому-же собранію. Многія изъ нихъ теперь уже непонятны, большая же часть совершенно утратила смыслъ по милости измѣненій и поправокъ невѣжественныхъ компиляторовъ. При всемъ томъ, каждая строка носитъ на себѣ печать древности и въ подлинности этихъ изрѣченій нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Чтобы читатели могли судить о нихъ сами, мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя. Сентенціи вообще не подлежатъ ни какой классификаціи: безпорядокъ — ихъ неотъемлемая принадлежность. Мы выписываемъ на удачу:

— Смерть кажется чѣмъ то новымъ, но она никому не нова; она объемлетъ жизнь съ обѣихъ сторонъ *.

— Тому кто знаетъ мало, и эта малость бремя.

* Это напоминаетъ мысль Эсхила въ діалогѣ Прометея съ Океаномъ: «Казаться дуракомъ—завидная тайна мудреца.»

* Невозможно въ точности передать выраженія подлинника: — *Mors nulli nova sed credita, vitam utrinque complectitur.*

— Скука не существуетъ для человѣка, которому открывается обширный и разнообразный путь ученыхъ изслѣдованій **.

— Учители говорятъ: нельзя уличить человѣка во лжи, когда онъ говоритъ о предметахъ, которые никому неизвѣстны.

— Превзойти мудростью всѣхъ или очень многихъ похвально и пріятно, но только мудрено достичь этого, не лишившись разсудка.

—Мы ѣдимъ пчелиный медъ, но не дѣлаемъ его.

— Кто въ равной степени знаетъ все — ничего не знаетъ.

— Мудрецъ всегда знаетъ много вещей, о которыхъ ни съ кѣмъ еще не бесѣдовалъ.

— Учиться — вступать во владѣніе наслѣдствомъ, изобрѣтать — копить капиталъ своимъ потомкамъ.

— Нельзя назвать хорошимъ спекулаторомъ человѣка, который ничего не пріобрѣлъ; я никогда не назову философомъ того, кто не сдѣлалъ никакого открытія.

— Хвалиться тѣмъ, чему научился, а не выдумалъ самъ, также глупо, какъ хвалиться оленемъ полученнымъ отъ охотника.

— Мы рѣшительно ничего не знаемъ.

Тутъ мы останавливаемся; кончить правоученіемъ значитъ остаться вѣрными Варрону. Неизданныя изрѣченія падуанской рукописи одной чертой болѣе опредѣляютъ характеръ физіономіи умнаго старца, суроваго и въ тоже время смѣющагося, съ которымъ мы уже отчасти знакомы. Мысли его о счастіи, отзывающіяся опытностью кормчаго, закаленнаго въ буряхъ, страсть къ ученію, мудрые совѣты, въ которыхъ кое-гдѣ проскакиваетъ лукавство хоть и безъ горечи, все это много говоритъ въ пользу Цицеронова друга, автора пріятнаго и серьезнаго трактата о земледѣліи.

Одинъ ученый цицеронянинъ временъ возрожденія, проникнутый какимъ то благоговѣйнымъ удивленіемъ къ древнимъ, говаривалъ, что для, новѣйшихъ народовъ произведенія древности тоже самое, что были для убогаго крохи, падавшія со стола богача. Въ самомъ-дѣлѣ, нельзя не признаться, что и теперь

** Въ подлинникѣ: — *Nihil illi taedio, cui multae vel amplae inquirendorum potent viae.*

собирая эти крохи, чувствуешь какое-то необъяснимое удовольствіе. Мы говоримъ это по опыту, и если судьбѣ не угодно, чтобъ мы были прочитаны до конца, то утѣшаемся и тѣмъ уже, что приложили все стараніе подѣлиться съ читателями немногими красотами, заключающимися въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ сочиненій Теренція Варрона, котораго смѣло можно причислить къ плеядѣ замѣчательнѣйшихъ мужей древности.

А. НИКОЛАЕВЪ.

=

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ОПЕРА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Введеніе. *(Очеркъ исторіи пѣнія въ Италіи; — школы: артистическая и драматическая. — Будущность пѣнія и требованія отъ него Мейербера.)* «Любовный напитокъ» и «Марія ди Роганъ» *Доницетти*, — «Гвельфы и Гибеллины» *Мейербера*, — «Эрнани» *Верди*, — «Норма» *Беллини*, — «Лючія ди Ламмермуръ» *Доницетти*.

Итальянская школа, итальянское пѣніе — слова, ласкающія уши дилеттантовъ! Сколько объ васъ не говорили, сколько не писали! Въ нѣсколько лѣтъ существованія у насъ итальянской оперы, много пѣвцовъ и пѣвицъ было обсуждено музыкальной критикой и, не смотря на это, въ каждомъ сужденіи вы найдете такую неопредѣленность и шаткость основаній, что по неволѣ задаешь себѣ вопросъ: что же изъ этого слѣдуетъ? Причиной этому намъ кажется недостатокъ основъ, точки зрѣнія, съ которой должно смотрѣть на итальянское пѣніе. Поэтому, приступая къ отчетамъ о представленіяхъ итальянской труппы, мы считаемъ нужнымъ предпослать имъ краткій очеркъ исторіи пѣнія въ Италіи, очеркъ, изъ котораго читатели ясно увидятъ нашу точку зрѣнія на искусство.

Первый фактъ, встрѣчаемый нами въ исторіи музыки въ Италіи, фактъ до того странный, что можетъ показаться съ перваго взгляда парадоксомъ, — состоитъ въ томъ, что эта страна обя-

зана совершенствомъ своей вокальной школы отсутствію понятія лирико-драматической истины въ ея оперныхъ композиторахъ. И точно, при возникновеніи лирической драмы въ Италіи, насъ поражаетъ отрицаніе чувства *истины*. Искусственное перемѣщеніе діапазоновъ есть уже актъ обвиненія противъ старой оперы - seria для насъ, видящихъ совершенство лирической драмы въ вѣрности ея лирико-драматической истинѣ. Но это самое отсутствіе истины должно было неминуемо привести къ развитію внѣшней стороны — виртуозности. Речитативъ, какъ родъ, палъ; все дѣйствіе было перенесено въ отрывки декламированныхъ фразъ, — пѣвцамъ остался только лиризмъ, мелодія кое-какъ приноровленная къ выраженію извѣстнаго цикла чувствъ. Вотъ почему неаполитанская школа оставила намъ образцы первыхъ мелодій прекрасныхъ, простыхъ и обворожительныхъ, поразившихъ впервые человѣческій слухъ. Это — эпоха Лео и Дуранте. У Палестрины собственно мелодіи еще нѣтъ: она является у него, какъ cantus firmus, или какъ контрапунктическія фигуры, прелесть которыхъ заключается въ гармонической общности. Віадана пошелъ гораздо далѣе: мелодіи его уже ближе къ мелодіямъ Лео и Дуранте.

До сихъ поръ участіе пѣвцовъ въ драматическомъ стилѣ было чисто пассивное; пѣніе въ зародышѣ покорно повиновалось указаніямъ композиторовъ. Но погодите! дитя скоро закапризится. Уставъ пѣть для композиторовъ, не имѣя понятія о драматическомъ исполненіи, выказывающемъ пѣвца безъ ущерба мыслямъ маэстро, — пѣвцы вдругъ явились тиранами — и виртуозность началась. Простите, благородныя и чистыя мелодіи, прости, классическій стиль! Пѣвецъ захотѣлъ господствовать въ свою очередь и требовалъ отъ композитора только канвы, по которой ему можно было-бы вышивать свободно замысловатые узоры. Это стремленіе, пагубное для развитія музыкальной драмы, породило совершенство механизма пѣнія, единственное убѣжище виртуозности въ эпоху, когда она не могла еще блистать въ созданіи драматическихъ характеровъ, наброшенныхъ композиторами. Было, однако, время, когда эта школа достигла высоты художественнаго совершенства. Мы уже намекнули на то, что была старая опера-seria: собраніе концертныхъ пьесъ и лирическихъ дуэтовъ, безъ движенія, безъ дѣйствія, сосредоточеннаго въ речитативѣ, элегантность, грація, филиграновая работа безъ драматическаго выраженія, — вотъ какова эта опера въ произведеніяхъ Чимарозы и Паэзіэлло, послѣднихъ представителей ея. Совершенство вокаль-

наго механизма было необходимымъ результатомъ этой музыки. Исполненіе, имѣя дѣло съ музыкой поверхностной, безъ глубокаго психологическаго анализа, — сдѣлалось само таковымъ-же. Это поверхностное направленіе проявилось преимущественно въ особенномъ характерѣ школы, называемой итальянцами *di gusto*, которая не замедлила перейти въ крайность.

Gusto, состоявшій въ подчиненіи украшеній характеру мелодіи, не отягощая ее чрезмѣрно, перешелъ въ изысканность. Тогда въ искусствѣ представилось нѣчто чудовищное: на музыку начали смотрѣть, какъ на фонъ, къ несчастію необходимый для выказыванія искусства пѣть. Явились артисты и артистки, объѣзжавшіе всю Европу при громѣ рукоплесканій съ двумя-тремя аріями во всемъ своемъ репертуарѣ. Того болѣе: голосъ овладѣлъ виртуозностью скрипки! Это значило не сознавать основныхъ началъ вокальнаго пѣнія.

Но Глюкъ и Моцартъ создали теорію музыкальной драмы, какъ психологико-музыкальнаго развитія характеровъ и истинно драматическую мелодію. Симонъ Майръ началъ вводить драматическій стиль въ старую и дряхлую оперу-seria; онъ же посвятилъ себя возстановленію теноровъ, основавъ, въ 1805 году, свою прекрасную школу въ Бергамо. Мужественный голосъ тенора-seria былъ какимъ-то откровеніемъ для Италіи; за отсутствіемъ баритона, всѣ сознали сколько было рессурсовъ въ этомъ тэмбрѣ для выраженія драматическихъ страстей, которое начинало уже проглядывать на музыкальномъ горизонтѣ Италіи. Тогда всей Италіей овладѣло какое то страстное поклоненіе теноромъ. Ученики старой школы, съ могучими голосами преимущественно развитыми въ нижнемъ регистрѣ,—тенора процвѣли и, мало-по-малу, начали переходить къ ролямъ любовниковъ. Этотъ переходъ выражаетъ собою роль тенора въ Отелло.

Въ первомъ фазисѣ развитія пѣнія въ Италіи мы видимъ великолѣпное развитіе *формы* въ ущербъ содержанію. Теперь наступаетъ вторая крайность. Весь драматизмъ пѣнія, отдѣлка речитативовъ, бравурность — были доведены теноромъ до совершенства: они пѣли партіи Фигаро въ «Севильскомъ Цирюльникѣ,» Донъ-Жуана и другія, но лирическое пѣніе начало упадать. Развитые на нижней октавѣ, тенора встрѣтили сильныхъ соперниковъ въ баритонахъ. Энергія не могла долго ужиться съ мягкостью, нѣжностью тенороваго тэмбра; инстинктъ призывалъ ихъ къ верхнему регистру, къ звукамъ любви нѣжной, тихой, всепоглощающей. Великій Моцартъ указывалъ дорогу ролью Отта-

віо въ «Донъ Жуанѣ». Оттавіо любовникъ; въ этомъ положеніи господствующая черта лиризмъ; дѣйствія, драматизма никакого. Человѣкъ влюбленный теряетъ свою самостоятельность, свою активность; онъ отблескъ той, кого любитъ; онъ живетъ въ ней, думаетъ ею и ни къ чему не способенъ, кромѣ лирическихъ порывовъ. Вотъ почему эти характеры удаются преимущественно поэзіи лирической. Эту особенность, это истинное значеніе тенора понялъ впервые великій Рубини: у него перваго явились дивныя cantabile — неотъемлемая принадлежность теноровъ. Рубини былъ пѣвецъ-эклектикъ. На высотѣ его воззрѣнія тенора не могли удержаться и они перешли къ приторной сладости и нѣжничанью. Это третье направленіе выразилось въ теноровыхъ партіяхъ оперъ Беллини, которыя Рубини, силою своего генія, поддерживалъ на границахъ нѣжной, но концентрированной страсти.

И такъ, тенора первые открыли драматическое пѣніе: за ними слѣдовали женщины. Пизарони родилась въ 1793 году. Москини и Маркези окончили ея артистическое образованіе; въ 1811 году она дебютировала въ Бергамо. Голосъ ея былъ необширенъ и крикливъ въ верхнихъ потахъ, наружность отвратительна; она произвела эффектъ своей чудной методой и еще болѣе своей страстной и драматической игрою. За нею слѣдовали Кольбранъ и Фодоръ; первая — героиня лучшихъ оперъ Россини, вторая создала методу Зонтагъ и пѣніе a mezza voce. Въ 1798 году родилась великая Паста, которая сосредоточила въ себѣ все новое драматическое направленіе пѣнія, выражаемое слѣдующей формулой: подчиненіе голоса требованіямъ драматическихъ моментовъ, не упуская притомъ изъ виду чистоты пѣнія и украшенія его въ границахъ изящнаго вкуса. Но и Паста не всегда оставалась вѣрна этому правилу, а въ ея послѣдовательницахъ, драматическое увлеченіе, игра взяла полный верхъ надъ лирическимъ пѣніемъ. Исполненіе каватинъ пропало совершенно и теперь о немъ осталось только одно преданіе. Баритоны, идеаломъ которыхъ былъ и останется навсегда Тамбурини, также пошли по ложному направленію и затянули вѣчное и скучное свое cantabile, представителями котораго могутъ служить баритонныя аріи Беллини. Пѣвицы своими ультра-драматическими стремленіями, тенора и баритоны приторной простотой и нѣжностью уронили искусство пѣнія; Верди довершилъ начатое своими неудачными пародіями на Мейербера — и все основаніе старой эстетики пѣнія поколебалось. Новые принципы еще не устано-

вились; старые распались, всюду разладица, хаосъ, смѣшеніе школъ. Будемъ терпѣливо ожидать будущаго и, покамѣстъ, поклоняться тѣмъ остаткамъ истинныхъ артистовъ, которыми Дирекція такъ попечительно наградила насъ на предстоящій сезонъ: Персіани, Гризи, Тамбурини, Ронкони, Маріо — столбы истиннаго пѣнія; рядомъ съ ними Марай, Медори, де-Мерикъ — побѣдоносно борятся съ фальшивымъ направленіемъ новыхъ пѣвцовъ; Формесъ, Тальяфико — представители пѣвцовъ, какихъ требуетъ для своихъ оперъ Мейерберъ. Но, прежде чѣмъ идти далѣе, вникнемъ глубже, чего требуютъ отъ пѣнія новые композиторы, каковы эстетическіе принципы, на которыхъ они думаютъ создать новое направленіе пѣнія?

Очевидно, Мейерберъ не сказалъ послѣдняго слова искусства: новый Глюкъ — онъ требуетъ новаго Моцарта для поясненія и пополненія себя, — а этотъ Моцартъ еще не явился. Основанія клектизма Пасты и Рубини уже не годятся для оперъ Мейерберра. Этотъ обрывчатый, рѣзкій речитативъ, это пѣніе рѣдко плавное, полное движенія, контрастовъ, эта декламація, господствующая даже въ лирическихъ моментахъ, — все это не подходитъ подъ основанія старой эстетики, все это требуетъ чего-то новаго, угловатаго, рѣзкаго. Всѣ итальянцы не постигаютъ Мейербера и право они въ этомъ не виноваты: вѣдь поютъ же они Моцарта и поютъ хорошо. Значитъ что-нибудь да не такъ. Если прослѣдимъ развитіе пѣвца по тѣмъ даннымъ, которыя требуетъ отъ него Мейерберъ, то увидимъ, что эти требованія ведутъ прямо къ уничтоженію пѣнія. Мейерберъ замѣнилъ лиризмъ декламаціоннымъ французскимъ паѳосомъ, — значитъ онъ требуетъ отъ пѣвца одну страсть, драматизмъ. Но лиризмъ есть основаніе пѣнія: въ противномъ случаѣ къ чему опера? достаточно драмы и актеровъ. Вотъ пѣвецъ школы Мейербера: страсть драматическое выраженіе господствуютъ въ немъ. Ей все принесено въ жертву: метода, отчетливость, чистота пѣнія, лиризмъ, все, что составляетъ основаніе музыкальнаго исполненія. Голосъ насилованъ, пѣвія, при безпрестанныхъ перемѣнахъ размѣра и темпа, нѣтъ; эффекты драматическіе, рабское подражаніе простой рѣчи, а не художественное воспроизведеніе въ сферѣ музыки акцентовъ страсти, — все это принуждаетъ его видѣть въ себѣ вѣчно актера, а не пѣвца. Вы думаете — достигнуто совершенство? Ошибаетесь: еще шагъ — и мы совсѣмъ выйдемъ вонъ изъ лирической драмы. А Моцартъ постоянно оставался въ ней. Никто не заподозритъ насъ въ неуваженіи къ таланту Мейербера:

онъ открылъ новую дорогу, но, по ней, увлекся односторонне. Онъ самъ себѣ не уяснилъ своихъ требованій отъ пѣвца; онъ набросалъ широкій эскизъ, но окончить картину и привести гармонію частей предоставлено другому. Въ операхъ Мейербера пѣвцы чувствуютъ себя внѣ своей сферы и, повторяемъ опять, — въ этомъ не ихъ вина. Для оперъ Мейербера потребны пѣвцы новые, потребна новая эстетика пѣнія, — но опредѣлить характеръ первыхъ и принципы послѣдней, изъ этихъ оперъ — невозможно. Мы видимъ къ чему стремится Мейерберъ, видимъ, что онъ — вѣрность драматической истины хочетъ подчинить вѣрности историческаго колорита эпохи и, повинуясь стремленію литературы, вывести оперу изъ сферы психологической въ общественную. Но это стремленіе производится часто въ ущербъ независимости созданія. Психологическій характеръ, общій всѣмъ, можетъ быть выраженъ музыкою въ свободныхъ созданіяхъ фантазіи, но историческій — не имѣетъ той независимости: обрисовать въ музыкѣ характеръ исторической эпохи можно только, введя въ нее мотивы, принадлежащіе этой эпохѣ; обрисовать же какую-нибудь исключительную историческую личность нельзя безъ насилованія музыки. Доказательства этого найдемъ мы у самого Мейербера въ его преимущественно исторической оперѣ «Гвельфахъ и Гибеллинахъ». Какимъ образомъ обрисованъ въ ней историческій характеръ эпохи: — хораломъ, заимствованнымъ у Лютера, «Couvre feu», заимствованнымъ у нѣмецкихъ ночныхъ стражей, благословеніемъ оружія, заимствованнымъ изъ начала «Stabat Mater» Перголези, и пѣсней убійцъ, заимствованной изъ старой «Chanson des Mousquetaires». Характеръ Марселя весь зиждется на хоралѣ и французскихъ декламаціяхъ въ духѣ того же хорала. Относительно пѣсни «Pif, paf!» — постоянный неуспѣхъ ея въ устахъ всѣхъ артистовъ и на всевозможныхъ сценахъ — уже достаточно обвиняетъ ее. Гораздо свободнѣе и музыкальнѣе развитъ историческій характеръ Маргариты Наваррской, — и это потому, что черты этого характера болѣе общи и не такъ исключительны: чувственность, кокетство найдутъ всегда акценты для независимаго выраженія себя въ музыкѣ, но религіозный фанатизмъ — для изображенія его музыка, *въ сферѣ вымысла*, не имѣетъ звуковъ.

Попробуйте, по роли Марселя, составить себѣ понятіе о томъ, что требуетъ Мейерберъ отъ пѣвца: рѣзкость, угловатость, силу голоса, отсутствіе spianato, пѣніе урывчатое, грубое даже и, рядомъ съ этимъ вещи, трудныя до крайности: какой-нибудь триль-

еръ на нижнемъ si-bémol и т. п. Итальянскій пѣвецъ, очевидно, не годится для этой роли: онъ постоянно будетъ имѣть въ виду внѣшнюю красоту формы пѣнія; угловатость будетъ его поражать и онъ инстинктивно будетъ стремиться къ сглаженію ея и, чѣмъ болѣе будетъ доволенъ собою, тѣмъ болѣе уничтожитъ все характеристическое этой роли. И такъ, для роли Марселя требуется пѣвецъ-нѣмецъ, безъ большой обработки голоса, безъ понятія о красотѣ пѣнія, угловатый въ формахъ своихъ, какъ и въ голосѣ. Но вотъ — партія Маргариты: партія изящная, кокетливая, бравурная, наполненная фіоритурами филиграновой работы, скачками на самыя верхнія ноты регистра: очевидно, никакая пѣвица нѣмецкой школы не годится здѣсь. Голосъ обработанный до нельзя, обширный сколько возможно и сильный (ему приходится дѣлать forte трудную каденцу при педальномъ пѣніи хора и солистовъ) — ни болѣе ни менѣе, какъ первоклассную итальянскую пѣвицу! Третья роль Валентины декламаціонная отъ начала до конца — требуетъ непремѣнно пѣвицу французской школы: что за хаосъ! и гдѣ набрать всего этого?...

Poco andante Es-dur $\frac{4}{4}$. Литавры глухо рокочатъ; послѣ небольшой паузы кларнеты in B и фаготы начинаютъ piano мотивъ Лютерова хорала и доводятъ его до конца, причемъ литавры заключаютъ педальнымъ tremolo. Является тотъ-же мотивъ, но на мѣдныхъ инструментахъ, forte съ торжественно-ликующимъ характеромъ. За симъ хоралъ переходитъ на гобои и флейты и вторая половина его повторяется ими какъ-бы эхомъ. Гобои сообщаютъ ему при этомъ какой-то характеръ жалобы, еще болѣе усиленный перемѣной H въ B во второмъ аккордѣ перваго такта, отчего G-dur становится G-mol. Эта незначительная, но глубоко обдуманная перемѣна довершаетъ историческую картину, которую хотѣлъ изобразить композиторъ.... Вальтеръ-Скоттъ не иначе-бы началъ первую главу историческаго романа таковъ его обыкновенный пріемъ. Продолжая наше сравненіе, мы увидимъ, что, начавъ романъ, какъ мы указали выше, историкъ-романистъ продолжалъ-бы: «посреди этихъ волненій, два сердца полюбили другъ друга, не спросясь о томъ у партій, раздиравшихъ государство. И были бы они счастливы, если-бы смуты не раздавили ихъ, какъ великанъ двухъ червяковъ.» Такъ бы продолжалъ свой разсказъ Вальтеръ-Скоттъ, такъ продолжаетъ его и нашъ композиторъ. Послѣ двадцати-семи тактовъ хорала на скрипкахъ является нѣжная, граціозная фигура осьмушечныхъ нотъ, на которую, послѣ каждыхъ четы-

рехъ тактовъ, флейты и гобои навѣваютъ еще большую нѣжность двумя аккордами pianissimo. Этотъ контрастъ безграничной нѣжности съ рѣзкимъ и мужественнымъ характеромъ хорала былъ очевидно не понятъ критиками, потому-что они ставили его въ обвиненіе композитору. Въ этомъ мотивѣ разсказъ доведенъ до фразы: «и были-бы они счастливы, если-бы....» И вотъ осьмушки превращаются въ шестнадцати-дольныя, въ то время, какъ верхніе деревянные инструменты выводятъ подъ сурдину мотивъ хорала. Этотъ мотивъ становится все громче и громче; онъ переходитъ на мѣдные инструменты, а фигура скрипокъ является уже какою-то разбитою, отрывочною. Какъ эстетическій-то характеръ тонко проведенъ въ музыкѣ! Наконецъ вышеприведенная фигура скрипокъ вовсе исчезаетъ, струнные инструменты бьются въ смятеніи на tremolo; два первые такта хорала повторяются четыре раза тромбонами, восходя каждый разъ на одну діатоническую ступень, какъ-бы крикъ предостереженія при приближеніи опасности. Обратите вниманіе на фигуру скрипокъ: надобно было много таланта, чтобы придумать ее такъ эстетически вѣрною положенію и такъ способною къ сочетанію съ хораломъ. Allegro feroce $\frac{4}{4}$ довершаетъ увертюру: это — картина ужасовъ междуусобной войны въ эскизѣ. Въ ея громадной жестокости исчезаетъ и хоралъ протестантовъ и жалоба сердца любовниковъ.

И по обработкѣ и по выдержанности эстетическаго характера,— эта увертюра — мастерское произведеніе!

Мы сдѣлали разборъ этой увертюры въ отвѣтъ на возможность фальшиваго заключенія, будто мы отвергаемъ вовсе возможность историческаго характера въ музыкѣ. Нѣтъ, въ извѣстныхъ границахъ онъ можетъ существовать безъ ущерба чисто-музыкальному элементу. Много есть средствъ сообщить музыкѣ этотъ колоритъ обработкой, способомъ инструментаціи и т. д. Пріемы фугатные часто много способствуютъ живости исторической картины. Такъ, въ этомъ отношеніи, мы можемъ смѣло указать за образецъ, мастерскую сцену третьяго акта «Гвельфовъ», гдѣ нѣсколько характеристическихъ мотивовъ, въ контрапунктномъ сочетаніи, рисуютъ наглядно противоположность обѣихъ партій. Возьмите также хоръ драки въ той-же оперѣ. Какое строгое единство и историческій колоритъ, не смотря на разнообразіе драматической канвы, сообщила ему форма fugato, избранная Мейерберомъ. Мы, впрочемъ, того мнѣнія, что fugato — собственно принадлежность morceaux d'ensemble, гдѣ, на общемъ

фонѣ, должны самостоятельно рисоваться разныя личности; хоръ же — существо собирательное, но единомыслящее, кромѣ случаевъ, гдѣ, какъ выше, выведены на сценѣ два хора противоположные другъ другу.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что теорія музыкальной драмы, какъ психологической картины, какъ психологическаго анализа чувствъ и страстей *интимныхъ*, — не подвинулась въ Мейерберѣ ни на шагъ со временъ Моцарта; мало того: сдѣлала нѣсколько шаговъ назадъ; — новое затрудненіе для пѣвцовъ и пѣвицъ школы Пасты, стремящихся къ единству психологическаго созданія характеровъ. Въ недостаткѣ характеристики нельзя упрекнуть Мейербера, но, замѣтьте, что его характеристика касается личностей болѣе общественныхъ, чѣмъ индивидуальныхъ: Марсель, Маргарита обрисованы имъ, какъ мы видѣли, хорошо, но Рауль и Валентина не имѣютъ никакой характеристики, никакого музыкально-психологическаго развитія. Эти лица — канва для драматическихъ моментовъ и эффектовъ; но, чтобы въ каждомъ изъ этихъ моментовъ, они дѣйствовали во имя своихъ личностей, — этого нѣтъ во всей оперѣ. Вы уже видите вліяніе на композитора новой французской романистики. Идемъ далѣе: самыя драматическія положенія не всегда вѣрно прочувствованы, а morceaux d'ensemble и дуэты потеряли свои характеристическія черты. Интересно сдѣлать анализъ одного изъ morceaux d'ensemble Мейербера.

Возьмемъ, пожалуй, септуоръ дуэли изъ «Гвельфовъ».

И, во первыхъ, имѣетъ-ли право этотъ нумеръ на названіе септуора и morceau d'ensemble? Morceau d'ensemble есть музыкальное произведеніе, въ которомъ, на общемъ фонѣ, нѣсколько личностей развиваются самостоятельно и выражаютъ каждая свое собственное ощущеніе. Общая связь между ними — одно событіе, поразившее каждую изъ нихъ по своему. И такъ — первое, главное условіе каждаго morceau d'ensemble — противоположность характеровъ и ощущеній. Въ настоящемъ случаѣ, шесть человѣкъ собрались драться, седьмой — въ сторонѣ и вмѣшивается въ хоръ эпизодически. Въ минуту, когда совершилось оскорбленіе, за которое происходитъ эта дуэль, противники были обуреваемы различными страстями, но теперь противоположности въ нихъ нѣтъ; всѣ шестеро одушевлены однимъ чувствомъ: «en mon bon droit j'ai pleine confiance!» Значитъ — въ этомъ септуорѣ въ сущности нѣтъ задачи morceau d'ensemble; вмѣсто шести человѣкъ поставьте два, три, десять, пятьдесятъ — они безъ всякаго неудобства и

анахронизма — пропоютъ тоже самое. Но morceau d'ensemble существуетъ; обратимся-же къ его характеру.

Веселый, добродушный мотивъ скрипокъ, на которомъ віолончели восходятъ секстами, возвѣщаетъ приходъ противниковъ. Мотивъ этотъ нейдетъ къ положенію, если композиторъ не хотѣлъ умышленно выразить имъ французской вѣжливости и courtoisie, не покидающей ихъ никогда. Самый мотивъ morceau d'ensemble,— если ужъ Мейерберу такъ угодно было его назвать,—представляетъ рыцарственный, благородный характеръ, нѣчто въ родѣ марша; весь оркестръ наперерывъ показываетъ свое сочувствіе къ ощущеніямъ, выражаемымъ дѣйствующими лицами. Но вотъ что̀ еще непростительнѣе: изъ шести лицъ, поющихъ этотъ благородный, рыцарственный мотивъ, которому оркестръ не знаетъ какъ бы сильнѣе выразить сочувствіе, — пятеро сговорились укокошить одного! Пускай себѣ эти господа лгутъ, что «en leur bon droit ils ont confiance»,—оркестръ, музыка, всегда показывающая le dessous des cartes,—не должны бы были дѣлаться участниками ихъ нахальства. Оркестръ никогда не долженъ обманывать; напротивъ-онъ прорицатель будущаго. Въ тріо втораго акта «Фрейшюца,» во время трогательнаго прощанія Макса съ Агатой,-восходящія ноты басса приготовляютъ васъ къ адскимъ штукамъ Волчьей долины. Да что̀ мы говоримъ о «Фрейшюцѣ»! За примѣромъ не далеко ходить: мы его найдемъ сейчасъ въ первомъ попавшемся дуэтѣ Моцарта, который противопоставимъ дуэтамъ Мейербера. Беремъ его изъ 2 го акта «Свадьбы Фигаро.» Альмавива встрѣчаетъ Сусанну, которая всё еще противится его желаніямъ: «Crudel, perche ffnora?» говоритъ-онъ ей жалобно въ A-mol. Сусанна отвѣчаетъ на это замавчиво: «Signor la donna ognora tempo ha di dir si;» но такъ-какъ ей нечего печалиться, то эта отвѣтная фраза, построена въ C-dur. Сусанна заманиваетъ графа, чтобы обмануть; — если вы не знаете этого по сюжету, то акомпаньеманъ, съ своей сбивчивой, неровной, шероховатой гармоніей, вамъ всё разскажетъ. Отсюда въ дуэтѣ проявляется самая рѣзкая антитеза, сохраняющаяся въ музыкѣ до самаго конца. Страсть—на сторонѣ Альмавивы; Сусанна только кокетничаетъ и обманываетъ. Графъ снова нѣжно настаиваетъ въ минёрномъ тонѣ; Сусанна, въ партіи которой композиторъ не могъ изобразить милой борьбы Церлины въ «La ci darem,»-отвѣчаетъ фразами холодно-насмѣшливыми: «Verrai non mancherai?» спрашиваетъ Альмавива; Сусанна отвѣчаетъ: «да!» и минёръ смѣняется мажоромъ. Сколько пылкой страсти въ мелодіи

графа: «Mi sento di contento pieno di gioja il cor!» — «Scusate-mi se mento!» возражаетъ субретка про себя.

Вотъ дуэтъ, въ которомъ два противоположные характера развиваются свободно, слитые въ одно цѣлое. Голоса идутъ въ контрапунктическихъ сочетаніяхъ, рѣдко расходясь, но, при этомъ, каждый сохраняетъ свою характеристику. Въ параллель къ моцартовскому дуэту разберемъ какой-нибудь дуэтъ Мейербера. Возьмемъ на удачу дуэтъ 3-го акта «Гвельфовъ» между Валентиной и Марселемъ.

Валентина выступаетъ мелодической фразой: «Grand Dieu, Toi qui vois mes alarmes;» на это фаготъ отвѣчаетъ колебаніемъ на октавѣ съ литаврами. Внѣ сцены эта фигура кажется комическою; на сценѣ она хорошо выражаетъ шумъ шаговъ въ темнотѣ и тишинѣ ночи. Марсель перекликается съ Валентиной;— музыка изобразительная, но не представляющая психологическаго положенія. Подъ акоменьеманъ той-же самой фигуры, за которую сильно хватаются скрипки, Валентина разсказываетъ, что противъ Рауля составленъ заговоръ. Почему-же чисто-внѣшнее обстоятельство, или точнѣе фигура, намекающая на это обстоятельство, сопровождаетъ слова, составляющія главную основу драматическаго положенія всего дуэта? Марсель уходитъ; Валентина остается одна и поетъ прекрасное, драматически-выразительное Larghetto. Марсель возвращается и заглушаетъ larghetto—un peu plus vite, въ которомъ голосъ выдѣлываетъ бездну 16-ти и 32-хъ дольныхъ нотъ. До-сихъ-поръ о дуэтѣ нѣтъ помина. Въ дуэтѣ, при самостоятельномъ развитіи и характеристикѣ, два голоса должны сочетаться, если не въ имитативномъ, то хоть въ мелодическомъ соединеніи; а тутъ каждое лицо поетъ отдѣльно, не заботясь о другомъ. Правда, при повтореніи larghetto, голоса идутъ въ молодическомъ сочетаніи, но это larghetto, выражающее хорошо любящую, нѣжную натуру Валентины, не имѣетъ смысла въ устахъ Марселя и потому производитъ впечатлѣніе холоднаго французскаго паѳоса. Дуэтъ, или подобіе дуэта,—продолжается. Въ страстномъ патетическомъ allegro moderato Валентина разсказываетъ Марселю свое положеніе. Послѣдній, выслушавъ всё это преспокойно, вдругъ прерываетъ ее въ F dur нравственнымъ наставленіемъ, выраженнымъ въ довольно-грубой, хорошо характеризующей Марселя, формѣ. Валентина ни слова! Является снова F-mol съ превосходнымъ, тревожнымъ акомпаньеманомъ віолъ и віолончелей. Мелодія поручена Валентинѣ; Марсель вмѣшивается въ нее декламаціонными фра-

зами вовсе не характеризующими его личность. Снова вступленіе грубой F dur-ной фразы, на которую Валентина разливаетъ въ обиліи чисто бравурныя колоритуры. Во всемъ дуэтѣ есть только одно мѣсто, гдѣ, въ гармоническомъ сочетаніи, прекрасно выражается контрастъ между полной страха и отчаянія Валентиной и успоковающимъ ее Марселемъ; во всемъ огромномъ дуэтѣ — только одно мѣсто, вполнѣ удовлетворяющее задачѣ дуэта, какъ отдѣльнаго рода !!..

Не поучительны-ли, послѣ этого, сравненія и проведеніе параллелей? Заключимъ эту дигрессію словами, вынудившими ее, съ которыми теперь, конечно, и читатели согласятся: *теорія музыкальной драмы, какъ психологической картины, какъ психологическаго анализа чувствъ и страстей интимныхъ — не подвинулась въ Мейерберѣ ни на шагъ со временъ Моцарта; мало того: сдѣлала нѣсколько шаговъ назадъ* *. На это намъ возразятъ, что музыка оставалась въ чисто-психологической области, пока литература довольствовалась ею-же; что теперь явились новыя потребности, литература сдѣлалась общественною и т. д. — Согласны! вотъ почему мы и сдѣлали оговорку: *какъ психологическая картина, какъ психологическій анализъ чувствъ и страстей интимныхъ.*

Не отвергая ни одной изъ заслугъ Мейербера, какъ человѣка, пробившаго новый путь, мы, на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ можемъ смѣло повторить: *Очевидно, Мейерберъ не сказалъ послѣдняго слова искусства; новый Глюкъ, онъ требуетъ новаго Моцарта для поясненія и пополненія себя, — а этотъ Моцартъ еще пока не явился.* И пока онъ не явится, —

* Послѣднее обстоятельсто даже до такой степени справедливо, что теорія дуэта Мейербера, каковымъ мы его видѣли сейчасъ, — сформулирована вполнѣ въ «Dictionnaire de Musique» Ж.-Ж. Руссо, — этомъ послѣднемъ выраженіи музыкальныхъ теорій до-Глюкковскихъ временъ. По понятіямъ этого теоретика, необходимая форма дуэта — разговоръ; сочетаніе голосовъ и ихъ параллельные (другихъ тогда не знали) ходы по терціямъ и секстамъ допускаются только, какъ исключеніе, извиняемое минутнымъ увлеченіемъ страсти. Частое злоупотребленіе этимъ исключеніемъ — приводитъ къ неестественности, потому-что *герои и ихъ наперсники — поющіе въ дуетахъ, — слишкомъ благовоспитаны, чтобы не знать, что говорить двумъ или нѣсколькимъ вмѣстѣ — неприлично* (Sic.). Очевидно, что въ сущности — это та-же теорія Мейербера. Мнѣніе это замѣчательно еще какъ доказательство, что французы никогда не смотрѣли на музыку, какъ на самостоятельное искусство, а скорѣе, какъ на какую-то несчастную контрафакцію рѣчи и декламаціи.

новая эстетика пѣнія останется невозможнымъ и непонятнымъ хаосомъ. Къ этому-же хаосу относимъ мы требованія отъ пѣвцовъ Верди, жалкаго подражателя Мейсрбера, схватившаго только внѣшнюю его сторону и испортившаго навсегда чудную итальянскую школу пѣнія.

Это введеніе было необходимо для того, чтобы читатель могъ ознакомиться съ перваго шага съ точкой нашего воззрѣнія на искусство и, такимъ образомъ, избавилъ-бы насъ отъ ненужныхъ отступленій при разборахъ музыки и исполненія оперъ настоящаго сезона. Съ помощью этого введенія, надѣемся, исчезнетъ та неопредѣленность въ сужденіяхъ объ артистахъ, на которую мы жаловались въ началѣ этой статьи. Первое дѣло въ сужденіи о пѣвцѣ, намъ кажется — опредѣленіе школы, къ которой онъ принадлежитъ. Этимъ опредѣленіемъ общая характеристика пѣвца обрисуется сама собою. Но каждый артистъ, принадлежа, по общему направленію, къ какой нибудь школѣ, — имѣетъ непремѣнно свою индивидуальность, свою особенную физіономію, безъ чего онъ не есть талантъ, дарованіе. Опредѣленіе этихъ индивидуальныхъ чертъ составляетъ вторую задачу сужденія. Вотъ программа, которой мы будемъ держаться при отзывахъ объ артистахъ.

—

Нынѣшній сезонъ итальянской оперы открылся «*Любовнымъ Напиткомъ*» Доницетти. Давно установилось фальшивое мнѣніе, будто итальянская школа оставалась постоянно оригинальною, не подчиняясь никакому внѣшнему вліянію. Въ введеніи нашемъ, мы уже намекнули вскользь на то, что Симонъ Майръ началъ вводить въ оперу-seria найденный Глюккомъ и развитый до полнаго сознанія Моцартомъ критеріумъ лирико-драматической истины, подготовляя такимъ образомъ путь для полной реформы Россини. Опера-buffa, національное созданіе итальянцевъ, также подверглась вліянію Моцарта и, подъ его вліяніемъ, отъ музыкальнаго буффонства возвысилась до музыкальнаго комизма въ комическихъ произведеніяхъ Россини и Доницетти.

Опера-buffa возникла у итальянцевъ, какъ родъ, со временъ Логрошино, но окончательное развитіе она получила въ произведеніяхъ Пиччини. У этого композитора мы уже находимъ достаточное пониманіе музыкальнаго комизма. Что слово комизмъ не вполнѣ здѣсь умѣстно, — очевидно: буффонство вѣрнѣе передаетъ понятіе итальянцевъ о несерьезной оперѣ. Надо видѣть на ярмарочныхъ балаганахъ Италіи эти живыя, національныя

пульчинелліады, надо видѣть всю особенность этого южнаго юмора, электризующаго публику, чтобы понять возникновеніе оперы-буффа. Самыя нелѣпыя созданія дурачества получаютъ жизнь, становятся вѣроятными, переведенныя на музыкальный языкъ. Когда Тамбурини передавалъ намъ въ такомъ совершенствѣ роль глухаго старика въ «Matrimonio segretto», мы видѣли, что артистъ глубоко понималъ характеръ музыки. Онъ утрируетъ, говорили намъ. Да какъ же иначе, когда сама музыка есть ничто иное, какъ утрировка? Замѣчаютъ, что въ оперѣ-буффа согласіе между словами и музыкой начало вводиться гораздо ранѣе, чѣмъ въ оперѣ-серіа. Иначе не могло быть. Музыка не заключаетъ въ самой себѣ элементовъ комизма; она заимствуетъ ихъ у разговорнаго языка. Это такъ очевидно, что первая и послѣдняго форма итальянскаго музыкальнаго комизма — силлабическія parlante. Абстрактная форма здѣсь невообразима. Такимъ образомъ, возвращаясь снова къ «Matrimonio segretto», какъ къ типу, мы встрѣчаемъ въ этой оперѣ два рода музыки: комическія parlante и лирическія мелодіи безъ всякой примѣси смѣшнаго. Всѣ комическія положенія основаны на юморѣ смѣшномъ, но не остроумномъ и тонкомъ; всѣ они буффонство, но не высокій комизмъ. Кромѣ того, въ этой и другихъ операхъ, morceaux d'ensemble не выражаютъ истинной противоположности характеровъ. Моцартъ былъ призванъ для созданія истинныхъ morceaux d'ensemble и для введенія въ оперу buffa — высокаго, тонкаго, остроумнаго комизма. Въ какихъ условіяхъ могъ онъ совершить то и другое?

Комическое положеніе, выраженное понятно пѣніемъ, должно непремѣнно брать форму parlante, подчиняющуюся всѣмъ интонаціямъ рѣчи. Съ этой стороны нечего было усовершенствовать послѣ Чимарозы: онъ довелъ parlante до идеала выразительности. Но parlante были parlante, то есть нѣчто лишенное мелодической прелести. Откуда дать имъ этотъ элементъ? А оркестръ? Но итальянцы его не знали! Напавъ на эту мысль, Моцартъ нашелъ ключъ загадки. Если голосъ долженъ выражать силлабическими parlante комическія положенія, то оркестръ, имѣя уже программу, будетъ комментировать эти положенія на музыкальномъ языкѣ. Ему — все остроуміе, всю пикантность, всю соль. Оркестръ разомъ представилъ бездну богатыхъ данныхъ для музыкальнаго комизма. Такимъ образомъ, во время самыхъ запутанныхъ положеній, когда дѣйствующія лица врутъ другу, — оркестръ показываетъ le dessous de la médaille, или остроумно, при измѣнившихся обстоятельствахъ, напоминаетъ прежнее положеніемъ и этимъ

противоположеніемъ достигаетъ высокаго комизма; порой представляетъ смѣшное противорѣчіе съ тѣмъ, что поется голосомъ или, возвышаясь надъ комическимъ текстомъ, представляетъ его съ другой болѣе серьезной стороны. Если мы обратимъ вниманіе на постройку комическихъ оперъ Моцарта, то замѣтимъ, что «Свадьба Фигаро» во всѣхъ отношеніяхъ образецъ рода (modéle de genre). И точно, въ «Entführung aus dem Serail» Моцартъ имѣлъ дѣло съ либретто стараго покроя и опера его, какъ и «Matrimonio segretto», представляетъ музыкальные нумера двухъ совершенно различныхъ характеровъ. Съ одной стороны настоящіе буффы, нелѣпые и утрированные въ либретто и получающіе жизнь въ музыкѣ; съ другой романтическія и сентиментальныя аріи Бельмона и Констанцы. Вмѣсто речитативовъ — разговоръ; финаловъ — ни одного, morceau d'ensemble — одинъ квартетъ. Свѣжесть вдохновенія и прелесть мелодій — вотъ отличительныя качества этой оперы. Послѣдняя комическая опера Моцарта (не считая «Волшебной Флейты») — «Cosi fan tutte» также не представляетъ соразмѣрности частей и вдохновенія «Свадьбы»: аріи ея гораздо слабѣе и въ мелодическомъ и въ лирико-драматическомъ отношеніяхъ; дуэты, сравнительно, одинаково хороши; за то morceaux d'ensemble «Cosi fan tutte» — несравненно выше. Секстетъ и два финала — лучшіе нумера всей оперы. И такъ, какъ «Entführung», такъ и «Cosi fan tutte» имѣютъ недостатокъ несоразмѣрности частей, избѣгнутый въ «Nozze di Figaro», въ которомъ господствуетъ лирико-драматическій умъ отъ начала до конца.

Эстетическая теорія музыкальнаго комизма Моцарта, выведенная нами изъ изученія лучшей его комической оперы «Свадьбы Фигаро», очевидно та-же, на которой построенъ «Севильскій Цирюльникъ» Россини и «Любовный Напитокъ» Доницетти, хотя послѣдній и гораздо ниже перваго, какъ художественное созданіе. Извѣстность «Elisir d'amore» петербургской публикѣ избавляетъ насъ отъ дальнѣйшаго разбора ея, и потому, указавъ на финалъ перваго акта, какъ на мастерское произведеніе въ комическомъ родѣ, гдѣ оркестръ остроумно вмѣшивается въ дѣйствіе и комментируетъ слова, — мы перейдемъ къ исполненію его у насъ.

Адина — *Г-жа Персіани.* — По общему характеру пѣнія она принадлежитъ къ высоко-художественной школѣ пѣнія, которую мы, въ введеніи нашемъ, назвали школою *di gusto.* Въ механическомъ отношеніи — голосъ ея совершенство. Чудная обработка,

самый чистый и изящный вкусъ въ колоритурахъ, легкость поразительная въ исполненіи самыхъ трудныхъ пассажей, — вотъ отличительныя качества этой пѣвицы. Переходы отъ forte къ piano, smorzando превосходятъ все слышанное нами въ этомъ родѣ. Пѣніе ея a mezza voce и фіоритуры, которыя она дѣлаетъ такимъ образомъ, повторяя ихъ pianissimo, какъ-бы эхо, — производятъ самое обворожительное впечатлѣніе. Трильеръ, камень преткновенія всѣхъ пѣвицъ, у нея превосходенъ. До-сихъ-поръ мы говорили о ея родовыхъ достоинствахъ, какъ пѣвицы артистической школы. Извѣстно, что эта школа часто злоупотребляла украшеніями, ставя ихъ на первый планъ и тѣмъ отягощая мелодію. Здѣсь въ особенно яркомъ и блистательномъ свѣтѣ является индивидуальность г-жи Персіани. Во всѣхъ украшеніяхъ пѣнія у нея господствуетъ необыкновенный тактъ, вкусъ и разнообразіе: тактъ въ умѣренномъ, не отягощающемъ мелодію употребленіи ихъ, вкусъ въ самой постройкѣ; разнообразіе столько-же механическое, какъ и эстетическое: каждая партія является у нея съ фіоритурами и украшеніями, вполнѣ подчиненными характеру лица, музыки и драматическаго момента. Понятно какъ съ такими средствами, была исполнена г-жею Персіани роль Адины: въ дуэтѣ съ Дулькамарой она съумѣла сообщить украшеніямъ своимъ комическій характеръ. Въ аріи и рондо «prendi per me sei libero», вставленной Доницетти именно для г-жи Персіани, выразилось все превосходство этой старой, классической школы пѣнія, которая поставляла себѣ постояннымъ правиломъ никогда не выказывать слушателямъ эшафодажъ трудностей, скрывающійся за повидимому легкимъ исполненіемъ. Относительно созданія характера Адины, — мы также остались очень довольны г-жею Персіани: простая дѣвушка, кокетничающая по инстинкту, была обрисована ею прекрасно и комическая сторона роли была выставлена очень граціозно.

Неморино — г. *Поццолини*, новое пріобрѣтеніе Дирекціи. Онъ имѣлъ успѣхъ заслуженный: голосъ его пріятенъ; поетъ онъ достаточно хорошо, напрасно только слишкомъ растягиваетъ мотивы и, при форсированіи голоса, теряетъ вѣрность интонаціи, — недостатокъ, который, къ несчастію, встрѣчается исподволь и у г-жи Персіани, но котораго никогда мы не замѣчали у *Тамбурини* (Белькоре), хотя голосъ его и потерялъ уже свою звучность (sonorité).

Вторая опера нынѣшняго сезона была «*Марія ди-Роганъ*» Доницетти: она уже извѣстна нашей публикѣ, кромѣ финала пер-

ваго акта и главныхъ сценъ третьяго, не представляетъ ничего замѣчательнаго и есть произведеніе итальянской рутины, къ которой плодовитые композиторы этой страны всегда прибѣгаютъ въ случаѣ спѣха или отсутствія вдохновенія. Эта рутина, самовластно замкнувшая въ свой циклъ свободу вдохновенія и фантазіи, есть зло, гложущее итальянскую музыку; избавься она отъ этой рутины — и времена лучшія снова бы возвратились для нея:

Но рутина (формализмъ) существуетъ и властвуетъ безнаказанно: для бездарности она истинное спасеніе; таланты геніальные подчиняются ей по.... лѣни: какъ ни говорите, а прототипъ итальянца все-таки — лаццарони, лежащій на морскомъ берегу. И — вотъ что́ досаднѣе-то всего: — каждый изъ талантливыхъ композиторовъ Италіи оставляетъ потомству произведеніе, въ которомъ какъ бы говоритъ: вотъ какъ-бы я писалъ, если бы всегда отрѣшался отъ рутины: Россини написалъ «Вильгельма - Телля», Доницетти — «Линду ди-Шамуни», которую петербургскіе музыкальные критики назвали легонькой музыкой! И по внѣшней и внутренней отдѣлкѣ, и по вдохновенію, соединенному съ обдуманностью, — «Линда ди Шамуни» перлъ созданій Доницетти. Въ прочихъ его лучшихъ операхъ: «Лючіи», «Лукреціи» и другихъ, много прекраснаго, но въ цѣломъ онѣ не выдержаны, неполны, неровны: «Линда» вполнѣ замкнутое, цѣльное, полное созданіе. Какъ genre, эта опера можетъ служить образцомъ рода оперъ mezzo-carattere, къ которымъ принадлежитъ также лучшее созданіе Беллини «Сонамбула.» Въ «Линдѣ» прелесть обворожительныхъ мотивовъ соединена съ силою драматическаго выраженія, остроуміемъ музыкальнаго комизма, теорію котораго мы только что вывели, интересомъ инструментаціи и замысловатостью аккомпаньемановъ, которой-бы позавидовалъ любой нѣмецъ. Простимъ же Доницетти, во имя «Линды», — его «Марію ди Роганъ», написанную имъ для Ронкони и изъ которой видно, что онъ вполнѣ понималъ этотъ талантъ. И точно, партія Шевреза написана довольно высоко; въ ней нѣтъ приторныхъ баритонныхъ cantabile Беллини, въ которыхъ композиторъ расчитываетъ только на эффектъ тэмбра: адажіо Шевреза тревожны, исполнены страсти и движенія; въ драматическихъ минутахъ употреблена форма декламаціи, дающая полную волю драматическому таланту актера; — словомъ вся партія написана такъ, что для артиста неодареннаго сильнымъ драматическимъ талантомъ и сильной, живой игрою, — она покажется безцвѣтною и вялою и не произведетъ никакого эффекта. О! какъ понималъ Доницетти Ронкони!

Мы уже говорили выше, что подъ вліяніемъ Беллини, баритоны ударились въ нѣжность, сентиментальничанье, затянули свое вѣчное cantabile и, подобно моднымъ віолончелистамъ, вообразили себѣ, что они должны плѣнять только тэмбромъ, звукомъ своего голоса. И вотъ — прости всякая обработка голоса, малѣйшая фіоритура, драматизмъ, — все было изгнано. Блестящимъ исключеніемъ изъ этой школы оставался одинъ Тамбурини, а прочіе: Коллини, Колетти, Дибассини и tutti quanti пошли по фальшивому направленію. Въ самомъ разгарѣ господства этого рода стремленія явился пѣвецъ съ голосомъ очень высокимъ, доходящимъ до тенороваго la, но угловатымъ и не отличавшимся прелестью тэмбра, которому природа, отказавъ въ красотѣ голоса, не дала ни замѣчательной наружности, ни виднаго роста, — но за то снабдила физіономіей подвижной въ высшей степени, выразительной, которая могла отражать въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, всѣ подмѣчаемыя имъ черты, какъ смѣшныя, такъ и трагическія. Умъ проницательный и наблюдательный, — пѣвецъ этотъ рано получилъ способность жить внѣ себя, входить, какъ въ жизни, такъ и на сценѣ, въ роль имъ создаваемую, и хладнокровно воспроизводить ее, какъ анатомикъ, воспроизводящій всѣ подробности человѣческаго организма. Этотъ пѣвецъ былъ — *Ронкони*. Тонкій умъ Ронкони разомъ понялъ, что прелестью тэмбра щеголять онъ не можетъ, что спокойное пѣніе spianato не его сфера: онъ занялся обработкой голоса, развилъ механизмъ до замѣчательной степени совершенства и обратился снова къ драматической школѣ баритоновъ Россини. Когда, въ первый разъ, парижане услышали его въ роли Аштона, въ «Лючіи», — первое впечатлѣніе было невыгодно: всѣхъ поразилъ этотъ человѣкъ, который не шелъ по общей колеи, который самоувѣренно явился, безъ замѣчательнаго голоса, въ роли, всѣми считавшейся пѣвучею и, не растягивая фразы адажіо, бросалъ ихъ обрывисто, но мѣтко, выразительно, давая значеніе каждому слову, каждому намеку на выраженіе. Новизна поразила: на третье представленіе Ронкони носили на рукахъ; — талантъ былъ понятъ. У насъ Ронкони имѣлъ счастіе явиться въ роли, написанной для него, гдѣ недостатки тэмбра были скрыты уже самимъ композиторомъ, и съ перваго раза, успѣхъ его былъ громадный. Отличительная черта таланта Ронкони,—отсутствіе всякой ходульности, введенной въ драматическое искусство фальшивой школой Тальмы. Ронкони превосходно понимаетъ, что пошлость жизни вседневной не должна ничего терять на сценѣ. Воображаемъ, какъ люди, прони-

кнутые теоріей Тальмы, которая, къ несчастію, до сихъ поръ господствуетъ въ умѣ большей части трагиковъ, были поражены выходомъ Ронкони въ роли Шевреза: передъ ними явился маленькій человѣкъ съ французскими манерами gens du bel air временъ Людовика XIII. Ни какой изъ этихъ отмѣтокъ печати судьбы, этой напыщенной важности, въ которую драпируютъ себя трагики, какъ въ вывѣску съ надписью: «я герой!» никакой изъ этихъ настоящихъ-то именно пошлостей, которыя у насъ привыкли принимать за трагическое достоинство: все просто, естественно, не рельефно, не рѣзко. Онъ запѣлъ andante «Ah! non avera piu lagrime», новое удивленіе со стороны дилеттантовъ: напрасно искали они этого напыщеннаго сентиментальничанья, которое получило классическое названіе phrase filée. Напротивъ: фразы выходили почти обрывисто, хотя и сохраняя характеръ cantabile, но съ сильной акцентуаціей, съ концентрированнымъ выраженіемъ, сквозь которое просвѣчивало тонкое умѣнье пѣть. Другъ Шевреза—Шале долженъ драться на дуэли: онъ приглашаетъ его быть секундантомъ; сильныхъ движеній, сильныхъ жестовъ ожидали-бы мы отъ трагика старой школы. Но Ронкони знаетъ духъ французскихъ дворянъ той эпохи: онъ принимаетъ предложеніе просто, естественно, учтиво раскланивается съ противникомъ, безъ трагическихъ жестовъ, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку, вступаетъ съ нимъ въ необходимый разговоръ, исполненный, вѣроятно, тонкой вѣжливости. Дуэль назначена; Шеврезъ является къ другу въ день битвы, хладнокровно пробуетъ шпагу, безъ всякихъ сильныхъ движеній слушаетъ его послѣднія завѣщанія; зоветъ ѣхать на назначенное мѣсто и... вдругъ находитъ подъ ногами маску. Опять-таки — дѣло очень простое для той эпохи; интрижка какая-нибудь. Такъ и понимаетъ это Шеврёзъ-Ронкони и кончаетъ эту мастерски веденную имъ сцену характеристической чертой: когда Шале проситъ его уйти и говорить тише, чтобы не разбудить мать,— Шеврёзъ повторяетъ эти слова насмѣшливо, показывая на дверь: «Potria la madre udir!» Всѣ эти движенія естественныя, психологически вѣрныя, безъ всякой трагической ходульности, — произвели уже съ перваго раза на насъ крайне-пріятное впечатлѣніе. На нѣкоторыхъ они подѣйствовали иначе и многіе рѣшили, что, въ два первые акта, Ронкони холоденъ и не *поражаетъ* ничѣмъ, — такъ круто поворотилъ нашъ пѣвецъ эстетическія понятія этихъ господъ о ходульности на сценѣ и игрѣ, которая, какъ мы уже говорили, выражается постояннымъ ношеніемъ ярлыка съ надписью: «я герой!» Въ третьемъ актѣ

Шеврёзу отдаютъ письмо Шале: онъ читаетъ—любовная записка! и здѣсь въ акцентѣ его голоса проявляется тоже полу-насмѣшливое выраженіе, которое мы замѣтили во 2-мъ актѣ. Къ письму приложенъ какой-то портретъ; Шеврёзъ лѣниво развертываетъ, взглядываетъ и вдругъ... но надобно было видѣть самому эту минуту у Ронкони. Всѣ черты лица его измѣнились, страшная блѣдность покрыла щеки и, прежде чѣмъ онъ воскликнулъ съ глубокимъ отчаяніемъ: «Maria!» всякой зритель непремѣнно догадался, что мужъ увидѣлъ на портретѣ черты своей жены. Отсюда мы отказываемся слѣдить за игрою Ронкони: каждый жестъ, каждое слово были проникнуты глубокимъ психологическимъ анализомъ. Нельзя однакоже не замѣтить, что, глубоко трогая, Ронкони и здѣсь ни разу не увлекся фальшивой ходулностью трагическихъ героевъ. Объясненіе съ женою, горькіе упреки и, потомъ жажда мести и высоко трагическое выраженіе, съ которымъ онъ говоритъ «Di gioya mi manca il respir!»—всё это было совершенствомъ исполненія и сильно подѣйствовало на публику.

Роль Маріи исполняла госпожа *Медори* (Вильмо̀), пѣвица являющаяся въ первый разъ на петербургской сценѣ. Это, въ настоящее время, рѣшительно первый голосъ Европы: голосъ обширный, звучный, сильный елико возможно и, при этомъ, мягкій, бархатный. Всѣ регистры госпожи Медори равно совершенны; нигдѣ нѣтъ обрывовъ: нота пригнана къ нотѣ, какъ перлы на цѣпной ниткѣ бурмицкихъ зеренъ. Пѣвица—созданная для новой итальянской школы, но обладающая довольно правильной методой и преодолѣвающая хорошо новыя трудности пѣнія, созданныя Верди, что̀ она оказала неоспоримо исполненіемъ вставной кабалетты какого-то юнаго итальянскаго генія, идущаго по стопамъ безсмертнаго Верди, которому мы желаемъ всякихъ благъ на землѣ. Обладая сильнымъ голосомъ и часто увлекаясь драматизмомъ положенія, — госпожа Медори не щадитъ своихъ чудныхъ средствъ, въ которыхъ могутъ позавидовать ей самыя знаменитыя пѣвицы: нѣкоторымъ это показалось форсированьмъ голоса. Мы не того мнѣнія, но пожалуй, не прочь дать госпожѣ Медори на ушко совѣтъ — щадить свои средства: право̀ ихъ было-бы достаточно и не для одной пѣвицы. Взгляните на нашего прекраснаго тенора г. *Тамберлика* (Шалѐ): какъ привычка къ энергическимъ порывамъ охолодила его къ тихому пѣнію и какъ онъ чувствуетъ себя въ немъ не въ своей сферѣ. Поетъ-онъ какое-нибудь andante тихо, плавно,—но безъ увлеченія; въ péroraison выдались какія нибудь

двѣ-три ноты его чуднаго груднаго регистра, которыя онъ можетъ выбросить надъ гуломъ всего оркестра,—и пѣвецъ оживился, встрепенулся, увлекся—и увлекъ за собою всю публику. Это достаточно, что бы понять, что лучшій моментъ г. Тамберлика въ «Маріи ди Роганъ» былъ его дуэтъ 2-го акта съ Ронкони.

Госпожа *де-Мерикъ* очень мило пропѣла миленькій вставной романсъ Риччи.

Мы достаточно говорили въ введеніи къ этой статьѣ о Мейерберѣ и его *«Гвельфахъ и Гибеллинахъ,»* и потому здѣсь ограничимся только отчетомъ объ исполненіи этой оперы. О трудностяхъ, съ которыми должны бороться пѣвцы итальянской школы при исполненіи музыки Мейербера было также говорено: *Гризи* и *Маріо* съ честью вышли изъ этого испытанія. Замѣтимъ только, что, если въ Валентинѣ, госпожѣ Гризи, мы не видѣли созданія драматическаго типа, къ которымъ она насъ такъ пріучила въ прочихъ своихъ роляхъ, — вина этого заключается въ самой музыкѣ; конечно, драматическія роли итальянскаго репертуара не представляютъ замкнутости психологическаго характера, но самое отсутствіе этого характера при музыкѣ, исполненіе которой предоставлено постоянно а іарсеге пѣвцовъ, не стѣсняя ихъ ни сколько, даетъ полную возможность собщать роли ту физіономію, которую желаетъ дать ей пѣвецъ. У Мейербера не то: пѣвецъ, постоянно обязанный рабски слѣдовать за композиторомъ, строго заключенный въ очарованный кругъ музыки, подавляющей его,—не можетъ ничего создать внѣ того, что́ создано композиторомъ. Въ партіяхъ Валентины и Рауля нѣтъ цѣлости и Гризи и Маріо физически не могли придать имъ того, чего, повторяемъ опять,—нѣтъ въ музыкѣ. Разсматривая партіи Валентины и Рауля, какъ агрегацію отдѣльныхъ драматическихъ моментовъ, должно сказать, что всѣ эти моменты были прочувствованы Гризи и Маріо и переданы ими вѣрно, отчетливо, съ жаромъ, съ увлеченіемъ. *Исполненіе оперъ Мейербера требуетъ новыхъ принциповъ, новой эстетики пѣнія*, и эстетики часто такой чудовищной, что она невольно поражаетъ. Примѣръ послѣдняго доставитъ намъ г. *Формесъ*, новый бассъ profundo, исполнившій въ этомъ году роль Марселя.

Вообразите себѣ голосъ обширный (отъ *contra-fa* до верхняго af второй октавы) съ прекрасными и полными нотами средняго, регистра (въ которомъ, однако, есть обрывъ на *re*, но предъидущая нота—do безподобна, звонка какъ колокольчикъ и, при этомъ, полна; средства, какъ вы видите,—богатыя. Манера пѣнія—рѣ-

зкая, угловатая, но оживленная, съ отсутствіемъ Cantable, общимъ пѣвцамъ нѣмецкой школы. Конечно, такого пѣвца итальянскіе композиторы никогда бы не взяли идеаломъ своихъ бассовыхъ партій, но по одному описанію вы уже видите, что г. Формесъ — идеалъ Мейербера для ролей Бертрама въ «Робертѣ», Марселя въ «Гвельфахъ и Гибеллинахъ.» Въ первой партіи мы будемъ имѣть удовольствіе скоро его слышать, но вторую—онъ уже исполнилъ съ полнымъ и вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ на нашей сценѣ. Разсматривая, съ итальянской точки зрѣнія, методу господина Формеса, мы прійдемъ къ заключенію, что у него ея вовсе нѣтъ но, какъ пѣвецъ нѣмецкой школы, онъ обладаетъ вѣрностью интонаціи и извлекаетъ часто изъ нея богатые рессурсы, дѣлая вещи очень трудныя въ своемъ родѣ, какъ, напримѣръ, скачки на двѣ октавы съ *contra-fa* до верхняго fa. Вотъ уже вамъ значительно обрисованная фигура прекраснаго Марселя. Игра г-на Формеса жива, бойка, рѣзка, угловата, эксцентрична, — опять недостатокъ съ точки зрѣнія художественной итальянской школы, требующей округлости во всемъ,— и опять недостатокъ неоцѣнимый для характеристической роли Марселя. Извольте, послѣ этого, помирить двѣ школы и найти, въ итальянской эстетикѣ пѣнія, данныя для исполненія музыкальныхъ характеровъ Мейербера, если онъ самъ не имѣлъ въ виду итальянскаго пѣвца, какъ въ роли Маргариты. Вразумите итальянца сказать обрывисто, рѣзко, какъ слѣдуетъ хоть-бы речитативную фразу такъ глубоко-характеристическую, въ которой Марсель объявляетъ отцу Валентины о пріѣздѣ Рауля въ Пизу: напрасный трудъ! Лучшими, рельефными мѣстами въ исполненіи г. Формеса были: хоралъ перваго акта, живая, бойкая фраза, когда онъ узнавъ женщину, вкладываетъ въ ножны вынутую было имъ шпагу, въ началѣ дуэта съ Валентиной и другая фраза, въ септуорѣ дуэли, когда, подъ акомпаньеманъ скрипокъ тяжело бьющихъ въ продолженіе нѣсколькихъ тактовъ *g*, по четыре четверти на тактъ,—Марсель въ хорало-образной декламаціонной мелодіи, предостерегаетъ своего господина. Многіе замѣтили, что бойкость, живость и нѣкоторое фанфаронство въ игрѣ и движеніяхъ г-на Формеса не вполнѣ согласовались съ характеромъ Марселя. Согласны, что, создавая этотъ характеръ, Мейерберъ имѣлъ въ виду религіознаго фанатика глубоко-сосредоточеннаго, смиреннаго и мало бравирующаго; но нельзя не замѣтить, что исполненный, такъ, какъ онъ задуманъ въ музыкѣ, этотъ характеръ былъ-бы невыносимъ по своей монотонности на сценѣ, требую-

щей непремѣнно движенія. И потому г. Формесъ поступилъ умно, придавъ Марселю болѣе живости и сценической рельефности.

О прочихъ персонажахъ говорить нечего, ибо вотъ уже два года, какъ они одни и тѣже.

Съ г. Ронкони, г-жею Медори и г. Формесомъ мы встрѣтились вторично въ «*Эрнани*» Верди. «*Nabuco*», первая изъ оперъ Верди того фальшиваго направленія, отъ котораго онъ самъ теперь отказался, если судить по его новой оперѣ — «Шарлоттѣ Мюллеръ», — есть источникъ всѣхъ его послѣдующихъ оперъ того-же рода; а такъ какъ намъ скоро обѣщаютъ дать услышать этого прародителя «Эрнани» и другихъ, то мы и откладываемъ нашъ отзывъ о талантѣ и направленіи Верди до того времени.

Изъ исполнителей «Эрнани», въ этомъ году, пальма первенства принадлежитъ г-жѣ *Медори*, и, конечно, сколько Формесъ — идеалъ исполнителя характеристическихъ ролей Мейербера, столько эта прекрасная пѣвица — идеалъ пѣвицъ для стиля Верди. Разбирая музыку этого композитора, мало обращали вниманія до-сихъ-поръ на то, что уничтоживъ россиніевскія трудности пѣнія, Верди замѣнилъ ихъ своими, главная особенность которыхъ состоитъ въ безпрестанныхъ скачкахъ голоса: эти вердіевскія трудности постигнуты г-жею Медори превосходно и, при этомъ, можете себѣ вообразить эффектъ ея чуднаго, бархатнаго голоса въ мѣстахъ, гдѣ поименованный композиторъ очевидно расчитывалъ на силу легкихъ пѣвцовъ.

Г. Ронкони вышелъ совершенно изъ своей сферы въ роли Карла-Пятаго, гдѣ все расчитано на эффектъ тэмбра; изъ всей партіи выдалась рельефно только одна каватина «Vieni meco», которую онъ пропѣлъ совершенно въ тесситурѣ тенора, съ глубокимъ чувствомъ и одушевленіемъ. Видно было, что во всей оперѣ это былъ единственный нумеръ, которому г. Ронкони сочувствовалъ вполнѣ, и онъ обдѣлалъ его, какъ драгоцѣнную жемчужину, которой все остальное служило только оправой. — *Тамберликъ* имѣлъ нѣсколько прекрасныхъ моментовъ въ 1-мъ актѣ, но во 2-мъ мы желали бы слышать болѣе энергіи въ фразѣ: «Conte sono, son duca» etc.

Г. Формесъ, на первомъ шагу своей роли, встрѣтился съ очень мелодическимъ andante cantabile «Infelice ed io credei». Что мы сказали выше о талантѣ, школѣ и манерѣ этого пѣвца избавляетъ насъ отъ обязанности доказывать, что онъ, подобно Ронкони, — долженъ былъ, въ партіи Сильвы, также совершенно выйдти изъ своего оригинальнаго рода.

Кто изъ петербургскихъ жителей не слышалъ *г-жу Гризи* въ «*Нормѣ*», кто не помнитъ этого тонко-психологически созданнаго характера; кто не сочувствовалъ вскрику ея «O rimembranza» при разсказѣ Адальджизы, кто не трепеталъ при видѣ разъяренной женщины финала перваго акта и жертвы, самовольно обрекающей себя — 2-го акта? На этотъ разъ роль Адальджизы взяла на себя г-жа *Маррай* и, конечно, обстановленная такимъ образомъ — «Норма» получила новую прелесть. Г-жа Маррай исполнила съ большимъ чувствомъ маленькое andante передъ дуэтомъ съ Полліономъ, — которое предшественницы ея обыкновенно пропускали: andante очень мило. *Г. Формесъ* (Оровезъ) имѣлъ прекрасный голосной эффектъ въ хорѣ 2-го акта, когда его полное, звонкое *do* пронизывало, въ продолженіе нѣсколькихъ тактовъ, плавные аккорды мужскихъ голосовъ. Кстати здѣсь замѣтить, что этотъ прекрасный хоръ, который относятъ къ лучшимъ нумерамъ оперы не вполнѣ принадлежитъ Беллини: главная, господствующая мысль его заимствована этимъ композиторомъ изъ адажіо Cis-mol'ной сонаты quasi-fantasia Бетховена. «*Лючія ди Ламмермуръ*», шестая опера настоящаго сезона также давно извѣстна нашей публикѣ. *Г. Маріо*, пѣвшій роль Эдгардо вслѣдъ за «Гвельфами и Гибеллинами» и, не находя въ ней блестящихъ драматическихъ выходокъ роли Рауля, — какъ-то, показалось намъ, положилъ въ нее менѣе задушевности, чѣмъ прежде; — но, да позволитъ онъ намъ замѣтить ему, что его чудный, симпатическій голосъ созданъ именно для преимущественно-лирическихъ оперъ итальянскаго стиля. Конечно, въ этомъ стилѣ нѣтъ блестящей мишурной обстановки драматическихъ эффектовъ Мейербера, но для истинныхъ любителей пѣнія, — тихое andante «fra poco» или «Sulla tomba» всегда покажутся *эффектнѣе* всѣхъ эффектовъ «E buona spada» секстуора дуэли и другихъ, въ которыхъ внутренно страдаешь за вотще тратющуюся искусственную силу голоса. — *Г-жа Персіани* создала три chef d'œuvres'а въ роли Лючіи: речитативъ передъ первой аріей, который она обогатила самыми обворожительнѣйшими фіоритурами, какія можетъ создавать только одна Персіани; — кабалетту этой аріи «torna, torna, caro ogetto» и арію сумасшествія.

Слѣдовало бы сказать еще объ исполненіи г. Ронкони роли Дулькамары въ «Elisir d'amore», но скоро этотъ великій пѣвецъ представится нашей публикѣ въ рядѣ комическихъ ролей, — и тогда сужденіе наше о комическомъ его дарованіи будетъ полнѣе.

КАПЕЛЬМЕЙСТЕРЪ КРЕЙСЛЕРЪ.

—

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

ГРЕЧЕСКІЙ ФИЛОСОФЪ. Комедія въ 5 дѣйствіяхъ, съ прологомъ, заимствованная съ французскаго г. *В. З.*

ПАНЪ-ТВАРДОВСКІЙ, — романтическая опера въ 3 дѣйствіяхъ, соч. *М. Н. Загоскина*, — музыка *А. Н. Верстовскаго.*

—

Въ послѣднее время, къ небольшому числу пріятныхъ сценическихъ явленій, должно отнести комедію г-на В. З. «*Греческій Философъ*» и оперу «Панъ-Твардовскій», возобновленную такъ, что она замѣняетъ всякую театральную новость — по своей художественной и блестящей обстановкѣ.

Комедія «Греческій Философъ» заимствована изъ извѣстной французской пьесы *Diogène*, Феликса Піа, впрочемъ, она знакома весьма не многимъ — и потому мы разскажемъ ея содержаніе:

Въ прологѣ, авторъ васъ переноситъ въ Аѳины, гдѣ дѣйствіе совершается за 400 лѣтъ до Рождества Христова — а именно, въ послѣдніе годы Периклова вѣка.

Молодой синопскій уроженецъ, съ большимъ запасомъ ума и образованія, приходитъ въ Аѳины искать себѣ занятій или ремесла.... Но ища этихъ занятій, онъ во всемъ находитъ противурѣчіе своимъ желаніямъ.... Готовый сдѣлаться воиномъ — онъ отказывается отъ славы, потому что встрѣчаетъ стараго, израненнаго солдата, просящаго на площади милостыню. Онъ желаетъ взяться за рѣзецъ ваятеля, но вдругъ узнаетъ, что знаменитый Фидій — оклеветанъ и заключенъ въ тюрьму; оставя и это намѣреніе, синопскій выходецъ рѣшается быть каменьщикомъ, но въ туже минуту мимо его проносятъ трупъ ремесленника, только что упавшаго съ подмостковъ, и который умираетъ безъ помощи и безъ всякаго участія согражданъ. Вслѣдствіе этого, юноша находитъ лучшимъ воспѣвать Олимпъ и славу героевъ, но лира поэта оказывается столько же страшною, какъ и носилки каменьщика, когда онъ видитъ дряхлаго Софокла, котораго влекутъ въ судъ, обвиняемаго въ слабоуміи. Однимъ словомъ, встрѣчая на каждомъ шагу злоупотребленіе и несправедливость, онъ даже готовъ сдѣлаться воромъ, но мошенникъ, прежде его занявшійся этимъ ремесломъ, отнимаетъ у него послѣдній *оболъ*. Тогда-то Діогенъ, это былъ онъ, не встрѣтивъ нигдѣ и ни въ комъ справедливости, клянется вѣчною враждою и презрѣньемъ къ людямъ, дѣлается циникомъ, животнымъ въ образѣ человѣка, отвергающимъ все общее съ человѣчествомъ. Десять

лѣтъ антракту. Діогенъ въ бочкѣ.... Діогенъ мечетъ громы укора и насмѣшекъ на всѣхъ, съ кѣмъ сталкиваютъ его обстоятельства, — онъ даже не щадитъ прекрасной Аспазіи, пожелавшей его видѣть, Аспазіи, окруженной толпою своихъ поклонниковъ. Красавица, сильно уязвленная и тронутая истинами, которыя высказываетъ ей философъ, открываетъ свое покрывало и благодаритъ Діогена за справедливые упреки. Діогенъ пораженъ ея красотою и, забывая бочку и свое презрѣніе къ людямъ, влюбляется въ Аспазію, которая, въ это время совершенно свободна, по случаю смерти Перикла. Красавица торжествуетъ, давъ напередъ слово своей подругѣ, Лансѣ, что завладѣетъ сердцемъ Діогена, — и объявляетъ толпѣ своихъ поклонниковъ, что выбираетъ въ мужья Діогена, которому и посылаетъ пригласительное письмо черезъ Лансу. Письмо это перехватываетъ Алкивіадъ, болѣе всѣхъ преслѣдующій Аспазію своею любовью, и рѣшается ей отмстить за оскорбительное предпочтеніе, тѣмъ болѣе, что и самый случай къ мщенію на лицо. Аспазія, въ присутствіи всѣхъ своихъ жениховъ, поклялась посвятить себя цѣломудренной Діанѣ. На этомъ-то Алкивіадъ и основываетъ планъ своего мщенія, и подкупивъ публичнаго оратора Гипербола, — посылаетъ его въ Ареопагъ, взвести на Аспазію обвиненіе въ нарушеніи священной клятвы. Безстыдный Гиперболъ за сто драхмъ беретъ на себя это порученіе. Ареопагъ требуетъ обвиненную къ суду, въ то время, какъ Діогенъ, узнавшій невинность оклеветанной, является въ судъ для ея защиты и объявляетъ что Гиперболъ—воръ, укравшій у него (въ прологѣ) оболъ. Ораторъ не смущается и требуетъ, чтобы кто-нибудь изъ гражданъ подтвердилъ слова философа.... Тогда изъ толпы выходитъ женщина подъ покрываломъ и говоритъ, что Гиперболъ похитилъ у нея браслетъ. — «Вздоръ! — отвѣчаетъ Гиперболъ: — я тебя не знаю.... — «Но, посмотри на меня!» говоритъ женщина и, отводя доносчика всторону, она одному ему показываетъ свое лицо. Гиперболъ клянется предъ всѣми, что не знаетъ этой женщины; тогда она снимаетъ свое покрывало и въ ней узнаютъ Аспазію.... Діогенъ въ восторгѣ.... Онъ говоритъ, что нашелъ человѣка.... мало того: нашелъ — женщину!

Мы умолчимъ о тѣхъ небольшихъ анахронизмахъ и промахахъ, на которые — уже безъ насъ указали автору, — и зная, что легче о всякомъ дѣлѣ сказать дурное, чѣмъ хорошее, укажемъ только на послѣднее въ этой пьесѣ. Если эта пьеса не имѣетъ сильныхъ сценическихъ эффектовъ, то литературное ея

достоинство не подлежитъ никакому сомнѣнію. Она не могла у насъ пользоваться тѣмъ огромнымъ успѣхомъ, которымъ была увѣнчана въ Парижѣ, по самой простой причинѣ: какъ въ главной ея мысли, такъ и въ подробностяхъ, подъ прикрытіемъ древняго хитона, выражается современное положеніе французскаго общества. Но направленіе главной мысли и непрерывный интересъ пьесы — нашли и у насъ должное сочувствіе. Особливо прологъ, представляющій истины слишкомъ ощутительныя, возбуждалъ постоянныя рукоплесканія. Конечно, мы не находимъ въ этомъ изложеніи подлинной жизни древнихъ грековъ, но колоритъ ея довольно искусно набросанъ и выдержанъ во всей пьесѣ. Притомъ, она имѣетъ мѣста истинно поэтическія, выраженныя сильными, звучными стихами. Вотъ главныя достоинства этой комедіи, болѣе философской, чѣмъ сценической, написанной скорѣе для чтенія, чѣмъ для представленія на театрѣ.

Г-нъ Каратыгинъ 1-й, въ роли *Діогена*, и г-жа *Самойлова* 2, въ роли *Аспазіи*, были превосходны. Обстановка пьесы очень совѣстливая и нарядная, хотя въ нѣкоторыхъ мелочныхъ подробностяхъ не совсѣмъ согласна съ обычаями и нравами древнихъ аѳинянъ.

Переходя къ оперѣ *Панъ Твардовскій*, мы невольно переносимся къ тому прекрасному, старому времени, когда всякая попытка русскаго искусства принималась съ сочувствіемъ и благодарностію; когда мы, едва знакомые съ роскошною и самобытною музыкою Италіи и Германіи — полною душею радовались всякой музыкальной новости, созданной русскимъ композиторомъ. Время это миновало, слухъ нашъ сильно изнѣженъ теперь пѣвучестью классической мелодіи и уже больше образованъ; вкусъ нашъ сталъ чище и разборчивѣе, требованія взыскательнѣе, а потому неудивительно, если въ оперѣ «*Твардовскій*»—мы, въ настоящее время, почти не видимъ оперы... Два-три самобытныхъ мотива удачно принаровленные къ положенію дѣйствующаго, не составляютъ полнаго музыкальнаго созданія. Какъ пьеса, эта опера, хотя и принадлежитъ перу заслуженнаго, талантливаго драматурга и романиста, — но заключаетъ въ себѣ много неполнаго; особливо если взять въ соображеніе, что такой сюжетъ даетъ огромныя средства къ расположенію сильно эффектныхъ сценъ, предоставляя воображенію автора обширное поэтическое поле.

Это скорѣе волшебная народная сказка, безъ особенной связи, гдѣ все дѣлается и является по щучьему велѣнью, какъ deus ex machina,

чѣмъ фантастическое изложеніе глубоко-нравственнаго и въ высшей степени поэтическаго народнаго преданія. Твардовскій—нашъ сѣверный Фаустъ: причины, основанія и результаты въ немъ тѣже самые, только въ нихъ менѣе мистическаго начала, но за то гораздо болѣе поэзіи. Прочтите, въ 1 й и 2-й книжкахъ *Пантеона* за 1847 годъ, разсказъ Іосифа Крашевскаго о самомъ преданіи и вы увидите, какъ мастерски повѣствователь воспользовался своимъ сюжетомъ и какъ много превосходныхъ сценъ, исполненныхъ истиннаго юмора и высокой поэзіи, умѣлъ извлечь изъ него. Къ сожалѣнію въ оперѣ мы ничего не находимъ. Притомъ, либретто написано рукою видимо не музыканта. Оно расположено вовсе не музыкальнымъ, а скорѣе водевильнымъ образомъ: въ немъ оставлено на долю пѣнія только то, что не нужно въ разговорѣ и что почти совершенно чуждо дѣйствія, т. е. одна лирическая часть, тогда, какъ въ оперѣ именно тогда должно начинаться пѣніе, когда дѣйствіе въ разгарѣ, когда страсти кипятъ. Въ этомъ отношеніи нельзя строго обвинять и композитора за то, что вся его партитура состоитъ изъ однихъ романсовъ, пѣсенокъ и хоровъ, безъ всякаго драматическаго движенія. Притомъ не забудемъ, что это былъ первый, нѣсколько серьезный, опытъ г. Верстовскаго, который впослѣдствіи оправдалъ свое призваніе и показалъ талантъ свой въ операхъ «Вадимъ» и «Оскольдова могила», изъ которыхъ въ первой видна уже музыкальная мысль, а во второй драматическое движеніе. Въ «Панѣ Твардовскомъ» собственно только два яркія мѣста: романсъ «*Я иду противъ невѣрныхъ*» — и цыганская пѣсня «*Мы живемъ среди полей.*» Обѣ пьесы, въ настоящее время, не могли имѣть того успѣха, которымъ пользовались при своемъ первомъ появленіи: романсъ по своему складу, напоминающему французскую форму нѣжныхъ мадригаловъ прошлаго вѣка, устарѣлъ; а цыганская пѣсня, обратясь въ народную, распѣваемая всѣми цыганскими таборами, наигрываемая всѣми шарманками, утратила свой интересъ.

Мы умалчиваемъ о содержаніи оперы, какъ о предметѣ знакомомъ каждому, но не можемъ и не должны умолчать о превосходной постановкѣ этой оперы на нашей сценѣ. — Машины и превращенія принадлежатъ труду талантливаго машиниста Ѳ. К. Вальца, которому въ этомъ дѣлѣ мы мало знаемъ равныхъ художниковъ, по смѣтливой изобрѣтательности и смѣлому выполненію задуманнаго. Декораціи третьяго и послѣдняго дѣйствія, также могутъ принесть славу декоратору. Особенно пожаръ замка

какъ мы замѣтили, постоянно въ три первыя представленія вызывалъ рукоплесканія зрителей.

Опера, въ своемъ выполненіи, ничего не указала намъ новаго, кромѣ убѣжденія, что г. Булаховъ (въ роли *Касицкаго*) совершенствуется съ каждой новой партіей, которая выпадаетъ ему на долю, а прекрасная и отчетливая игра гг. Петрова и Артемовскаго, особенно перваго не только, какъ пѣвца, но и какъ актера— не есть новость.

Вотъ все серьезно-новое, чѣмъ въ прошедшій мѣсяцъ подарила насъ русская драматическая сцена... Теперь перейдемъ къ новостямъ будничнымъ, къ новостямъ бенефиснымъ.

—

СТАРЫЙ МУНДИРЪ. Драма въ 1 дѣйствіи, переводъ съ французскаго.
КОМЕДІЯ БЕЗЪ НАЗВАНІЯ, соч. Кн. *Кугушева.*
ИСКАЛЪ БУЛАВОЧКУ, НАШЕЛЪ ЖЕНУ, комедія въ 1 дѣйствіи.
ВОЛОСЪ ДОЛОГЪ, УМЪ КОРОТОКЪ. Оригинальная комедія въ 2-хъ картинахъ.
КАЗАЧКА, оперетка въ 1 дѣйствіи, слова *Крестовскаго*, музыка г. *Кажинскаго.*

(*Бенефисъ г-жи Сосницкой.*)

Весьма недавно мы имѣли пріятный случай такъ много говорить о прекрасномъ талантѣ г-жи Сосницкой, по поводу пьесы «*Бѣда отъ сердца и Горе отъ ума*» — и теперь, если бы точно также намъ приходилось давать отчетъ о роляхъ, выполняемыхъ бенефеціанткою, мы были-бы очень довольны и собою, и нашими воспоминаніями. Но къ нашей бѣдѣ и къ неизбѣжной скукѣ читателя — мы должны дать отчетъ о достоинствѣ ея бенефисныхъ пьесъ.—Кто то изъ нашихъ писателей за хорошій романъ, лѣтъ шестнадцать тому, обѣщалъ нѣмцамъ корабль сала, два пеньки и два съ половиною дегтю... Можно бы къ этому прибавить еще пять кораблей патоки и столько-же заячьихъ лапокъ — тому, кто хоть въ теченіе года поставитъ пять хорошихъ бенефисныхъ комедій— и хотя двѣ драмы... Оперы являются вѣками, ихъ такъ дешево не достанешь !... Хорошая бенефисная пьеса для насъ такая-же рѣдкость, какъ виноградъ для гренландца !

Вотъ одна драма, три комедіи и оперетта... а вниманіе зрителя и рецензента не можетъ остановиться почти ни на одной и память послѣдняго въ состояніи сохранить для Театральной Лѣтописи только одну пьесу князя Кугушева : *Комедію безъ названія*, которая, хотя не можетъ назваться значительнымъ произведеніемъ по вымыслу, за то много выигрываетъ по обработкѣ, плану и особенно по благородству и игривости языка ; мы разскажемъ содержа-

ніе этой комедіи, и вы увидите, что она, хотя лишена всякаго названія, однакожъ имѣетъ на него полное право!

Одинъ почтенный джентельменъ (г. Мартыновъ), много странствовавшій по чужимъ краямъ и гостинымъ, возвратившись въ отечество—нашелъ въ своей шкатулкѣ порядочную коллекцію писемъ отъ одной премиленькой особы, часто приглашавшей его—то къ чаю, то къ обѣду. — Письма, какъ объясняется послѣ, были писаны по приказанію ея матери. Владѣтель писемъ узнаетъ, что эта особа уже замужемъ; но, не теряя своихъ правъ на любезность, является къ ней, и даже требуетъ любви, угрожая въ противномъ случаѣ передать ея мужу всю корреспонденцію, какъ контрабанду, могущую подвергнуться строгому семейному штрафу.

Жертва исканій туриста рѣшается разсказать мужу все дѣло, что и исполняетъ весьма удачно. Благоразумный супругъ приглашаетъ странствователя по чужимъ краямъ и чужимъ будуарамъ къ себѣ на чай, и когда тотъ поставилъ на столъ пустую чашку, — мужъ объявляетъ ему, что онъ выпилъ ядъ, проситъ его покаяться и приготовиться къ смерти.... Изъ этого комическаго положенія несчастнаго любовника вытекаетъ чрезвычайно забавная сцена, которая кончается тѣмъ, что пламенный любитель хорошенькихъ женщинъ и чужихъ обѣдовъ—возвращаетъ письма и остается живъ, вмѣстѣ съ пьесою, которая весьма много обязана умной и талантливой игрѣ госпожи Самойловой 2 й, Гг. Максимова и Мартынова.

Старый Мундиръ—такъ старъ, что до него трудно дотронуться, изъ опасенія, чтобы онъ совсѣмъ не развалился: онъ отправленъ въ старый хламъ и—да истлеваетъ тамъ съ миромъ. Что же касается до длиннаго волоса и до того, какъ одинъ господинъ искалъ булавочку, а нашелъ жену, то это двѣ піески, написанныя умно, безъ всякихъ претензій на особенный комизмъ, живымъ языкомъ вседневнаго разговора и изъ самыхъ обыденныхъ сценъ обыкновенной жизни. По этому трудно уловить въ нихъ главную мысль, еще труднѣе передать ихъ содержаніе... и онѣ промелькнули на сценѣ, не смотря на свое литературное достоинство, едва замѣченныя публикою.

Бо́льшій успѣхъ изъ всѣхъ бенефисныхъ пьесъ имѣла оперетта «*Казачка,*» но этимъ успѣхомъ она обязана—не музыкѣ и даже не автору, а игрѣ госпожи Самойловой 1 й. Впрочемъ, отъ автора, при созданіи такой легонькой пьесы и нельзя требовать большаго достоинства.—По вымыслу она принадлежитъ къ разряду *бѣдовыхъ*

дѣвушекъ, а по выполненію къ немногому числу удачныхъ фарсовъ г. Крестовскаго.

Музыка г. Кажинскаго, по нашему мнѣнію, не можетъ подлежать никакому суду, если принять во вниманіе отсутствіе въ ней самобытности и характера. Музыкальныя сочиненія, въ которыхъ нѣтъ новизны, въ которыхъ свѣжесть замѣняется повтореніемъ нѣсколько измѣненныхъ, но весьма знакомыхъ мотивовъ — не созданія; говоря объ нихъ, надо непремѣнно говорить о многомъ, нѣсколько разъ бывшемъ уже подъ анатомическимъ орудіемъ критики. Вообще, всякая компиляція, литературная или музыкальная, имѣетъ уже тотъ важный недостатокъ, что, какъ искусно ни подбирай чужихъ лоскутьевъ, швы все будутъ видны, и никогда, въ подобномъ издѣліи, не можетъ быть не только общей мысли, но даже общаго колорита, связи и характера.

—

МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ или **ДѢВОЧКА МАЛЬЧИКЪ.** Комедія-водевиль въ 2 дѣйствіяхъ Переводъ съ французскаго г. *Сабурова.*

УБІЙЦА. Повѣсть въ стихахъ, соч. *П. А. Катенина.* Декламировалъ г-нъ Каратыгинъ 1.

КУДА ЧОРТЪ НЕ ПОСПѢЕТЪ, ТУДА СТАРУЮ БАБУ ПОШЛЕТЪ. Пословица въ одномъ дѣйствіи.

ЕРМАКЪ ТИМОѲЕЕВИЧЪ или **ВОЛГА И СИБИРЬ.** Соч. *Н. Полеваго.* Сцена изъ 2-го дѣйствія.

БУМАГОМАНІЯ или **СТРАСТЬ КЪ ТЯЖБАМЪ** Шутка-водевиль въ 1 дѣйствіи, соч. *Г. Крестовскаго.*

(Бенефисъ госпожи Гусевой.)

Капитальною пьесою бенефиса госпожи Гусевой, амплуа которой почти незамѣнимо, — была комедія водевиль «*Материнская любовь.*» О содержаніи этой пьесы мы уже говорили при отчетѣ о бенефисѣ госпожи Майеръ, во второмъ нумерѣ Пантеона за 1850 годъ.—Переводчикъ не подмѣтилъ главныхъ недостатковъ въ ея планѣ и перенесъ ее буквально на русскую сцену, притомъ языкомъ чисто школьнымъ. Во всякомъ случаѣ пьеса эта нѣкоторымъ успѣхомъ обязана наивной и умной игрѣ госпожи Жулевой, въ роли *Леона*; — особенно сцена, въ которой юноша, готовый за оскорбленіе отвѣтить дерзостью, — была исполнена артисткою съ глубокимъ чувствомъ олицетворившимъ въ ней пылкую и благородную душу мужчины, только начавшаго понимать и страсти, и свое назначеніе.

Публика съ удовольствіемъ прослушала полную задушевной мысли повѣсть Катенина, переданную благородною и сильною рѣчью г-на Каратыгина 1-го. Мы съ своей стороны скажемъ только,

что охотнѣе прослушали бы сцену изъ хорошой трагедіи, въ которой выражаются чувства и страсти. Повѣствовательный родъ никогда не можетъ произвесть большаго впечатлѣнія на сценѣ, потому что актеръ въ немъ является разсказчикомъ, а не лицедѣемъ, содержаніе — не дѣйствіемъ, не картиною, а простымъ разсказомъ.

Сцена изъ «*Ермака*,» была выбрана самая неудачная и натянутая, та, гдѣ являются разныя каррикатуры и отрядъ калѣкъ и бабъ для поимки разбойника, отрядъ, который отъ одного холостаго выстрѣла, весь падаетъ на земь и почитаетъ себя мертвымъ, но въ рамахъ этой сцены заключается роль бенефиціантки, притомъ далеко не лучшая ея роль, и она выбрала ее для бенефиса.

«*Куда чортъ не поспѣетъ, туда старую бабу пошлетъ*,» пьеса, которая своимъ заглавіемъ разсказываетъ все свое содержаніе... По мысли своей она могла бы стать на ряду съ удачными пьесами; но обработка показываетъ ясно, что авторъ плохо знакомъ со сценою и не успѣлъ воспользоваться простымъ, но полнымъ комизма, содержаніемъ.

«*Бумагоманія* или *страсть къ тяжбамъ*,» шутка — противъ здраваго смысла и натуры. Спрашивается: гдѣ, въ какомъ казусномъ городишкѣ можно найти такого бумагоѣда, какъ Протонинъ?. Онъ дышетъ на бумагу, спитъ надъ бумагой, ссоритъ ближнихъ при помощи бумаги, пишетъ просьбы не иначе, какъ отобравъ отъ просителя письменное объясненіе, наконецъ чтобы обсудить дѣло *касательно* желанія Николая Борисовича вступить въ первый законный бракъ съ его дочерью, онъ,—реченный Протонинъ, требуетъ отъ жениха форменнаго прошенія—по сему казусу—и самолично диктуетъ ему оное прошеніе, которое громогласно самъ же потомъ читаетъ, и разорвавъ, въ заключеніе отвѣчаетъ, что—«поэтому дѣлу исполненія воспослѣдовать не можетъ.» Для этой фразы написана вся пьеса! Остроумно!

Даже талантъ г. Мартынова не въ состояніи былъ спасти подобную шутку отъ Леты.

=

СМѢСЬ.

КАРТИНА ИЗГНАННИКА.

(Случай изъ жизни художника.)

Звучный колоколъ призывалъ къ молитвѣ жителей Карильяно; стада возвращались съ полей; хижины были заперты. Отцы семействъ, возвратившись съ работы, держали на колѣняхъ своихъ дѣтей, ожидая ужина.

Въ одномъ небольшомъ домикѣ молодые мужчина и женщина сидѣли за столомъ, на которомъ стоялъ ужинъ; они ничего не ѣли, а молодая женщина проливала горькія слезы.

— Маргарита, — сказалъ вдругъ молодой мужчина, схвативъ ее за руку, — гдѣ-же я возьму мужество, видя твои слезы?

— Твоя правда, Пьетро, нашъ долгъ нельзя уплатить слезами.

— Намъ остается еще мѣсяцъ сроку, быть можетъ представится какой-нибудь удобный случай. Безпокойства въ Неаполѣ кончились, Аніелло погибъ и всѣ его сообщники обратились въ бѣгство. Если торговля оживится, то мы успѣемъ продать шерсть съ нашихъ овецъ.

Маргарита покачала головой, но когда замѣтила, что мужъ смотритъ на нее, старалась засмѣяться, и сказала:

— Дай Богъ, другъ мой, чтобъ желаніе твое исполнилось!

— Маргарита, дай твою руку и будь тѣмъ, чѣмъ должна быть хорошая жена: кроткою и твердою въ несчастіи; Богъ еще милостивъ къ намъ... мы вмѣстѣ... и оба здоровы. — Принеси ребенка, любезная Маргаритушка.

Молодая женщина тотчасъ-же пошла въ другую комнату и возвратилась, держа на рукахъ дѣвочку трехъ лѣтъ.

— Садитесь ко мнѣ, — сказалъ Пьетро. — Когда я васъ вижу, то у меня болѣе твердости и я чувствую, что слишкомъ васъ люблю, чтобъ не оставить васъ въ нуждѣ. Я готовъ пожертвовать жизнію для счастія твоего и нашего ребенка.

Маргарита, тронутая словами мужа, обняла его.

— Ты добръ, и великодушенъ Пьетро, — сказала она, — я согласна страдать шесть мѣсяцевъ въ году, лишь-бы уменьшить твою горесть.

Взаимная любовь супруговъ заключаетъ въ себѣ неописанное блаженство. Маргарита и Пьетро менѣе чувствовали свое горе, видя, что они оба достойны другъ друга. Они принадлежали къ тѣмъ простымъ, добродушнымъ людямъ, которые легко находятъ утѣшеніе противъ несчастія во взаимной нѣжности.

Не смотря на это, положеніе ихъ было самое печальное. Прошло четыре года со времени ихъ свадьбы; сначала, казалось, все имъ благопріятствовало, но въ послѣдніе два года несчастія, одно за другимъ, преслѣдовали ихъ. Градъ побилъ жатву, падежъ сгубилъ скотъ. Для довершенія несчастія, въ Неаполѣ вспыхнули безпорядки и сельскія произведенія не имѣли сбыта. Нужда принудила Пьетро обратиться къ ростовщику, который далъ ему небольшую сумму за огромные проценты; но какъ онъ не уплачивалъ ихъ въ опредѣленный срокъ, долгъ быстро возрасталъ, и въ настоящее время не предвидѣлось никакого средства къ избѣжанію полнаго разоренія.

Видъ маленькой Лауры поразвеселилъ нѣсколько несчастныхъ супруговъ. На другой день, во время обѣда, вдругъ распахнулась дверь и въ убогую комнату вбѣжалъ незнакомецъ, у котораго платье было въ безпорядкѣ и покрыто пылью. Маргарита вскрикнула и Пьетро вскочилъ съ мѣста, почти въ испугѣ.

— Что вамъ угодно? — сказалъ онъ грубо пришельцу.

Послѣдній боязливо осматривался, но милое лицо молодой женщины и веселенькая головка малютки успокоили его, онъ подошелъ къ столу и сказалъ:

— Я изъ Неаполя и ищу убѣжища.

Пьетро взялъ его фуражку, а Маргарита встала, исполненная чувствомъ состраданія.

— Желаемъ вамъ всякаго благополучія! — сказали они вмѣстѣ, показывая на стулъ и приглашая его сѣсть.

Все происшедшее случилось такъ быстро и просто, какъ буд-

то дѣло шло о какомъ-нибудь неважномъ обстоятельствѣ въ жизни. Бѣдное жилище Пьетро служило не въ первый разъ пристанищемъ для изгнанниковъ. Въ это время междоусобныя войны раздирали всю Италію; счастіе враждующихъ непостоянно; всѣ горы были наполнены бѣглецами, спасавшимися отъ мести побѣдителей. Поселяне, чуждые безпокойствъ, укрывали въ своихъ хижинахъ побѣдителей и побѣжденныхъ, не дѣлая между ними никакого различія. Крестьяне не разспрашивали бѣглецовъ о мнѣніяхъ, которыя они защищали, а только объ опасностяхъ, которымъ подвергались; они не обращали вниманія на одежду искавшихъ спасенія, но на блѣдность ихъ лицъ и на испугъ, изображавшійся въ ихъ чертахъ.

Маргарита, подавъ незнакомцу скудную пищу, пошла приготовить для него постель, чтобъ онъ могъ спокойно уснуть, послѣ тревоги, и подкрѣпить свои усталые члены. Въ домикѣ была едва замѣтная полутемная комнатка, которую она считала вѣрнѣйшимъ убѣжищемъ для несчастнаго изгнанника.

Пьетро безпокойно провелъ ночь. Онъ боялся, что можетъ быть кто-нибудь видѣлъ, когда бѣглецъ входилъ въ его хижину. Онъ еще болѣе испугался, когда, вставъ очень рано, увидѣлъ, что село наполнено солдатами, прибывшими ночью. Пьетро тотчасъ-же пошелъ предупредить незнакомца, чтобъ онъ былъ поосторожнѣе и между прочимъ замѣтилъ, что солдаты, вѣроятно, сегодня, выйдутъ изъ Карильяно, и тогда ему можно будетъ безопасно продолжать путь. Вскорѣ жители узнали, что солдаты останутся тутъ на долгое время, для арестованія подозрительныхъ лицъ. Пьетро принужденъ былъ скрывать своего гостя.

Дни проходили, но положеніе нашихъ супруговъ не улучшалось. Присутствіе посторонняго лица увеличивало ихъ расходы и ускоряло ихъ разореніе; для бѣдняка большой расчетъ содержать кого-нибудь даромъ. Не смотря на это, Пьетро не старался избавиться отъ своего гостя, ибо зналъ, что въ противномъ случаѣ подвергалъ его неизбѣжной смерти. «Страдалецъ посланъ мнѣ Богомъ», — говорилъ онъ, — «и пусть будетъ воля Божія!»

Маргарита тоже хранила молчаніе; хотя это было для нея очень трудно. Необразованный ея умъ не совсѣмъ понималъ подобное пожертвованіе; но она не имѣла смѣлости жаловаться на дѣйствія мужа. За скуднымъ ужиномъ, ею приготовленнымъ, она пристально смотрѣла на изгнанника. Она боялась, что онъ будетъ голоденъ, считала каждый кусокъ, съѣденный несчастнымъ скитальцомъ, даже раскаивалась, что доставила ему такое скуд-

ное убѣжище. Въ подобныя минуты, встрѣчая взоры Пьетро, она, краснѣя, опускала голову; она стыдилась тѣни эгоизма, поселившагося въ ея сердцѣ.

Бѣглецъ былъ мрачнаго характера; говорилъ мало и думалъ о вещахъ болѣе важныхъ, чѣмъ о дрязгахъ обыкновенной жизни. Онъ неиначе изъявлялъ свою благодарность, какъ движеніемъ или взглядомъ. Положивъ голову на руку, онъ чертилъ на столѣ неясные рисунки. Мечты его не заключали ничего безпокойнаго; онѣ были благородны, тихи, исполнены веселія. Легко можно было замѣтить, что прошедшее, украсивъ морщинами его еще юношеское лицо, не заставляло его раскаиваться. Если губы его сжимались, то это не было слѣдствіемъ рѣшительности, но потому, что въ душѣ скрываются иногда чувства, неизъяснимыя словами.

Изгнанникъ цѣлый день проводилъ въ своемъ скрытномъ уголкѣ и только вечеромъ выходилъ изъ него, чтобъ поужинать вмѣстѣ съ хозяевами. Однажды, когда они сидѣли за столомъ, кто-то постучалъ въ двери. Пьетро подошелъ къ небольшому окошечку, чтобъ посмотрѣть, кто стучится.

— Это Педрилло! — сказалъ онъ, возвращаясь. — Скройтесь, сеньоръ. Этотъ человѣкъ скупъ и золъ; если онъ васъ увидитъ — все погибло.

Незнакомецъ поспѣшно ушелъ въ свою темную коморку, а Маргарита, дрожа отъ страха, отворила дверь Педриллѣ, не перестававшему стучать.

— Я думалъ, что вы не впустите меня, — сказалъ старый ростовщикъ, бросая вокругъ себя испытующіе взгляды.

— Почему это, сеньоръ Педрилло? — спросилъ Пьетро.

— Вамъ это болѣе извѣстно, Пьетро. Мнѣ, кажется, здѣсь, какъ будто, испугались. Я готовъ биться объ закладъ, что у васъ былъ кто-нибудь.

— Вы видите, что я не одинъ, — сказалъ крестьянинъ, указывая на жену и малютку.

Педрилло осматривалъ жилище подозрительнымъ взглядомъ.

— Я пришелъ узнать, могу-ли получить сегодня мой долгъ?

Маргарита, поблѣднѣвъ, сжала въ своихъ объятіяхъ малютку дочь.

— Я не въ состояніи заплатить! — сказалъ Пьетро печальнымъ голосомъ.

— Въ такомъ случаѣ, дѣти мои, домъ и имущество будутъ проданы; я вовсе не желаю потерять своихъ денегъ.

Педрилло, разговаривая, все ближе подвигался къ столу, который только что оставилъ изгнанникъ.

— Клянусь честью, — воскликнулъ онъ, — вы должны, Пьетро, заплатить вашъ долгъ, если покупаете подобные бареты!

— При этомъ словѣ онъ поднялъ бархатный баретъ, забытый незнакомцемъ, Маргарита вскрикнула; Пьэтро молчалъ.

— Три ножа, три стула!—говорилъ Педрилло про себя.—Вижу, дѣти,—прибавилъ онъ, адски улыбаясь, что я разстроилъ вашу бесѣду. Потомъ онъ сѣлъ и заговорилъ о постороннихъ вещахъ; уходя, онъ отозвалъ Пьетро въ сторону и сказалъ:

— Такъ и быть, я вамъ отсрочу время уплаты, но ваше легкомысліе страшитъ меня. Вы скрываете преступниковъ, если ихъ откроютъ, то васъ засадятъ въ тюрьму, а имѣніе конфискуютъ. Я не хочу подвергать случайности моихъ денегъ; смотрите же, въ теченіи восьми дней, долгъ долженъ быть заплаченъ, иначе все будетъ продано.

Съ этими словами Педрилло ушелъ, оставивъ супруговъ въ сильномъ раздумьи. Но Пьетро вскорѣ призвалъ на память свое мужество.

— Онъ не донесетъ,—сказалъ онъ;—если имѣньишко конфискуютъ, то онъ ничего не получитъ. Что касается до продажи нашихъ вещей, то мы давно ожидали этого несчастія и имѣли время привыкнуть къ этой мысли. Птицы небесныя находятъ пристанище, Богъ и къ намъ не менѣе милостивъ, чѣмъ къ птицамъ.

Восемь дней прошли въ тягостномъ ожиданіи для Пьетро и его жены. Не имѣя средствъ избѣгнуть угрожающей опасности, они могли быть выручены изъ бѣды какимъ-нибудь чудомъ. Мужъ и жена, старались скрыть другъ передъ другомъ свою боязнь; каждый хотѣлъ улыбаться, но сквозь принужденную улыбку проглядывала горесть сердца.

Изгнанникъ не былъ посвященъ въ ихъ семейное горе; Пьетро не хотѣлъ еще болѣе увеличить опасенія и безъ того несчастнаго скитальца.

— Будетъ время сказать ему, что мы не можемъ болѣе давать ему пристанища,—сказалъ онъ Маргаритѣ.—Подождемъ до конца.

Педрилло приходилъ нѣсколько разъ, подъ предлогомъ, узнать, когда заплатятъ ему деньги; а на самомъ дѣлѣ, для того, чтобы узнать, что дѣлается въ домѣ должника. Однажды онъ увидѣлъ незнакомца, но не показалъ и виду, что замѣтилъ его.

Неожиданное несчастіе постигло бѣдное семейство: дочь заболѣла. Будущность свою они основывали на этомъ ребенкѣ: малютка составляла ихъ силу и утѣшеніе. Слабое твореніе, родившееся на другой годъ ихъ супружества, было причиной ихъ радостей и печалей, соединяя въ себѣ прошедшее и будущее. Можно вообразить ихъ горесть, когда они думали, что дочери угрожаетъ смерть; мысль эта поглощала всѣ другія опасенія, въ продолженіи двухъ ночей — ночей слезъ и отчаянія; имъ не приходило и въ голову ожидающее ихъ разореніе. Всемогущій Богъ услышалъ ихъ мольбу; и они никогда не были такъ счастливы и довольны, какъ въ ту минуту, когда увидѣли, что Лаура ихъ внѣ опасности.

Избавившись отъ одной бѣды, надо ожидать другую: былъ канунъ дня, назначеннаго Педрилломъ для уплаты долга или продажи всего ихъ имущества. Пьетро разсказалъ незнакомцу о своемъ несчастіи словами, выражавшими благородную скромность; изгнанникъ выслушалъ его, не сказавъ ни слова; но когда крестьянинъ взглянулъ на его выразительное лицо, то увидѣлъ слезу, катившуюся по щекѣ несчастливца. Изумленный, Пьетро отошелъ. Незнакомецъ протянулъ къ нему руку и сказалъ:

— Къ несчастію, я также бѣденъ, какъ и ты, и не могу подать тебѣ никакой помощи.

— Не заботьтесь о насъ, сеньоръ!—возразилъ Пьетро.—Не умремъ голоду, лишь бы руки были здоровы. У каждаго человѣка, на этомъ свѣтѣ, есть свои заботы...

— Правда; дай Богъ тебѣ счастія. Я ухожу сегодня же ночью!

При наступленіи вечера, Пьетро только что хотѣлъ затворить двери, какъ вдругъ постучался Педрилло.

— Ну,—сказалъ онъ,—завтра ты долженъ уплатить твой долгъ; подумалъ ли объ этомъ ты?

— Желаю, но не могу,—возразилъ Пьетро.

— Чего-же ты надѣешься?

— Я отдаюсь на волю Божію.

— Это значитъ, что ты рѣшительно не хочешь стараться мнѣ заплатить?

Пьетро пожалъ плечами и потупилъ взоръ.

Ростовщикъ молчалъ; потомъ посмотрѣвъ вокругъ себя и не видя никого, приблизился къ Пьетро и сказалъ тихо:

— Что скажешь, если я предложу тебѣ средство выиграть время и уплатить часть долга, не продавая дома?

— Неужели? Вы хотите быть такъ великодушны?—воскликнулъ Пьетро, обрадовавшись.

— Слушай!—сказалъ быстро Педрилло.—У тебя кто-то скрывается. Не отпирайся, я увѣренъ въ истинѣ моихъ словъ. Кто представитъ неаполитанскаго изгнанника, получаетъ двадцать червонныхъ; открой бѣглеца начальнику войска и ты получишь обѣщанную сумму.

— О, Боже! и вы дѣлаете мнѣ подобное предложеніе?—воскрикнулъ Пьетро, задрожавъ отъ негодованія.

— Самое простое средство избѣгнуть несчастія.

— Но вѣдь это предательство!

— Предательство? Я не спорю о словѣ; но если за это платятъ, значитъ это въ порядкѣ вещей — чтожъ тебѣ разсуждать?

— Довольно, довольно, Педрилло!

— Подумай; если не согласишься на мое предложеніе, то погибнешь; завтра продамъ все, что здѣсь есть, даже до колыбели твоего больнаго ребенка.

— Поди прочь, сатана! — вскричалъ Пьетро, оттолкнувъ ростовщика. — Вонъ! ты искушаешь мою душу, говоря мнѣ о дочери; я не хочу тебя слушать.... Прочь, лукавый!

— Ну, такъ пропадай, глупецъ, — ворчалъ уходя Педрилло.

Но сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ возвратился.

— Подумай, Пьетро, — сказалъ онъ. — Я предлагаю для твоей же пользы. Сердце мое обливается кровью, когда вспомню о твоемъ несчастіи. — Если ты не хочешь самъ, то вели ему выдти изъ твоего дома, я выдамъ его самъ и мы раздѣлимъ двадцать червонныхъ.

Пьетро, не говоря ни слова, вытолкнулъ Педрилло, и поспѣшно затворилъ дверь.

Слова стараго ростовщика смутили нѣсколько Пьетро. Онъ колебался, исполнить-ли ему долгъ гостепріимства; но мысль, что завтра жена и дочь останутся безъ пристанища, приводила его въ недоумѣніе. Онъ хотѣлъ разсказать незнакомцу свой разговоръ съ Педрилломъ, хотя и зналъ, что послѣдній не откроетъ стражѣ мѣста бѣглеца, страшась лишиться дома; но старый скряга могъ схватить бѣднаго изгнанника во время его бѣгства. Пьетро пошелъ къ двери своего гостя и позвалъ его, но не получилъ отвѣта. Удивленный, онъ взошелъ въ комнату: окно было открыто. Незнакомецъ исчезъ.

— Вѣроятно онъ хотѣлъ избѣгнуть печальнаго разставанія, —

подумалъ Пьетро, — быть можетъ, боялся подвергнуть меня опасности.... Господи, спаси этого добраго человѣка!

Онъ сообщилъ Маргаритѣ о бѣгствѣ своего гостя.

Ночь прошла въ тягостномъ ожиданіи; вставъ съ разсвѣтомъ, супруги вскорѣ увидѣли Педрилло, въ сопровожденіи приказныхъ.

— Что, говорятъ, утро вечера мудренѣе: не поумнѣлъ ли и ты за ночь? — сказалъ Педрилло тихо Пьетро, — не лучше-ли получить двадцать дукатовъ?

— Человѣкъ, котораго вы желаете выдать, далеко отсюда и въ безопасности, — возразилъ съ презрѣніемъ Пьетро.

— Этого только мнѣ и надобно; а какъ въ жилищѣ нѣтъ ничего подозрительнаго, то я могу позвать служителей правосудія.

Лица, приведенныя Педрилломъ, разбрелись по всему дому. Они требовали отъ Пьетро именемъ закона, чтобъ онъ заплатилъ долгъ, если не хочетъ лишиться всего имущества.

— Все, что здѣсь — не принадлежитъ болѣе тебѣ, — сказалъ приказный. — Удались!

Пьетро, бросивъ взглядъ отчаянія на окружающее его, взялъ за руку жену и, обнявъ малютку, пошелъ отъ жилища предковъ.

— Пойдемъ, — сказалъ онъ печальнымъ, но нѣжнымъ голосомъ; — вы со мною и я еще богатъ!

Отойдя нѣсколько шаговъ отъ своего домика, онъ упалъ на траву, обращая взоры на прежнее жилище. Маргарита, молча, сѣла у его ногъ, съ тою нѣмою преданностью, которою обладаютъ женщины въ несчастіи, когда нѣтъ уже надежды на помощь. — Какое перо могло описать, что происходило въ душѣ Пьетро. До сего времени ни одинъ черный поступокъ не лежалъ на его душѣ; даже ядовитое дыханіе клеветы не касалось его и не смотря на это, все было противъ него. Случай сдѣлалъ Пьетро — нищимъ и обогатилъ его имуществомъ негодяя, презираемаго всѣми. — Душа его тяжко страдала. Но вскорѣ вѣра въ Провидѣніе и въ заступничество свыше смѣнили чувства, недостойныя христіанина.

Пьетро видѣлъ, какъ выносили къ дверямъ предметы драгоцѣннаго для него воспоминанія. Вотъ скамейка, на которой сиживалъ онъ съ Маргаритой, качая на колѣнахъ дочь, — вотъ кровать, на которой скончалась его мать... вотъ зеркало, въ которое смотрѣлась жена, когда была еще его невѣстою, все это было сложено въ одну кучу и вотъ началась продажа. Сосѣди желали нажиться на его счетъ, покупая за ничтожную цѣну вещи —

дорогія его сердцу, и каждый понесъ съ собою что-нибудь. Но вдругъ продажа пріостановилась. Произошло движеніе и каждый спрашивалъ что-то другъ у друга, какъ-будто случилось что-нибудь необыкновенное. Два поселянина, торопясь, прошли мимо Пьетро.

— Педрилло велѣлъ извѣстить графа Корсино! — сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Что тамъ случилось? — воскликнулъ Пьетро; — но они прошли, не слушая его.

Пьетро былъ въ нерѣшимости, наконецъ всталъ и приблизился къ толпѣ. Въ эту самую минуту показался графъ Корсино; Пьетро вошелъ вмѣстѣ съ нимъ.

— Пожалуйте, ваше сіятельство, — говорилъ Педрилло. — Мы нашли превосходную картину, которую рѣшились прежде показать вамъ.

Графъ пошелъ въ темную комнатку, которая служила убѣжищемъ изгнаннику; Пьетро послѣдовалъ за нимъ. При свѣтѣ факеловъ онъ, въ первый разъ, увидѣлъ перегородку и стѣну покрытыми большими изображеніями. Нѣкоторыя фигуры были только набросаны, но въ чертахъ было столько смѣлости, столько гордости и благородства, что невольно надо было признать ихъ произведеніемъ великаго художника. Графъ Корсино вскрикнулъ отъ удивленія, видя превосходную картину; онъ былъ знатокъ этого дѣла и большую часть имѣнія употребилъ на основаніе картинной галлереи, считавшейся одною изъ лучшихъ во всей Италіи.

— Пьетро, — сказалъ графъ крестьянину, смотрѣвшему съ изумленіемъ на картину, — давно ли ты владѣешь этимъ сокровищемъ?

— Ваше сіятельство, я и самъ не зналъ, что владѣю имъ, — возразилъ Пьетро; — я вижу эту картину въ первый разъ.

Графъ со вниманіемъ разсматривалъ прекрасные эскизы.

— Клянусь честью, во всей Италіи одинъ только художникъ могъ нарисовать подобную картину: это Сальваторъ Роза.

— Да, онъ такъ и назывался, — шепталъ крестьянинъ.

— Что ты сказалъ? — спросилъ графъ.

Пьетро осмотрѣвшись, и не видя никого, кромѣ графа и Педрилло, объявилъ, что онъ скрывалъ бѣглеца, который жилъ въ этой комнатѣ. Когда Пьэтро кончилъ, графъ сказалъ:

— Нѣтъ сомнѣнія, что это произведеніе Сальватора Розы! — Пьэтро, я плачу твои долги и покупаю твой домъ. А ты немедленно бѣги, если узнаютъ, что ты скрывалъ преступника, то можешь дорого поплатиться.

Вечеромъ, Пьетро, имѣя въ карманѣ порядочную сумму, въ сопровожденіи жены и дочери, весело шелъ по дорогѣ въ Миланъ, гдѣ хотѣлъ купить землю и поселиться.

А. АЛЫМОВЪ.

—

МУЗЫКА ВЕРДИ.

(Статья Фетиса.)

Нѣкоторые артисты, не смотря на то, что въ произведеніяхъ ихъ замѣчаются многіе рѣзкіе недостатки, пользуются однако громкою славою. Это можетъ быть объяснено только тѣмъ, что недостатки тѣ выкупаются избыткомъ творческой ихъ силы, — безъ этого же послѣдняго условія ни одинъ композиторъ не въ состояніи сдѣлаться знаменитымъ. Верди кажется исключеніемъ изъ общаго правила. Судьба этого композитора весьма замѣчательна. Нѣтъ ни одного образованнаго музыканта, способнаго судить о достоинствахъ произведенія, который бы не согласился, что никогда еще не встрѣчалъ онъ нигдѣ такой бѣдности въ мелодическихъ мысляхъ, какъ въ произведеніяхъ автора «Эрнани». Каждый смотритъ на Верди, какъ на главнаго виновника упадка въ настоящее время драматической музыки въ Италіи и въ особенности искусства пѣнія, что уже не подлежитъ сомнѣнію, — и, не смотря на все это, мало композиторовъ, имя которыхъ было-бы въ Италіи такъ любимо, какъ имя Верди. Изъ всѣхъ лучшихъ композиторовъ прошедшаго столѣтія ни одинъ не воспользовался такими вещественными выгодами отъ своихъ произведеній, какъ Верди. Онъ получалъ за оперу не менѣе 30 тысячъ, а иногда сорокъ и пятьдесятъ тысячъ франковъ, Россини же, который почти не имѣлъ соперниковъ на всѣхъ европейскихъ сценахъ, за оперу свою «Bianca e Faliéro» получилъ всего только восемь или девять сотенъ франковъ. Но замѣтимъ только, что геній Россини былъ чрезвычайно плодовитъ и содержатели театровъ были убѣждены, что предлагаемое ими вознагражденіе за трудъ, по видимому, весьма легкій для композитора, было весьма достаточно. Оперу, о которой мы упомянули, Россини написалъ въ одну недѣлю, въ конторѣ, гдѣ двадцать переписчиковъ занимались списыва-

ніемъ листовъ партиціи. Одинъ изъ главныхъ издателей, въ Италіи, говоритъ, что за оперу Верди платили въ десять разъ дороже, чѣмъ за партицію Доницетти, въ двадцать разъ — чѣмъ за партицію Беллини и наконецъ въ тридцать разъ дороже, чѣмъ за оперы Россини. Изъ этой прогрессіи видно, что цѣна произведенія находилась въ обратномъ отношеніи къ ихъ достоинствамъ. Объяснить подобное явленіе весьма трудно. Нѣкоторые безпристрастные итальянцы увѣряютъ, что Верди своимъ успѣхомъ обязанъ бездарности молодыхъ композиторовъ настоящей эпохи и что еслибы явился хотя одинъ геніальный человѣкъ, который бы въ состояніи былъ дать новое направленіе искусству, то безъ сомнѣнія произведенія Верди канули-бы въ море вѣчнаго забвенія. Справедливость этого замѣчанія подтверждается каталогомъ Рикорди всѣмъ операмъ, которыя даны были въ послѣднія десять лѣтъ на всѣхъ италіянскихъ театрахъ, и которыя почти всѣ пали съ перваго же представленія. Всѣ эти оперы принадлежатъ къ числу неизвѣстныхъ и Италія не сохранила о нихъ никакого воспоминанія. Подобное состояніе музыки никакъ не согласуется съ художественнымъ характеромъ итальянцевъ, одаренныхъ богатыми музыкальными способностями, слѣдовательно это явленіе должно быть объяснено изъ другихъ обстоятельствъ. Прежде въ Италіи существовало множество капеллъ и каждая изъ нихъ имѣла своего капельмейстера, который, по большей части, всегда былъ отличный знатокъ музыки и вмѣстѣ съ тѣмъ композиторъ. Главнымъ условіемъ на музыкальномъ поприщѣ было знаніе искусства пѣнія, съ чего и начиналось образованіе композитора. Каждый артистъ изучалъ искусство и держался школы какого-нибудь извѣстнаго геніальнаго композитора. Изъ консерваторій Неаполя и Венеціи каждый годъ выходило нѣсколько учениковъ, которые вскорѣ дѣлались извѣстными артистами. Съ уничтоженіемъ же капеллъ музыкальная дѣятельность измѣнила свой характеръ и Италія обѣднѣла талантами. Въ то время, когда началъ писать Россини, еще существовало много пѣвцевъ, образовавшихся въ старыхъ школахъ, но-мало-по-малу они сошли со сцены, не найдя себѣ преемниковъ. Въ эту критическую эпоху началъ свое поприще Беллини. Онъ пустилъ въ ходъ пѣніе декламаціонное, которое, благодаря своему успѣху, избавляло пѣвцевъ отъ необходимости предаваться непріятному и долгому труду — обработывать свой голосъ. Примѣру Беллини послѣдовалъ Доницетти и вотъ въ короткое время сила груди заняла мѣсто искусства пѣнія. Вскорѣ

на силу органа стали смотрѣть, какъ на существенное достоинство пѣвца и для возвышенія его изобрѣли гибельную методу timbre sombre, которая ничто иное, какъ искаженіе естественнаго голоса. Эта метода, создавая поддѣльный органъ, уничтожала самый голосъ. — Методу пѣнія смѣнила метода кричанія. При такихъ-то обстоятельствахъ Верди началъ писать для осиротѣвшей сцены послѣ Россини, Беллини и Доницетти. Умножая недостатки декламаціоннаго пѣнія, онъ довелъ голоса до самыхъ крайнихъ высокихъ нотъ и кончилъ тѣмъ, что системою постоянныхъ криковъ уничтожилъ въ пѣніи все, что оставалось въ немъ отъ прежняго искусства. При такомъ порядкѣ вещей изученіе искусства пѣнія стало безполезнымъ, потому что оно не находило болѣе приложенія въ музыкѣ и вслѣдствіе этого всѣ перестали имъ заниматься.

Для исполненія моднаго репертуара нужна была только сила голоса и потому корреспонденты театровъ, какъ скоро имъ, при поискахъ, удавалось услышать звучный и сильный голосъ какого-нибудь сапожника или другаго мастероваго, который пѣлъ за своею работою, они тотчасъ входили въ мастерскую и спрашивали пѣвца:

— Сколько ты заработываешь въ день?

— Тридцать су.

— Хочешь ли вмѣсто этого заработывать четыреста ливровъ въ мѣсяцъ?

— Конечно хочу; но что нужно для этого?

— Пѣть на театрѣ.

— Но я не знаю мызыки.

— Это и ненужно. Пойдемъ со мною и подпишемъ контрактъ.

Затѣмъ корреспондентъ уводитъ съ собою новобранца, заставляетъ его подписать договоръ, по которому послѣдній предоставляетъ первому распоряжаться собою въ продолженіе двухъ или трехъ лѣтъ, и вотъ работникъ преобразовывается въ Фоскари, Эрнани или Макбета. Его учатъ новой роли два или три мѣсяца, какъ учатъ пѣснямъ канареекъ, и потомъ продаютъ его на первый сезонъ за три или четыре тысячи ливровъ, на второй — за шесть или восемь тысячъ и т. д., возвышая цѣну по степени его успѣховъ. Пѣвецъ ждетъ съ нетерпѣніемъ той минуты, когда онъ, сдѣлавшись свободнымъ, въ состояніи будетъ получать по двадцати тысячъ франковъ за одинъ карнавалъ. Наконецъ это столь желанное время жатвы

приходитъ, но, благодаря Верди, голосъ пѣвца уже много утратилъ своей силы. Эта исторія повторилась не съ однимъ теноромъ въ наше время. «Нѣкогда кричали во Франціи и пѣли въ Италіи,— говоритъ одинъ опытный венеціянскій музыкантъ, — теперь же поютъ въ Парижѣ, а крики переселились въ Италію.»

Таковы были слѣдствія уничтоженія капеллъ и закрытія консерваторій; хотя, спустя нѣсколько лѣтъ, и пытались возстановить ихъ, но разрушать было легче, чѣмъ вновь строить. Нѣкоторые думали, что для этого достаточно назначить коммисію, образовать комитеты и составить правила, но съ однимъ наружнымъ устройствомъ ничего нельзя сдѣлать для искусства, если нейдетъ на помощь творческая художественная сила. Въ послѣдніе годы прошедшаго столѣтія великіе артисты сошли съ музыкальнаго поприща, тѣ же, которые еще оставались на немъ, не сохранили никакого вліянія на позднѣйшее поколѣніе артистовъ. Отсюда понятно, почему искусство переродилось въ Италіи.

Еще труднѣе объяснить измѣненія во вкусѣ итальянцевъ относительно музыки. Прежде итальянцы, по нѣжности своего чувства, предпочитали мелодію прочимъ условіямъ искусства; гармонія была для нихъ только поддержкою въ пѣніи; сильная же, черезчуръ громкая инструментовка была строго порицаема. Отъ пѣвцевъ требовали, чтобы голосъ изливался естественно, безъ чрезвычайныхъ усилій, чтобы вокализація была гибка, произношеніе правильно и выразительно, требовали особеннаго изящества въ чувствѣ и вкуса въ оттѣнкахъ и украшеніяхъ. Шумъ былъ нестерпимъ для итальянцевъ и крикъ былъ у нихъ извѣстенъ подъ именемъ *французскаго воя*, gli urli francesi. Чтоже могло измѣнить природу итальянца до такой степени, что шумъ, котораго онъ прежде не могъ выносить, сталъ теперь для него въ нѣкоторомъ родѣ музыкальнымъ наслажденіемъ; что оркестръ изъ восьмидесяти музыкантовъ для него уже недостаточенъ и необходимо присоединить къ нему громъ одного или двухъ военныхъ оркестровъ съ цѣлою свитою тромбоновъ, серпентовъ и турецкихъ барабановъ. Мелодіи уже нѣтъ и въ поминѣ, ея мѣсто занялъ ритмъ; партеръ приходитъ въ восторгъ, когда теноръ, примадонна и баритонъ выказываютъ на самыхъ высокихъ нотахъ всю силу своихъ лёгкихъ.

Сверхъ того итальянцы замѣтно сдѣлались равнодушнѣе къ театру и къ музыкальнымъ удовольствіямъ, которыя прежде они страстно любили. Послѣ банкротства Мерелли, въ Миланѣ, театръ della Scala закрылся и только при помощи Правительства

новый директоръ принялъ его въ свое завѣдываніе. Въ Венеціи, театръ Fenice открылся въ карнавалъ только потому, что ему дана была огромная сумма на покрытіе издержекъ. Наконецъ, даже ярмарки не обезпечиваютъ успѣха театровъ: въ Бергамо, гдѣ собралось теперь огромное населеніе, опера «I Masnadieri», написанная Верди въ Лондонѣ для Дженни Линдъ, была оставлена послѣ нѣсколькихъ представленій и вмѣсто ея поставили оперу «Эрнани», въ которой главную роль исполняетъ Фраскини, герой, въ настоящее время, лирической сцены въ Италіи. Дѣло въ томъ, что музыка бурная и шумная не удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ искусства и теперь уже замѣтно стремленіе къ реакціи. Самъ Верди, кажется, понялъ это и въ послѣднемъ своемъ произведеніи, въ партиціи «Луизы Мюллеръ» онъ уже не написалъ партіи для турецкаго барабана, за исключеніемъ лишь увертюры, предоставя впрочемъ капельмейстерамъ право измѣнять ее. — Изъ письма Верди, которое писалъ онъ изъ Пармы о новомъ своемъ произведеніи, видно, что композиторъ сильно желаетъ произвести въ искусствѣ реформу, необходимость которой онъ сознаетъ вполнѣ. «Неужели, — пишетъ онъ, — мы осуждены постоянно слушать вѣчныя каватины? Неужели необходимо, чтобы теноръ непремѣнно сошелъ съ лошади и потомъ начиналъ свою арію; чтобы примадонна, исполнивъ партію сумасшедшей, умерла прежде окончанія пьесы? Неужели.....» — Э! полноте, г. Верди! все это вовсе не необходимо: формы не нужны тамъ, гдѣ ищутъ истиннаго искусства. Искреннее чувство артиста одно можетъ понять какія именно формы необходимы для художественнаго выраженія предмета: тотъ, у кого есть истинный геній, съумѣетъ ихъ создать; безъ генія же всѣ усилія останутся тщетными. Нужны мысли и мысли; безъ нихъ нѣтъ спасенія. Судя по произведеніямъ автора «Эрнани», нельзя поручиться за успѣхъ его добрыхъ намѣреній и едва ли удастся ему произвести ту реформу, которую онъ самъ сдѣлалъ неизбѣжною.

Что касается до выполненія въ пѣніи, то оно естественно зависитъ отъ организаціи пѣвца; искусство въ этомъ случаѣ само по себѣ не можетъ здѣсь что-либо сдѣлать, — оно можетъ только служить руководителемъ. Чтобы сдѣлаться хорошимъ пѣвцемъ надо прежде изучить музыку, выработать свой голосъ, придать ему ревность, развить его звучность, сдѣлать гибкимъ и мягкимъ посредствомъ упражненія въ вокализаціи и выучиться хорошо произносить и оттѣнять фразы. Для достиженія этой

цѣли необходимы продолжительный трудъ, хорошіе наставники и хорошіе образцы, — что впрочемъ довольно трудно найти. Еще труднѣе убѣдить теноровъ и баритоновъ въ томъ, что безъ изученія искусства пѣнія нельзя сдѣлаться пѣвцемъ, и заставить ихъ, чтобы навсегда они забыли чудовищную методу криковъ, которая утвердилась на сценѣ чрезъ успѣхъ произведеній Верди и потому что она была легкимъ средствомъ произвести эффектъ.

Беллини и Доницетти искупали недостатки въ своихъ произведеніяхъ богатствомъ мелодіи; если бы всѣ произведенія въ родѣ Вердіевскихъ имѣли въ себѣ столько же мелодіи, сколько Норма, Анна Боллена, Лучія Ламмермуръ и Дѣвушка Лунатикъ,— то не было бы никакой опасности драматическому искусству и мы имѣли бы пѣвцевъ. Самъ Меркаданте, ученый и знающій композиторъ, не могъ устоять противъ новѣйшаго направленія и авторъ «Елизы и Клавдія» и «Донны Каритеи» хотѣлъ превзойти своихъ соперниковъ посредствомъ болѣе громкаго шума. Недостатки этихъ композиторовъ Верди довелъ до крайности.

—

СХОДСТВО МОЦАРТА СЪ ШЕКСПИРОМЪ

Обыкновенно Моцарту и Шекспиру ставятъ въ особенную честь то, что произведенія ихъ имѣютъ вліяніе на публику и даже необразованнымъ доставляютъ эстетическое наслажденіе. Изъ произведеній Моцарта «Волшебная флейта» преимущественно нравится всѣмъ; но несравненно труднѣе понять «Донъ-Жуана» — имъ можно наслаждаться также какъ Гамлетомъ, Макбетомъ или Ромео, въ которыхъ васъ поражаетъ величіе и творческая сила человѣческаго духа. «Идоменей» »Cosi fan tutte и «Фигаро» никогда не могутъ вполнѣ нравиться публикѣ точно такъ-же, какъ произведенія Гёте: Тассъ, Ифигенія, Эгмонтъ и Клавдія Вилабелла.

Въ произведеніяхъ Шекспира чудесное составляетъ почти всегда музыкальный элементъ; созданные поэтомъ духи какъ будто одарены особыми звуками, которыми они отличаются отъ живаго міра и говорятъ, возбуждая даже въ холодныхъ слушателяхъ тотъ сладкій ужасъ, какой умѣлъ вызвать Моцартъ въ своемъ Донъ-Жуанѣ. Изъ всѣхъ новѣйшихъ художниковъ одного Моцарта можно сравнивать съ Шекспиромъ. Только въ ихъ произведеніяхъ жизнь выразилась въ художественной всесторонности, какою не

могутъ похвалиться другіе писатели или виртуозы. У Шекспира и Моцарта идеальное и существенное не въ разладѣ другъ съ другомъ, но въ гармоническомъ согласіи; во всемъ видна творческая сила духа, которая владычествуетъ надъ своимъ созданіемъ.

Упреки, дѣлаемые великому британцу, могутъ быть отнесены и къ нѣмецкому художнику. Обыкновенно говорятъ, что у Шекспира комическое и трагическое страннымъ образомъ проникаютъ другъ друга: тоже самое лицо, которое своею рѣчью, исполненною глубокаго чувства, исторгаетъ слезы у слушвтелей, это же лицо чрезъ нѣсколько минутъ заставляетъ ихъ смѣяться или просто охлаждаетъ, такъ что поэту уже трудно возбудить въ нихъ прежнее теплое чувство. Но Гете оправдалъ Шекспира. Моцартъ же, который имѣетъ очень много общаго съ новѣйшими поэтами, еще не защищенъ отъ подобныхъ упрековъ; даже ревностные почитатели его генія не прощаютъ ему смѣшенія трагическаго съ комическимъ. Но критики сами ошибаются, потому-что не трагическое и комическое соединяетъ Моцартъ, но романтическое и пародію на это романтическое; — это же самое встрѣчается и у Шекспира, который писалъ собственно не трагедіи и комедіи но романтическія драмы. Короче, въ произведеніяхъ Моцарта мы находимъ много Шекспировскаго.

Равно Моцартъ и Шекспиръ сходны и въ томъ, что они единственные художники, которые въ состояніи были изобразить предъ зрителями сверхъ-естественное и заставить повѣрить въ его существованіе. Это сверхъ естественное, непостижимое, есть именно то, что наполняетъ душу зрителя тѣмъ сладкимъ чувствомъ ужаса, которое ощущаемъ мы при видѣ грозной тѣни, Гамлета, медленно ступающаго по сценѣ. Хотя и чувствуемъ что нѣтъ достаточнаго основанія, чтобы вызвать духа на сцену, однако въ эту минуту мы отказываемся отъ размышленія, чтобы сохранить цѣлость впечатлѣнія. Еще сильнѣе впечатлѣніе производимое на насъ духомъ или привидѣніемъ въ Донъ Жуанѣ: здѣсь мы не слышимъ разговора, въ слѣдствіе котораго тѣнь датскаго короля становится для насъ доступнѣе. Въ Донъ Жуанѣ звуки таинственнаго существа совершенно отличны отъ звуковъ жизни. Тому, кто сомнѣвается въ томъ, что искусство есть выраженіе безконечнаго въ конечномъ, стоитъ только послушать эту оперу, чтобы убѣдиться съ справедливости такого опредѣленія искусства. И такъ только Шекспиръ и Моцартъ могли создавать духовъ такъ близко къ истинѣ.

Глубокое и сильное впечатлѣніе, живость и поразительность

эффектовъ, а равно и способность изображать чудесное, составляютъ характеристику обоихъ художниковъ. Того и другаго упрекаютъ въ равнодушіи или, пожалуй, презрѣніи старыхъ правилъ искусства, а именно Шекспира въ нарушеніи правилъ поэтическаго единства, Моцарта — *правилъ чистаго періода.* Оба художника обладали глубокимъ эстетическимъ чувствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣли очищеннаго вкуса, въ слѣдствіе недостатка научнаго образованія. Но голосъ критики смолкаетъ предъ увлекательными модуляціями Моцарта. Шекспиръ подвергся во Франціи разнаго рода искаженіямъ и сокращеніямъ; то же самое случилось и съ «Волшебною флейтою.» Внутренняя связь отдѣльныхъ частей ея такъ ясна и очевидна, что нельзя болѣе сомнѣваться въ эстетической недальновидности бездарнаго передѣлывателя этой оперы. Пока не будетъ возстановлена органическая связь и техническое единство художественнаго произведенія, дотѣхъ-поръ нельзя произнесть о немъ приговора.

—

ЛОНДОНСКАЯ ВСЕМІРНАЯ ВЫСТАВКА.

(Статья, написанная очевидцемъ наблюдателемъ.)

Способъ обозрѣнія Выставки. — Различіе посѣтителей. — Сырые матеріялы. — Англійское отдѣленіе сырыхъ матеріяловъ. — Важный результатъ появленія ихъ на Выставкѣ. — Ископаемые, химическіе и аптекарскіе матеріялы, произведенія животнаго и растительнаго царствъ. — Монолиты. — Карандашная масса. — Китайская глина. — Каменный уголь. — Драгоцѣнные камни. — Металлы. — Янтарь. — Шелкъ, ленъ, конопля. — Машины.

—

Лондонъ, 10-*го сентября.*

Безчисленное множество зрителей посѣтило уже Выставку, и энтузіазмъ посѣтителей нисколько не ослабѣваетъ. Хотя иностранцевъ вообще менѣе, сколько можно было ожидать, но за то со всѣхъ концовъ Англіи стекались тысячи тысячъ на этотъ общій праздникъ промышленности. — Можно считать, что было круглымъ числомъ въ день до 60,000 посѣтителей. Владѣльцы большихъ фабричныхъ заведеній высылали на свой счетъ на Выставку все фабричное населеніе; нѣкоторые помѣщики также

доставляли своимъ крестьянамъ возможность насладиться этимъ любопытнымъ и поучительнымъ зрѣлищемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это произведетъ благодѣтельное вліяніе даже на нравственное образованіе народа, на развитіе въ немъ національной гордости, ревности къ усовершенствованію и прилежанія къ труду.

Способъ обозрѣнія Выставки представляетъ весьма любопытное поле для наблюдателя. Съ-тѣхъ-поръ, какъ въ Кристальный Дворецъ стали пускать публику по одному шиллингу, 30 к. с., совершенно измѣнилась внутренняя физіономія Дворца: посѣтители, пройдясь по разу и по два по среднимъ заламъ — расходились по боковымъ, которыя до того времени оставались совершенно пустыми, выбирали занимавшій ихъ предметъ, осматривали его во всей подробности и съ большимъ вниманіемъ, засыпали экспонентовъ вопросами и вообще поучались. — Остававшіяся прежде безъ всякаго вниманія земледѣльческія орудія и машины и сырые продукты — окружены были теперь толпою людей степенныхъ и мыслящихъ.— Въ каждомъ отдѣленіи ихъ было много, но преимущественно зрители толпились въ англійскомъ отдѣленіи и дѣйствительно, это отдѣленіе заслуживаетъ особенное вниманіе: оно такъ богато, что нужно много смѣлости, чтобы въ подробности описать его. И неудивительно: Англія имѣла всѣ средства предстать предъ глазами изумленной Европы во всемъ блескѣ своей промышленности. — Несмѣтныя богатства, собранныя въ англійскомъ отдѣленіи поразили изумленіемъ даже самихъ англичанъ.— Они, столь гордые и увѣренные въ самихъ себѣ, которыхъ глазъ и умъ привыкли къ огромнымъ результатамъ народнаго богатства и досужества — при видѣ Кристальнаго Дворца и собранныхъ въ немъ чудесъ промышленности, не могли скрыть удивленія къ своему собственному величію. — Можно себѣ представить, какое должны были произвести впечатлѣніе эти неисчислимыя богатства на иностранцевъ.

Описывая, въ первыхъ письмахъ моихъ, общее впечатлѣніе, произведенное на меня Выставкою и бросивъ бѣглый взглядъ на Выставку всѣхъ націй, я слегка коснулся Англіи, предположивъ себѣ разсмотрѣть систематически всѣ главнѣйшіе предметы промышленности. Я зналъ, что при каждомъ изъ нихъ мнѣ придется болѣе всего говорить о произведеніяхъ Англіи. Но не такъ легко приняться за описаніе англійскаго отдѣленія Выставки, гдѣ можно заблудиться, какъ въ лабиринтѣ, и гдѣ собрано въ изобиліи все, что только производитъ безчисленное множество

мануфактурныхъ заведеній Великобританіи, — начиная съ исполинской величины локомотивовъ до самыхъ мелкихъ иголокъ.— При описаніи этого отдѣленія необходимы: система, классификація и особенно постоянство, чтобы не утомить ни себя, ни читателя. И такъ попробую приступить къ дѣлу:

Не мало можетъ удивлять каждаго, что англичане, бѣдные природною производительностію, почитаютъ одною изъ важнѣйшихъ частей своей Выставки — выставку *сырыхъ продуктовъ* и о ней говорятъ всегда прежде всего, предлагая всѣмъ зрителямъ, особенно же фабрикантамъ, обращать на нее особенное вниманіе. Причина этого объясняется практическимъ духомъ англичанъ, которые во всемъ ищутъ для себя науки. И дѣйствительно невозможно было оказать промышленному классу большаго благодѣянія, какъ разложить передъ ихъ глазами цѣлый рядъ сырыхъ продуктовъ, не только тѣхъ, которые уже хорошо извѣстны имъ и издавна находятся въ торговлѣ, но и тѣхъ, которые доселѣ не выходили за предѣлы ихъ родины. — Не взирая на существующую нынѣ легкость сообщенія и перевозки и на распространеніе географическихъ свѣдѣній, произведенія отдаленнѣйшихъ странъ весьма часто бываютъ неизвѣстны тѣмъ, которыхъ они наиболѣе должны интересовать. Весьма рѣдко фабрикантъ знаетъ, гдѣ можно получить по самой дешевой цѣнѣ и самаго лучшаго качества необходимые для него сырые продукты; также рѣдко и производитель сырыхъ продуктовъ знаетъ, гдѣ именно и какой фабрикантъ имѣетъ надобность въ его продуктахъ.— Это происходитъ по большей части отъ предразсудковъ и отвращенія отъ всякихъ нововведеній, а также отъ незнанія выгодъ, какія могли бы произойти отъ этого для обѣихъ сторонъ. — Нынѣшняя Выставка сближаетъ производителя съ промышленникомъ, и это сближеніе можетъ принести большую пользу, какъ имъ обоимъ, такъ и вообще всей націи. — Фабрикантъ открываетъ здѣсь новый источникъ извѣстнаго ему продукта, узнаетъ о выгоднѣйшемъ его приспособленіи, а часто попадаетъ и на совершенно новый для него продуктъ. Отъ этого увеличится требованіе на сырые продукты, — производитель долженъ будетъ употребить для добыванія ихъ болѣе силы и капиталовъ и умножить старанія для улучшенія ихъ качества: однимъ словомъ, онъ озаботится объ улучшеніи качества и увеличеніи количества своихъ продуктовъ. — Съ увеличеніемъ количества сырыхъ матеріяловъ цѣна на нихъ уменьшится и фабрикація ихъ получитъ новую

силу. — Но прежде всего необходимо, чтобы фабрикантъ освоился съ сырыми продуктами, — а этого безъ Выставки достичь невозможно: часто суровые продукты, находящіеся въ какой-нибудь странѣ въ изобиліи, остаются тамъ въ запущеніи, хотя въ другой странѣ они очень высоко цѣнятся и съ большимъ трудомъ отыскиваются.

Ни одно отдѣленіе не представляетъ такой полной выставки сырыхъ продуктовъ, какъ англійское: въ ней находятся продукты не только изъ европейскихъ владѣній, но даже изъ колоній Азіи, Африки и особенно Австраліи. — Двѣ большія залы наполнены продуктами Зеландіи, Ванъ-Димена, Багамы и т. д. Кромѣ добываемыхъ тамъ разнаго рода сырыхъ продуктовъ, находятся здѣсь орудія и снаряды, употребляемые туземцами для ихъ добычи. — Географъ найдетъ здѣсь подробныя карты и виды примѣчательныхъ мѣстъ и строеній, — желающій познакомиться съ образомъ жизни туземцевъ, можетъ присмотрѣться къ моделямъ ихъ избъ, ихъ плетеныхъ чулановъ, для сохраненія драгоцѣнныхъ уборовъ и жизненныхъ припасовъ, ихъ свѣтлицъ на жердяхъ, гдѣ развѣшаны лодки изъ коры, разложено платье, поставлена посуда, гдѣ ползаютъ ихъ дѣти; видъ этихъ предметовъ можетъ познакомить зрителя съ обычаями жителей этихъ отдаленныхъ странъ.

Сырые продукты занимаютъ въ каталогѣ Выставки первое отдѣленіе, раздѣленное на слѣдующіе 4 класса: *Ископаемые, химическіе* и *аптекарскіе матеріялы и произведенія животнаго* и *растительнаго царствъ.* — Первый классъ представляетъ очень интересное собраніе образчиковъ главнѣйшихъ минераловъ и камней: строительныхъ и драгоцѣнныхъ, самородныхъ металловъ, съ показаніемъ способа ихъ употребленія и обработки. — Подобные образчики, иногда отличнаго качества, находятся въ отдѣленіяхъ почти всѣхъ націй; въ Русскомъ отдѣленіи между прочимъ казенные горные заводы представили полное собраніе образчиковъ различныхъ минераловъ и камней. Я уже говорилъ немного, въ первыхъ письмахъ моихъ, объ ископаемыхъ продуктахъ разныхъ странъ: ни одна страна не можетъ однако сравниться богатствомъ и изобиліемъ продуктовъ царства ископаемаго съ Англіею. — Огромныя каменныя глыбы, которыя по своему объему не могли быть установлены внутри Кристальнаго Дворца, помѣщены внѣ онаго: между ними находится гранитная колонна дорическаго стиля, изъ Корнвалійскихъ горъ (Cornwalles), въ 20 футовъ вышины изъ одного куска. Колонна эта можетъ удивлять

своею величиною тѣхъ, которые не видѣли гранитныхъ колоннъ Исакіевскаго собора въ три раза больше этой и особенно тѣхъ, кто не видѣлъ единственнаго по своей величинѣ монолита, украшающаго Дворцовую Площадь, то есть Александровскую колонну, имѣющую 84 фута длины и 14 футовъ въ діаметрѣ. — Изъ княжества Валлійскаго и Шотландіи присланы огромныя массы каменнаго угля, изъ Ирландіи черный марморъ и проч. При входѣ въ западныя-ворота, на правой сторонѣ, находится металлургическое собраніе, установленное вдоль сѣверной стѣны. — При этой коллекціи находятся разные инструменты и орудія для химическаго разложенія каждаго матеріяла, — а находящіяся здѣсь же модели объясняютъ науку кристаллографіи, представляя отношенія между кристаллами сложными, находящимися въ натурѣ и первобытными простыми формами, добываемыми наукою.

Въ этой коллекціи мы видимъ образчики карандашной массы, добытой въ копяхъ Бораудаля (Borowdale) въ Кумберлендѣ, гдѣ находится отличный свинецъ, для выдѣлки карандашей. Матеріялъ этотъ очень дорогъ, поэтому въ Бораудельскихъ копяхъ устроено передъ входомъ особое зданіе, гдѣ рудокопы должны перемѣнять одежду и гдѣ ихъ старательно осматриваютъ. Матеріялъ этотъ добываютъ обыкновенно только въ продолженіи 6 недѣль въ году и, не смотря на то, добываютъ на сумму отъ 200 до 300 тысячъ руб. серебромъ. — Возлѣ этого продукта находится собраніе разныхъ камней изъ Керигорама (Cairngoram) въ Абердинскомъ графствѣ, — образчики гранитовъ изъ Абердина и Питерхида (Aberdeen, Peterhead); — шотландскій жемчугъ находимый въ Донѣ, Эйтенѣ (Ythen) и Угѣ, — квасцы, въ первобытномъ ихъ состояніи, и значительное число образчиковъ китайской глины или *каолина* изъ С-тъ Стефеня (St. Stephen) и Стъ Аустеля (St. Austel) въ Корнуалѣ, гдѣ приготовленіемъ ея занимается почти все населеніе. Масса эта составляется посредствомъ разложенія полеваго шпата, находящагося въ гранитныхъ скалахъ, при чемъ она теряетъ щелочное свое начало и даетъ вещество кремнистое и квасцовую глину, сохраняя въ себѣ незначительное количество поташа и соды. Каолинъ отдѣляется отъ кремнистаго песку, съ которымъ онъ первоначально соединенъ посредствомъ пропуска массы этой черезъ воду, которая уноситъ съ собою очищенную глину въ особо устроенныя глубокія ямы. — Тамъ же находится такъ называемый *китайскій камень*, который, какъ кажется, есть тотъ же полевой шпатъ, менѣе разложенный, нежели каолинъ. — Этотъ камень, содержа

въ себѣ болѣе щелочной соли (алкали), плавится при высокой температурѣ и служитъ для муравленья глиняной посуды. — При образчикахъ каолина находятся модели, безъ которыхъ нельзя получить понятія о методѣ, употребляемой при выжиганіи посуды, дѣлаемой изъ каолина. Здѣсь выставлено также множество образчиковъ простой и фаянсовой глины, а также такъ называемой terre à foulon, кремнистаго песку, играющаго большую ролю на всѣхъ стеклянныхъ и хрустальныхъ заводахъ. — Здѣсь же находится различнаго рода и цвѣта охра, которая тоже есть ничто иное какъ глина, проникнутая болѣе или менѣе желѣзною окисью и употребляемая живописцами и фабрикантами обоевъ. — Большія глыбы краснаго и зеленаго порфира и столъ изъ разноцвѣтнаго порфира, составленный изъ 50 штукъ — присланы изъ Корнуалиса. — Но я пропущу разные камни и другіе строительные матеріалы и остановлюсь подольше на *каменномъ углѣ*, этомъ черномъ брильянтѣ, этомъ неисчерпаемомъ источникѣ промышленности Англіи. — Въ Шотландіи и Англіи добывается его ежегодно до 700 мил. центнеровъ, 28,000 пудовъ, а между тѣмъ онъ еще не такъ давно сдѣлался извѣстнымъ. До XIII вѣка о немъ вовсе не было слышно и можно сказать, что добываніе и употребленіе его собственно началось со времени открытія паровыхъ машинъ. — Англія и Бельгія, по пространству своему, имѣютъ самыя богатыя каменно-угольныя копи. — Каменно-угольная формація занимаетъ въ Англіи $\frac{1}{20}$ часть всей ея поверхности, — въ Бельгіи $\frac{1}{24}$ часть. Извѣданныя доселѣ во Франціи мѣсторожденія каменнаго угля составляютъ только $\frac{1}{200}$ часть ея поверхности, — прочія государства европейскія въ этомъ отношеніи еще бѣднѣе: въ Россіи добыча каменнаго угля вмѣстѣ съ антрацитомъ не превышаетъ въ годъ 3 милл. пудъ; въ Царствѣ Польскомъ добывается его до 1 мил. корцевъ въ годъ; — почти вовсе не имѣютъ каменнаго угля: Швеція, Норвегія, Италія и Греція. — Изъ государствъ, составляющихъ Германскій Союзъ, самыя богатыя углемъ: Богемія и Силезія — и въ первой самыя изобильныя копи Раковицкія и Пильницкія. Въ 1837 году добыто въ богемскихъ копяхъ 2 съ половиною милліона центнеровъ. Въ собственной Германіи изобилуютъ углемъ только саксонскія, рейнскія и вестфальскія провинціи, которыя высылаютъ даже за границу каменный уголь. Есть также угольныя копи въ Виртембергѣ, Баваріи и Ганноверѣ, а также въ нѣкоторыхъ австрійскихъ нѣмецкихъ провинціяхъ, — за тѣмъ въ остальныхъ государствахъ Германіи добываніе угля незначитель-

но, — изъ польскихъ провинцій Краковъ наиболѣе производитъ угля; — въ Испаніи и Португаліи добыча угля незначительна. Въ Венгріи находятся богатыя каменно-угольныя мѣсторожденія, но разработка ихъ не достигла должнаго развитія. — Въ Моравіи добыча угля значительна — и вообще въ Австріи разработка угля съ каждымъ годомъ увеличивается. — Внѣ Европы самыя богатыя каменно-угольныя копи находятся въ Сѣверной Америкѣ. — Изъ англійскихъ копей самыя богатыя и обширныя находятся въ Нью-Кестлѣ, въ княжествѣ Валлійскомъ. Онѣ были неоднократно описываемы въ подробности. — Разность въ качествѣ угля происходитъ отъ старости пластовъ и отъ наружнаго блеска. Изъ находящихся на Выставкѣ образчиковъ — самаго лучшаго качества уголь присланъ изъ южнаго Валлиса и изъ Типперари въ Ирландіи; строеніе угля одинаково: изломъ раковистый, блескъ стекловидный. Этотъ уголь не годится для выдѣлки газа, для этого преимущественно употребляется уголь изъ Ланкашира; 20 центнеровъ этого угля даютъ 16,000 куб. футовъ газа, за то онъ не годится для топлива. — Шотландскій уголь, добываемый близъ Эдинбурга, качествомъ своимъ не уступаетъ англійскому.

Множество отлично сдѣланныхъ моделей объясняютъ способы добыванія угля и провѣтриванія минъ. Между прочими замѣчателенъ очень простой и остроумный снарядъ, съ помощью котораго вагоны, проходя по галлереямъ, сами открываютъ и закрываютъ снаряды, устроенные для пропущенія свѣжаго воздуха. Онъ замѣняетъ человѣка, который прежде долженъ былъ исполнять эту обязанность. Здѣсь-же находятся снаряды, предотвращающіе паданіе корзинъ съ углемъ, въ случаѣ порванія веревокъ при поднятіи ихъ на верхъ.

Переходя отъ угля къ *желѣзу*, — мы находимъ на Выставкѣ огромное количество различнаго рода образчиковъ желѣза. Модель копей въ Эббу-вале (Ebbu-valle), устроенная въ большомъ размѣрѣ, объясняетъ весь ходъ работъ въ рудокопняхъ. Между моделями машинъ для провѣтриванія копей, находится здѣсь одна, заслуживающая особенное вниманіе, потому что она вполнѣ соотвѣтствуетъ своему назначенію. Быстрое обращеніе колеса производитъ сильное стремленіе воздуха; потому что въ колесѣ устроены трубы, которыя расходятся, какъ радіусы, отъ центра и соединяются просвѣрленною осью, составляющею окончаніе жолоба, черезъ который выходитъ наружу испорченный воздухъ. Коль скоро паръ или вода пустятъ съ большою быстротою снарядъ этотъ въ бѣгъ, центробѣжная сила производитъ одно стремленіе отъ центра къ

окружности, а другое соотвѣтственное стремленіе, выгоняющее воздухъ черезъ главный цилиндръ. Здѣсь находятся также модели доменныхъ печей, которыя отличаются отъ обыкновенныхъ тѣмъ, что прежде излишній жаръ выходилъ трубою, а теперь онъ производитъ паръ, который согрѣваетъ огромную колонну воздуха, впускаемаго постоянно въ эти исполинскія горнила.

Мѣдные рудники имѣютъ также на Выставкѣ богатыхъ представителей. — Изъ находящихся здѣсь образчиковъ замѣчательна огромная глыба, добытая въ коняхъ *Par-Cousols* въ Корнуалисѣ; — она вѣситъ 1,500 фунтовъ; — подобныя же глыбы, хотя не столь огромныя, присланы изъ Ирландіи. — Здѣсь установлено множество моделей для выплавки этого металла. Между образчиками поражаетъ зрителя чудовищный кусокъ сѣрнокислаго барита: это, безъ сомнѣнія, самый красивый образчикъ этого тѣла въ кристализованномъ состояніи.

Кромѣ мѣди находятся здѣсь также образчики *олова* и *серебра*, какъ смѣшанныхъ вмѣстѣ, такъ и отдѣльно и при нихъ модели, относящіяся къ выработкѣ этихъ металловъ. Меня поразилъ особенно листъ изъ чистаго серебра, вѣсомъ въ 12,000 унцій, стоящій болѣе 24 тысячъ руб. серебромъ.

Въ отдѣленіяхъ колоній и другихъ государствъ находится также много замѣчательныхъ образчиковъ. Изъ Канады присланы образчики желѣза и мѣди, минералы, самородное золото, углекислая магнезія, литографическіе камни и разноцвѣтная охра; — на Выставкѣ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ находятся: самородная мѣдь, каменный уголь, углекислое желѣзо.—Изъ Нью-Джерси прислана глыба цинка, вѣсомъ въ 164,000 фунтовъ. На Русской Выставкѣ, если мы не будемъ говорить о драгоцѣнныхъ камняхъ, и желѣзѣ, признанномъ знатоками отличнаго качества, не уступающаго шведскому, къ сожалѣнію, весьма мало находится образчиковъ, но впрочемъ находящіеся здѣсь вообще очень хороши. Выставка Швеціи и Норвегіи первенствуетъ своимъ желѣзомъ; въ ней есть также немного никеля, кобальта и такъ далѣе. — Хороши также образчики, присланные изъ Сардиніи и государствъ Германскаго Союза; самые богатые образчики сѣрной антимоніи (сюрьмы) и олова присланы изъ Испаніи и Португаліи; Французская Выставка въ этомъ отношеніи очень слаба, но Бельгійская отличается какъ множествомъ, такъ и искусною разстановкою образчиковъ желѣза, цинка, каолина, каменнаго угля, олова и тому подобнаго. — Изъ Калифорніи я замѣтилъ только бутылку съ ртутью.

Драгоцѣнные камни занимаютъ не послѣднее мѣсто въ Крис-

тальномъ Дворцѣ. — Бриліянтъ, этотъ чистый уголь, служитъ не только для украшенія, но и полезенъ въ промышленности: онъ употребляется для выдѣлки карманныхъ часовъ, для рѣзанія стекла и для шлифованія драгоцѣнныхъ камней. Онъ бываетъ обыкновенно безцвѣтенъ, но на Выставкѣ находится нѣсколько разноцвѣтныхъ бриліянтовъ. Желтоватые и зеленоватые бриліянты обыкновенно цѣнятся ниже бѣлыхъ, — синеватые, хотя и не имѣютъ большаго блеска, бываютъ однако цѣнимы высоко; — изъ цвѣтныхъ самыми дорогими считаются розовые.

Бриліянтъ отъ шлифованія теряетъ половину своего вѣса, а потому нешлифованный цѣнится въ половину меньше шлифованнаго, при одинакой величинѣ. Цѣнность бриліянта идетъ въ квадратной пропорціи къ его вѣсу, такъ напримѣръ: если одинъ каратъ нешлифованнаго бриліянта стоитъ 2 фун. стер., то каратъ шлифованнаго будетъ стоить 8 фун. ст.

Одинъ изъ англійскихъ ювелировъ представилъ коллекцію всѣхъ извѣстныхъ по своей величинѣ бриліянтовъ, превосходно поддѣланныхъ, начиная отъ извѣстнаго нешлифованнаго Португальскаго бриліянта, вѣсомъ въ 1680 каратовъ, который стоитъ 5.644,800 фун. стер.; онъ величиною съ гусиное яйцо. — Второй по величинѣ находится въ Россійскомъ Императорскомъ Скипетрѣ, онъ вѣситъ 779 каратовъ и стоитъ 4.854,728 ф. ст. — Меньшихъ настоящихъ бриліянтовъ есть очень много на Выставкѣ; синеватый бриліянтъ г. *Гопе* находится возлѣ полосы золота изъ Калифорніи, выставленной англійскимъ банкомъ въ главной галлереѣ, — онъ вѣситъ 177 каратовъ. Здѣсь же находится совершенно черный бриліянтъ, принадлежащій тоже г. Гопе, вѣсомъ въ 300 каратовъ, который такъ твердъ, что доселѣ не найдено возможности ошлифовать его. — Выставка бриліянтовыхъ вещей Лемоньера изъ Парижа очень богата, но не можетъ сравниться богатствомъ съ выставкою двухъ лондонскихъ ювелировъ гг. Гопе и Росскеля (Rosskele), которые выставили нѣсколько разноцвѣтныхъ камней рѣдкой красоты: опалы, смарагды и пр. и пр., букеты цвѣтовъ изъ бриліянтовъ и огромнаго жемчуга. Недавно г. Гопе прислалъ на Выставку жемчужину, единственную по своей величинѣ: она имѣетъ въ длину 2, а въ ширину $1\frac{1}{2}$ дюйма. — Но изъ всѣхъ драгоцѣнныхъ камней, находящихся на Выставкѣ самый богатый и самый красивый бриліянтъ *Ко-и-Норъ*, принадлежавшій нѣкогда *Рунджитъ Сингу*. Онъ принадлежитъ къ числу величайшихъ бриліянтовъ и оцѣненъ въ 2 мил. ф. ст. Не смотря на то, что онъ находится подъ стеклянным колпакомъ,

въ стальной, позолоченной клѣткѣ, его постоянно охраняютъ два констебля. — Кромѣ бриліянтовъ, Выставка богата и другими драгоцѣнными камнями: опалами, смарагдами, аметистами и т. п., а Русское отдѣленіе отличается огромной величины *малахитами*, удивляющими своими размѣрами всѣхъ иностранцевъ. Никто до-сихъ-поръ не воображалъ, чтобы сталактитовое произведеніе могло имѣть, при правильной формаціи, столь огромные размѣры. Все, что до-сихъ-поръ извѣстно было по образцамъ присланнымъ изъ Венгріи, Саксоніи, Тироля, и даже большая глыба малахитовая, присланная изъ Бурры-Бурры въ Австраліи, не могло дать понятія о русскихъ малахитахъ. А потому видъ огромныхъ вазъ, каминовъ, дверей, вышиною въ нѣсколько десятковъ футовъ и множество другихъ предметовъ, выдѣланныхъ изъ этого богатаго минерала на заводахъ г. Демидова, постоянно производятъ всеобщій восторгъ и публика толпами осаждаетъ русское отдѣленіе, чтобы видѣть собственными глазами, огромныя массы этого дорогаго камня, который доселѣ продавался дорогою цѣною въ брошахъ, булавочкахъ и пуговкахъ. Не меньшее удивленіе производитъ, въ этомъ отдѣленіи, видъ богатыхъ ювелирскихъ издѣлій, драгоцѣнныхъ камней и большой массы дорогихъ металловъ: это произвело общее убѣжденіе, что Русская Выставка своимъ богатствомъ и изяществомъ издѣлій можетъ соперничествовать со всѣми подобными-же издѣліями Западныхъ государствъ.

Второе, по порядку, мѣсто занимаютъ *химическія произведенія*; — онѣ находятся почти во всѣхъ отдѣленіяхъ Кристальнаго Дворца, но о нихъ ничего нельзя сказать до-тѣхъ-поръ, пока присяжные судьи, которые одни только имѣютъ право испытать продукты, не произнесутъ своего приговора. — Германское отдѣленіе Выставки особенно богато въ этомъ отношеніи. Австрія представила отличную соль, соду, *тіпіит*, киноварь и болѣе 180 разныхъ нѣжныхъ красокъ. Франція прислала прекрасные образцы квасцовъ, сѣрнокислую мѣдь, поташъ, іодину, хлористый калій; — изъ Португаліи и съ острова Мадеры представлены: винная окись, углекислый поташъ и т. п.; изъ Тосканы присланы разные химическіе снаряды, селитряная и сѣрная кислота и пр. Въ Сѣверной галлереѣ, нѣсколько на востокъ отъ главной залы, находится богатое собраніе разныхъ химическихъ и фармацевтическихъ препаратовъ англійскихъ. Чтобы исчислить всѣ превосходныя химическія издѣлія и описать модели и машины для производства этихъ издѣлій — необходимо имѣть специаль-

ныя свѣдѣнія и предпринять огромный трудъ. Здѣсь представляется обширное поле для каждаго химика; — не принимая на себя описывать эту интересную часть въ подробности, вспомню только о томъ, что меня болѣе всего поразило. Возлѣ сѣверной стороны находится небольшой шкафъ и въ немъ разныя дѣла, бумаги, книги, рисунки, и географическія карты, разрушенныя временемъ, дымомъ, парами или огнемъ и посредствомъ открытаго гг. Клиффордомъ (Georges Clifford) и Темплемъ (Genner Temple) способомъ обращенныя въ прежнее ихъ состояніе. — Между этими бумагами, англичане (если только можно имъ вѣрить въ этомъ случаѣ) особенно обращаютъ вниманіе посѣтителей на бумаги, найденныя послѣ пожара въ Линкольнъ-Иннѣ, которыя будучи совершенно уничтожены огнемъ, посредствомъ означеннаго способа, возвращены въ прежнее ихъ состояніе. *

Здѣсь кстати упомянуть о *янтарѣ*, который присланъ на Выставку одною только Пруссіею. — Вильгельмъ Рой изъ Данцига доставилъ 4 ящика съ янтаремъ въ сыромъ видѣ, который могъ-бы украсить собой любой минералогическій кабинетъ. Между кусками янтаря замѣчательны тѣ, внутри которыхъ находятся насѣкомыя, что служитъ доказательствомъ, что янтарь есть ни что иное, какъ древесная смола, въ которую во время образованія ея попали насѣкомыя и были покрыты новымъ слоемъ смолы. Такого рода куски здѣсь очень высоко цѣнятся и если они притомъ чисты, то продаются почти на вѣсъ золота. Г. Рой прислалъ также нѣсколько издѣлій изъ янтаря: брошь, браслетовъ и даже подносъ. — Купецъ Вольфъ Мангеймеръ прислалъ изъ Кёнигсберга два отличные куска сыраго янтаря рѣдкой величины, одинъ вѣситъ 4 а другой 6 фунтовъ; — послѣдній оцѣниваютъ въ 1,350 руб. сер. — Присланная Вингерфельдомъ изъ Бреславля янтарная ваза (стоящая 350 талеровъ) обращаетъ общее вниманіе, равно какъ и плоская ширмочка для свѣчей, на которой вырѣзаны гербы и портреты королевы Викторіи и принца Альберта. — Но я не намѣренъ распространяться объ этомъ предметѣ, скажу только, что хотя янтарь находятъ въ небольшомъ количествѣ и въ другихъ государствахъ и между прочимъ въ Россіи и въ Царствѣ Польскомъ, — но Пруссія пользуется, можно сказать, монополіею въ этомъ отношеніи; правда, что янтарь не имѣетъ ни довольно блеска, ни довольно твердости, чтобы стать наряду съ драгоцѣнными каменьями, но не смотря на это, въ рукахъ искусныхъ мастеровъ, онъ можетъ сдѣлаться предметомъ высокой цѣны. — Самый извѣстный, по своей красотѣ, ку-

сокъ янтаря находится въ Берлинскомъ кабинетѣ и цѣнится въ 16,000 талеровъ (до 15 т. руб. сер.).

Изъ сырыхъ продуктовъ животнаго и растительнаго царствъ заслуживаютъ наиболѣе вниманія тѣ, которые обращаются въ пряжу. — Изъ шелковъ обращаетъ общее вниманіе сѣрый индѣйскій шелкъ, на видъ грубый, и извѣстный подъ названіемъ *Фуссуръ Эри* и *Монго*; жители Ассама употребляютъ его въ пряжу. — Китайское отдѣленіе отличается бѣлизною шелковъ; — итальянскія провинціи прислали шелкъ желтый, превосходнаго блеска, — но самый превосходный бѣлый шелкъ присланъ изъ Бордосскаго департамента. — Нельзя не порадоваться, что и наше русское, еще младенчествующее шелководство играло довольно почтенную роль при этомъ опасномъ соперничествѣ. Если мы обратимъ вниманіе на изобиліе, съ какимъ Провидѣніе разсыпало на землѣ волокнистыя растенія, то невольно прійдетъ на мысль: отчего же до-сихъ-поръ едва три сорта этихъ растеній употребляются въ дѣло? Я думаю, что небольшаго бы труда стоило употребить въ пользу и многія другія растенія. — Однимъ изъ главнѣйшихъ продуктовъ этого рода — безъ сомнѣнія, — *ленъ*. Онъ родится съ изобиліемъ на сѣверѣ Европы и нынѣ обращаетъ на себя особенное вниманіе. Объ этомъ скажу нѣсколько словъ ниже. *Конопля*, напротивъ того, произведеніе теплыхъ странъ. Португалія прислала на Выставку превосходные образчики этого растенія, также Голландія и Италія. Множество другихъ волокнистыхъ веществъ находится въ странахъ между тропиками, каковы: алоэ, ананасъ, *phormium tenax* или ленъ новой Зеландіи, китайское растеніе и т. п., которыхъ волокна блескомъ своимъ уподобляются шелку. Въ Испаніи произрастаетъ волокнистое растеніе *эспарто*, которое замѣняетъ тамъ пеньку, и которое употребляется на выдѣлку веревокъ, мѣшковъ и т. п. Но всѣ растенія эти покажутся слишкомъ маловажными, когда мы обратимъ вниманіе на пухъ, которымъ покрыты сѣмена хлопчатника (gossypium). Я съ большимъ любопытствомъ разсматривалъ въ американскомъ отдѣленіи вѣтку хлопчатника, присланную изъ южной Каролины, и на которой полуоткрытыя чашечки позволяли видѣть пухъ; огромныя пространства земли покрыты этими деревьями: Индія, Египетъ, Мальта и особенно Америка снабжаютъ этимъ продуктомъ цѣлый свѣтъ. Но чтобы изъ этого пуха сдѣлать пряжу, изъ пряжи нитки, а изъ нитокъ легкую и красивую одежду, сколько нужно было побороть трудовъ, сколько времени, сколько придумать и изобрѣсть снарядовъ и ма-

шинъ, чтобы довести эту промышленность до той высокой степени на какой она нынѣ находится въ Англіи! Неизвѣстно, чему должно приписать возрастающее нынѣ требованіе на ленъ—недостатку-ли производительности хлопчатой бумаги при безпрерывно увеличивающейся потребительности, или же представляющимся выгодамъ отъ употребленія льна; быть можетъ, что въ скоромъ времени хлопчатая бумага совершенно уступитъ мѣсто льну, если только найдутъ средство окрашивать льняныя издѣлія также легко и съ такимъ совершенствомъ, до какого доведено нынѣ окрашиваніе бумажныхъ матерій. Въ настоящее время англійская промышленность всѣ издѣлія свои употребляетъ къ тому, чтобы произвести замѣну хлопчатой бумаги льномъ, дабы тѣмъ освободиться отъ зависимости американцевъ и доставить своимъ земледѣльцамъ возможность снабжать промышленность сырыми продуктами. Прежде было общее мнѣніе, что воздѣлываніе льна истощаетъ землю; для этого существующее здѣсь Земледѣльческое Общество (Aglicultur Society) производило разные опыты и убѣдилось въ ложности этого мнѣнія.—Потребленіе льна въ Англіи увеличилось чрезвычайно въ послѣднія 20 лѣтъ и съ размноженіемъ фабрикъ льняныхъ издѣлій привозъ льну изъ-за границы, и преимущественно изъ Россіи, ежегодно возрастаетъ; въ 1831 году привезено было льну на одинъ милліонъ фунтовъ стерлинговъ, а черезъ 18 лѣтъ привозъ его удвоился и по оффиціяльнымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что Англія за ленъ и паклю заплатила 54 мил. руб. сер.—Отъ одной Россіи Англія ежегодно получаетъ льну отъ 800 до 900,000 центнеровъ (2,400,000 до 2,700,000 пудъ).

Извѣстно, что Россія, въ этомъ отношеніи, есть самая богатѣйшая страна: она снабжаетъ своимъ льномъ почти всю Европу, а требованіе на этотъ продуктъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ, особенно въ Англіи и во Франціи; отпускъ льна и пакли въ послѣднее государство постоянно увеличивается, такъ напримѣръ: въ 1840 году отпущено этого продукта во Францію только съ небольшимъ 8,000 пудъ, а въ 1846 году отпускъ этотъ дошелъ до 500,000 пудовъ; и можно ожидать, что съ распространяющеюся нынѣ выдѣлкою льняныхъ издѣлій—требованіе на этотъ продуктъ будетъ постоянно увеличиваться.

Слѣдуя въ этомъ систематическомъ разборѣ Выставки порядку, означенному въ катологѣ, я долженъ приступить къ описанію *машинъ*. Дѣло это нелегкое: потому что въ одномъ англійскомъ отдѣленіи огромная зала, въ 700 футовъ длины, вся заставлена машинами,

которыя, посредствомъ одной паровой машины во 100 силъ, всѣ находятся въ дѣйствіи. Подземные каналы боковаго строенія доставляютъ въ эту залу двигательную силу.—Здѣсь именно открывается вся тайна могущества Англіи, здѣсь ея промышленный геній представляется въ полномъ блескѣ.

Выставка англійскихъ машинъ дѣлится на 3 части: въ первой находятся снаряды непосредственнаго употребленія, первоначальные дѣятели, служащіе для двиганія, взвѣшиванія, счисленія: здѣсь находятся подъемные блоки, прессы, огромные рычаги, математическіе и физическіе инструменты и наконецъ земледѣльческія орудія.—Другая часть содержитъ въ себѣ собственно мануфактурныя машины;—третья: модели всякаго рода строеній, основанныхъ на инженерной наукѣ и на механикѣ.—Зрители болѣе всего толпятся въ отдѣлѣ мануфактурныхъ машинъ; они съ любопытствомъ смотрятъ на дѣйствіе этихъ машинъ, съ удивленіемъ присматриваются на это безчисленное множество колесъ, винтовъ, рычаговъ, которые приводятся въ движеніе съ такою легкостью и правильностью, и дѣйствуютъ съ такою увѣренностію, какъ будто въ нихъ скрывается духъ геніальнаго механика, который ихъ создалъ.— Сюда стекаются инженеры и механики всѣхъ странъ, изумленные видомъ столь огромнаго успѣха въ наукахъ, какъ бы пристыженные, униженные внутренно, при видѣ столькихъ труднѣйшихъ проблемъ, разрѣшенныхъ съ такою легкостью и простотою;—сюда сходятся фабриканты всего свѣта и почти съ трепетомъ вопрошаютъ себя: какъ велика должна быть увѣренность англичанъ въ самихъ себя, когда они безъ опасенія предлагаютъ каждому воспользоваться безвозмездно плодами многолѣтнихъ своихъ трудовъ и усилій! — Я не помню, чтобы въ жизни моей, что либо занимало меня болѣе, какъ этотъ безконечный рядъ машинъ, разклассификованныхъ по родамъ промышленности и показывающихъ постепенность успѣховъ каждаго рода издѣлій. Этотъ видъ вливаетъ въ душу зрителя утѣшительную мысль, что при нынѣшней образованности удовлетвореніе многихъ его потребностей производится дѣйствіемъ автоматовъ. Производство каждаго рода издѣлія, отъ начала его до конца, находится здѣсь предъ глазами наблюдателя. — Хлопчатая бумага, выходящая изъ огромныхъ тюковъ, проходя черезъ машины, является въ видѣ очищенныхъ полосъ; потомъ эти полосы, проходя черезъ другую машину, уже представляются въ видѣ нитокъ. Изъ нитокъ дальнѣйшія машины производятъ ткань—и все это производится съ такою быстротою, что въ продолженіи

одной минуты можно выдѣлать 60 ярдовъ.—Если нѣкогда Шекспиръ, въ полетѣ своего воображенія, хотѣлъ цѣлый шаръ земной окружить въ продолженіи 40 минутъ поясомъ, то онъ вѣроятно вѣщимъ духомъ своимъ предвидѣлъ эти машины, которыя нынѣ присланы на Выставку Манчестеромъ. Когда огромные куски бумажной матеріи выйдутъ изъ машины отбѣленными, ихъ ожидаетъ самое важное производство, т. е. *окрашиваніе и набиваніе.*—Здѣсь есть машины, которыя окрашиваютъ вдругъ съ двухъ сторонъ, другія, которыя отпечатываютъ восемь и даже 14 цвѣтовъ вдругъ, такова машина Гг. Нельсона, Кноульса К° (Nelson, Knowless et C°). Окрашиваніе издѣлій долгое время занимало многихъ теоретиковъ и практиковъ; доселѣ окрашиваютъ только три рода волокнистыхъ матерій и именно: шерстяныя, шелковыя и бумажныя. Всѣ эти три рода, при разсмотрѣніи ихъ чрезъ микроскопъ, имѣютъ одинъ общій характеръ, то есть они имѣютъ поры, наполненныя клѣтками; — по разсмотрѣніи ихъ послѣ окрашенія, замѣтно, что клѣтки эти наполнились красильнымъ веществомъ — и доброта окрашиванія познается промываніемъ матерій мыломъ или щелочью; при дурномъ окрашиваніи краска изъ клѣтокъ выходитъ. Писавшіе объ этомъ предметѣ, не соглашаются между собою на счетъ причинъ проникнутія красокъ въ клѣтки волокнистыхъ матерій; одни приписываютъ это простому дѣйствію механизма; а другіе соглашаются, что тутъ происходитъ химическій процессъ между тѣлами: извѣстно, что не всѣ волокнистыя тѣла одинаково принимаютъ краски. Есть нѣкоторыя цвѣта, которые пристаютъ единственно къ матеріямъ изъ животнаго царства; другіе напротивъ только къ матеріямъ растительнымъ и на этомъ именно основывается заключеніе тѣхъ, которые придерживаются химическаго средства. — Противники ихъ утверждаютъ, что эта разница происходитъ отъ отношенія между величиною красильнаго атома и емкостью клѣтки. Впрочемъ, обѣ эти теоріи, хотя и не разрѣшаютъ дѣла, служатъ къ объясненію способа окрашиванія.— Подобно машинамъ для выдѣлки бумажной матеріи, къ которымъ приспособлена вездѣ неоцѣненная система Жакара,—установленъ такой-же рядъ машинъ для пряжи льна, шелка и шерсти и при нихъ развѣшены на стѣнахъ матеріи, выдѣланныя этими машинами. Обзоръ ихъ весьма поучителенъ и знакомитъ всякаго, даже не имѣющаго никакого понятія о фабричномъ производствѣ, со всѣми подробностями этой промышленности. Изъ машинъ для пряжи льна обращаетъ особое вниманіе патентованная, въ

1849 году, машина Роберта *Пломмера* (Plummer). Кому неизвѣстно сколько ручная выдѣлка льну требуетъ времени и трудовъ особенно для очищенія его и конопли, и сколько все это препятствуетъ къ распространенію выдѣлки этихъ полезныхъ растеній, а потому вѣроятно всякій будетъ интересоваться машиной, которая, съ помощью нѣсколькихъ дѣтей, можетъ выдѣлывать въ одинъ день болѣе пряжи, нежели сколько десять женщинъ въ состояніи сдѣлать, при усиленномъ стараніи, въ теченіи мѣсяца. Къ этому надо прибавить, что, при механической обработкѣ, ленъ выходитъ гораздо чище и притомъ пропадаетъ гораздо менѣе охлопковъ. Машина Пломмера состоитъ изъ трехъ снарядовъ.

Машина *Крабтси* (Crabtsee) изъ Лондона, для дѣланія гремплей, удивляетъ своимъ совершенствомъ; она имѣетъ 3 движенія, и безъ всякой помощи со стороны человѣка производитъ изъ даннаго ей матеріала отличныя издѣлія. Я долго любовался этими гремплями; стеганіе такъ превосходно и правильно, что человѣческая рука не въ состояніи сдѣлать ничего подобнаго.—Машины *Анпольда*, такъ называемыя центробѣжныя полосы, употребляемыя для осушенія болотъ, показались мнѣ не столь практическими. Посредствомъ коловратнаго обращенія можно поднять воду до желаемой высоты, но какъ необходимо обращать колесо 1000 разъ въ одну минуту, то тутъ не возможно обойтись безъ паровой машины.—На основаніи правилъ центробѣжнаго движенія устроена мельница для сахарнаго производства (Manlove Alliot). Особеннаго рода котелъ обращается съ чрезвычайною быстротою и производитъ сильное стремленіе воздуха, который сушитъ сахарныя головы, причемъ всѣ нечистыя частицы отдѣляются отъ сахара и осаждаются на стѣнкахъ. Этотъ чрезвычайно выгодный снарядъ введенъ уже во всѣхъ лучшихъ заводахъ Европы и производитъ то въ десять минутъ, на что потребно было доселѣ нѣсколько дней. Изъ числа машинъ чрезвычайно любопытенъ *скоропечатный станокъ Мидльтона* (Middleton), который дѣйствуетъ посредствомъ паровъ, и отпечатываетъ за разъ 4 экземпляра.

Въ этомъ отдѣленіи есть еще множество разныхъ машинъ, изумляющихъ смѣлою своею мыслью, новостью открытія и ловкимъ приспособленіемъ; есть машинки для переплетчиковъ, для складыванія бумаги;—есть механическіе горны для выдѣлыванія желѣзныхъ полосъ безъ всякаго усилія со стороны человѣка,—есть корабельныя машины, заступающія мѣсто веселъ или паровыхъ котловъ, есть разные рычаги и гидравлическіе вороты;

машинки, дѣлающія письменные конверты, печатающія числа по порядку нумеровъ; — наконецъ здѣсь есть цѣлыя тысячи самыхъ разнообразныхъ снарядовъ: одинъ списокъ ихъ занимаетъ въ каталогѣ нѣсколько листовъ мелкой печати. Чтобы описать всѣ эти предметы нужно нѣсколько лѣтъ времени и нѣсколько сотъ стопъ бумаги.—Въ этой-же галлереѣ находится собраніе моделей мостовъ, плотинъ, портовъ, віадуктовъ, туннелей, крышъ, домовъ, оконъ, трубъ, водолазныхъ снарядовъ, галваническихъ баттарей для взрыванія минъ, корабельныхъ сигналовъ, насосовъ, гасовыхъ снарядовъ и гасометровъ, которыхъ число однако очень ограничено, потому что въ Кристальномъ Дворцѣ запрещено имѣть огонь и освѣщеніе.—Весьма интересенъ огромный гидравлическій прессъ, который употребленъ былъ при устройствѣ моста: *Brittania Bridge*, здѣсь же находится и модель этого моста, а также модели мостовъ Кіевскаго на Днѣпрѣ и Кёльнскаго на Рейнѣ.

Въ сравненіи съ огромнымъ собраніемъ разныхъ машинъ и снарядовъ, находящихся въ англійскомъ отдѣленіи—всѣхъ поражаетъ бѣдность въ этомъ отношеніи въ отдѣленіяхъ другихъ государствъ и это объясняетъ разницу развитія промышленности англійской и другихъ націй.

Изъ небольшаго числа машинъ въ отдѣленіяхъ другихъ государствъ бельгійскія занимаютъ первое мѣсто послѣ англійскихъ;—Голландія прислала весьма малое число машинъ—и тѣ, по большей части, не значительны,—австрійскихъ машинъ почти вовсе нѣтъ. Въ отдѣленіи Таможеннаго союза я замѣтилъ только 2 машины заслуживающія вниманія, т. е. монетную машина и снарядъ для отливки типографскихъ буквъ, о которомъ я говорилъ уже въ первомъ письмѣ моемъ. Выставка Сѣверо Американскихъ Штатовъ еще бѣднѣе, у нихъ обращаетъ только вниманіе тепломѣръ *Эриксона*;—къ сожалѣнію снарядъ этотъ не могъ быть пущенъ въ ходъ на Выставкѣ, а посему и нельзя о немъ сдѣлать никакого заключенія.

На Датской выставкѣ находится одна только машина, но въ высшей степени любопытная: она сама набираетъ и разбираетъ типографскія буквы. Сдѣланныя до-сихъ-поръ, въ этомъ родѣ открытія почти всѣ оказались безполезными; и осмотрѣвъ весьма дорогія и совершенно неудобныя машины, въ типографіи Мелина, въ Брюсселѣ, я приближался къ датской машинѣ съ большою недовѣрчивостью, но машина датчанина *Сёрьейзена* (Sëreusen)

отличается такой простотой, такимъ вѣрнымъ соображеніемъ, что совершенно разсѣяла мое предубѣжденіе. Постараюсь описать ее.

Какъ всѣ существующія машины въ этомъ родѣ, машина эта снабжена клавишами, съ алфавитными буквами. Въ срединѣ устроиваются два барабана, или правильнѣе, двѣ кассы, положенныя одна на другую и которыхъ стѣны сдѣланы изъ мѣдной доски. Меньшая касса служитъ для составленія, а большая для разбиранія типографскихъ буквъ.—Машина пускается въ ходъ педалями; буквы положены въ ячейкахъ кассы въ отвѣсномъ положеніи, такъ, что когда ударятъ по клавишѣ соотвѣтственной буквѣ, мѣдный гвоздочикъ выталкиваетъ букву изъ ячейки въ воронку, которой отверстіе прилегаетъ къ длинной *верстати* (наборни), находящейся подъ снарядомъ, оттого каждая выброшенная такимъ образомъ буква становится въ надлежащемъ порядкѣ въ верстати и такъ составляются длинныя строки, которыя потомъ, соотвѣтственно формату, сверстываются.—Все это касается до набора. Разбираніе еще проще; съ помощью рычага обѣ кассы переворачиваются, отчего онѣ изъ отвѣснаго положенія приходятъ въ горизонтальное. Набранныя буквы, назначенныя для разобранія, поднимаются на верхъ къ жолобу общему обѣимъ кассамъ и всовываются въ него поочередно. Когда одинъ желобокъ наполнится, берется другой желобокъ, третій и т. д., пока всѣ буквы не войдутъ въ большую кассу; по окончаніи этого, обѣ кассы обращаются и приходятъ опять въ отвѣсное положеніе. Съ помощью педалей, буквы изъ желобковъ большой кассы переходятъ въ ящички меньшей кассы въ соотвѣтственное имъ мѣсто, такъ буквы А поступаютъ къ кучкѣ А, Б въ кучку Б, и такъ далѣе и ни одна буква не можетъ попасть въ несоотвѣтственное себѣ мѣсто. Но вы желаете, можетъ быть, знать, какъ это дѣлается? — Весьма просто,—каждая буква имѣетъ на себѣ зарубку, соотвѣтственную отверстію ящичка и когда она приближается къ этому отверстію, то собственною тяжестью впадаетъ въ него.—Этимъ способомъ можно разобрать 10,000 буквъ въ часъ, между тѣмъ, какъ самый ловкій наборщикъ и половины въ это время не разберетъ. — Теперь разсуждаютъ о томъ, не подвержены-ли буквы скорой порчѣ отъ безпрестаннаго тренія и не сотрутся-ли зубчики на нихъ, отчего онѣ могли бы впадывать въ несоотвѣтственныя имъ мѣста? Одинъ только опытъ можетъ разрѣшить эти вопросы.—Но какъ бы то

ни было, машина Сёрьейзена произведетъ большое улучшеніе въ типографскомъ дѣлѣ.

Изъ французскихъ машинъ обращаютъ на себя вниманіе: литографскій станокъ для сниманія копій, переносная прачешная (buanderie portative), дѣйствующая посредствомъ паровъ и моющая бѣлье безъ мыла, изобрѣтенная *Шарлемъ* и К°., разные насосы, машинка для узнанія вѣса монетъ Сегюэ (Seguier), которая давно уже въ употребленіи во многихъ банкахъ; она отдѣляетъ монеты слишкомъ легкія и слишкомъ тяжелыя отъ монетъ надлежащаго вѣса; очень замысловатая машинка для писанія, выдуманная слѣпымъ и для слѣпыхъ, потомъ нѣсколько паровозовъ новаго устройства.

Но приступимъ къ *земледѣльческимъ машинамъ.* — Здѣсь участвуютъ болѣе 300 экспонентовъ. Во всѣхъ этихъ орудіяхъ видна сильная воля человѣка, борющаяся съ разными препятствіями и старающаяся достичь отъ труда человѣческаго самыхъ выгодныхъ результатовъ, если не можетъ замѣнить его силою лошадей или пара. Какъ рѣдкость обратилъ прежде всего мое вниманіе *паровой плугъ;* — по моему, если-бы онъ даже вполнѣ соотвѣтствовалъ своему назначенію, то цѣна его послужитъ препятствіемъ къ распространенію его между земледѣльческимъ классомъ. — Представьте себѣ паровозъ, двигающійся посреди поля по переносной желѣзной дорогѣ, составленной изъ подвижныхъ шинъ, которыя кладутся на полѣ одна за другой поочередно.—Паровозъ вѣситъ 70 центнеровъ, имѣетъ 37 силъ — и называется *Калифорнія.*—По обѣимъ сторонамъ паровоза находятся 2 плуга разныхъ системъ, которые могутъ отдѣляться и присоединяться къ паровозу, посредствомъ длинной *цѣпи безконечной.* Цѣпь эта окружаетъ съ одной стороны цилиндръ, приводимый въ движеніе паровой машиной, а съ другой валекъ, крѣпко утвержденный въ землѣ. — Но какъ-же эти плуги дѣйствуютъ?— Прежде всего они, распахивая землю, приближаются къ паровозу, потомъ отдаляются отъ него уже безъ распашки: ибо простой снарядъ дозволяетъ имъ не касаться земли. — Движеніе плуговъ очередное, такъ что одинъ безъ пашки доходитъ до конца поля, а другой съ распашкой направляется къ серединѣ; каждый плугъ имѣетъ 4 сошника, и на каждомъ изъ нихъ сидитъ человѣкъ, управляющій ими. Увѣряютъ, что плуги эти, распахивая землю, проходятъ 5 англ. миль въ часъ, что они замѣняютъ 16 плуговъ, 2 конныхъ и восемь людей: изъ чего-бы выходило сбереженіе 8 людей и 32 лошадей.—Расчетъ этотъ не очень легокъ, ибо съ

одной стороны должно вычесть издержки за топливо, на ремонтъ машины, непредвидимые случаи и поврежденіе снаряда, — а съ другой капиталъ на покупку лошадей, ихъ ослабленіе и смертность. Одинъ только опытъ можетъ оцѣнить этотъ снарядъ; во всякомъ случаѣ онъ можетъ быть употребляемъ на однихъ только плоскихъ мѣстахъ.

Важнѣйшіе земледѣльческіе снаряды, на англійской выставкѣ, находятся въ соединеніи съ паровыми машинами постоянными или подвижными.—Нѣкоторые изъ нихъ заслуживаютъ вниманіе, какъ постройкою своей, такъ и легкимъ приспособленіемъ. — Снаряды эти слѣдующіе: молотильни, соломорѣзки, ручныя мельницы, машины для просѣванія овса, и т. п. — Между полевыми снарядами примѣчательны, разнаго рода плуги, бороны, машины для разбиванія бороздъ, норвежскія бороны, сѣялки, мотыки, грабли, машинки для рѣзки сѣна, и т. п. — Англійскіе сельскіе хозяева прославляютъ механическія мотыки и сѣялки г. *Гаретта*. Онѣ обѣ употребляются вмѣстѣ; ибо одна приготовляетъ работу для другой; ихъ употребляютъ для всякаго рода зеренъ; механическая мотыка Гаретта на колесахъ: сколько ихъ находится при одномъ снарядѣ, столько рычагъ поднимается и опускается въ землю такъ глубоко, что вырываетъ дикую траву и коренья, хотя-бы грунтъ издавна не былъ запахиваемъ. — Эта мотыка имѣетъ еще и то преимущество передъ обыкновенною, что она переворачиваетъ значительные слои земли и этимъ способомъ даетъ новые соки растеніямъ и никогда ихъ не уничтожаетъ. Въ Англіи къ такой мотыкѣ запрягаютъ одну лошадь, а 2 человѣка, управляющіе ею, могутъ очистить и обработать отъ 10 до 15 акровъ земли въ день. — При другихъ машинахъ Гаретта необходимы паровыя машины и этимъ-то именно отличается это отдѣленіе англійской выставки.—Здѣшніе хлѣбопашцы привыкаютъ къ той мысли, что рѣдко когда паръ не можетъ замѣнить силы лошадиной. — Если-бы мнѣніе это утвердилось на дѣлѣ, то новая метода принесла бы большое сбереженіе издержекъ: ибо каждая лошадь, употребляемая при земледѣльческихъ работахъ, съѣдаетъ $1/4$ часть того, что заработаетъ. При томъ же въ Англіи во многихъ мѣстахъ центнеръ каменнаго угля стоитъ всего 60 коп. сер. и отличнаго качества.

Ни надъ однимъ земледѣльческимъ орудіемъ не трудились столько, сколько надъ плугомъ; и потому послѣ производимыхъ въ теченіи 30 лѣтъ постоянныхъ опытахъ, онъ сталъ уже на ряду машинъ близкихъ къ совершенству. Изъ англійскихъ плу-

говъ наиболѣе обращаютъ вниманіе плуги Гоуарда и Бедфорда, сдѣланные изъ кованнаго желѣза. — Видъ ихъ очень красивъ и пропорціи основаны на математическихъ вычисленіяхъ, отчего и борозды выходятъ правильныя и ровныя. Домъ *Раксома* и К°, извѣстный вездѣ, представилъ нѣсколько сельскихъ орудій и между прочимъ плугъ, за который онъ получилъ уже награду отъ здѣшняго земледѣльческаго общества, могущій пахать одинаково хорошо, какъ въ легкомъ, такъ и въ тяжелымъ грунтѣ.

На Германской выставкѣ я видѣлъ нѣсколько моделей земледѣльческихъ орудій Шпренгля и Гартмана, между которыми есть нѣсколько совершенно новыхъ, такъ напр. плугъ съ 16 сошниками, другой прокапывающій землю на 16 — 23 дюйма, плуги: поморскій, бельгійскій и т. д.—Австрія прислала нѣсколько плуговъ, изобрѣтенныхъ управляющимъ имѣніями кн. Лобковича *Инфельдомъ*,— но противъ этихъ плуговъ можно бы много сказать. Бельгійскіе плуги очень крѣпки, но слишкомъ тяжелы и работа въ нихъ очень груба. — На Французской выставкѣ самый лучшій плугъ, изобрѣтенный гг. Андре-Жаномъ и Бронскимъ, онъ можетъ быть употребленъ на всякаго рода почвахъ.—Выставка Сѣверо-Американскихъ Штатовъ очень богата въ этомъ отношеніи. Не входя въ сравненія плуговъ Стараго и Новаго Свѣта, я ограничусь описаніемъ нѣкоторыхъ плуговъ, присланныхъ изъ Нью-Іорка и Бостона. Большая часть изъ нихъ имѣетъ совершенно оригинальную форму.—Дерево, употребленное на постройку, можетъ легко быть разобрано для починокъ или пересылки въ отдаленныя страны; желѣзо составлено изъ смѣси металловъ, отчего оно крѣпче обыкновеннаго и не ржавѣетъ. Но что въ нихъ наиболѣе замѣчательно—это способъ упряжки: онъ, кажется, гораздо совершеннѣе европейскаго способа. — Здѣсь находятся и иные снаряды, какъ-то бороны, превосходныя грабли, мотыки для копанія картофеля (устроенныя такъ хорошо, что онѣ не касаются самаго плода и не повреждаютъ его), косы, сѣялки и т. п. Жнивярокъ есть 2, но онѣ тяжелы, не красивы и слишкомъ велики.

Слѣдующій за симъ отдѣлъ машинъ дѣлится на 4 части: 1°, мѣрительные снаряды, т. е. для измѣренія времени, мѣста, объема, вѣса и разныхъ физическихъ явленій; 2°, инструменты физическіе; 3°, музыкальные инструменты и 4°, хирургическіе. — Въ южно-западной галлереѣ находятся часы,—между ними примѣчательны башенные часы *Дента*; въ нихъ стрѣлка, показывающая минуты, вмѣсто того, чтобы подвигаться впередъ, скачетъ каждыя полминуты, какъ обыкновенно дѣлаютъ со стрѣлками показываю-

щими секунды; бой въ нихъ изъ литаго желѣза. Количество находящихся здѣсь часовъ такъ велико, что не знаешь, что и сказать о нихъ. Часы Робертса отличаются своею оригинальностію.— Здѣсь есть также довольно регуляторовъ, о которыхъ я писалъ уже. Англійскіе столовые часы уступаютъ изяществомъ французскимъ; любопытны очень часы, показывающіе движеніе планетъ, но самые примѣчательные часы въ этомъ родѣ сдѣланы въ прошломъ вѣкѣ Ловеласомъ, который, говорятъ, трудился надъ ними 34 года. — Объ англійскихъ карманныхъ часахъ не стоитъ говорить, потому что они не красивы, тяжелы и, что хуже всего, въ три раза дороже женевскихъ.

—

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ, ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРА МЕХИКИ.

(*Изъ Сарторіуса.*)

Во всей Мехикѣ городскія элементарныя школы состоятъ подъ верховнымъ надзоромъ городовыхъ совѣтовъ; они же обязаны давать преподавателямъ содержаніе. Большая часть городовъ считаетъ за особенную честь имѣть у себя хорошія школы для первоначальнаго образованія дѣтей обоего пола; но всюду чувствуется большой недостатокъ въ способныхъ и знающихъ свое дѣло преподавателяхъ и преподавательницахъ. Школы посѣщаются охотно.

Для высшаго образованія молодыхъ людей существуютъ во всѣхъ значительныхъ городахъ государства коллегіи, соотвѣтствующія европейскимъ гимназіямъ и устроенныя по образцу старинныхъ монастырскихъ школъ. Ученики живутъ вмѣстѣ; преподаватели выбираются изъ лицъ духовнаго сана; методы и предметы ученія такіе-же, какіе бывали въ схоластическихъ школахъ среднихъ вѣковъ. Вообще организація мехиканскихъ училищъ очень неудовлетворительна ни въ учебномъ, ни въ нравственномъ отношеніяхъ. Впрочемъ, въ послѣднее время, и здѣсь стали обращать нѣкоторое вниманіе на учебную часть и заводить училища по образцу европейскихъ, чему поданъ былъ первый примѣръ горными городами — Гуанахуато и Закатекасомъ. Столица, слѣдуя духу времени, стремится также къ улучшеніямъ учебной части; но здѣсь средства не всегда соотвѣтствуютъ цѣлямъ. Горная школа, Colegio de mineria, учрежденная еще во время вла-

дычества Испаніи, имѣетъ наилучшее устройство, значительныя денежныя средства и самыхъ дѣятельныхъ преподавателей. Такъ какъ большая часть учебныхъ заведеній имѣетъ духовное назначеніе, то и находится подъ непосредственнымъ вліяніемъ высшаго духовенства.

И университеты организованы по примѣру среднихъ учебныхъ заведеній; факультеты сохранили еще прежнее схоластическое устройство, препятствующее свободному движенію наукъ. Достаточные молодые люди, преимущественно по медицинскому факультету, довершаютъ свое образованіе за границей. Верховный медицинскій совѣтъ государства считаетъ въ своей чредѣ образованнѣйшихъ медиковъ; на его обязанности лежитъ подвергать спеціяльному испытанію всѣхъ врачей и фармацевтовъ, занимающихся практикою въ государствѣ. — Вообще народное образованіе Мехиканскихъ Штатовъ находится на той-же степени процвѣтанія, какъ и въ большей части испанскихъ провинцій, чему, конечно, никто не позавидуетъ.

Для художественнаго образованія сдѣлано также очень немного. Хотя и существуетъ въ Мехикѣ академія живописи и скульптуры, образовавшая нѣсколько хорошихъ художниковъ, но она оказала до сихъ-поръ чрезвычайно мало вліянія на общее развитіе вкуса, еще менѣе на образованіе національнаго стиля или своеобразной, оригинальной школы. Здѣшніе художники заботятся только объ украшеніи храмовъ, если дозволено будетъ назвать украшеніями тѣ вычурныя изображенія, какія безпрестанно встрѣчаются на городскихъ и деревенскихъ церквахъ.

Что нѣтъ въ Мехикѣ недостатка въ талантахъ къ пластикѣ можно заключить изъ восковыхъ фигуръ и статуэтокъ, въ которыхъ весьма отчетливо и естественно изображаются разнообразныя группы людей, животныхъ, плоды и т. п. Даже въ самыхъ обыкновенныхъ глиняныхъ издѣліяхъ индѣйцевъ замѣтно уже изящество формъ и чистота отдѣлки, что доказываетъ способность этого народа къ пластическимъ искусствамъ.

Переходъ отъ художественныхъ заведеній къ искусствамъ вообще весьма естественъ, и потому мы скажемъ объ нихъ нѣсколько словъ.

По архитектурѣ чувствуется здѣсь большой недостатокъ въ хорошихъ образцахъ. Общественныя и частныя зданія, большею частію, угрюмы, массивны и цѣлесообразны, но нѣтъ въ нихъ изящества наружныхъ формъ.

Талантливые художники, какъ Тольза, Трагуеррасъ и другіе

воздвигаютъ по истинѣ прекрасныя зданія, сообразныя съ господствующимъ вкусомъ нашего времени, впрочемъ, въ большей части этихъ сооруженій замѣтно подражаніе испанскому стилю, образовавшемуся изъ древняго римскаго съ примѣсью арабскихъ формъ, временъ владычества Гренады и Кордовы. Домъ богатаго горожанина отдѣлывается внутри съ большою роскошью. Широкая мраморная лѣстница ведетъ въ бель-этажъ, со свѣтлыми колоннадами; на окнахъ, въ огромныхъ китайскихъ вазахъ, стоятъ дорогія, вѣчно-цвѣтущія растенія; стѣны украшены картинами. Блестящіе полы устланы роскошными коврами; нечего говорить о дорогихъ обояхъ, драпри, занавѣсяхъ, мебели и прочемъ. Полы дѣлаются либо изъ разноцвѣтныхъ камешковъ, либо изъ мрамора, часто и изъ густой гипсовой массы, которая потомъ разрисовывается. Это великолѣпіе домашняго убранства встрѣчается не въ одной только столицѣ, но и въ провинціяльныхъ городахъ; впрочемъ, богатые мехиканцы заботятся не только объ украшеніи своего дома, но тщеславятся также и многолюдствомъ прислуги, хорошими экипажами, дорогими лошадьми и другими затѣями роскоши богатыхъ европейцевъ.

Страсть къ садамъ и загороднымъ виллам также обуяла столичныхъ богачей, не смотря на то, что въ окрестностяхъ Мехики очень много вредныхъ, соловцоватыхъ болотъ, объ осушеніи которыхъ здѣсь не заботятся, какъ въ Брюсселѣ и Гагѣ. Въ городкѣ Такубая, лежащемъ на часъ ѣзды отъ столицы въ здоровой и прекрасной странѣ, стали разводить сады и строить лѣтніе домики, гдѣ и проживаютъ богатыя семейства отъ марта по іюнь мѣсяцъ. Также въ деревняхъ Св. Августина и Анжело, живописно раскинутыхъ на холмахъ, по окраинамъ равнины, многіе горожане имѣютъ свои дома съ садами, гдѣ и проводятъ иногда праздничный день; но вообще мехиканцы еще не умѣютъ цѣнить всѣхъ прелестей загородной жизни.

Объ искусственномъ садоводствѣ говорить нечего, потому-что оно составляетъ здѣсь предметъ еще новый; такубайскіе сады находятся подъ непосредственнымъ вѣденіемъ европейскихъ садовниковъ. Ботаническій садъ при національномъ замкѣ заключаетъ въ себѣ только необходимѣйшіе экземпляры для изученія ботаники.

Музыку любятъ всѣ, и горожане и поселяне; креолы и местицы имѣютъ много къ ней склонности; здѣсь всякій поетъ и играетъ на какомъ-нибудь инструментѣ, хотя музыкальное образованіе находится въ самомъ жалкомъ положеніи. Въ церковномъ

пѣніи прихожане не принимаютъ участія, для этого церковное начальство содержитъ особый хоръ, который бываетъ довольно многочисленъ и хорошо устроенъ только при соборахъ и богатыхъ приходскихъ церквахъ. Въ учебныхъ заведеніяхъ музыка ни гдѣ не введена. Многіе бренчатъ на фортепьяно, на арфѣ или на гитарѣ, не зная ни одной ноты; даже большая часть странствующихъ виртуозовъ со струнными и духовыми инструментами не болѣе, какъ лирики, что на мѣстномъ языкѣ означаетъ музыканта, играющаго безъ нотъ, по слуху. Число артистовъ, получившихъ правильное музыкальное образованіе, здѣсь весьма незначительно. Есть много мехиканскихъ композицій, которыя, однакожъ, рѣдко имѣютъ отпечатокъ народности. Оригинальны только народныя пѣсни и пляски, по происхожденію, впрочемъ, чаще испанскія, чѣмъ туземныя, но за то съ оттѣнками особой мелодіи, по которой привычное ухо тотчасъ отличитъ, получили ли онѣ свое начало въ низменныхъ береговыхъ долинахъ, или въ гористыхъ странахъ.

Любимымъ народнымъ увеселеніемъ считается опера; вообще жители городовъ питаютъ страстную привязанность къ театру, да и въ характерѣ всего народа есть склонность къ общественнымъ увеселеніямъ и представленіямъ. Въ провинціяльныхъ городахъ, само собою разумѣется, нельзя искать чего-нибудь самобытнаго и превосходнаго въ этомъ отношеніи, потому-что и здѣсь, какъ вездѣ, въ провинціяхъ играютъ только то, что уже успѣло порядочно наскучить въ столицѣ. Въ Мехикѣ много сдѣлано для оперы, ибо здѣшняя публика имѣетъ не мало по этой части отличныхъ знатоковъ и дилеттантовъ, которые не щадятъ средствъ для ея процвѣтанія. Извѣстный Мануэль Гарсіа считается основателемъ здѣшней оперы, которой онъ былъ нѣсколько лѣтъ директоромъ; его стараніями были поставлены здѣсь на сцену геніяльныя творенія Моцарта, «Кортесъ» и «Весталка» Спонтини, лучшія произведенія Россини и мн. др., чѣмъ онъ много содѣйствовалъ на развитіе вкуса мехиканской публики къ хорошей музыкѣ.

Въ Мехикѣ три театра: одинъ для небольшихъ пьесъ, комедій и водевилей, потомъ старинный Колизей и третій новый національный театръ. Послѣдній отстроенъ въ 1842 и 1843 годахъ славнымъ испанскимъ архитекторомъ Гидальго и можетъ стать на ряду съ лучшими театрами Европы по своей величинѣ и великолѣпію. Въ акустическомъ отношеніи онъ не оставляетъ ничего желать, имѣетъ много простору и удобствъ и, кромѣ того, хорошую залу для освѣженія и бесѣдъ публики. Трагедія, опера и

балетъ мѣняются здѣсь безпрерывно и охотно посѣщаются самыми высшими аристократическими семействами столицы.

Въ большихъ провинціяльныхъ городахъ, какъ въ Пуэблѣ, Гуанахуато, Гуадалахарѣ и нѣкоторыхъ другихъ есть постоянные театры; прочіе-же, какъ Оризава, Вера-Крузъ, Оахака посѣщаются странствующими труппами, которыя даютъ въ нихъ представленія обыкновенно съ октября по апрѣль.

Мехиканцы не оставляютъ своей сигаретты и въ театрѣ, даже прекрасный полъ не разстается здѣсь съ нею, и потому, во время представленія, постоянно носятся въ театрѣ густыя облака табачнаго дыму; ложи занимаются преимущественно женщинами, которыя и здѣсь, какъ вездѣ, любятъ щеголять роскошнымъ туалетомъ; вѣеръ составляетъ неизбѣжную принадлежность прекраснаго пола въ театрѣ: это опасное оружіе въ рукахъ мехиканской дамы: имъ подаетъ она условный знакъ счастливцу, имъ предостерегаетъ неосторожнаго; вѣеръ служитъ, чтобъ скрыть скуку и отклонить взоры любопытныхъ, что-жъ касается до пьесъ, играемыхъ на здѣшнихъ театрахъ, то достаточно будетъ для читателей, если скажемъ, что это частію произведенія писателей старинной испанской школы, какъ-то: Кальдерона, Сервантеса, Лопе-де-Веги, Морето, частію и новѣйшихъ испанскихъ драматурговъ, именно—Моратина, Мартинесъ-де-ла Роза, Сориллы и другихъ. Страсть къ передѣлкамъ и переводамъ хорошихъ и дурныхъ пьесъ писателей всѣхъ націй и здѣсь сильно развилась; имена Шиллера и Альфіери, Коцебу и Скриба, Шекспира и Раупаха можно встрѣтить на здѣшнихъ аффишахъ точно также, какъ и на берегахъ Шпре и Невы. Самостоятельныхъ драматическихъ писателей весьма немного; произведенія Мануэля Горостисы считаются наилучшими, они и въ Испаніи заслужили блистательный успѣхъ.

Нельзя умолчать, что и кукольныя комедіи имѣютъ здѣсь своихъ почитателей, разумѣется изъ низшихъ сословій общества; надо сказать, впрочемъ, что эти представленія иногда весьма рѣзко изображаютъ смѣшное въ народной жизни.

Наконецъ бросимъ бѣглый взглядъ и на литературу Мехики. Съ XVI столѣтія возбудилось здѣсь стремленіе къ ученымъ занятіямъ; съ этого времени стали появляться основательныя историческія, филологическія, богословскія и другія сочиненія, которыхъ авторы были не только испанцы, но и многіе изъ туземцевъ. XVII и первая половина XVIII вѣка были весьма скудны произведеніями ума. И только въ концѣ XVIII вѣка, вскорѣ послѣ изгнанія іезуитовъ (1767 г.), возобновились здѣсь ученыя изслѣдо-

ванія. Отъ этого времени существуютъ два замѣчательныхъ историческихъ сочиненія: одно Маріяно Бентіи, другое аббата Клавигеры. Послѣдній, уроженецъ веракрузскій, подвергнулся изгнанію изъ отечества, какъ іезуитъ, и уже въ Италіи издалъ свой превосходный трудъ Древнюю Исторію Мехики. Сочиненіе это, плодъ 30 лѣтнихъ занятій почтеннаго аббата, показываетъ въ авторѣ глубокомысленнаго ученаго и основательнаго критика; оно пролило новый свѣтъ въ хаосъ древней исторіи Мехики. Въ это же время дѣйствовалъ на литературномъ поприщѣ Діего Абадіано, ученый монахъ изъ Мехоакана, замѣчательный историкъ, поэтъ и критикъ. Тогда-же стала издаваться первая литературная газета Мехики (Gazeta de literatura) подъ редакціею Антоніо Альзате, много содѣйствовавшая распространенію ученыхъ изслѣдованій. Съ замѣчательныхъ талантомъ Веласкезъ де-Леонъ трудился надъ математикой и астрономіей; науки много выиграли отъ его ученыхъ занятій, а государство отъ его улучшеній горнозаводской промышленности, Гамбоа совершенствовалъ законодательство горнаго вѣдомства; Андресъ-дель-Ріо, хотя родомъ испанецъ, но по причинѣ долголѣтней службы въ должности профессора горной школы можетъ также быть причисленъ къ этой группѣ мехиканскихъ ученыхъ, весьма извѣстенъ въ ученомъ мірѣ своими сочиненіями по части минералогіи, геологіи и геогнозіи.

Въ первую четверть текущаго столѣтія возгорѣлась война испанскихъ колоній съ метрополіею. Но эта продолжительная одиннадцатилѣтняя борьба остановила всѣ ученыя стремленія, и только съ ея окончаніемъ, то-есть съ 1821 года настала новая эпоха національной литературы. Лиценціятъ Зарате написалъ два романа, въ которыхъ яркими красками изображенъ общественный бытъ страны, эти интересныя произведенія называются: Перико Сарніенто и Ла-Попита. Кромѣ того Зарате написалъ много хорошихъ басенъ и издавалъ газету Мехиканскій Мыслитель (El Pensador mejicano), гдѣ съ безпощадною ироніею преслѣдовалъ все уродливое въ нравахъ общества. Въ послѣднія 30 лѣтъ литература получила полное развитіе. Господствующее стремленіе креоловъ къ поэзіи обогатило изящную словесность рядомъ произведеній, которыя по справедливости заслужили благосклонное вниманіе соотечественниковъ. Какъ сатирикъ особенно славится въ настоящее время Гонзалесъ, его юмористическій романъ, подъ названіемъ «Пѣтухъ Пиѳагора» съ удовольствіемъ читается здѣшнею публикою, тѣмъ болѣе, что мишенью

всѣхъ острыхъ стрѣлъ автора служитъ извѣстный диктаторъ Сантанья, ненавидимый многими.

Разработкою отечественной исторіи занимается съ успѣхомъ Карлъ Марія Бустаменте, составившій себѣ извѣстность изданіемъ манускриптовъ XVI столѣтія; онъ же написалъ исторію освобожденія Мехики и много другихъ мелкихъ историческихъ этюдовъ. Какъ талантливый писатель съ увлекательнымъ изложеніемъ, заслужилъ блистательную репутацію публики Лоренцо Заавала; его «Историческое изслѣдованіе революцій Мехики» было-бы замѣчено во всякой литературѣ. Лукасъ Аламанъ также написалъ нѣсколько замѣчательныхъ историческихъ и статистическихъ сочиненій, которыя были встрѣчены читающею публикою съ большимъ одобреніемъ.

Сервантесъ де-ла-Клавъ и Леярза издаютъ свои любопытныя изслѣдованія по естественной исторіи, и преимущественно по ботаникѣ; талантливый Іозефъ-Марія Бустаменте, столь рано похищенный смертію, обогатилъ науку своими изслѣдованіями по части географіи, геогнозіи и орографіи страны.

На политическомъ поприщѣ дѣйствуетъ весьма много писателей, коихъ летучія произведенія, впрочемъ, проживаютъ не больше сутокъ. Число политическихъ газетъ здѣсь весьма значительно, но немногія изъ нихъ находятся въ рукахъ благонамѣренной и безпристрастной редакціи. Особеннаго вниманія заслуживаетъ изданіе дѣятельнаго и предпріимчиваго книгопродавца Кумилидо подъ названіемъ «Мехиканскій Музей». Этого прекраснаго сборника явилось уже 5 томовъ со множествомъ изящныхъ рисунковъ; въ немъ заключается много драгоцѣнныхъ свѣдѣній историческихъ и біографическихъ; отдѣлъ бельлетристики также весьма богатъ произведеніями молодыхъ талантовъ Мехики. Нельзя умолчать объ интересномъ собраніи народныхъ пѣсенъ; пѣсни эти переходятъ изъ устъ въ уста и поются при пляскахъ, которыя очень любимы простымъ народомъ. Местицы и креолы съ легкостію импровизуютъ; но индѣйцы не имѣютъ своей поэзіи, а если и раздаются тамъ и сямъ звуки пѣсни, то вѣрно на испанскій манеръ,

Этотъ бѣглый обзоръ Мехиканской Литературы далеко не обнимаетъ всѣхъ ея сторонъ, и представляетъ не болѣе, какъ только то, что можетъ узнать туристъ, считающій своею обязанностію затянуть, между прочимъ, и въ книжные магазины.

=

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

=

ДЖЕМСЪ ФЕНИМОРЪ КУПЕРЪ.

Знаменитый Джемсъ Фениморъ Куперъ скончался. Кто не читалъ полныхъ жизни и интереса произведеній этого писателя, прозваннаго американскимъ Вальтеръ-Скоттомъ! Мы считаемъ долгомъ посвятить нѣсколько строчекъ біографіи того писателя, который прославился и въ Древнемъ и въ Новомъ мірѣ. Фениморъ Куперъ происходитъ отъ одной изъ древнѣйшихъ фамилій Пенсильваніи. Еще въ 1679 году поселился предокъ его Уильямъ Куперъ въ Ню-Джерси, въ городѣ Борлингтонѣ; онъ принялъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ и въ 1681 году былъ избранъ въ члены колоніальнаго управленія. Въ 1687 году, когда Пеннъ поселился въ Филадельфіи, Уильямъ получилъ довольно большой участокъ земли, по ту сторону новаго города, то-есть, по теченію Делавара и впадающей въ него небольшой рѣчки, которая оттого и получила названіе: «Cooper's Creek.» Слѣдовательно семейство Куперовъ уже почти за цѣлое столѣтіе переселилось въ Пенсильванію, гдѣ и родился отецъ Джемса Фенимора. Получивъ огромное имѣнье близъ озера Остего въ Нюйоркскомъ штатѣ, отецъ Фенимора началъ смотрѣть за обработкою своихъ земель и въ 1786 году построилъ первый домъ въ Куперстоунѣ; потомъ, будучи судьею, жилъ попеременно то въ Куперстоунѣ, то въ Борлингтонѣ, родинѣ его жены. Въ Борлингстонѣ же 15 сентября 1789 года родился знаменитый романистъ Джемсъ Фениморъ Куперъ. Онъ началъ, на седьмомъ году, учиться у своего

наставника; а потомъ продолжалъ ученіе подъ руководствомъ Томаса Эллисона, который помогъ ему поступить въ 1802 году въ Гальскую коллегію, гдѣ онъ былъ школьнымъ товарищемъ многихъ въ послѣдствіи знаменитыхъ людей, такъ, между прочимъ, господина Кальгона, который теперь слыветъ замѣчательнѣйшимъ ораторомъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ коллегіи Куперъ обнаруживалъ очень мало охоты къ литературнымъ занятіямъ и въ 1805 году оставилъ коллегію и поступилъ мичманомъ во флотъ. Морская служба совершенно соотвѣтствовала его пламенному и отважному характеру; но прослуживъ 6 лѣтъ, Фениморъ вышелъ въ отставку и перваго января 1811 года женился на дѣвицѣ де Лансей. Но Фениморъ не тотчасъ удалился въ Куперстоунъ и провелъ еще нѣсколько времени въ окрестностяхъ Нью-Іорка, гдѣ и началъ свое литературное поприще выпускомъ въ свѣтъ книги подъ названіемъ Precaution (Предосторожность). Это произведеніе имѣло весьма небольшой успѣхъ, и то только въ Англіи. Вслѣдъ за «Предосторожностію» Куперъ написалъ романъ, имѣвшій большой успѣхъ—это былъ: «Шпіонъ,» переведенный на всѣ возможные языки и положившій начало знаменитости Купера. Третьимъ романомъ его были «Піоннеры»; за ними слѣдуетъ «Кормчій.» Говорятъ, что этотъ романъ былъ написанъ Куперомъ въ слѣдствіе разговора его съ однимъ изъ его друзей о вышедшемъ тогда «Пиратѣ» Вальтеръ-Скотта. Другъ Купера, о которомъ мы сейчасъ говорили, разсуждалъ съ Фениморомъ о произведеніи Вальтеръ-Скотта и между прочимъ говорилъ о томъ, что Вальтеръ-Скоттъ, занимаясь многими отраслями наукъ, не былъ чуждъ и мореплаванію. «Ничего онъ въ этомъ не знаетъ,— отвѣчалъ, засмѣявшись Куперъ,—и я вамъ докажу это тѣмъ, что напишу морской романъ, который никогда не бывавшіе на морѣ найдутъ занимательнымъ; а моряки совершенно вѣрнымъ.»

Вслѣдствіе этого, какъ говорятъ, и былъ написанъ знаменитый «Кормчій.» Въ 1826 году появился нравоописательный романъ Купера, подъ названіемъ: «Послѣдній изъ племени Могиканцевъ.» По изданіи этого романа Куперъ отправился въ Европу, гдѣ имя его уже было извѣстно и гдѣ ему готовился блистательный пріемъ. Въ самомъ дѣлѣ самые аристократическіе дома Англіи и Франціи были открыты Куперу, и онъ съумѣлъ поддержать свою славу въ самыхъ блестящихъ салонахъ.

Послѣ Іюльской революціи, во Франціи онъ имѣлъ вѣсъ въ обществѣ знаменитыхъ тогда политиковъ. Во время пребыванія своего въ Европѣ Куперъ напечаталъ: «Ниву,» «Краснаго Кор-

сара,» «Жалобу Уишъ-тонъ Уиша,» довольно слабый и мало извѣстный романъ, «Браво,» «Гейденмаура.» По возвращеніи въ Соединенные Штаты Куперъ написалъ нѣсколько сатирическихъ и политическихъ статей, которыя не имѣли большаго успѣха, и онъ снова принялся за бельлетристику; но послѣднія его произведенія нѣсколько слабѣе первыхъ и уступаютъ имъ въ оригинальности. Слава Купера не уступаетъ славѣ Вальтеръ-Скотта въ томъ отношеніи, что оба эти писателя стали извѣстными всему образованному міру; и Фениморъ Куперъ, не смотря на нѣкоторыя слабыя произведенія, навѣрно займетъ почетное мѣстно не только въ исторіи довольно бѣдной литературы американской, но и въ числѣ знаменитѣйшихъ бельлетристовъ всѣхъ мѣстъ и временъ. Короче, Куперъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые прославили XIX столѣтіе, и мы навѣрно не забудемъ его чудныхъ произведеній, въ которыхъ блестятъ воображеніе, наблюдательность, изученіе характеровъ и оригинальность нравовъ. Прилагаемъ послѣдовательный списокъ произведеній Купера, которыя всѣ переведены на французскій языкъ: 1) Предосторожность (la Précaution), 2) Шпіонъ (l'Espion), 3) Піонперы (les Pionniers), 4) Кормчій (le Pilote), 5) Ліонель Линкольнъ, 6) Нива (la Prairie), 7) Красный Корсаръ (le Corsaire rouge), 8) Жалоба Уишъ тонъ Уиша (la Plainte de Wish-ton Wish), 9) Водяная волшебница (la Sorcière des Eaux), 10) Браво, 11) Гейденмауръ, 12) Возвращеніе (le Retour), 13) Родина по возвращеніи (la Patrie au Retour), 14) Path finder, 15) Мерседесъ Кастильская, 16) Убійца ланей (le Tueur de daims), 17) Два адмирала (les deux amiraux), 18) Wingandring, 19) Wyandotte, 20) Автобіографія носоваго платка (l'Autobiographie d'un mouchoir de poche), 21) Недъ Мейерсъ, 22) На землѣ и на морѣ (A terre et sur mer), 23) Мейльсъ Уалингфордъ, 24) Satanstoè, 25) Porte-Chaîne, 26) Краснокожіе (les Peaux-Rouges), 27) Жерло (le Cratère), 28) Le chasseur d'Abeilles, 29) Джакъ Тейръ, 30) Морскіе львы (les Lions de la mer), 31) The Ways of Hours (изданный въ 1850 году). — Кромѣ того Куперъ написалъ исторію флота Соединенныхъ Штатовъ, біографіи многихъ знаменитыхъ мореплавателей и описалъ свои путешествія по Франціи и Швейцаріи. Къ несчастью, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, ослабѣвшее здоровье Купера начало сильно тревожить его друзей и вскорѣ стали опасаться за жизнь славнаго писателя; наконецъ 1-го сентября 1851 года, накапунѣ дня своего рожденія Джемсъ Фе-

пиморъ Куперъ скончался въ прославленномъ имъ Куперстоунѣ на 62-мъ году.

—

ВОРОНЕЖСКІЙ ТЕАТРЪ.

Въ настоящее время воронежскій театръ безспорно занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между провинціальными театрами, какъ по составу труппы, такъ и по богатству костюмовъ и декорацій. Труппа здѣсь прекрасная и довольно большая, въ которой находятся нѣкоторые извѣстные артисты разныхъ провинціальныхъ сценъ, тутъ ставятъ и драму, которая имѣетъ своего представителя въ лицѣ г. Рыбакова, и комедіи, и водевили, и оперы, и балеты, однимъ словомъ здѣсь идетъ все. Въ послѣднее время особенно замѣчательны два бенефиса нашихъ лучшихъ артистокъ Мочаловой и Ленской. Бенефисъ г-жи Мочаловой отличался новизною пьесъ и состоялъ изъ «*Житейской Школы*» комедіи Григорьева и другой комедіи «*Отсталые люди или предразсудки противъ науки и искусства*,» соч. г. Григорьева 2. Разбирать всѣ недостатки комедіи г. Григорьева, я не считаю нужнымъ, во первыхъ потому, что объ ней уже все высказано другими и я долженъ буду повторять одно и тоже, во-вторыхъ потому, что предметъ нашей статьи—разборъ воронежской труппы, а не драматическихъ произведеній ею играемыхъ. И такъ обратимся прямо къ артистамъ и разсмотримъ выполненіе ролей.

Г-жа Мочалова въ роли «*Озерской*» была очень хороша; она вполнѣ поняла характеръ или, лучше сказать, отсутствіе всякаго характера Евгеніи Петровны и выполнила ее совершенно удовлетворительно. Жаль, что эта артистка очень рѣдко стала являться на сценѣ, но за то каждое ея появленіе привлекаетъ въ театръ толпу почитателей ея таланта и можно сказать, когда играетъ г-жа Мочалова, театръ почти полонъ.

Г-нъ Максимовъ, молодой человѣкъ, обладающій хорошимъ голосомъ и довольно приличными манерами, успѣлъ уже пріобрѣсти извѣстность, играя на харьковской и одесской сценахъ. Онъ занимаетъ роли *молодыхъ повѣсъ и любовниковъ*. Въ бенефисъ г-жи Мочаловой онъ игралъ роль *Глинскаго* и былъ очень хорошъ. Всѣ переходы роли, какъ они ни натянуты и неестественны, Максимовъ передалъ съ большимъ правдоподобіемъ. Сцену съ теткой, съ женой, когда онъ читаетъ ей новыя постановленія

ихъ жизни, и съ *Краснощековымъ*, въ послѣднемъ дѣйствіи, онъ велъ отлично хорошо.

Г-нъ Ленскій, въ лицѣ *Говоркова*, былъ удовлетворителенъ; это довольно дѣльный актеръ.

Г-нъ Рыбаковъ тоже порядочно выполнилъ роль *Краснощекова*, какъ и *г. Людвигъ* нелѣпую роль поэта *Звѣздкина*, а *г-жа Мочалова-Франціева* и *г-жа Нѣмова* просто пѣли свои роли, что придало этой странной комедіи еще новый интересъ оперы. Роль *Ивана*, къ сожалѣнію, игралъ *г-нъ Васильевъ*. Г-нъ Васильевъ человѣкъ съ большимъ комическимъ талантомъ, игра его всегда благородна, чужда фарсовъ, полна комизма, какъ напримѣръ въ роляхъ *Маглуара* (Графъ Литографъ), *Четвертушки* (Двумужница) *Жучка* (Дѣловой человѣкъ) и многихъ другихъ роляхъ онъ дивно хорошъ. Тѣмъ досаднѣе видѣть, что на долю его выпадаютъ подобныя пустыя роли, которыя безъ всякаго ущерба могутъ выполнять статисты.

За комедіей шелъ водевиль, въ которомъ Васильевъ, въ маленькой роли *Перепелкина*, былъ истиннымъ артистомъ и заставлялъ хохотать публику. Остальныя лица удачно выполнили свои роли и были удовлетворительны, исключая г. Швана въ роли *Мордасова*; онъ не зналъ роли и неистово кричалъ, вперивъ глаза въ будку суфлера. Мимоходомъ нужно сказать, что г. *Шванъ* былъ-бы очень хорошій комикъ, если-бы тверже училъ свои роли и оставилъ фарсы, иногда переходящіе всѣ границы образованнаго вкуса. Г-жу бенефиціантку Мочалову должно благодарить за то, что она выбираетъ всегда дѣльныя піесы, а не гонится, какъ нѣкоторые изъ нашихъ актеровъ только за пестротою и длинотою афиши.

Перейдемъ теперь къ бенефису г-жи Ленской. Спектакль состоялъ изъ слѣдующихъ пьесъ: «*Окно во второмъ этажѣ*», драма Корженевскаго, «*Вотъ такъ Полковникъ!*» водевиль Тарновскаго и Руднева и «*Встрѣча Ивана Ивановича съ Шамилемъ.*» Въ драмѣ, роль *Графа* занималъ г. Максимовъ и выполнилъ ее, какъ нельзя лучше, въ сценѣ съ Полѣсовщикомъ, во второмъ дѣйствіи, и въ третьемъ дѣйствіи, въ сценахъ съ Капитаномъ и женою онъ былъ благороденъ и трогателенъ. Роль *Графини* играла сама бенефиціантка, любимая артистка воронежской публики: она исполнила ее безъ малѣйшей ошибки, такъ натурально и непринужденно, что вполнѣ заслужила расточаемыя ей рукоплесканія. Эта артистка занимаетъ у насъ первое мѣсто; она очень хороша въ драмахъ и въ комедіяхъ и даже въ водевиляхъ. Она всегда отчетливо передаетъ свои роли; не пропуститъ ни малѣй-

шаго оттѣнка характера, котораго другія вовсе-бы и не замѣтили. Роль *Полѣсовщика* (Рыбаковъ) сошла довольно удовлетворительно; не дуренъ былъ и *Капитанъ* (Людвигъ). По окончаніи этой пьесы публика вызвала шесть разъ Ленскую и Максимова, и потомъ бенефиціанткѣ поднесли довольно цѣнный брилліантовый браслетъ. Этотъ обычай ввела въ моду, въ странствіяхъ своихъ по провинціальнымъ театрамъ, г-жа Самойлова 1. Въ водевилѣ «*Вотъ такъ Полковникъ*,» г-жа Ленская и г. Максимовъ доставили публикѣ большое удовольствіе, а г. Шванъ, своими фарсами и кривляньями, забавлялъ раекъ и былъ совершенно не на своемъ мѣстѣ для образованной публики. Объ остальномъ водевилѣ, т. е. «*Встрѣча Ивана Ивановича съ Шамилемъ*,» не стоитъ и говорить, — это пошлый фарсъ, годный только для замѣщенія пустаго мѣста въ бенефисной афишѣ и для потѣхи райка.

Публики въ эти оба бенефиса было очень много. Теперь можно сказать нѣсколько словъ вообще обо всей труппѣ, которая состоитъ человѣкъ изъ тридцати. Главныя драматическія роли занимаетъ *г. Рыбаковъ*, пріобрѣвшій уже извѣстность въ провинціяхъ.

Роли jeune premier—*г. Максимовъ*, который всегда и вездѣ хорошъ; онъ играетъ и въ драмахъ, и въ комедіи, а въ роляхъ повѣсъ и Польдекоковскихъ героевъ неподражаемъ. Главныя его роли — *шаржи*, или утрированные характеры.

Васильевъ, — прекрасный комическій талантъ, который рѣдко играетъ порядочныя роли.

Шванъ, — актеръ-буффъ, вся сила его въ фарсахъ, по большей части натянутыхъ и оскорбительныхъ для благороднаго вкуса; притомъ у него дурная привычка не учить ролей.

Ленскій—нужный актеръ, который играетъ роли, какія угодно, и благородныхъ отцевъ, и комическія, и патетическія, однимъ словомъ все, и играетъ, по большей части, очень не дурно.

Людвигъ — съ успѣхомъ занимаетъ роли вторыхъ любовниковъ.

Борисовъ — актеръ на роли королей и благородныхъ отцевъ.

Безматный — танцовщикъ, *Кварталовъ* — пѣвецъ, *Пѣмовъ Яковлевъ*, *Тимоновъ*, *Ракитинъ* и другіе — статисты.

Г-жа Мочалова и *г-жа Ленская*—артистки, о которыхъ я уже говорилъ.

Г-жа Рыбакова, играетъ въ драмахъ первыя роли, но жаль голосъ у нея слишкомъ слабъ.

Г-жа Мочалова-Францiева порядочно играетъ роли старухъ.

Г-жа Шванъ рѣдко когда играетъ хорошо, и притомъ поетъ свои роли, какъ по нотамъ.

Шумилина и Нѣмова не дурны въ водевиляхъ.

Глазова хороша въ малороссійскихъ роляхъ. *Васильева* въ роляхъ старухъ сносна. *Г-жа Скрыпицына* танцовщица.

Кучерявникова, *Соколова* и другія занимаютъ роли безъ словъ. Кромѣ этого, нужно сказать нѣсколько словъ объ одномъ артистѣ, художникѣ, который является предъ публикою только въ Ревизорѣ, гдѣ онъ играетъ *Пристава*, это декораторъ *г нъ Шумилинъ* такой декораторъ, лучше котораго нельзя пожелать для провинціальнаго театра: это мастеръ своего дѣла вполнѣ. Публика очень часто за его декорацій награждаетъ его вызовами. Театральный оркестръ, состоящій изъ 30-ти человѣкъ, довольно хорошъ, имъ управляетъ г. *Скрыпицынъ*, опытный музыкантъ и капельмейстеръ. Вотъ положеніе воронежскаго театра въ настоящее время.

НИКОЛАЙ АБРАМОВЪ.

Воронежъ,
30-го сентября,
1851.

—

НОВОЕ ПОЛЯРНОЕ МОРЕ.

Изъ всѣхъ предводителей партій, отыскивавшихъ Франклина, капитанъ Пенни былъ счастливѣйшій. Другіе не встрѣчали нигдѣ проходовъ, а онъ находилъ ихъ вездѣ. Тѣ производили свои поиски по берегамъ Баррова пролива, и пришли къ заключенію, что тамъ нѣтъ никакого прохода, чрезъ который бы экспедиція Франклина могла пройти къ западу; Пенни, напротивъ, изслѣдовалъ неизвѣстное пространство въ Веллингтоновомъ проливѣ и нашелъ не только проходъ но и открытое море.

Пройдя мысъ Рейлей, при входѣ въ Веллингтоновъ проливъ, гдѣ неоднократно уже описанные слѣды экспедиціи Франклина показываютъ, что она провела тутъ первую зиму, — партія капитана Пенни продолжала путь свой по льду, пѣшкомъ, имѣя съ собою нарты. Вскорѣ она открыла, что не далеко отъ входа, проливъ поворачиваетъ вдругъ къ сѣверо-западу, по тому самому направленію, по которому Франклинъ долженъ былъ слѣдовать, вслѣдствіе данныхъ ему инструкцій; и по мѣрѣ того, какъ они шли по замерзшей поверхности, ледъ становился рыхлѣе, а погода значительно теплѣе. Наконецъ, пройдя 180 миль отъ соединенія Веллингтонова пролива съ Барровымъ, предъ ними откры-

лось чистое море, покрытое множествомъ птицъ, арктическихъ животныхъ, пловучимъ лѣсомъ и другими явными признаками лучшаго времени года; за 60 миль впередъ, по всему горизонту, видно было чистое пространство воды. Чудный видъ, посреди этой мразной пустыни! Здѣсь снова появилась жизнь, и плескъ волнъ и голосъ живыхъ существъ нарушили вѣчное безмолвіе полюса. Дальнѣйшее слѣдованіе съ партами было, слѣдовательно, невозможно. Только на лодкѣ можно было изслѣдовать это новое море, но ее съ ними не было, и потому они воротились къ своимъ судамъ, пройдя 150 миль пѣшкомъ, взяли лодку и повезли ее по льду, на саняхъ. Но благопріятное время миновалось. По прибытіи къ прежнему мѣсту, они встрѣтили крѣпкій вѣтеръ и большое волненіе, вмѣстѣ съ которымъ неслись отъ N W огромныя ледяныя глыбы. Спускъ на воду лодки былъ въ этомъ случаѣ безполезенъ; притомъ, имѣя только на одну недѣлю провизіи, они съ грустью должны были воротиться назадъ отъ этого великолѣпнаго преддверія въ большой полярный бассейнъ, въ который, по всей вѣроятности, вступили Эребусъ и Терроръ лѣтомъ 1846 года. Въ этомъ бассейнѣ — мы говоримъ съ самоувѣренностію — находятся суда Франклина. Мы знаемъ теперь, что они не потонули въ Баффиновомъ заливѣ, и даже нѣтъ признаковъ крушенія, которымъ заставили насъ вѣрить злонамѣренные люди. Въ первое лѣто (1845) экспедиція, вѣроятно, убѣдилась — подобно капитану Остину въ нынѣшнемъ году — что изъ Баррова пролива къ Берингову — прохода не существуетъ, и потому, возвращаясь къ востоку, съ намѣреніемъ отыскать сѣверозападный проходъ изъ Веллингтова пролива, осталась на зимовку у мыса Рейлей. Лѣтомъ, слѣдующаго (1846) года ледяной барьеръ вѣроятно исчезъ, подобно какъ въ то лѣто, когда Парри проходилъ къ острову Мельвиллю, и Франклинъ шелъ сперва на сѣверъ, а потомъ на сѣверо-западъ, пока не вступилъ во вновь-открытое полярное море. Осматривая, вѣроятно, ледяные берега этого моря, онъ прошелъ далеко къ западу, и, на возвратномъ пути, стоитъ теперь замерзши во льдахъ, въ одномъ изъ измѣнническихъ проливовъ.

Мы говоримъ «стоитъ», потому что вовсе несогласны съ тѣми, которые просто заключаютъ, что онъ погибъ, и такимъ образомъ стараются — можетъ быть и безъ намѣренія — отвратить насъ отъ нашей обязанности, примѣровъ собственнаго малодушія. Мы не знаемъ, почему такъ рѣшительно должно полагать погибшими нашихъ отважныхъ товарищей. Въ Арктическомъ морѣ

есть птицы, рыба, и, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по берегу — лѣсъ. Эскимосы, живущіе въ этихъ странахъ, питаются единственно тѣмъ, что доставляетъ имъ охота и рыбная ловля; «а гдѣ могутъ жить они» замѣчаетъ д-ръ Скорезби, «тамъ могутъ жить и англичане». И какъ питались наши собственные люди въ настоящую экспедицію? Не оправдало ли ихъ здоровье полу-ироническое выраженіе *Хроники:* «Если хотите имѣть флотъ безъ госпитали, пошлите суда ваши къ полюсу». Семь судовъ зимовали у острова Корнваллиса, и изъ всѣхъ экипажей умеръ только одинъ человѣкъ. Капитанъ Пенни говоритъ даже, что онъ удивился бы, если бы появилась какая-либо болѣзнь между ихъ экипажами. Почему жъ бы не могъ Франклинъ и его люди оставаться еще въ живыхъ въ болѣе удобномъ мѣстѣ этого моря, поддерживая свое печальное существованіе тѣми средствами, какія только можно придумать въ безплодныхъ странахъ ихъ заключенія? А такъ какъ нѣтъ ничего вѣроятнѣе, что они живы, то какими средствами достигнуть къ нимъ? Какъ спасти ихъ изъ печальной живой могилы между людьми, и показать, что Англія не высылаетъ сыновъ своихъ на подвиги благородной отваги, безъ того, чтобы не подать имъ помощь во время угрожающей имъ опасности? Одно средство, кажется, было упущено нашими искателями въ нынѣшнее лѣто, и къ которому въ удобный моментъ можно еще прибѣгнуть. Въ числѣ запасовъ, оставленныхъ сэръ Джемсомъ Россомъ въ Портѣ-Леопольда, въ Барровомъ проливѣ, и въ недальномъ разстояніи отъ отряда судовъ капитана Остина, находился паровой ботъ, которой могъ бы быть перенесенъ, по частямъ по льду, и собранъ, гдѣ нужно. Съ помощію этого судна *Проливъ Викторія* — такъ названо вновь открытое море — могъ бы быть весь изслѣдованъ; причемъ, мы смѣло думаемъ, отыскались бы слѣды зимовья и путь пропавшей экспедиціи. Мы не понимаемъ, почему до сихъ-поръ не былъ употребленъ паровой ботъ. Недостатокъ въ топливѣ, служитъ, кажется, единственнымъ тому извиненіемъ: но вѣроятно, между запасами въ Портѣ Леопольда, нашелся бы и уголь, потому-что ни одинъ благоразумный человѣкъ не оставилъ бы парохода безъ необходимыхъ принадлежностей для плаванія на немъ. Другая неудача экспедиціи капитана Остина состоитъ въ томъ, что о запасахъ, оставленныхъ судномъ *Нортъ Старъ*, которые были отъ него недалеко, и которыми, въ случаѣ надобности, онъ могъ бы воспользоваться, онъ вовсе ничего не зналъ. Въ этомъ конечно, виновато одно только морское начальство Англіи. Теперь, чтобы поправить эти ошиб-

ки, и воспользоваться важнымъ, недавно сдѣланнымъ открытіемъ, капитанъ Пенни усердно ходатайствуетъ у англійскаго адмиралтейства большой пароходъ для отвоза его на прежнее мѣсто, до закрытія тамъ навигаціи, съ цѣлію немедленно продолжать поиски, которые онъ принужденъ былъ прекратить въ тотъ самый моментъ, когда они обѣщали успѣхъ. Мы не можемъ предполагать, чтобы государственные люди Великобританіи были невнимательны къ этому ходатайству: не можемъ повѣрить, чтобы они захотѣли навлечь на себя упрекъ всего просвѣщеннаго міра за столь-хладнокровное оскорбленіе человѣчества. Только одинъ пароходъ можетъ во время доставить отважнаго капитана Пенни къ его посту. Если судно его не отправится въ теченіе недѣли, предпріятіе будетъ безнадежно. Если приказаніе для немедленнаго приготовленія къ отправленію еще не отдано адмиралтействомъ, мы можемъ сказать: «прощай наша честь и наше отважное патріотическое предпріятіе!»

(Изъ *Gallignany's Messenger*).

—

МЕЛОЧИ.

Извѣстно, что изобрѣтательность парижскихъ воровъ удивительна, и что, если-бы теперь наступили снова времена спартанцевъ, то просто уже не знали-бы какими вѣнками награждать воровъ, которые ежедневно появляются въ парижской исправительной полиціи. Недавно открылся еще новый способъ мошенничества, именно: какой то неизвѣстный, по имени Поль, устроилъ подписку въ пользу покойнаго, также неизвѣстнаго филантропа, который былъ членомъ разныхъ благотворительныхъ обществъ и наконецъ умеръ въ нищетѣ, оказавъ огромныя услуги человѣчеству.— И каково же ?—Этотъ благодѣтель рода человѣческаго, умирая, не оставилъ даже достаточно денегъ, чтобъ купить ему мѣсто на кладбищѣ.— Но Поль не допуститъ этого; онъ взялъ на себя обязанность достойно почтить память усопшаго и надѣется, при помощи лицъ сострадательныхъ, воздвигнуть неизвѣстному... статую, но нѣтъ желанія Поля скромны, не нужно статуй, хоть мавзолей, хоть какой-нибудь памятникъ. Поэтому Поль и ходитъ изъ лавки въ лавку, заходитъ въ кондитерскія, и если замѣтитъ тамъ какую-нибудь добродушную физіономію; тотчасъ подходитъ къ ея обладателю, красно-

рѣчиво описываетъ ему добродѣтели покойнаго и наконецъ показываетъ ему листъ съ именами подписчиковъ, которыхъ адресы, мѣста служенія и пожертвованія у Поля подробно записаны. Добрая душа совершенно ввѣряется Полю, потому что краснорѣчіе его ее тронуло, и, въ самомъ дѣлѣ, Поль, если было нужно, даже и плакалъ въ негодованіи на людей, которые не оказали достаточнаго уваженія къ трупу ихъ благодѣтеля и положили его въ общую могилу. Тотчасъ-же на листѣ подписчиковъ является новое имя и новое пожертвованіе идетъ въ пользу покойнаго или, лучше сказать, просто въ карманъ Поля.—Но однакоже Полю мало этихъ пожертвованій; для него недостаточно людей *платящихъ*, онъ ищетъ и *просящихъ*, и въ самомъ дѣлѣ ему удается набрать нѣсколько людей, ничѣмъ не занятыхъ, которымъ онъ объясняетъ въ чемъ дѣло, даетъ листы подписчиковъ и уроки краснорѣчія, все это съ тѣмъ, чтобъ эти господа собранное дѣлили съ нимъ. Къ числу такихъ помощниковъ Поля принадлежалъ и Д..., который былъ нѣкогда товарищемъ Поля въ Ліонѣ. Въ послѣднихъ числахъ августа, въ одинъ прекрасный день, Поль встрѣтилъ Д.... въ Парижѣ въ улицѣ Notre-Dame de Lorette. Поль конечно предлагаетъ бывшему своему товарищу учавствовать въ добромъ дѣлѣ, живо описываетъ благодѣянія покойнаго филантропа, и наконецъ растроганный Д... соглашается ходить изъ дому въ домъ собирать подаянія на сооруженіе памятника умершему добродѣтельному гражданину. Д... очень счастливо собиралъ милостыню и онъ давалъ Полю значительныя суммы. Наконецъ однажды Д... зашелъ въ кофейный домъ и обратился съ просьбою о пожертвованіи къ хозяину кондитерской; тому дѣло показалось не совсѣмъ яснымъ, и онъ, чтобъ увѣриться въ справедливости словъ Д... послалъ мальчика на квартиру покойника. Оказалось, что таковаго совсѣмъ и не было. Наконецъ Д... разсказалъ, что онъ дѣйствовалъ только по совѣту Поля; начали Поля искать; но Поля также не оказалось, и трибуналъ въ увѣренности, что Поль мнѣ изобрѣтенія Д., присудилъ этого несчастнаго къ трехмѣсячному тюремному заключенію.

—

Слѣдующее происшествіе случилось въ Аусхѣ на другой день послѣ тамошняго празднества.-Труппа путешествующихъ вольтижеровъ давала представленіе въ балаганѣ. Остроты клоуна и чудовищныя аффиши, прибитыя къ дверямъ балагана, завлекли

туда множество публики; однакоже все было чинно и пристойно благодаря присутствію городскихъ властей.— И такъ представленіе началось благополучно. Послѣ многихъ удачныхъ сценъ, гдѣ наѣздники и наѣздницы показали вполнѣ свою ловкость и искусство, вышелъ клоунъ и началъ представлять человѣка, который не умѣетъ сѣсть на лошадь, и потому вмѣсто того, чтобъ прямо сѣсть на нее, онъ безпрестанно съ нее падалъ и при этомъ принималъ презабавныя позы. Но вдругъ черезъ барьеръ, отдѣляющій арену отъ публики, перескакиваетъ какой-то пьяный блузникъ, подходитъ прямо къ клоуну, начинаетъ надъ нимъ смѣяться и хочетъ, во что бы то ни стало, давать ему уроки верховой ѣзды. Конечно пьяный своими криками нарушаетъ порядокъ и общественное спокойствіе. Блюститель порядка подбѣгаетъ къ нему, схватываетъ его и хочетъ тащить вонъ изъ балагана; между тѣмъ какъ пьяный сопротивляется и хочетъ непремѣнно доказать бригадиру, что тотъ ошибается и принимаетъ его за кого-нибудь другаго. «Помилуйте! — говоритъ блузникъ,—вѣдь я принадлежу къ труппѣ.» «Маршъ, маршъ,—отвѣчаетъ блюститель порядка,—меня, братъ, не проведешь. Ступай-ка за мною; мы тебѣ покажемъ, что значитъ быть пьянымъ и нарушать порядокъ въ публичномъ мѣстѣ.»—«Помилуйте, да вѣдь это въ моей роли, я, право, не пьянъ.» «Хорошо, хорошо, ты объяснишься передъ мэромъ; а теперь, любезный другъ, маршъ впередъ!» И ни за что не хотѣлъ выпустить изъ рукъ нарушителя порядка. Наконецъ клоунъ началъ объяснять что этотъ блузникъ одинъ изъ вольтижеровъ и что онъ, по своей роли, представляетъ пьянаго, но тотъ ничего и знать не хочетъ и усмирился только тогда, когда директоръ труппы объяснилъ ему, что сцена между клоуномъ и пьяницею была заранѣе подготовлена и входила въ программу спектакля.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 11.

СТАРЫЙ МАТЕМАТИКЪ

ИЛИ

ОЖИДАНІЕ КОМЕТЫ ВЪ УѢЗДНОМЪ ГОРОДѢ.

ФАРСЪ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, ПЕРЕДѢЛАННЫЙ ИЗЪ НѢМЕЦКОЙ КОМЕДІИ, ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ «КОМЕТА».

Гг. А. Н. А—вымъ и *П. Г. Г—вымъ.*

—

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:	АКТЕРЫ:
Андрей Матвѣевичъ Солонкинъ, театральный хористъ, на пенсіонѣ и учитель пѣвчихъ въ городѣ.	*Г. Мартыновъ 1-й.*
Устинья Дмитріевна, его жена.	*Г-жа Громова.*
Машинька, ихъ дочь.	*Г-жа Подобѣдова.*
Степанъ Степановичъ Молотовъ, отставной учитель математики.	*Г. Григорьевъ 1-й.*
Иванъ Ивановичъ Чистовъ, помощникъ землемѣра.	*Г. Смирновъ 2-й.*
Анкудинъ Петровичъ Гвоздевъ, приказный.	*Г. Сосновскій.*

—

Дѣйствіе въ маленькомъ уѣздномъ городѣ.

—

Театръ представляетъ комнату, довольно бѣдно убранную.

I.

Маша (*одна, сидитъ у открытаго окошка и вяжетъ чулокъ*). Ахъ, Господи Боже мой! Какая погода-то чудесная! Какъ весело поютъ птички! видно онѣ, бѣдняжечки, еще не знаютъ, что сегодня послѣдній день!... (*Вздыхаетъ.*) Ахъ, какъ только вздумаю про это, такъ сердце и замретъ.

Ахъ, Боже мой! Ахъ, Боже мой!
Вѣдь надо-жъ такъ случиться
Чтобы въ прекрасный день такой
Свѣтъ вздумалъ провалиться!
Зачѣмъ я такъ глупа была,
Зачѣмъ бурнусъ я сшила,
И шляпку чистить отдала,
Когда мнѣ смерть грозила?

*

Хотѣлось мнѣ пощеголять,
Все сдѣлала по вкусу,
И вотъ пришлось прости сказать
И шляпкѣ и бурнусу.
Ахъ, Боже мой! Ахъ, Боже мой!
Вѣдь надо-жъ такъ случиться,
Чтобы въ прекрасный день такой,
Свѣтъ вздумалъ провалиться!

Къ чему это я чулки-то вяжу?.. (*Бросаетъ чулокъ.*) Подите вы, гадкіе!.. мнѣ васъ не надобно.... Ахъ, какая скука! Хоть бы Ваня пришелъ!.. (*Утираетъ глаза платкомъ.*) Ахъ, я несчастная!.... Этакъ я пожалуй и его совсѣмъ не увижу, потому что въ 10 часовъ... Ой! какъ страшно! (*Плачетъ.*)

—

II

МАША и ЧИСТОВЪ.

Чистовъ. Мое почтеніе, Марья Андревна-съ!

Маша (*сквозь слезы*). Здраствуйте, Иванъ Иванычъ.

Чистовъ (*съ удивленьемъ*). Что такое съ вами сдѣлалось, Марья Андревна?

Маша. А что-съ?

Чистовъ. Да вы, кажется, плачете?

Маша. Чему же мнѣ радоваться? Вѣдь сегодня 7-е число!

Чистовъ. Да-съ, точно 7-е, а завтра будетъ 8-е, и я получу награду, да знаете-ли еще какую?... (*На ухо Машѣ.*) Полтораста рублей серебромъ!

Маша (*съ радостію*). Ахъ, какъ это хорошо!.. (*Опомнившись.*) Да нѣтъ, вы не получите, Иванъ Иванычъ!

Чистовъ (*обидѣсь*). Отъ чего же это, Марья Андревна?

Маша. Оттого, что завтра ужъ и на свѣтѣ никого не будетъ.

Чистовъ. Какъ не будетъ?-Ахъ, да я и забылъ... сегодня придетъ комета... (*Смѣется.*)

Маша. Чему же вы смѣетесь? Неужели не вѣрите?

Чистовъ. Не вѣрю, Марья Андревна! ей Богу не вѣрю!

Маша. Вотъ какой чудакъ! Да Степанъ Степанычъ говоритъ....

Чистовъ. Онъ дуракъ, Марья Андревна... право, дуракъ!

Маша. Толкуйте вы тутъ! ну, какъ можно, чтобы Степанъ Степанычъ былъ дуракъ?

Чистовъ. Да почему-же нѣтъ?

Маша. Ахъ, дай-то Богъ, чтобъ это была правда, только онъ говоритъ, что непремѣнно сегодня, въ 10 часовъ, комета задѣнетъ нашу землю!

Чистовъ. Какую землю?

Маша. Нашу.

Чистовъ. Русскую-то землю задѣнетъ?.. Сохрани ее Господи!— Наша земля никого не трогаетъ, а ужъ если да кто ее задѣнетъ... брръ!.. такихъ затрещинъ надаетъ по затылку, что и своихъ не узнаетъ!

Маша. Такъ отчего же это батюшка такъ безпокоится?

Чистовъ. Да и не онъ одинъ... на всѣхъ нашелъ какой-то столбнякъ, цѣлый городъ помѣшался на кометѣ!

Маша. Ну, вотъ видите-ли, стало-быть это правда.

Чистовъ. Марья Андревна! неправда! я вамъ говорю, что неправда!

Маша. Да неужели-же мы завтра всѣ будемъ живы?

Чистовъ. Мало, что живы—и счастливы!

Маша Какъ бы не такъ! Нѣтъ, ужъ на счастье и надѣяться нечего. Если свѣтъ и не провалится, такъ меня все-таки принудятъ выдти замужъ за Степана Степаныча. Вѣдь тятинька васъ терпѣть не можетъ, а въ немъ души не слышитъ.

Чистовъ. Ужъ и не говорите; онъ вашего тятиньку точно

лѣшій обошелъ!—да это вздоръ! я имъ не поддамся, они меня узнаютъ!... Прощайте, Марья Андревна.

Маша. Куда же вы?

Чистовъ. Домой съ. Только вы не безпокойтесь, я опять скоро буду здѣсь.

Маша. Пожалуйста поскорѣе, потому что мнѣ безъ васъ страшно.

Чистовъ (*беретъ ее за руку*). Не робѣйте, Марья Андревна, не робѣйте; будьте такъ храбры, какъ я! Прощайте-съ! (*Уходитъ.*)

—

III

Маша (*смотря вслѣдъ за уходящимъ Чистовымъ*). Въ самомъ дѣлѣ, какой онъ молодецъ! да притомъ же какой хорошенькій!—просто душка;какая разница между имъ и Степаномъ Степанычемъ, ужасная! тотъ противный!

Гвоздевъ (*входитъ, раскланивался*). Здраствуйте, сударыня!... что тятинька вашъ дома?

Маша. Нѣтсъ, они куда-то вышли.

Гвоздевъ. Жалко, а мнѣ бы его нужно.

Маша. Такъ вы подождите, можетъ быть онъ скоро придетъ.

Гвоздевъ (*садится*). Да ужъ дѣлать нечего, надобно будетъ подождать.

Устинья (*за кулисами*). Маша! Маша!

Маша. Ахъ, Боже мой! извините, маменька меня зоветъ.

Гвоздевъ. Ничего, ничего, ступайте; я и одинъ посижу.

(*Маша уходитъ.*)

—

IV

ГВОЗДЕВЪ, потомъ СОЛОНКИНЪ.

Гвоздевъ. Какая славная дѣвушка! Вѣдь какіе счастливцы ея родители! А у меня такъ вотъ, какъ на зло, никого въ наличности не имѣется.

Солонкинъ (*входитъ мрачный*).

Все мрачно и тихо, и пахнетъ могилой
Веселой улыбки нигдѣ не нашелъ....

Гвоздевъ (*кланяясь*).

Андрей Алексѣичъ!..

Солонкинъ (*увидя Гвоздева*).

А! здравствуй, мой милый!
Ты вѣрно проститься со мною пришелъ?

Гвоздевъ.

Нѣтъ, я изъ суда, нашъ прислалъ городничій,
Чтобъ эту бумагу я вамъ показалъ.

Солонкинъ (*съ ироніей*).

Къ чему передъ смертью мнѣ столько отличій,
Когда онъ при жизни меня притѣснялъ.

Гвоздевъ. Я ужъ тамъ ничего не знаю; мнѣ только приказано показать вамъ предписаніе Уѣзднаго Суда.

Солонкинъ (*съ насмѣшкою*). А Уѣздный Судъ все еще дѣлаетъ предписанія?

Гвоздевъ. Да отчего-жъ бы ему и не дѣлать?

Солонкинъ (*со вздохомъ*). О, суета суетъ и всяческая суета! Разорви ты, пожалуйста, эту бумагу.

Гвоздевъ. Какъ, предписаніе-то? Что вы это, Андрей Алексѣичъ! Да въ своемъ-ли вы разумѣ?

Солонкинъ. Что-жъ ты думаешь, что оно теперь на что-нибудь годится?

Гвоздевъ. Да какъ-же не годится? Вѣдь послѣ завтра срокъ.

Солонкинъ (*мрачно*). Неправда!

Гвоздевъ (*показывая бумагу*). Да вотъ, посмотрите сами.

Солонкинъ. Сегодня!

Гвоздевъ. Послѣ завтра, въ....

Солонкинъ. Сегодня въ десять часовъ.

Гвоздевъ. Послѣ завтра продадутъ вашъ домъ, если вы не заплатите долгу купцу Охомяткину.

Солонкинъ. Сегодня въ десять часовъ заснутъ вѣчнымъ сномъ всѣ покупатели, всѣ продаватели и всѣ надуватели!

Гвоздевъ. Андрей Алексѣичъ, подумайте....

Солонкинъ. Ну, что такое? объ чемъ мнѣ думать? Ты знаешь-ли которое сегодня число?

Гвоздевъ. Седьмое.

Солонкинъ. Ну, такъ знай-же и это; въ десять часовъ комета достигнетъ ближайшей точки, и въ десять часовъ, я, ты, мой домъ, эта бумага—все исчезнетъ.

Гвоздевъ (*всторону*). Да, что онъ, не помѣшался ли? (*Ему.*) Андрей Алексѣичъ!...

Солонкинъ. Не будетъ Андрея Алексѣича! слышишь-ли? А пока еще этого не случилось, иди съ Богомъ и не мѣшай мнѣ приготовиться.

Гвоздевъ. Но что-же мнѣ сказать городничему? Онъ принимаетъ въ васъ такое участіе.... ему-бы не хотѣлось, чтобы продали вашъ домъ....

Солонкинъ. Поблагодари его высокородіе, Степана Никитича, и скажи ему: что я лично увижусь съ нимъ, лично на томъ свѣтѣ.

Гвоздевъ. Да, что вы за чушь городите? Здоровы ли вы? (*всторону*) Да онъ рѣшительно сумасшедшій! (*Громко.*) Ну, такъ прощайте, Андрей Алексѣичъ! (*Хочетъ идти.*)

Солонкинъ. Погоди не много, я тебѣ дамъ хорошій совѣтъ.

Гвоздевъ. Послушаемъ, что такое?

Солонкинъ. Если ты хочешь быть спокойнѣе, такъ къ десяти часамъ выйди изъ дому и отправляйся въ полѣ, что за слободами.

Гвоздевъ. Къ чему это?

Солонкинъ. Потому что умереть на чистомъ воздухѣ гораздо пріятнѣе; тамъ по крайней-мѣрѣ не обрушится на тебя какая-нибудь дрянная крыша и не проломитъ головы.

Гвоздевъ (*кланяясь*). Покорнѣйше благодарю! только и всего!

Солонкинъ. Только и всего. — Ступай съ Богомъ!

Гвоздевъ. Ну, такъ позвольте-же и я вамъ посовѣтую! ищите-ко вы поскорѣе другую квартиру, потому что послѣ завтра этотъ домъ продадутъ и васъ выгонятъ. — Прощайте-съ! (*Уходитъ.*)

—

V.

Солонкинъ (*одинъ, послѣ нѣкотораго молчанія*). Простакъ! глупецъ! Ужъ и видно, что приказный... ничего не знаетъ, ничего не читаетъ и ничего не понимаетъ! Ну, можно-ли не вѣрить тому, о чемъ пишутъ всѣ умные люди? Да хоть бы онъ заглянулъ въ Брюсовъ календарь, тамъ, кажется, именно сказано вотъ что: въ 1844 году, пойдетъ страшная комета съ преужаснымъ

хвостомъ и задѣнетъ нашу землю. — Кажется ужъ это ясно? Ахъ, только какіе есть дураки на свѣтѣ!

—

VI.

СОЛОНКИНЪ и МАША, плачущая.

Солонкинъ (*увидя Машу*). Здраствуй, Маша! что ты, опять въ слезахъ? — Ну, полно же, полно, дурочка, не плачь! (*Утираетъ ей глаза платкомъ.*)

Маша (*обнимая отца*). Ахъ, тятинька! голубчикъ ты мой! какъ же мнѣ не плакать? Вѣдь, ей-Богу, умирать-то не хочется!

Солонкинъ (*со вздохомъ*). Что дѣлать, мой дружокъ; на то есть воля Божія! (*Маша плачетъ.*) Перестань же, перестань, успокойся!

Маша. Я было совсѣмъ успокоилась, да какъ увидѣла маменьку въ какомъ-то безпокойствѣ.... такъ вотъ опять слезы такъ и брызнули!

Солонкинъ. Что дѣлать! Вотъ и дождались страшнаго наказанія! — Ну, а скажи-ка ты мнѣ: у тебя вѣдь тоже есть какіе-нибудь грѣшки?

Маша (*стыдливо*). Ахъ, тятинька!...

Солонкинъ. Говори, говори, я сердиться не буду; въ такой великій день всѣмъ прощеніе!

Маша. Да я вотъ не знаю, грѣшно-ли это, что я люблю Ивана Иваныча?

Солонкинъ (*съ сердцемъ*). Грѣшно, сударыня ужасно грѣшно! какъ можно любить человѣка, который ничему не вѣритъ? который не вѣритъ даже пришествію кометы.

Маша. А что-жъ, тятинька, если и въ самомъ дѣлѣ свѣтъ-то останется опять на свѣтѣ?... Вѣдь это можетъ быть!

Солонкинъ (*горячо*). Не можетъ, ни какъ не можетъ!

Маша. Ну, да если комета не придетъ, или запоздаетъ?

Солонкинъ. Да ты, мнѣ кажется, думаешь, что она глупѣе тебя? Запоздаетъ, вотъ видите! Съ какой стати ей запоздать?

Маша. Да такъ.... можетъ быть она завернетъ куда-нибудь въ другое мѣсто?...

Солонкинъ. Положимъ, что такъ. Что-жъ изъ этого выйдетъ?— небольшая отсрочка и больше ничего!

Маша. Въ ту отсрочку-то, можетъ быть, вы бы и согласились выдать меня за мужъ за Ивана Иваныча.

Солонкинъ. И не заикайся! Если, чего Боже сохрани, и случится такое несчастіе, такъ все-таки я тебя отдамъ не за Ивана Иваныча, а за Степана Степаныча.

Маша. Ай, да какъ-же это можно!

Солонкинъ. Пойдешь!

Маша (*плачетъ*). Нѣтъ, такъ ужъ пускай-же лучше обрушится на насъ комета!

—

VII.

ТѢЖЕ и УСТИНЬЯ.

Устинья. Андрей Алексѣичъ! Ты ужъ фракъ-то какой надѣнешь?

Солонкинъ. Какъ какой?

Устинья. Новый, или старый?

Солонкинъ. Ну, конечно новый. Я хочу умереть въ полномъ блескѣ!

Устинья. Такъ я его и приготовила! Послушай, а мнѣ можно будетъ надѣть бѣлый кисейный капотъ?

Солонкинъ. Ну, вотъ еще что выдумала! Къ чему это? Вѣдь мы пойдемъ умирать въ поле, такъ еще какъ-нибудь объ траву замараешь.

Устинья. Экая важность какая! да куда его беречь? Вѣдь ужъ послѣ смерти носить не станешь.

Солонкинъ. И то правда.... (*Махнувъ рукою.*) Надѣвай!

Маша (*всторону*). Ну! значитъ и мнѣ сегодня можно будетъ обновить бурнусъ и шляпку.

Устинья. Да скажи пожалуйста, зачѣмъ ты давича присылалъ носильщиковъ за фортепьянами? Куда ты ихъ отправилъ?

Солонкинъ. Продалъ.

Устинья. Продалъ!... зачѣмъ?

Солонкинъ. Да куда-же мнѣ ихъ? (*Мрачно.*) Мы отправляемся въ такую дальнюю дорогу, что съ собой ихъ брать никакъ нельзя, того и гляди, что изломаются.

Устинья. Ахъ, да! — Вѣдь я опять позабыла, что мы сегодня умремъ!

Солонкинъ (*съ упрекомъ*). Тото же и есть, у тебя память-то дѣвушкина!

Устинья. А деньги? гдѣ же деньги?

Солонкинъ. Всѣ роздалъ на нищую братію. И теперь у меня на душѣ также легко, какъ и въ карманахъ.

Устинья. Что ты это надѣлалъ! да ты бы по-крайней-мѣрѣ заплатилъ долгъ купцу Охомяткину.

Солонкинъ (*горячо*). За что это?... ни гроша не заплачу! Онъ стращалъ меня, что продастъ мой домъ съ публичнаго торгу, пускай же продаетъ!

Устинья. А что-жъ ты думаешь? не продастъ что-ли? разсердится да и продастъ!

Солонкинъ (*иронически*). Ну, да, да! Ты вѣдь у меня умная голова! — Которое сегодня число-то?

Устинья. Ахъ, опять забыла!... Ну, вотъ—хоть ты что хочешь—я не могу вспомнить, что умирать приходится.

Солонкинъ (*грозитъ ей пальцемъ*). Жена! жена! Помни часъ смертный!

Устинья (*съ сердцемъ*). Да ну ужъ убирайся! И безъ тебя скучно. (*Машѣ.*) Поди-ка, Машенька, да свари кофейку, авось либо на душѣ полегче будетъ.

Маша. Сейчасъ, маменька. Какъ варить-то? пополамъ съ цикоріей, или цѣльнаго?

Устинья. Нѣтъ, душенька, свари ужъ лучше цѣльнаго; а то вѣдь также пропадетъ.

Маша. Хорошо-съ. (*Уходитъ.*)

—

VIII.

СОЛОНКИНЪ и УСТИНЬЯ.

Солонкинъ (*прохаживаясь большими шагами*). Ну, Устинья Дмитріевна, поговоримъ-ка мы съ тобою откровенно!

Устинья. О чемъ?

Солонкинъ. А вотъ о чемъ! скажи мнѣ, что у тебя за страшные грѣхи, о которыхъ ты давича вспоминала съ такимъ ужасомъ?

Устинья. А ты почемъ знаешь?

Солонкинъ. Маша мнѣ сказывала.

Устинья (*всторону*). Скверная дѣвчонка! (*Громко.*) Что ты ей вѣришь? Она болтаетъ и сама не знаетъ что!

Солонкинъ. Однако-жъ вѣдь все-таки у тебя есть грѣшки?

Устинья. Да тебѣ-то какое дѣло?

Солонкинъ. А такое дѣло, что.... какъ бы тебѣ это объяснить?... мы, какъ добрые мужъ и жена, должны отправиться на тотъ свѣтъ въ добромъ согласіи, безъ подозрѣній.... безъ угрызеній.... одвимъ словомъ, чтобъ на душѣ у насъ не было ни сучка, ни задоринки! Понимаешь? И потому я совѣтую тебѣ лучше во всемъ признаться.

Устинья. Да что-же? Вотъ я любила очень наряжаться?...

Солонкинъ. Знаю! эти наряды у меня вотъ гдѣ сидятъ.... что-жъ дальше?

Устинья (*запинаясь*). Дальше?... Да что жъ такое? кажется больше ничего не было, развѣ что.... я иногда тихонько отъ тебя покупала мороженое.

Солонкинъ (*грозитъ ей пальцемъ*). Видишь ты какая сладкоѣшка! — А еще?...

Устинья. Еще разъ на Святой недѣлѣ куличъ сожгла и тебѣ ни слова не сказала.

Солонкинъ. Да это все пустяки! Ты признавайся въ чемъ-нибудь поважнѣе.

Устинья. Вѣдь вотъ я думаю и это грѣхъ, что я боюсь смерти?

Солонкинъ. Грѣхъ! чистый грѣхъ! и отчего ты боишься смерти?

Устинья. Оттого, что мнѣ жалко разстаться съ тобою, вѣдь я тебя нынче очень люблю!

Солонкинъ. Гмъ! нынче?... а прежде?

Устинья (*съ замѣшательствомъ*). Прежде-то?...

Солонкинъ. Да! прежде-то?

Устинья (*всторону*). Ни за чтобы не сказала, кабы не свѣту преставленіе! (*Громко.*) Прежде то ты мнѣ все казался какимъ-то чучелой....

Солонкинъ (*вскакиваетъ*). Что?!...

Устинья. Помнишь, когда ты на мнѣ женился, такъ вѣдь мы жили въ Петербургѣ, въ Канонерской улицѣ?

Солонкинъ. Ну, да.

Устинья. А надъ нами, во 2-мъ этажѣ, нанималъ квартиру театральный музыкантъ....

Солонкинъ (*бѣсится*). Нанималъ, чортъ его возьми! нанималъ!

Устинья. Признайся по совѣсти: вѣдь онъ былъ гораздо красивѣе тебя?

Солонкинъ. Устинья! Вспомни, что свѣтъ еще не не провалился и я могу сыскать палку.

Устинья. Въ то время я думала: что еслибы тебя не было, я бы вышла за него замужъ.

Солонкинъ (*съ бѣшенствомъ*). Провались ты!

—

IX.

ТѢЖЕ и МОЛОТОВЪ.

Молотовъ (*услышавъ послѣднія слова*). Скоро, скоро, любезнѣйшій Андрей Алексѣичъ, мы провалимся всѣ вмѣстѣ.

Солонкинъ (*горячо*). Нѣтъ, мы сами по себѣ! а ей надобно провалиться одной!

Молотовъ. Зачѣмъ же одной? Что-жъ такая за особенная протекція? притомъ же и подождать недолго, потому-что ужъ почти начинается.

Солонкинъ (*со страхомъ*). Какъ... неужели?

Устинья. Господи помилуй!

Молотовъ. Теперь весь городъ только и думаетъ, что о кометѣ, вездѣ плачъ, вой, стонъ.... одни только мы и спокойны.... а кому этимъ обязаны?

Солонкинъ (*пожимаетъ ему руку*). Тебѣ, Степанъ Степанычъ, тебѣ одному.

Молотовъ. То-то же и есть, я показалъ вамъ примѣръ неустрашимости! Но чтобы еще болѣе удивить городъ нашей храбростью, такъ знаете-ли, что мы должны дѣлать?

Солонкинъ. Нѣтъ, я не знаю.

Устинья. И я тоже.

Молотовъ. А я такъ знаю. Вотъ въ чемъ дѣло: чтобы показать, что мы не трусы и что комета насъ нисколько не пугаетъ, такъ вы должны сейчасъ же обручить меня съ вашей дочерью и разорвать вексель, по которому я вамъ долженъ 400 руб., что вы на это скажете?

Солонкинъ. Пожалуй, я согласенъ.... да только что тебѣ за охота пришла обручаться передъ смертью?

Молотовъ. Да, такъ, капризъ!

Устинья. Капризъ!... Ну, такъ ужъ извини, батюшка! Мы твоихъ капризовъ исполнять не намѣрены!

Солонкинъ. Молчи, жена!

Устинья. Нѣтъ, не стану молчать! Вотъ-те, на!

Солонкинъ. Я тебѣ говорю, молчи!

Устинья. Самъ молчи, если хочешь, а я стану кричать! Я позову полицію! Я попрошу городничаго, чтобы васъ обоихъ отправили въ сумасшедшій домъ!... Видишь съ чѣмъ подъѣхалъ— разорвите вексель! А какъ кометы то не будетъ?

Солонкинъ. А что, Степанъ Степанычъ, и въ-самомъ-дѣлѣ, вѣрно-ли это?

Молотовъ. Такъ же вѣрно, какъ дважды два четыре!

Солонкинъ. Да, можетъ быть, какъ-нибудь....

Молотовъ. Никакъ не можетъ-быть!

Устинья (*мужу*). Что ты его слушаешь? Подожди лучше до конца, такъ сами увидимъ.

Молотовъ (*Устиньѣ*). Стало быть вы мнѣ не вѣрите?

Устинья. Не вѣрю, батюшка, рѣшительно не вѣрю! Сначала было я еще и такъ и сякъ; а теперь, какъ ты заговорилъ о векселѣ, я и послѣднюю вѣру потеряла.

Молотовъ (*Солонкину*). Андрей Алексѣичъ! и вы также?

Солонкинъ. Нѣтъ, я то вѣрю.... да....

Молотовъ. Такъ разорвите вексель.

Устинья. И подумать не смѣй!

Солонкинъ. Послушай, братецъ, Степанъ Степанычъ! Вѣдь это мое послѣднее достояніе; я долженъ буду разориться въ конецъ, если только не будетъ кометы.

Молотовъ. Будетъ, будетъ и будетъ!

—

X.

ТѢЖЕ и ЧИСТОВЪ.

Чистовъ (*услышавъ послѣднія слова*). А я вамъ говорю: не будетъ, не будетъ и не будетъ!

Молотовъ. Что это значитъ? Кто осмѣливается мнѣ противорѣчить? Мнѣ... учителю математики.

Чистовъ. Да хоть бы я! Помощникъ землемѣра! Что вы на это скажете? (*Обращаясь къ Солонкинымъ.*) Здраствуйте, Ан-

дрей Алексѣичъ! Мое почтеніе, Устинья Дмитревна! (*Обращаясь опять къ Молотову.*) Ну, что? вотъ и не будетъ!

Молотовъ (*Солонкину*). Онъ, должно быть, помѣшался!

Солонкинъ. Не знаю; только онъ говоритъ такъ утвердительно....

Молотовъ. Ахъ, Боже мой! да и всѣ сумасшедшіе говорятъ утвердительно!

Солонкинъ. Однакожъ вѣдь, на чемъ-же нибудь онъ основывается?...

Молотовъ. А! я вижу, что и вы, Андрей Алексѣичъ, начинаете впадать въ невѣріе.

Солонкинъ. Нѣтъ, я не то чтобы.... а такъ.... обстоятельства такого рода, что....

Молотовъ. Хорошо, довольно! чтобъ убѣдить васъ въ вашемъ невѣжествѣ, такъ я постараюсь доказать вамъ это на опытѣ. Хотите-ли вы, чтобы я доказалъ на опытѣ?

Всѣ. Да, да хотимъ!

Молотовъ. Зовите сюда вашу дочь.

Устинья. Зачѣмъ?

Молотовъ. Зовите вашу дочь! хочу, чтобы и она видѣла, какъ заблуждались ея родители и этотъ молодой человѣкъ!

Солонкинъ (*женѣ*). Зови, жена!

Устинья. Да вѣдь она кофей варитъ.

Солонкинъ. Къ чорту теперь кофей!

Устинья (*кричитъ въ дверь*). Маша! Маша!

Маша (*за кулисами*). Сейчасъ, маменька! сейчасъ будетъ готовъ!

Устинья. Не надо кофею! Ступай сюда скорѣе!

Чистовъ (*подходитъ къ Молотову*). Милостивый государь, а что если вы намъ ничего не докажете, и свѣтъ-то останется на своемъ мѣстѣ.

Молотовъ. Я не докажу?... И свѣтъ останется на мѣстѣ?... Несчастный!...

Чистовъ. Что вы намъ тогда скажете?

Молотовъ. Что я скажу?...

Чистовъ. Если онъ простоитъ еще годъ, два года, три года, однимъ словомъ несчетные годы?

Молотовъ. Простоитъ годъ, два года, три года, и даже несчетные годы?

Чистовъ. Да-съ! что тогда?

Молотовъ (*неистово*). Чашку съ водой! Дайте мнѣ чашку съ водой!

Чистовъ. Нѣтъ, вы мнѣ скажите прежде....

Молотовъ. Ради Бога, чашку съ водой!... сейчасъ-же.... сію-минуту!...

Солонкинъ (*женѣ*). Устинья! Что-жъ ты стоишь? Вѣдь слышишь, надобно чашку съ водой? Поди, принеси! (*Устинья уходитъ.*)

Молотовъ. Я ему докажу! я ему покажу! я ему разскажу! я ему....

Чистовъ. Не стращайте! не стращайте!

—

XI.

ТѢЖЕ, МАША и УСТИНЬЯ съ чашкой.

Устинья. Ну, вотъ и вода.

Молотовъ. Хорошо. Столъ сюда, на середину! (*Солонкинъ приноситъ столъ.*)

Молотовъ. Чашку на столъ.

Устинья (*ставитъ чашку*). Тутъ что-ли?

Молотовъ. Тутъ!

Устинья (*Чистову тихо*). Что это онъ, не ворожить-ли хочетъ?

Чистовъ (*тихо*). Нѣтъ, не ворожить, а обморачивать; да ему не удастся.

Молотовъ. Теперь приступимъ къ дѣлу. Скажите мнѣ: видите-ли вы что-нибудь въ этой водѣ?

Всѣ (*заглядываютъ въ чашку*). Нѣтъ, мы ничего не видимъ.

Молотовъ. Прекрасно! дайте мнѣ листъ бумаги, — скорѣе листъ бумаги! (*Всѣ суетятся, отыскивая бумагу.*)

Чистовъ (*находитъ бумагу и подаетъ Молотову*). Вотъ извольте.

Маша (*Чистову*). Ахъ, что вы дѣлаете, Иванъ Иванычъ! Вѣдь это моя выкройка!

Чистовъ. Ничего съ, мы его обрѣжемъ!

Молотовъ. Теперь вниманіе!... (*Дѣлаетъ изъ бумаги шаръ.*) Видите-ли вы эту штуку?... Отвѣчайте всѣ!

Всѣ. Ну, да, видимъ!

Молотовъ. Это, съ позволенія сказать, земной шаръ!

Маша. Неправда, неправда! это моя выкройка.

Молотовъ. Тсъ!—молчите! А не то я уйду и вы погибнете безъ всякаго доказательства!

Солонкинъ (*Машѣ*). Молчи, Машурочка! (*женѣ*) Смотри ты у меня и не пикни!

Устинья (*мужу*). Да что ты привязываешься? я и безъ того молчу.

Солонкинъ. И не дыши!

Молотовъ. Тише! Боже мой! тише!—Смотрите! Вотъ здѣсь въ этой чашкѣ вода! Но это не простая вода, она представляетъ океанъ!—Понимаете-ли вы, что значитъ океанъ?

Устинья. Какъ же! я и сказку читала: «на морѣ на океанѣ, на островѣ на буянѣ...» (*Солонкинъ щиплетъ жену.*) Ой! что ты щиплешься?

Солонкинъ. А кто тебя проситъ сказки-то разсказывать. Вѣдь сказано молчать!

Молотовъ (*поднимая чашку и надъ ней бумагу*). Теперь главное вниманіе.... (*Обращаясь къ Чистову.*) Молодой человѣкъ еще листъ бумаги!

Чистовъ (*бросается искать бумаги*). Да больше нѣтъ.

Молотовъ. Гдѣ-нибудь да отыщите! Безъ этого нельзя!

Чистовъ (*роется въ маленькомъ столикѣ и вынимаетъ листъ бумаги*). Вотъ, вотъ, нашелъ!

Солонкинъ (*вырываетъ у него бумагу*). Постойте! это мой аттестатъ изъ дирекціи.

Молотовъ. Все равно; онъ теперь болѣе не нуженъ.

Солонкинъ. Ну, нѣтъ, Степанъ Степанычъ, ужъ извини!... этого я ни за что не дамъ.

Молотовъ. Такъ вотъ что: давайте сюда мой вексель.

Устинья. Какъ бы не такъ! онъ у меня въ коммодѣ запертъ.

Маша (*которая въ это время уходила въ другую комнату, приноситъ афишку*). Извольте-съ.

Молотовъ. Что это, театральная афишка?... Ну, все равно! (*Солонкину.*) Андрей Алексѣичъ! сдѣлайте мнѣ еще такой шаръ!

Солонкинъ. Зачѣмъ?

Молотовъ. На запасъ! Если этотъ уничтожится.

Солонкинъ. Степанъ Степанычъ! А что же будетъ тогда, когда ничего не будетъ.... то есть, какъ бы это сказать.... ну, когда свѣтъ-то разрушится?

Молотовъ (*съ упрекомъ*). Андрей Алексѣичъ! Прикуси языкъ! Вѣдь я, кажется, просилъ помолчать?

Солонкинъ. Ну, виноватъ, виноватъ.

Молотовъ (*Машѣ*). Дайте мнѣ свѣчу!

Маша (*подаетъ ему свѣчку зажженую*). Вотъ вамъ и свѣчка-съ.

Молотовъ (*беретъ свѣчку въ правую руку.*) Смотрите! здѣсь, въ лѣвой рукѣ, шаръ земной съ окружающимъ его океаномъ, — здѣсь, въ правой рукѣ, сальная свѣчка, которая представляетъ.... вниманіе!... не развлекайтесь!... которая представляетъ уже не сальную свѣчку, но разрушительную комету... (*Отдаляетъ свѣчку.*) Въ этомъ отдаленіи, въ которомъ я теперь держу комету отъ земнаго шара, они не оказываютъ другъ друга никакого дѣйствія.... тутъ они находились 5 числа. (*Приближаетъ свѣчу.*) Въ этотъ же день она прошла 7000 верстъ! (*Еще приближаетъ.*) 6 числа опять 7000, наконецъ 7-го она трогается и пускается въ послѣднее путешествіе.... Ну-съ!... Теперь она со всего маху столкнется съ землею.... Смотрите. (*Онъ такъ сильно ударяетъ свѣчею въ шаръ, что она гаснетъ, а шаръ сплющивается.*) Хлопъ! Вотъ вамъ! хоть комета отъ сильнаго толчка и погасла, но за то смотрите, въ какомъ несчастномъ положеніи наша бѣдная земля! Ну, что-съ? Правъ-ли я?

Солонкинъ (*съ восторгомъ*). Побѣдилъ! совершенно побѣдилъ!

Маша (*тихо Чистову*). Ну вотъ, а вы говорили, что все это неправда....

Чистовъ. Погодите, погодите, мы его выведемъ на чистую воду!

Молотовъ (*Устиньѣ*). Зажгите опять свѣчу!

Устинья (*зажигаетъ и подаетъ ему*). Экія страсти!

Молотовъ. И такъ вы удостовѣрились, что въ десять часовъ вечера, мы будемъ также сплющены, или смотрите! (*Приближаетъ медленно свѣчу къ другому взятому имъ шару.*) Комета приближается къ землѣ.... идетъ тише.... уничтожаетъ ее, сплавляетъ въ массу и наконецъ.... (*Зажигаетъ шаръ.*) сожигаетъ.... какъ показываетъ эта фигура!

Чистовъ. И все это случится въ десять часовъ?

Молотовъ. Ровно въ десять изъ минуты въ минуту, и изъ секунды въ секунду! ужъ у меня такъ расчитано.

(*За кулисами слышенъ бой часовъ.*)

Солонкинъ. Постойте!... сколько это бьетъ?

Чистовъ (*смотритъ на карманные часы*). Аккуратно десять часовъ!

Молотовъ (*всторону*). Ахъ, чортъ возьми! оборвался! (*Окружающимъ.*) Падайте скорѣй на землю! всѣ на землю!

Всѣ. Зачѣмъ? что это значитъ?

Молотовъ (*наклоняя Солонкина*). На землю! слышите-ли; на землю! Теперь ужъ уходить поздно! зажмурьте глаза и лежите смирно!

Устинья. Охъ, батюшки! что съ нами будетъ?

Солонкинъ. Прощай, бѣлый свѣтъ!

Маша. Экая я несчастная! и бурнуса-то не обновила.

(*Всѣ ложатся на землю и закрываютъ глаза.*)

Молотовъ (*всторону*). Ну, теперь, давай Богъ ноги! а то пожалуй за мои астрономическіе выводы меня отсюда выведутъ, да и сведутъ къ городничему! (*Тихонько уходитъ.*)

(*На сценѣ нѣсколько времени продолжается молчаніе.*)

Солонкинъ (*приподымая голову, но не открывая глазъ*). Степанъ Степанычъ!... А Степанъ Степанычъ!.... голубчикъ!... скороли мы провалимся?.... у меня спина заболѣла лежать нагнувшись.... что же онъ молчитъ?... Степанъ Степанычъ!... да неужели они всѣ провалились и оставили меня одного?... Постой! — Жена?...

Устинья (*съ закрытыми глазами*). Что тебѣ?

Солонкинъ. Маша!

Маша. Я здѣсь, тятинька!

Солонкинъ. Иванъ Иванычъ!

Чистовъ. Что вамъ угодно?

Солонкинъ (*вскакивая и открывая глаза*). Какъ! такъ вы всѣ здѣсь?... А Степанъ Степанычъ! Гдѣ, Степанъ Степанычъ?

Всѣ. Мы не знаемъ.

Солонкинъ (*бьетъ себя по лбу*). Ахъ, чортъ возьми! Онъ насъ одурачилъ! онъ насъ осрамилъ! онъ насъ разорилъ! Подайте мнѣ его разбойника!... Ахъ, я болванъ, болванъ!

Устинья. Вѣдь я тебѣ это давно говорила....

Солонкинъ. Убирайся!... Что мнѣ теперь дѣлать? Я роздалъ всѣ деньги, намъ нечего будетъ ни пить, ни ѣсть, а послѣ завтра выгонятъ изъ дому!

Чистовъ. Успокойтесь, Андрей Алексѣичъ! ничего этого не будетъ!

Солонкинъ. Какъ?...

Чистовъ. Я давича заходилъ въ почтамтъ и почтмейстеръ мнѣ сказывалъ, что вамъ присланъ изъ Петербурга пенсіонъ за цѣлые полгода.

Солонкинъ. Слава тебѣ Господи! — Но вѣдь это будетъ мало, чтобы раздѣяться съ купцомъ Охомяткинымъ.

Чистовъ. А я-то чему учился? Возьмите у меня, я завтра получу награду!

Солонкинъ (*обнимая его*). Соколикъ ты мой, Иванъ Иванычь! чѣмъ мнѣ заплатить тебѣ?

Чистовъ (*показывая на Машу*). Да ужъ нельзя-ли вотъ этимъ-съ?...

Солонкинъ (*беретъ Машу за руку и подводитъ къ Чистову*). Вотъ тебѣ моя уплата, живите богато!

Устинья. Ухъ, батюшки! какъ гора съ плечъ свалилась! Ну, надѣлала намъ хлопотъ эта комета.

Солонкинъ. Ты молчи! Вспомни только, что эта комета можетъ мнѣ напомнить театральнаго музыканта. — Однако-жъ, пойдемте ужинать!

Устинья. Да что ты будешь ужинать-то? Вѣдь ничего нѣтъ: ты самъ же давича послѣ обѣда велѣлъ отдать все кушанье собакамъ.

Солонкинъ. Какъ! такъ и спать-то приходится на тощакъ?

Устинья. Да видно что такъ!

Солонкинъ. Охъ! какъ это невкусно!

Мы возилися съ кометой,
Насъ пугалъ десятый часъ;
Но неужли шуткой этой
Разсердить успѣли васъ?
Васъ добрѣе нѣтъ на свѣтѣ!
Можно смѣло утвердить,
Такъ за что-жъ бы и къ кометѣ
Вамъ поласковѣй не быть?

9901.
Ленинградская Театральная Библиотека имени А. В. Луначарского

«ПАНТЕОНЪ»

состоитъ изъ 12 книжекъ въ годъ, въ 20 листовъ печатныхъ каждая, и выходитъ въ половинѣ каждаго мѣсяца. Въ *„Репертуарѣ Русской сцены“* печатаются всѣ лучшія новѣйшія явленія на русскомъ театрѣ. Къ Пантеону прилагаются ноты для фортепьяно и пѣнія, романсы, аріи, куплеты, танцы, и картинки.

Цѣна за 12 книгъ „Пантеона“, при нихъ 12 №№ „Репертуара Русской сцены“, съ картинками и нотами:

12 руб. сер., съ доставкою и пересылкою 13 р. 50 коп. сер.

Подписка принимается въ Конторахъ:

въ С. Петербургѣ въ Главной Конторѣ, въ книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ: въ Университетской книжной лавкѣ И. В. Базунова.

Издатель долгомъ считаетъ увѣдомить, что даже и тѣмъ лицамъ, которыя подписались-бы на „Пантеонъ“ не въ началѣ года, журналъ этотъ будетъ доставленъ *вполнѣ*, начиная съ *перваго нумера* и *со всѣми приложеніями.*

Кто пожелалъ бы имѣть „Пантеонъ“ за 1848 и 1850 годы, оба года вмѣстѣ, или каждый отдѣльно, оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, тотъ можетъ получить ихъ изъ „Главной Конторы Пантеона“ въ С. Петербургѣ. Для новыхъ-же подписчиковъ на 1851 годъ, съ этихъ изданій дѣлается, по сношенію съ Главной Конторой журнала, уступка. (Въ 1849 г. Пантеонъ не издавался.)

Редакція „Пантеона“ находится близъ Чернышева моста, въ домѣ Лыткина, куда и просятъ обращаться всѣхъ, имѣющихъ до нея нужду.

Редакторъ *Ѳ. Кони.* — Издатель *В. Печаткинъ.*